

**МАТЕРИАЛЫ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СМОЛЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ**

СМОЛГИЗ 1952

1986

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЫПУСК I

Редколлегия { Отдел истории — кандидаты исторических наук
Д. П. Маковский, М. З. Хенкин.
Отдел природы— Профессор *Г. Л. Граве.*
Редактор сборника *Д. И. Будаев.*

ИСТОРИЯ

Д. П. МАКОВСКИЙ

К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЕВЕРНЫХ СЛАВЯН (КРИВИЧЕЙ)¹

Выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания явились важнейшим этапом в развитии советской исторической науки.

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания — выдающийся вклад в сокровищницу марксистско-ленинской науки об обществе. И. В. Сталин в своих выступлениях по вопросам языкознания разоблачил антимарксистский, антинаучный характер марровского «учения». Тем самым были устранены все преграды перед советскими историками, лингвистами, этнографами в изучении истории нашей Родины. И. В. Сталин указал, «что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»². Исключительно большое значение имеют труды И. В. Сталина по вопросам языкознания для историков, занимающихся разработкой очень сложной и трудной проблемы — происхождения народов и в частности восточно-славянских племен.

Как совершенно справедливо отмечает М. И. Артамонов, «в вопросах происхождения и древнейшей истории славян еще много неясного, предположительного, спорного»³.

В вопросе происхождения северных славян, особенно кривичей, еще менее ясности, чем в общей проблеме происхождения славян.

¹ Статья печатается в порядке обсуждения.

² Сталин И. В., Относительно марксизма в языкознании, 1950, стр. 28.

³ Артамонов М. И., Происхождение славян, Л., 1950, стр. 51.

В данной работе делается попытка поставить ряд вопросов и высказать некоторые предположения по ним. Данная работа ни в какой мере не претендует на разрешение важнейших моментов происхождения северных славян.

Главным тормозом в разрешении вопросов происхождения и древнейшей истории славян является скудость источников. Академик Б. Д. Греков совершенно справедливо подметил, что «для древнейшей поры нашей истории скудность письменных источников наша современная наука пытается восполнить путем привлечения к решению стоящих перед нею задач и новых самых разнообразных материалов. Это — памятники материальной культуры, данные языка, пережитки самого русского народа, а также пережитки и быт народов Союза ССР, еще недавно стоявших на низших ступенях общественного развития и др. Но и расширение круга источников все же еще не дает нам возможности полностью разрешить стоящие перед нами проблемы и проникнуть в покрытое мраком далекое прошлое. Археология при всех своих больших успехах, особенно за последнее время, все же в силу специфичности своего материала и методов его изучения часто бессильна ответить на ряд стоящих перед нами задач; лингвистика не только ограничена в своих возможностях, но далеко не всегда дает нам даже то, что может дать. Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но тем не менее и этого недостаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность.

Нельзя себя утешать и тем, что с момента появления письменных памятников положение историка делается совершенно иным, что письменные источники способны окончательно вывести нас из области более или менее обоснованных предположений...

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, делающие наши исторические выводы в значительной мере условными, ни одно поколение историков не отказывалось погружаться в дебри сложных туманностей, и искать в них истоки тех общественных явлений, которые

никогда не переставали и едва ли когда-нибудь перестанут волновать человеческую мысль. Это не любопытство, а потребность»¹.

При написании работы нами были использованы материалы археологии, данные лингвистики и фольклора и, наконец, письменные источники, освещающие вопросы, связанные с происхождением и древнейшей историей северных славян. И все же нам не удалось вырваться «из области предположений».

Для того, чтобы дать более или менее обоснованные ответы на поднятые нами вопросы, необходима длительная и упорная работа представителей различных областей знания, как-то: историков, археологов, этнографов и языковедов. «Только путем пытливых исследований всей совокупности имеющихся данных на основе диалектико-материалистического метода, руководствуясь мудрыми указаниями товарища Сталина, можно справиться с этой сложной и трудной, но в то же время и весьма важной проблемой»².

Многочисленные археологические памятники, разбросанные на территории Смоленской области, говорят, что задолго до нашей эры здесь имелось большое количество поселений первобытного человека. Археологические экспедиции на Смоленщине дали богатый материал, который позволяет несколько приподнять завесу с таинственного прошлого нашего края. Редкие области русской земли так богаты памятниками — свидетелями далекого прошлого. По Смоленской области разбросано свыше 10.000 курганов, сотни городищ и селищ. Только Гнездовский могильник насчитывал около 5 000 курганов.

На территории области можно наблюдать несколько кустов курганов, городищ, а также стоянок первобытного человека: 1) Смоленско-Касплянский, 2) Смоленско-Сожинский, 3) Дорогобужско-Угорский, 4) Днепровско-Вазузский, 5) Ипутский, 6) Деснянский и 7) Вольско-Межский.

Раскопки и изучение смоленских курганов и городищ, предпринятые рядом ученых (Кусцинский, Уваров, Сизов, Спицын, Соколов, Лявданский и др.), охватили

¹ Греков Б. Д., Киевская Русь, 1949, стр. 10—11.

² Артамонов М. И., Происхождение славян, Л. 1950, стр. 51:

незначительную часть — около 700 курганов и несколько городищ. Ряд районов (Ипутский, Деснянский, Восько-Межский) остались еще не только неизученными, но даже необследованными.

Смоленская земля уже в древнейшие времена была довольно густо заселена людьми. Как утверждает один из крупнейших исследователей смоленских древностей А. Н. Лявданский, «Смоленская губерния — одна из богатейших в России археологическими памятниками. В ней зарегистрировано уже около двух тысяч селений, близ которых имеются те или иные археологические памятники»¹.

Такая густота пунктов бытования древнего человека на территории Смоленской области объясняется прежде всего ее исключительным географическим положением и благоприятными для жизни человека природными условиями.

Как известно, Смоленская земля расположилась в верховьях важнейших речных бассейнов — Днепровского, Волжского, Западно-Двинского и их многочисленных притоков, особенно таких, как Десна, Сож, Ипать Угра, Ока, Вазуза, Обша, Межа, Каспля и др. Только вокруг Смоленска в радиусе 10—12 км имелись 22 речки, притоки Днепра, как-то: Смолянка (ныне Георгиевский ручей), Родницкая, Чуриловка, Смядынка, Кловка, Ясенная, Русановка, Белая, Ольша, Свинка, Дубровенька, Полежанка, Серебрянка, Шкляная, Городянка, Вязовенька, Стабна, Колодня, Волчанка, Дресна, Рачевка, Рачевка вторая.

«Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является *определяющим* влиянием, так как изменения и развитие общества происходит несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды»².

Географическая среда Смоленской земли и, прежде

¹ Научные известия Смоленского университета, т. III, 1926, стр. 179.

² История ВПК(б), Краткий курс, стр. 113.

всего, ее расположение на верховьях важнейших рек, которые связывали Европу с Азией, северные районы восточной Европы с Югом, безусловно, явилась уско-ряющим моментом в развитии производительных сил.

В древние времена передвижение и расселение людей происходило преимущественно по рекам, которые были тогда, особенно в болотисто-лесных районах, единственными путями передвижения, а также важнейшими источниками добывания пищи.

Кроме этого, реки в те и более поздние времена служили единственными торговыми путями. В течение многих столетий важнейшие торговые пути из Европы в Азию и обратно проходили через Смоленскую землю.

Из Смоленска эти пути расходились веером:

Северный — с двумя направлениями: 1) через реки Касплю, Западную Двину, Усвяч-Кунью, Ловать; 2) из Днепра по рекам Вотря, Вопь волоком в приток Гобзы и Аржати в Западную Двину.

Южный — вниз по Днепру в Черное море.

Западный путь с двумя направлениями: 1) из Днепра в Катынь, затем Купринское озеро, реку: Взгорню, волок в реку Выдру, Клец, Касплю и Западную Двину; 2) из Днепра в реку Ольшу волоком в приток: реки Выдры, Молодую, Касплю, в Западную Двину.

Восточный путь шел вверх по Днепру и имел три направления: 1) около Дорогобужа из Днепра по реке Рясне волоком в приток Угры, затем Ока, Волга; 2) из верховий Днепра волоком в реку Лосьминку и из нее в Вазузу и Волгу. Кроме этого был более кружный путь из Днепра по реке Вязме, откуда волоком в приток реки Вазузы — речку Касню, около деревни Лубни.

Из реки Вязмы имелся речной путь в бассейны рек Угры и Оки, как-то: из Вязмы по ее притоку Медынке в Безымянное озеро (севернее деревни Лядо), из этого озера по речке Лосьминке, которая начиналась в озере, в реку Угру.

Помимо этих основных путей, которые связывали Смоленск с Европой и Азией, через Смоленскую землю пролегли второстепенные пути, связывающие отдельные русские княжества и смоленские районы.

Таким был путь из верховья реки Сожа в Днепр волоком около Смоленска. Из бассейна рек Сожа и Ипуты..

по реке Воронице волоком в приток реки Десны в Дубровском районе. Из реки Десны севернее Ельни был волок в приток реки Угры. По этому пути иногда передвигались из Северной земли в Ростово-Суздальскую, минуя враждебный им Смоленск. Другой путь из Северной земли на северо-восток проходил, минуя Смоленщину, по Десне в Болву, из нее — по притоку Овсорок, около села Судимира, волоком в реку Велию, приток реки Ресеты, а из нее в Жиздру и дальше в Оку. Имелся также путь из верховьев реки Десны по ее притоку Стряме волоком в реку Волость — приток Днепра.

В исторической литературе утвердилось мнение, что путь «из варяг в греки», из Днепра в Западную Двину, проходил мимо Гнездова по реке Ольше, из нее небольшим волоком в речки Молодую, Выдру, Клец, а потом в Касплянское озеро, в реку Касплю, Западную Двину и дальше в Новгородскую землю.

Но это направление новгородского варианта «пути из варяг в греки» при тщательном изучении Архангелогородской летописи оказалось в противоречии с указанием летописца о пути следования ватаги Аскольда и Дира и армии князя Олега. Очень подробное описание прихода Олега к Смоленску позволяет предположить, что Архангелогородский летописец в освещении этого события пользовался древней Смоленской летописью, которая до нас не дошла. Архангелогородский летописец говорит, что Аскольд и Дир с отрядом «пойдоша из Новгорода на Днепр и идучи мимо Смоленск и не явистая к Смоленску, зане град велик и мног людьми. И приплыста под горы киевские и узреста на горе градок мал»¹. Под 882 годом говорится, что Олег, отправляясь из Новгорода на юг, «и приде к Смоленску с кривичи и стал верх града и шатры из ставища многи разноличны цветы»².

Если бы Аскольд и Дир, а несколько позднее Олег, двигались по Касплянско-Ольшанскому (или Гнездовскому) пути, то, следуя на юг, первые не смогли бы проезжать «мимо» Смоленска (так как Смоленск стоял выше, северо-восточнее Гнездова-Ольши), а второй

¹ Архангелогородская летопись под 865 г.

² Архангелогородская летопись под 882 г.

(Олег) не смог бы стать лагерем «верх» Смоленска. Это противоречие побудило нас провести обследование Смоленского района. Пользуясь материалами А. Н. Лявданского, Тарасенко и других, мы особенно тщательно обследовали территорию Пениснарского и Стабнянского сельских Советов. И оказалось, что верховье речки Стабны, которое подходит близко к озеру Пениснарь, и само это озеро богато курганами и городищами — Стабнянское, Заборьевское, Леонтьевское (на болоте), Дубровское и Пениснарское, которые расположены на расстоянии 4—5 км друг от друга. В подножьи Заборьевского городища расположено болото, из которого начинается речка Стабна. Из этого же болота с северо-западной стороны берет начало безымянный ручей, впадающий в озеро Пениснарь. Из озера Пениснарь вытекает речка Пениснарь и впадает в реку Лушчанку. Лушчанка течет в Жереспею, а последняя — в реку Касплю, а Каспля — в Западную Двину.

Речка же Стабна впадает в Днепр выше Смоленска. Таким образом, из одного Заборьевского болота брали начало речки двух бассейнов — Днепровского и Западнодвинского.

Из расспросов гражданина Сержкина — бригадира рабочих, добывавших в течение нескольких лет торф на Заборьевском болоте, удалось узнать, что в 1937 году почти на середине болота на глубине 1,5 м они обнаружили лодку-долбленку. Извлечь ее оказалось невозможным, так как от долгого нахождения в болоте она почти обуглилась. Кроме лодки, рабочие находили черепки от посуды, монеты и разные мелкие вещи, на которые не обращали внимания. находка лодки в середине болота позволяет предположить, что некогда, в отдаленные времена, болото представляло озеро, по которому плавали в лодках. Из этого озера-болота брала начало речка Стабна, впадающая в Днепр, и ныне безымянный ручей, впадающий в озеро Пениснарь, связанное с Западной Двиной.

В конце XIX века среди населения Смоленского уезда еще была жива память об озере у деревни Заборье (где ныне находится пересохшее болото), из которого вода текла в два моря — Балтийское и Черное.

Таким образом, из Западной Двины в Днепр можно

было в древнее время проехать по Пениснарскому и Заборьевскому озерам без волока, и расстояние пути по этой линии было меньше, чем по Касплянско-Ольшанскому (Гнездово). Этот путь с севера на юг был прямее гнездовского. Этим путем и воспользовались Аскольд, Дир и Олег. В первом случае можно было проплыть «мимо», а во втором расположиться лагерем «верх» Смоленска, так как речка Стабна впадает в Днепр выше Смоленска (4—5 км).

Этот путь и надо считать новгородским, или северным, вариантом знаменитого пути «из варяг в греки». Но был и другой путь «из варяг в греки», так называемый смоленский, или западный, вариант, которым чаще пользовались арабы и всегда смоленские кривичи. Он шел от Смоленска, из Днепра по Катынке в Купринское озеро, Взгорню, волоком в речку Выдру, Клец, Касплянское озеро, Касплю, Западную Двину и Рижский залив. Этот путь в VII — X веках представлял бойкое место, по которому двигались купеческие караваны с востока на запад и обратно.

Путь вверх по Днепру с двумя ответвлениями около нынешнего Смоленска — в Балтийское море и на Урал — был известен жителям Причерноморья, и они им пользовались с древнейших времен. Справедливо замечает академик Б. Д. Греков, что «та часть территории Восточной Европы, которая стала ареной деятельности славянских племен, т. е. Поднепровье, Поильменье и Окско-Волжский бассейн, издавна служила местом оживленного торгового обмена. Археологические данные говорят об очень почтенной древности этой торговли»¹.

Задолго до нашей эры с побережья Рижского залива по Западной Двине и Днепру вывозили в Грецию янтарь. Геродот указывает, что янтарь привозят с реки Эридан, а Плиний говорит, что эта река находится на севере. И старые историки², а также и В. В. Лагышев в своих комментариях к известиям древних писателей отождествляют Эридан с Западной Двиной. Правда, Геродот указывает, что на севере, на пути за янтарем, живут людоеды, а на востоке, на Урале, живут разные чудови-

¹ Греков Б. Д., Киевская Русь, 1944, стр. 249.

² Карамзин Н. М., История государства Российского 1842, прим. к т. 1, стр. 10.

ша — люди с козлиными ногами, циклопы и «стерегущие золото грифы»¹.

Но эти басни усиленно распространяли торговцы янтарем и золотом с целью не допустить новых конкурентов и набить и без того высокую цену на янтарь и драгоценные металлы. Как сообщает академик Н. С. Державин, «специальные химические исследования установили, что оказавшийся в микенских могилах XIV — XII вв. до н. э., а также в египетских гробницах эпохи V династии (третье тысячелетие до н. э.) янтарь именно северного происхождения»².

Геродот рассказывает и о восточном направлении Днепровского пути к Уральским горам. Он говорит, что о стране и о племенах, обитающих около Уральских гор, имеются достоверные сведения: к ним ходят некоторые скифы, от которых не трудно добыть сведения, равно и от эллинов из торжища Борисфена.. «Те из скифов, которые приходят к ним, ведут свои дела при помощи семи переводчиков на семи языках»³.

Таким образом, торговый путь по Днепру с двумя разветвлениями в верховья (на запад и восток) был известен, и по нему путешествовали торговцы янтарем и дорогими металлами задолго до нашей эры.

А. В. Арциховский говорит, что «неизвестно, попадали ли отдельные греки и римляне в средне-русские леса. Кое-кто, вероятно, ездил для торговли. Иначе непонятно, откуда, например, Птолемей во 2-м веке н. э. знает слияние Волги и Камы или, как он говорит, двух рек, составляющих реку Ра, и даже знает очень точные (особенно для того времени) координаты этого слияния»⁴.

На рубеже нашей эры жителями верховьев Днепра велась оживленная торговля с греками и римлянами. Подтверждением этого могут служить многочисленные монеты, найденные на территории Смоленской губернии и хранившиеся в свое время в Смоленском музее. Здесь имелось свыше 130 монет конца прошлой и начала на-

¹ Вестник древней истории, т. 2, 1947, стр. 264.

² Державин Н. С., Происхождение русского народа, 1944, стр. 22.

³ Вестник древней истории, т. 2, 1947, стр. 263.

⁴ Арциховский А. В., Введение в археологию, 1947, стр. 101.

шей эры. Среди них: римских — 104 (цезаря Клавдия, Диоклетиана, Марка Аврелия и др.), греческих и их колоний (Ольвия, Херсонес) — 25, византийских раннего периода (Василия I, Валента, Андриана) — девять.

Благоприятными условиями для жизни людей на Смоленщине явилось не только обилие рек, которые были исключительно богаты рыбой и дорогими видами пушного зверя (бобры, выдры). И другие особенности ландшафта и местности способствовали заселению края людьми. Здесь большую роль сыграла так называемая Смоленская возвышенность. В обстановке огромных массивов болот северной полосы страны эта возвышенность привлекала человека своими удобствами добывания пищи. Лиственный-сосновый лесной покров Смоленской возвышенности являлся благоприятной средой обитания диких пчел, а в дальнейшем для развития бортничества.

Подзоло-суглинистые почвы возвышенности позволили поселенцам Смоленщины с древнейших времен успешно заниматься земледелием. Эти почвы, обогащенные зольными элементами от сжигания деревьев и трав, приносили человеку неменьший урожай, чем южный чернозем.

Девственные смоленские леса изобиловали дичью, самыми разнообразными породами зверей, диких животных. Стада оленей, лосей, кабанов, коз бродили по смоленским лесам и доставляли человеку пищу.

О разнообразии пушного зверя и прежде всего его дорогих экземпляров говорят подарки князя Ростислава Святославу Ольговичу. Здесь мы видим шкуры соболей, горностаев, черных кунц, песцов и белых волков.

Смоленская земля богата и ископаемыми. Здесь имеются многочисленные залежи болотных железных руд. Только вокруг Смоленска в радиусе 30—40 км во второй половине XVII века, были обнаружены и эксплуатировались железнорудные месторождения: на реке Ольше, на реке Березанке, на пустоше Белая Грива около деревни Колодезей, около деревни Ракитинской, Искосицы, Ульфовой Слободы, Рукино, Хмары, Буризы, Тяполово Горки, Бешенки, Каспли¹.

¹ Историк-марксист № 1 за 1935 год, раздел «Документы», стр. 63—81.

Кроме этого, были обнаружены залежи железных руд: по реке Вопа около села Хотино, Лютеленицы, Починнок, Крапивны, Жуково, Печаничи, Катыревщина, Бородулино, Белая церковь, по реке Хмость около Вачково, по реке Днепру около Заболина, Селецкого, Парстанки, Городец, Сверколучье, Березань, по реке Уже около деревни Калиты, Громако, Машутино, по реке Десне около деревни Шуяровой, Холмы, по реке Угре около села Торжок, Захарьево, по реке Воропе около деревни Завароны.

Вот это богатство месторождений железных руд благоприятствовало раннему развитию на Смоленщине производства самых разнообразных предметов из железа.

Древние поселенцы Смоленщины

Как указывают археологические обследования Смоленской губернии (явно незначительные), на ее территории обнаружены различного рода следы жизни людей в древнейшее время.

В Смоленской области обнаружены и обследованы одна палеолитическая¹ и свыше 20 неолитических стоянок. Кроме этого, более чем в 170 пунктах были найдены отдельные предметы, орудия, относящиеся к каменному веку. Эти находки сплошь и рядом носили случайный характер. Систематическое изучение области еще не производилось и многое еще не выявлено. Но даже пользуясь уже собранными материалами, можно сделать некоторые выводы о жизни и деятельности поселенцев области за несколько тысяч лет до нашей эры.

Археолог А. Н. Лявданский с помощью местных любителей старины произвел раскопки нескольких неолитических стоянок и дал подробное их описание.

Наиболее крупная стоянка обнаружена около села Катынь и Купринского озера, на перевалочном пути из Днепра в Касплю. Первыми находками у села Катынь

¹ В 1926/27 году А. Лявданский обследовал верхне-палеолитическую стоянку близ деревни Гамково в овраге, около реки Уфиньи. Здесь в лесной толще, на глубине до 4 м., обнаружено большое количество костей носорога. По рассказам местных жителей, здесь находили кремневые осколки.

были топор из серозеленого камня и нож из темного кремня. Ученики катынской школы нашли на пахоте на склоне холма, у южной части Купринского озера каменный топор и обломок кремневой стрелы. Потом здесь было найдено несколько проколов из кремня, пластинок и т. д. В итоге по речке Катынке и вокруг Купринского озера найдено свыше двух сотен предметов, сделанных из камня, а также много черепков груболепленной посуды.

Еще более богатые материалы найдены в неолитических стоянках на юго-восточной стороне Смоленска, близ деревень Нижних и Верхних Немыкарей, по левой и правой сторонам Днепра.

На примере Нижнемыкарской стоянки можно наблюдать, где и как древний человек выбирал место для поселения. Эта стоянка расположена на дюнном песчаном бугре левого берега Днепра. Это место было покрыто сосновым лесом. С северной стороны стоянка защищалась Днепром. С южной и юго-западной она прикрывалась топким болотом, которое тянулось на 4—5 км. Болото по западной стороне соединялось с Днепром небольшой речкой (ныне пересохшей). Таким образом, стоянка довольно надежно прикрывалась с трех сторон.

При раскопках стоянки обнаружены два глинобитных очага. По краям очагов с восточной и юго-восточной сторон сохранились следы стенок жилья. В первом очаге обнаружены куски обожженной глины с отпечатками хвороста. Это позволяет предположить, что стены жилья были сделаны из хвороста мелких деревьев мягкой породы и обмазаны глиной толщиной до 5 см. Пол жилья был немного ниже краев дюны, но на 160—170 см выше уровня болота. Он был обмазан темносерой глиной толщиной до 30 см. В середине пола имелось углубление для костра.

На месте стоянки было найдено много орудий (топоры, скребки, клинья, миниатюрные каменные наконечники стрел, сверла и т. д.), а также большое количество крупных и мелких пластинок и черепков груболепленной посуды из красной глины¹.

¹ Научные известия Смоленского университета, т. IV, вып. 3, 1927, стр. 220—224.

Верхненемыкарская стоянка, расположенная на правом берегу Днепра, в 1,5 км от Нижненемыкарской, ничего нового не дала.

В 30—40 км восточнее Смоленска, у деревни Заболотье, на левом берегу Днепра, у старого русла реки в 1926 году были обнаружены два очага неолитической стоянки. Здесь на пахоте было найдено до 50 кремневых пластинок и осколков, несколько обломков стрел, скребло, 10 скребков, клинья и много черепков из сероватой глины с примесью дресвы.

Семь стоянок были обнаружены около Дорогобужа: у деревни Хотычи, у села Бизюково, у деревни Алексейково, у деревни Бабаево, у деревни Хролопово. Все эти стоянки размещались по реке Днепру — четыре с правой стороны и три с левой. Помимо обычных, уже перечисленных предметов, здесь найдены каменные наконечники копий и костяной гарпун. При обследовании стоянки у озера Большая Карута установлено, что люди жили не только на песчаном холме, но и частично селились на болоте, где, по рассказам жителей, при рытье канавы для осушки болота были обнаружены свай.

По утверждению археолога Лявданского, в двух стоянках (у озера Большая Карута и под Дорогобужем) были обнаружены мастерские кремневых орудий.

Неолитические стоянки были также обнаружены и вблизи деревни Боровщины, на песчаной дюне правого берега реки Вязьмы и у села Екимовичи, на правом берегу реки Десны, а также близ деревни Печкуры, на левом берегу реки Стомяти, где были найдены предметы, относящиеся к фатьяновской культуре.

Помимо описанных стоянок, на территории области зарегистрировано свыше 170 пунктов, где были обнаружены отдельные орудия и предметы каменного века.

Пользуясь перечнем населенных пунктов, где были найдены эти предметы и орудия, нами была произведена известная систематизация мест находок по бассейнам рек. Количество находок каменного века по бывшим уездам распределяется далеко не равномерно. Больше всего их обнаружено в Рославльском уезде, в южной части губернии.

Необходимо заметить, что как обнаруженные стоянки,

так и пункты, где найдены отдельные предметы, расположены исключительно около водных путей. Отсюда можно сделать вывод, что человек каменного века селился у рек и озер. Такое расселение объясняется рядом причин: а) на этом этапе развития одним из главных занятий человека было рыболовство; обилие рыбы позволяло плохо вооруженному человеку добывать себе пищу; б) реки, болота, как видно из описания Нижненемыкарской стоянки, облегчали человеку возможность обезопасить себя от нападения; в) по рекам обеспечивалось легкое передвижение на новое место, более богатое рыбой и дичью.

В Смоленском уезде были найдены различные предметы неолита в 32 пунктах, из которых на правом берегу Днепра — в 12 пунктах, в верховьях реки Сожа — в 8 пунктах, в радиусе 5—6 км от Смоленска — в 12 местах. Кроме этого, в Смоленске при возведении построек были обнаружены многочисленные предметы и орудия каменного века. Так, например, во дворе электростанции, у подножья Соборного холма были найдены обломки топора из светловатого мелкозернистого камня, два гранитных клина, несколько стрелок, клин из желтого кремня и т. п. С другой стороны Соборного холма, у Георгиевского ручья, была найдена стрелка из желтого камня, несколько клиньев. В обрыве ручья Малая Рачевка был обнаружен наконечник стрелы из камня. В 1922 году около башни Веселуха был случайно найден каменный топор со сверлиной; в том же году в верховьях ручья Малая Рачевка и на Казанской горе также были найдены каменные топоры.

Все эти случайные находки в Смоленске говорят о том, что на холмах, на которых расположен сейчас город, бесспорно, были стоянки человека каменного века.

Как уже указывалось, многочисленные предметы неолита были обнаружены в Рославльском уезде: в верховьях реки Ипути (особенно по ее притоку Воронице) — в 32 местах, по Десне и ее притокам — в 23 местах, по реке Остру и ее притоку Стомяти — в 16 и около Рославля — в трех местах.

В Дорогобужском уезде, помимо обследованных стоянок, найдены предметы неолита еще в 18 местах: по

правому берегу Днепра — в семи, по левому — в семи и около Дорогобужа — в четырех местах. По остальным уездам (Вяземский, Гжатский, Ярцевский, Сычевский, Ельнинский, Демидовский и Краснинский) обнаружены находки в небольших количествах.

По бассейнам главных рек Смоленской области неолитические находки распределяются следующим образом: по Днепру и его притокам — в 136 местах, по притокам Волги — в 19 местах, по притокам Западной Двины — в 14 местах.

Находки в бассейнах притоков Днепра разместились так: по самому Днепру — в 47 местах, по реке Сожу — в 48 местах (из них по реке Ипути и Воронице — в 32), по верховьям Десны — в 25, по реке Вязьме — в 10, по реке Воли — в шести местах.

Из этого распределения находок предметов неолита можно сделать некоторые выводы о расселении первобытного человека на территории Смоленщины. Прежде всего бросается в глаза разница в количестве пунктов находок на юге и севере области. В северной части орудия неолита найдены в 23 местах (11 процентов), в южной — в 85 местах (45 процентов), а в центральной, преимущественно по течению Днепра, — в 83 местах (44 процента).

Таким образом, можно предположить, что имела место передвижка населения с юга по рекам Днепру, Сожу и Десне. Особенно густо были заселены верховья тех рек, из которых имелись волоки в другие речные бассейны (Ипать с Вороницей, из которых был волок в Десну; верховье Десны, откуда был волок в Днепр, а также в притоки Угры; Сож, из которого имелся волок в Днепр около Смоленска. Верховье Днепра знало волок в Вазузу, из реки Вязьмы — в приток Вазузы, из Воли — в притоки Обши и т. д.).

Эту же мысль подтверждают и наблюдения за размещением по зонам и уездам губернии городищ, ранних укрепленных пунктов.

На территории бывшей Смоленской губернии обнаружено и учтено 380 городищ. По уездам и зонам они распределяются следующим образом: в южной зоне насчитывается 114 городищ, из них в Рославльском уезде — 55, в Ельнинском — 26, в Юхновском — 12,

Мстиславльском — 21; в центральной зоне учтено 199 городищ, из них в Смоленском и Краснинском уездах — 121, Дорогобужском — 27, в Вяземском — 15; в северной зоне — 77 городищ, из них в Бельском уезде — 35, в Демидовском — 28, в Сычевском — 14.

Значительная часть городищ относится к более позднему периоду. В размещении городищ особенно ярко видна концентрация населения вокруг Смоленска — в Смоленском и Краснинском (а последний был включен в состав Смоленского) уездах учтено 121 городище. В самом Смоленске обнаружены пока три городища: на Соборном холме, Рачевке и Лестровке. Кроме того, около Смоленска же обнаружены четыре городища — у деревни Верхней Ясенной, на левом берегу речки Ясенной, и у деревень Богородицкой, Новый Двор, Вязовеньки.

Особенно густо облеплен городищами район Смоленска, где в радиусе 30—35 км обнаружено уже 99 городищ, из них 42 с древнейшей культурой, 12 с двумя культурными слоями (поздним и ранним), 28 еще не подвергались археологическому обследованию, семь оказались без культурного слоя, 10 — с поздней культурой.

Из размещения городищ по губернии можно предполагать, что на рубеже нашей эры начинает заселяться болотисто-речной север губернии. Юг теряет свое ведущее место. Происходит известная передвижка населения на север. Излишек населения в центральной зоне направляется по водным путям на север и северо-восток.

Из размещения стоянок, пунктов обнаружения неолитических находок и городищ видно также стремление первобытного человека селиться на возвышенных, холмистых местах. Особенно густо облеплены стоянками и городищами Смоленская, Дорогобужская, Рославльская, Вяземская возвышенности.

Такую густоту населения на холмистых местах указанных районов можно объяснить прежде всего тем, что в древнейшие времена территория области, изрезанная многочисленными реками, речками, озерами и ручьями, была во многих местах покрыта сплошными болотами, топями, трясинами, из которых получали свои воды крупнейшие реки нашей страны — Волга, Днепр и Западная Двина. Даже в XVI веке, как отмечают современники, по дороге

из Смоленска в Москву насчитывалось до 600 болот, где были построены гати.

Стремление первобытного человека селиться на возвышенных, незаболоченных местах объясняется не только определенными удобствами создания жилья, но, главным образом, более легкими средствами добывания пищи. Возвышенные, более сухие места были много богаче дичью, зверем, а также в этих местах имелись плодовые деревья, произрастали злаки и роились пчелы. Кроме этого, холмистые места Смоленска, Дорогобужа, Рославля, Вязьмы не могли не привлечь внимания первобытного человека своими удобствами в отношении создания укреплений. Смоленские горы явились сами по себе естественными укреплениями.

Как мы видим из обследования Нижненемыкарской стоянки, люди уже строили себе жилища. При обследовании и раскопках стоянок обнаружены в ряде мест мастерские по изготовлению каменных орудий. Топоры чаще всего делались из диорита, редко из песчаника и только один, найденный в Дорогобужском уезде, сделан из рога крупного животного¹.

Наконечники стрел, копий, ножи, скребки, клинья вырабатывались из кремня различного цвета. «Из находок в Смоленской губернии следует отметить каменный топор с незаконченным сверлением. Все это указывает, как известно, на приготовление их на месте». Всего найдено 2 — 3 топора, обработанных посредством пиления, и один кремневый клин с долотовидным желобчатым лезвием.

Костяные поделки (гарпуны и другие) встречаются редко.

Об общественной организации жителей Смоленщины на данной стадии развития, к которой относятся найденные орудия и предметы, определенных данных мало.

«При первобытно-общинном строе, учит товарищ Сталин, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства.

¹ Лявданский А. Н., Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии, изд. Смоленского университета, т. IV, вып. 3, 1927, стр. 237.

Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»¹.

Безусловно, что общественные отношения жителей Смоленщины этой стадии развития не отличались от общественного строя жителей других мест на той же ступени материального производства. Характеристика и определение общественных отношений, данные Энгельсом, вполне приложимы и к Смоленщине. «Крайне неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, следовательно, почти полное подчинение чуждой, противостоящей ему, непонятной внешней природе, — все это заставляло человека крепко держаться близких ему людей, что давало возможность родовому строю господствовать в полной мере».

«Племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках»².

Как это видно из Кагынско-Купринской и других стоянок, первобытный человек на территории Смоленщины жил гнездами, родами, которые расселялись на ближайших пространствах. В дальнейшем отдельные роды объединялись в племенном союзе, имевшем свой центр.

Не случайно размещение стоянок и мест, где были

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 119.

² Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1947, стр. 111.

обнаружены отдельные предметы каменного века, принимают форму кустов: смоленский, рославльский, дорогобужский, вяземский и др. Эти географически очень выгодные места (возвышенности, речные артерии) превратились в центры родов.

Развитие материального производства привело к замене материнского рода отцовским. Как говорит А. В. Арциховский, уже в раннем неолите появляется примитивное земледелие, а в позднем обнаружены остатки различных сельскохозяйственных культур — зерна пшеницы, проса, ячменя, гороха, чечевицы¹. Вместе с этим развивается скотоводство. Остатки костей домашних животных (коровы, овцы, козы, лошади) говорят, что скотоводство начинает внедряться в быт человека неолитической эпохи. Эти изменения в хозяйственной деятельности людей неизбежно привели к изменениям и в общественной организации — на смену матриархату приходит отцовский род.

Дальнейшее развитие техники изготовления орудий привело к замене камня бронзой, а последней — железом. Вместе с этим человек совершенствовал навыки в разведении растений и приручении животных, что позволило ему постепенно вырываться из-под жестокого гнета природы. Выработка мотыг дала возможность начать обработку почвы и возделывать растения. В условиях лесистой Смоленщины развитие земледелия сопряжено было с огромными трудностями. Эта работа требовала соединенных усилий многих людей: надо было срубить крупные деревья, выжечь кустарник и мелкие деревья, не допустив страшных лесных пожаров, которые могли уничтожить очень важную отрасль хозяйства — бортничество (лесное пчеловодство) и распугать дичь и зверей, охота на которых давала человеку необходимые предметы — мясо и кожи; выкорчевать пни, корни вековых деревьев; наконец, мотыгой необходимо было поднять и измельчить вековую дернину, а потом произвести посев и ухаживать за ним.

Но зато обработанный с такими огромными трудностями участок земли должен был привязать людей к

¹ Арциховский А. В., Введение в археологию, 1947, стр. 27, 31.

определенному месту, заставлял прекратить бродячую жизнь и вести оседлый образ жизни. Развитие бортничества также привязывало человека к определенному месту. Бесспорно, оседлость в лесной полосе утвердилась раньше, чем в степной, где основной и главной отраслью хозяйства было скотоводство, которое вызывало частые передвижения людей с места на место.

В раскопках многочисленных смоленских городищ и селищ, относящихся к первым столетиям нашей эры, были обнаружены остатки различных зерен — проса, ячменя и даже мягкой пшеницы. Не найдены до сих пор зерна озимых культур. Рожь на Смоленщине появилась поздно, уже во времена классового общества.

О происхождении кривичей

До сих пор остается невыясненным этнический состав древних поселенцев Смоленщины. Первое упоминание о населении в бассейне реки Днепра имеется у Геродота (V век до нашей эры). Он рассказывает, что у берегов Черного моря жили скифы-эллины, дальше — алазоны, «выше алазонов живут скифы-пахари, которые сеют хлеб для собственного употребления в пищу и для продажи. Выше их живут невры, а сторона, лежащая к северу от невров, насколько мы знаем, не заселена людьми».

Геродот подчеркивает, что «у невров обычаи скифские». Геродот указывает на одну любопытную бытовую деталь о том, что невры являются колдунами и могут на время превращаться в волков. Эта легенда дожила до летописного периода. Русский летописец применил ее к кривичскому князю Всеславу, который, превратившись в волка, в 1068 году тайком бежал с юга к себе на север. Об этом красочно рассказывает автор «Слова о полку Игореве». Значит, в XII веке еще бытовала в народе легенда о способности жителей Верхнего Подвинья и Поднепровья (кривичей) превращаться в волков. Тем самым кривичи наделены теми же свойствами, что и геродотовские невры.

Еще одна бытовая деталь роднит невров с кривичами. Римский писатель Флак (I век нашей эры) рассказывает об обычае у невров похищать своих невест. Русский

летописец с возмущением воспроизводит языческий быт славян лесных районов и, в частности, говорит об умыкании жен у кривичей. «Игрища межю сел, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены собе с ней же кто съвешашеся»¹.

Вблизи Смоленска (на восток) по двум сторонам Днепра имеются две горы — Девичья (с правой) и Молодецкая (с левой). По преданиям, на этих горах (особенно в праздники весны и плодородия) собиралась молодежь со всех отдаленных поселений: на Девичьей — девушки, на Молодецкой — парни. Вначале пели песни, играли отдельно: девушки — на одной стороне Днепра, парни — на другой. Потом парни переплывали Днепр и на Девичьей горе продолжали игры вместе. Во время игр парни ухаживали за девушками, сговаривались «с ней же кто съвешашеся», а потом «умыкаху жены собе». В этом акте предварительного сговора и последующего «умыкания» отражается древний обычай неводов похищать невест.

Ряд более поздних писателей подтверждает мнение Геродота и указывает, что в верховье Днепра жили негры. Плиний (I век нашей эры) говорит, что Борисфен (Днепр) берет свое начало в земле неводов². Писатель IV века Аммион Марцелин говорит, что «вблизи Каркинского залива обрисовывается течение Днепра, что рожденный в горах неводов мощный с своего верховья и увеличенный еще стечением многих рек, Днепр низвергается в воды Евксина»³.

Мартиан Феликс Капелла (V век нашей эры) в «Энциклопедии семи свободных искусств» упоминает об авхетах, у которых берет начало Гипанис, и о неврах, у которых берет свое начало Борисфен (Днепр)⁴. Таким образом, утверждение Геродота о неврах⁵, которые помещены им севернее скифов-пахарей, подтверждается позд-

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 13.

² Вестник древней истории, № 2, 1949, стр. 283.

³ Цитировано по Забелину, История русской жизни с древнейших времен, ч. 2, 1879, Забелин, стр. 498.

⁴ Вестник древней истории № 4, 1949, стр. 280.

⁵ Первоначально негры жили в бассейне реки Припяти, но потом, как рассказывает Геродот, бежали из болотистых мест этой реки, где водилось много змей. Ближайшим возвышенным районом было верховье Днепра, или Смоленская возвышенность.

нейшими писателями. Кроме этого, они еще более уточняют место Невриды, земли невра, указывая, что Борисфен там берет свое начало.

Эти высказывания о неврах и месте их расселения говорят о том, что с V века до нашей эры и до V века нашей эры, т. е. в течение тысячи лет, в верховья Днепра жили негры. После V века в районе Верхнего Днепра не зарегистрировано какого-либо переселения народов.

Необходимо вспомнить очень важное замечание Геродота, что «у невра обычай скифские»; тем самым он в какой-то мере роднит их со скифами.

«Нам известно, — говорит академик Б. Д. Греков, — что скифы — собирательное имя многих народов... Не случайно греки еще долго продолжали называть по-старому Киевскую Русь Скифией или Тавроскифией, оговариваясь иногда, что эти тавро-скифы сами себя называют Русью»¹.

Раскопки курганов, городищ и стоянок первобытного человека на территории Смоленщины позволяют думать, что население области не менялось, а продолжало свое развитие на данном месте. Распределение позднейших курганов и городищ имело то же направление, что и неолитических стоянок, т. е. они кустовались около Смоленска, Дорогобужа, Рославля, Вязьмы. Размещение городищ и курганов имеет определенную зависимость от путей передвижения людей и торговых путей.

Курганы являются могилами. Некоторые курганы достигают большой величины — 9 м высоты, 162 м в окружности и 17 м в диаметре. У кривичей существовал обычай, как рассказывает летописец, труп сжигать, а останки (золу и раздробленные кости) класть в глиняный сосуд (урну), ставить на путях, на перекрестках дорог и насыпать холм. Кривичи, как и другие славянские племена, верили, что человек не умирает, а только засыпает, что его душа и на том свете будет продолжать свою жизнь. Поэтому оставшиеся в живых родичи старались в могилу положить вещи умершего, которые могут пригодиться ему в новой жизни.

Курганы и городища создавались на протяжении многих и многих столетий. Об этом говорят и различные

¹ Греков Б. Д., Киевская Русь, 1949, стр. 26.

формы и размеры курганов и городищ. Но в то же время на всех курганах лежат отпечатки традиций одного народа: во-первых, хоронили и в ранний и в поздний периоды методом трупосожжения, во-вторых, хоронили на путях (что делали кривичи в более позднее время в X веке). И в самом деле, курганы располагаются на путях из Днепра в Касплю — Гнездовский могильник, на волоке из Сожа в Днепр, на волоках из Днепра в приток Угры, на волоках из реки Вязьмы в притоки Вазузы, на волоках из Вопи в притоки Межи и Гобзы.

Городища дифференцируются по периодам еще ярче, чем курганы. Городища — это первые укрепленные пункты человека. Городища, как правило, располагались около рек, на холмах, к которым сплошь и рядом вели искусственные тропки среди топей, болот. Некоторые из этих городищ впоследствии превращались в городки.

Городища на Смоленщине распределяются по тем же кустам, что и древние стоянки. Наибольшее количество городищ, как следовало ожидать, разместилось вокруг Смоленска. Чем выше был тот или иной пункт, тем легче его можно было укрепить и тем неприступнее он мог быть. Было бы странным допустить мысль, что древний человек, проживая около Смоленска, упорно трудясь над возведением городищ в Гнездове, не заметил исключительно удобных для постройки укреплений холмов, гор в том месте, где ныне стоит Смоленск. Здесь имеется несколько таких холмов: Соборный, Вознесенский, Воскресенский, Казанский, Георгиевский, Покровский, Шкляной, Тихвинский, Бабий, Молодецкий, Девичий.

Последние три холма не могли быть использованы под укрепления, так как здесь кривичи справляли различные празднества. На остальных горах, бесспорно, могли быть созданы укрепления. Пока обнаружены городища на Соборной горе, Рачевке, Лестровке. При раскопках городища на Лестровке было собрано 53 черепка, все они не имеют следов гончарного круга. Здесь было обнаружено много колотых костей и сколотых камней, из которых выделывали орудия и разные предметы, и одна только маленькая бронзовая пластинка. Таким образом, это городище было создано в ранний период. Найдены орудия каменного века у Соборной горы и на Рачевке.

Бесспорно, в районе Смоленска были издревле крупнейшие поселения. Городища, как укрепленные пункты, обслуживали отдельные роды, которые по мере роста выделяли все новые и новые родовые образования. На смоленских холмах жили древнейшие роды, которые выделяли многочисленные дочерние и внучатые роды и размещались вначале вблизи Смоленска, а потом и в отдалении. О том, что район Смоленска издревле был центром поселений, говорят многочисленные городища, веером расположенные вокруг Смоленска. Нужно вспомнить, что в Смоленском уезде было обнаружено 121 городище. Это количество говорит также о значительной густоте населения в ранний период истории Смоленска.

Археологические обследования и частичные раскопки смоленских городищ дают некоторый материал, который позволяет заняться изучением этногенеза одного из крупнейших славянских племен — кривичей.

Вопрос происхождения славян, и в частности восточных, являлся предметом рассмотрения всех русских историков, которые занимались изучением раннего периода русской истории. Но, находясь в плену индоевропейской и норманистской теорий, они, как правильно заметил П. Н. Третьяков, «обычно не выходили за рамки первых страниц начальной летописи»¹.

Только советские историки, археологи и лингвисты, вооруженные марксистско-ленинской методологией, смогли разоблачить антинаучный характер индоевропейской теории.

Но вопрос этногенеза восточнославянских племен далек еще от своего разрешения. Большой вред делу изучения этногенеза славян принесло некритическое усвоение марровского «учения» многими советскими археологами и историками. Только произведения товарища Сталина, посвященные вопросам языкознания, до конца разоблачили пороки «учения» Марра. Исключительно большое значение имеют труды И. В. Сталина для историков, занимающихся изучением вопросов происхождения народов.

«Советская историческая наука показала, что древне-

¹ Третьяков П. Н., Восточно-славянские племена, 1948, стр. 3.

русское государство на Днепре, явилось не столько началом нашего исторического бытия, сколько закономерным итогом длительного жизненного пути, пройденного восточным славянством к началу второго тысячелетия н. э.»¹.

Но вместе с этим вопрос о происхождении вообще восточных славян и, в частности, самого многочисленного племени — кривичей — остается пока невыясненным. Даже наиболее эрудированный исследователь этногенеза славян П. Н. Третьяков лишает кривичей автохтонности в верховьях рек — Днепра, Западной Двины. Он категорически заявляет, «что нет никакого сомнения, что в охотничье-рыболовецких племенах лесного северо-востока следует видеть прежде всего отдаленных предков угро-финских племен и народов»².

В свое время А. А. Спицын выдвинул предположение, что большинство городищ (в том числе все ранние) Смоленской губернии — литовского происхождения, и прибалтийская культура охватывает огромную территорию — северную часть БССР и всю Смоленскую область. До VIII века нашей эры эту территорию заселяли литовские племена³.

Этот тезис упорно развивал в различных изданиях в советское время А. Н. Лявданский⁴.

Как А. А. Спицын, так и А. Н. Лявданский считали, что до VIII века включительно в Верхнем Поднепровье жили литовские племена и только в IX веке здесь появились кривичи, пришедшие с юга.

Если же внимательно проанализировать материалы археологических экспедиций на Смоленщине, то можно прийти к другому выводу, что материальная культура северных славян — кривичей VI—X веков — является не чем-то наносным, чуждым древней местной культуре, а уходит в исконную подоснову.

¹ Третьяков П. Н., Восточно-славянские племена, 1948, стр. 4.

² Там же, стр. 16.

³ Записки русского археологического общества, т. V, ч. 1, стр. 1, 113—114.

⁴ Научные известия Смоленского университета, т. III, 1926, стр. 233—234. Записки отделения гуманитарных наук Белорусской академии наук, т. II, 1930, стр. 334.

Хотя богатейшие археологические памятники (селища, стоянки, городища, курганы), как уже указывалось, еще очень мало исследованы, но даже уже имеющиеся материалы позволяют утверждать, что кривичи были автохтонами на смоленской земле.

Автохтонность кривичей в верховьях Днепра и Западной Двины в известной мере можно доказать также анализом развития отдельных предметов материальной культуры и прежде всего посуды. Здесь можно также проследить определенную преемственность как в развитии форм посуды, так и особенно орнамента на ней. Эта преемственность прослеживается от керамики неолитических стоянок до курганных урн. Наблюдается в известной мере единство (как по форме, так и по орнаменту) керамических изделий эпохи неолита, обнаруженных в различных местах Смоленщины. Это явление прослеживается на стоянках Катынских и Дорогобужских¹. Совпадает прежде всего форма сосудов, она «цилиндрическая, с круглыми днищами и почти с вертикальными бережками». Сосуды изготавливались из иловатой красно-желтой и светлосерой глины, с примесью песка и дресвы. Орнамент (узор) наносился методом вдавливания пальца, ногтя или примитивного чекана. Вдавливанием в сырую массу глины наносились линии, а пальцем, ногтем и чеканом производили углубления. Эти углубления были разной формы, но преобладали ямки круглые, ромбические и зубчатые. Очень часто применялись насечки (вдавливание ногтем или твердым предметом) по шейке и по краю — бережку сосуда.

Керамика, обнаруженная в древнейших городищах (Лахтеевское, Полежанковское, Смоленские, которые по времени однотипны с Дьяковыми), говорит, что посуда была лепленой, края имела «прямые или чуть отогнутые и очень редко вогнутые во внутрь»². Здесь, как и в форме посуды неолитических стоянок, преобладают края прямые или вертикальные, но появляются уже в результате длительного развития небольшие отклонения.

На этом этапе преобладают уже плоские днища

¹ Научные известия Смоленского университета, т. IV, вып. 3, 1927, стр. 220—233.

² Там же.

посуды. Кроме этого, ярко видна обработка наружных стенок путем сглаживания.

Состав массы, из которой выделяется посуда, почти тот же, который применялся и на стоянках, т. е. красноватая и серая глина с примесью песка и дресвы.

Метод орнаментирования тот же — вдавливание. Здесь преобладает узор и насечка — создание трехугольных и продолговатых ромбического типа углублений, а также нанесение ногтем угловатых ямок по бережку посуды. Вдавливанием шнура в сырую массу наносятся прямые линии. Орнамент в виде насечки и линейный сплошь и рядом чередуются на одном предмете, линии располагаются ниже насечки или ямок.

Таким образом, развитие приемов производства посуды от неолита до эпохи древнейших городищ выразилось лишь в замене круглых днищ плоскими и в применении сглаживания наружных стенок. Изменения в орнаменте преемственны.

Керамика поздних городищ (верхний слой Ковшаровского, Богородицкое и др.) отличается от керамики ранних городищ прежде всего тем, что появляется посуда, сделанная на гончарном круге, но много еще имеется и лепленной.

Большое количество посуды имеет горшковидную форму, значительная часть ее широкогорлая с прямыми краями.

Новым в развитии керамики нужно считать появление биконической формы, с резким переломом плечиков. В это время встречаются амфоровидные сосуды и широкогорлые с ушками. На днищах некоторых гончарных изделий уже имеются клейма. Если в формах сосудов и в приемах изготовления их (гончарный круг) имеются значительные изменения, то в орнаменте даже гончарной посуды наблюдаются старые мотивы. Преобладающим узором остается простая насечка (иногда в елочку), которая дополняется линейным орнаментом. Новым здесь следует отметить появление ломаных, а потом волнистых линий, но прямые явно преобладают.

Керамика Гнездовских курганов (IX—X века), и особенно урны (как по форме, так и по способу изготовления и узору) в своем большинстве мало чем

отличаются от посуды древних городищ. В изготовлении урн господствовал бытовой консерватизм, т. е. кривичи упорно стремились подражать своим предкам, и поэтому урны часто старались изготавливать по приемам предков, лепили их руками и часто в грубой форме, без всякого сглаживания наружных стенок. Такие урны обнаружены и в последнее время — в раскопках 1949 года в курганах № 35, 38 и др.

На урнах как гончарного круга, так и лепленых, нанесенные узоры имеют явную связь с орнаментом предшествующих периодов. Здесь на груболепленных урнах преобладают насечки по краю (бережкам), а на гончарных — линейный орнамент: Даже при изготовлении новых форм урн кривичи стремились сохранить древнейшие типы орнамента. В 1922 году Е. Н. Клетнова раскопала пять курганов в Гнездове и в одном обнаружила амфоровидную урну, на которой оказался орнамент в виде острых ямок типа насечки, сделанных ногтем¹.

Из обзора развития производства посуды, как форм ее, так и особенно узоров, можно сделать вывод, что кривичские изделия посуды, обнаруженные в курганах X века, связаны с приемами производства поселенцев периода древнейших городищ, а последние имеют связь с приемами производства посуды неолитических стоянок.

В развитии приемов производства посуды не наблюдается каких-либо посторонних наслоений, а видна эволюция. Это позволяет утверждать, что кривичи летописного периода ниоткуда не приходили в верховье Днепра, их отдаленные предки жили в неолитических стоянках, что кривичи являются автохтонами верховьев рек Днепра и Западной Двины.

На Смоленщине преобладают ранние городища. А. Н. Лявданский считает, что из 112 городищ Смоленского уезда 70% падает на древнейшие. Датировку смоленских городищ А. А. Спицына и А. Н. Лявданского надо радикально пересмотреть так же, как это сделали с определением времени возникновения городищ Дьякова типа. Известно, что А. А. Спицын отнес горо-

¹ Труды смоленских государственных музеев, вып. 1, 1924, стр. 145.

дища Дьякова типа к VI—VIII векам нашей эры, а А. В. Арциховский городища Дьякова типа на Оке справедливо отнес к VII—V векам до нашей эры¹.

Как правило, городища появляются в период патриархата, когда начинаются столкновения между родами и группами родов. Но в отдельных местах, особенно на водных путях, по которым часто двигались по Днепру с юга вооруженные отряды за янтарем, золотом, рабами, городища могли образовываться и несколько раньше. Таким бойким путем, как известно, с древнейших времен оказался Днепр. Прибрежным поселенцам его приходилось или отступать от берега вглубь, в дебри, или создавать укрепленные пункты. Смоленская возвышенность предоставляла в распоряжение первобытного человека много высоких холмов, которые при небольшой затрате труда могли быть превращены в неприступные крепости. В радиусе 30 км от Смоленска обнаружено по Днепру 18 древнейших городищ. Эти городища, как правило, бедны инвентарем.

«В большинстве культурный слой содержит много черепков от лепленой посуды из темносерой и красноватой глины с примесью песка и больше дресвы, колотых и целых костей крупных и мелких животных и очень мало предметов»².

Та же картина наблюдается и на другом городище в Смоленске — Рачевском. Культурный слой этого городища состоял «из мелких угольков мягкого и твердого дерева, золы и изредка дресвы и мелких колотых камней... найдено десять красноватых и серых черепков глиняной посуды и несколько кремневых осколков... Черепки от лепленой глиняной посуды без орнамента ничем не отличаются от черепков второго городища в гор. Смоленске, на Лестровке»³.

Непосредственная связь материальной культуры кривичей (X—XI века) с древнейшей культурой видна на городищах с так называемым двойным культурным слоем.

¹ Арциховский А. В., Введение в археологию, 1947, стр. 102.

² Лявданский А. Н., Научные известия Смоленского университета, т. III, 1926, стр. 181.

³ Там же, стр. 204.

Но А. Н. Лявданский назвал его двойным не по наличию больших прослоек, отделяющих один слой от другого, а по желанию установить на Смоленщине две культуры: древнейшую — литовско-прибалтийскую и позднейшую — славянскую.

Как добросовестный археолог, А. Н. Лявданский вынужден был зафиксировать, касаясь Ковшаровского городища, что «верхний (славянский) культурный слой лежит непосредственно на нижнем, без всяких промежуточных прослоек»¹.

Около Смоленска обнаружены двенадцать таких городищ. Культурный слой у большинства их колеблется от 50 см (в центре) до 3 м (по краям), а в Ковшаровском городище — от 1,3 м (в центре) до 5 м (по краям).

Керамика этих городищ представляет груболепленную посуду (нижние пласты) и посуду, сделанную на гончарном круге, имеющую клейма на днищах и различные орнаменты: от насечек в елочку до волнистого и линейного (верхние пласты). Так же легко прослеживается эволюция в производстве различных вещей: от предметов, сделанных из камня, кости, меди, бронзы к вещам, орудиям и оружию, сделанным из железа. Причем техника выработки предметов из железа достигает высокой степени.

Постепенность и известную последовательность в развитии материальной культуры можно проследить на расположении разного рода предметов и орудий Ковшаровского городища.

Здесь в нижнем слое были найдены различные вещи из камня (обломок топора, наконечники стрел, скребки), из кости (наконечники стрел, гарпун, обрубки лосиных рогов), большое количество черепков груболепленной посуды и, наконец, изредка встречаются предметы из бронзы. «Черепков с орнаментом найдено очень мало. Состоит он, главным образом, из насечки и изредка широких вдавливаний по краю»².

¹ Лявданский А. Н., Научные известия Смоленского университета, т. III, 1926 стр. 235.

² Лявданский А. Н., Научные известия Смоленского университета, т. III, вып. 3, 1926, стр. 234—235.

Такой же орнамент, т. е. насечка и вдавливание по краю, был преобладающим на черепках, найденных в более ранних стоянках под Смоленском и в самом городе.

Совершенно справедливо замечает А. Н. Лявданский, что «культура первичных обитателей Ковшаровского и других городищ, судя по предметам и груболепленной посуде, была очень невысока»¹.

Дальше, чем ближе к поверхности, тем материальная культура становится все более сложной, совершенной и более богатой по количеству вещей. Было обнаружено около двух десятков различных вещей из бронзы — от колец, браслетов до котлов и кусков меди, говорящих о развитом местном производстве разных предметов.

Особенно богат материальной культурой верхний слой, где наряду с большим количеством предметов украшений из стекла (свыше 150 единиц), из меди, свинца, олова обнаружено огромное количество самых разнообразных предметов из железа — орудий труда, быта, украшений, вооружения.

Черепки верхнего слоя — уже от посуды, сделанной на гончарном круге, с наличием рельефных клейм на плоских днищах. Орнаментом посуды верхнего слоя является насечка (иногда в елочку), что в отдельных экземплярах встречалось и в нижнем слое.

Большое количество льячков, шлака из железа, меди, бронзы, куски разного металла, пластинки, проволока, котлы и т. д. говорят о довольно развитой местной металлургии². Даже ярый сторонник позднего появления на Смоленщине славян-кривичей А. Н. Лявданский в описании результатов раскопок Ковшаровского городища не смог отметить какую-либо границу в развитии материальной культуры, резкого отрыва древней от новейшей.

Постепенность развития жизни и деятельности людей на Ковшаровском городище видна также и в крепостном строительстве. Первоначально Ковшаровское городище имело обычный высокий земляной вал. После по краям городища был возведен деревянный сруб на

¹ Лявданский А. Н., Научные известия Смоленского университета, т. III, вып. 3, 1926, стр. 244.

² Подробно на этом вопросе остановимся ниже.

каменной кладке. Впоследствии пожар уничтожил эту деревянную крепость и уже «выше каменной кладки, т. е. на глубине 90 см от поверхности» была возведена вторая деревянная крепость.

Как уже отмечалось выше, А. Н. Лявданский в датировке времени образования Ковшаровского городища допустил грубую ошибку. Он датирует Ковшаровское городище с явной тенденцией подогнать события под свою ярковыраженную норманистскую теорию отсталости славянства, его позднего появления на севере. Поэтому он искусственно выделяет славянские напластования в Ковшаровском городище и относит их к XII—XIII векам, мотивируя только тем, что черепки верхнего слоя в Ковшарах сходны с черепками, найденными под фундаментом Мономахова собора, который был заложен в 1101 году. Но эти черепки могли лежать, и, очевидно, лежали, в течение столетий в грунте, на котором возвели фундамент собора.

Глубоко прав М. И. Артамонов, который культуру и время образования Банцаровского городища отождествляет с городищами Смоленской области. «Черты его (Банцаровского городища — Д. М.) культуры, — пишет М. И. Артамонов, — совпадают с городищами Смоленщины... Городища типа Банцаровского древнее курганов с сожжением по рекам Сожу и Волге. Сходны с Банцаровскими городищами по типу городища «Дьякова типа» середины 1-го тысячелетия до нашей эры до конца 1-го тысячелетия нашей эры».

В заключение М. И. Артамонов подчеркивает, что городища типа Банцаровского принадлежат древнейшим славянским племенам¹. А. Н. Лявданский же нижний культурный слой Ковшаровского городища считает литовским, хотя должен признать, что верхний, славянский культурный слой лежит непосредственно на нижнем, без всяких промежуточных прослоек.

Искусственность датировки А. Н. Лявданского видна еще из одного его заключения, что «кривичи кирпича делать еще не умели...»² Такое утверждение для XII —

¹ «Проблема истории докапиталистических формаций», № 9 — 10, 1935.

² Научные известия Смоленского университета, т. III, 1926 (Лявданский А. Н.), стр. 246.

XIII век является по меньшей мере надуманным. Мы знаем, что в XII—XIII веках в Смоленске было построено свыше 20 каменных церквей, для которых кирпичные плитки изготавливали, как это видно по клеймам, различные и многочисленные кирпичные предприятия, созданные вокруг Смоленска (возможно и вблизи Ковшаровского городища). Эти кирпичи-плитки делали местные мастера и выполняли с большим искусством. Мало того, в это время смоленские кирпичных дел мастера не только искусно изготавливали кирпичные плитки, но и некоторые владели письмом. Нами в 1951 году на строительстве дома на Краснофлотской улице был обнаружен фундамент церкви XII в., видимо Пятницкой, и найдена одна кирпичная плитка с непонятной надписью. Ярко видны буквы — А З Б і.

Таким образом, уже те небольшие археологические обследования стоянок, селищ, городищ и курганов Смоленщины позволяют придти к убеждению, что северные славяне-кривичи ниоткуда не приходили на верховья рек, а образовались в результате длительного развития древнейших насельников. Совершенно справедливо замечает С. П. Толстов, что «славянские народы уходят своими глубокими историческими корнями в ту почву, на которой они сейчас живут»¹.

Если обратимся к древним писателям Греции, Рима и др., то в восточной части Европы, называемой ими впоследствии Сарматией (южной и северной), можно встретить огромное количество различных названий племен, имена которых (от Геродота до Прокопия) много раз меняются.

Маркиан из Гераклеи Понтийской (IV век нашей эры) считал, что в Сарматии (только европейской) живут 56 народов². Клавдий Птоломей (II век нашей эры) только в северной части Сарматии упоминает около 30 названий различных племен³.

Следует отметить, что сведения древних писателей о Скифии, Сарматии и вообще Восточной Европе бывали часто противоречивы и сбивчивы, так как источники,

¹ Толстов С. П., Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Советская этнография», № 4, 1950.

² Вестник древней истории № 3, 1948, стр. 279.

³ Вестник древней истории № 2, 1948, стр. 237—238.

которыми они пользовались, были иногда случайными.

Как уже сказано, наиболее раннее и подробное описание восточной части Европы было дано Геродотом.

О геродотовских неврах у историков еще не сложилось единого мнения. Некоторые (П. Шафарик, Я. Нидерле) считают неврам и их соседей (будингов) предками всех славянских племен (восточных, западных и южных). Они заставили неврам совершить путешествие: с бассейна Немана и Западного Буга — на запад, в Карпато-Висленский район. Отсюда неврам стали расселяться в разных направлениях: одна часть двинулась на запад и образовала западных славян, другая двинулась на юг и явилась основой южных славян и, наконец, третьи направлялись на восток и вместе с будингами образовали многочисленные восточнославянские племена.

Н. М. Карамзин также в поисках предков славян предполагал их в неврах, меланхленах, адрофагах¹.

Советские ученые еще мало внимания уделили неврам. П. Н. Третьяков считал «неврам и меланхленов и ряд других племен предками славян...»².

Н. С. Державин также считает «неврам и будингов предками некоторых восточнославянских племен»³.

В. И. Пичета очень осторожно рассматривает вопрос о неврах. Он приводит свидетельства многих историков (П. Шафарика, А. Шахматова, Е. Карского, Я. Нидерле, А. Кочубинского, И. Бельского, А. Удальцова, Н. Державина), о неврах и будингах. Вслед за Удальцовым В. И. Пичета склоняется к тому выводу, что в будингах следует видеть предков мордвы (в основном)⁴.

О неврах В. И. Пичета прямо не высказал своего мнения, но по смыслу освещения вопроса он их в основном относит к предкам литовских племен. В заключение о древнейших обитателях северной и северо-западной Белоруссии В. И. Пичета приводит мнение Н. С. Державина.

¹ Карамзин М. Н., История государства российского, 1842, стр. 18.

² Третьяков П. Н., Восточные славянские племена, 1948, стр. 33.

³ Державин Н. С., Происхождение русского народа, 1944, стр. 17.

⁴ Пичета В. И., Образование белорусского народа — «Вопросы истории», № 5—6, 1946, стр. 12—13.

Еще более сложным, нам кажется, является вопрос о локализации невра. Этот вопрос не вызвал особых споров. Невров, как правило, помещают на Припяти и Западном Буге. Главным мотивом данной локализации служит топонимический момент — Нурчик, Нурец, Нура — притоки Западного Буга и несколько поселений на этих притоках того же названия. Но, пользуясь только топонимическими материалами, из мест поселений невра выпадает даже обширный бассейн реки Припяти, не говоря уже о более северных областях.

Если отправляться от топонимики, то и верховье Днепра, Волги и Ильменский район тоже следует отнести к местам поселений невра. Здесь тоже имеются две реки — Нерли, озеро Неро, реки Нарва, Нарев, а в Новгороде существовал даже Наревский Конец.

Многие ученые, помещая невра на Припяти и в верховья Днестра, исходят из указания Геродота, что выше скифов-пахарей живут невра. Но это третье по порядку «выше» у Геродота очень растяжимо. Оно, как и первых два «выше», не подкрепляется никакими количественными измерениями или другими доказательствами. Зато дальше третьего «выше» Геродот дает более или менее конкретное указание, которое уточняет самое понятие «выше», т. е. «выше (скифов-пахарей — Д. М.) живут невра, а страна, лежащая к северу от невра, насколько мы знаем, не заселена людьми»¹. Этим своим существенным добавлением Геродот раскрывает понятие «выше» и область бытования невра расширяет до крайнего севера или во всяком случае севернее верховьев Западной Двины, Днепра, так как Западная Двина (Эридан) и путь по Борисфену ему были известны, он знал о заселенности этих мест, он знал даже о жителях полярной области, которые «спят по шесть месяцев».

Безымянный автор «Землеописания», которое датируется концом прошлой и началом нашей эры, ссылаясь на историка Эфора (IV век до нашей эры), поселение невра отодвигает далеко на север, «вплоть до необитаемой вследствие холода страны»².

¹ «Вестник древней истории», № 2, 1947, стр. 262.

² «Вестник древней истории» № 3, 1947, стр. 311

На северное происхождение невра указывает и Аристотель (IV век до нашей эры), говоря, «что в стране невра быки имеют рога на плечах». Аристотель со слов путешественников оленей назвал быками, у которых на первый взгляд казалось, что рога растут на плечах¹. Название земли невра страной говорит об ее обширности и протяженности. Данный момент отражает и Геродот, дважды называя эту землю «Невридой»². Писатель IV века нашей эры Амион Марцелин тоже указывает на северное положение земли невра. Он говорит, что Борисфен рожден в их горах, что он в их земле берет начало свое. Об этом говорит писатель Гай Плиний и Мартин Феликс Капелла (V век нашей эры)³.

Таким образом, Невридой нельзя считать только область реки Припяти и тем более верховье реки Днестра, где даже нет топонимических признаков. Но зато многие древние писатели землей невра — Невридой — считали обширную территорию, которую ныне занимает БССР (центральная и северная часть) и Смоленщина. Было бы наивным утверждать, что на этой территории жило одно только племя невра. Клавдий Птоломей уже знает много племен лесной северной полосы. Восточнее Вислы по Птоломею жили галинды, судины, ставани, которых Шафарик сопоставляет с именем «славяне», вельты, ассии, карбоны, салы, гиппоподы, меланхлены, агафирсы и др.

Трудно распределить многочисленные племена лесной полосы Птолемея по местности. Многие историки эту попытку делали, выдвигали самые разнообразные предположения, но хотя бы приблизительно единодушной локализации племен не дали. Одно ясно, что на севере, как и на юге, в древнейший период было много племен. Но время от времени образовывались в силу разных причин (объединения усилий в борьбе с врагами, подчинение слабейших сильнейшим и т. д.) союзы племен, во главе которых становилось наиболее сильное, активное племя, и всему союзу оно давало свое имя.

¹ «Вестник древней истории» № 2, стр. 331.

² Там же, стр. 282—283.

³ «Вестник древней истории», 1949, стр. 280.

Древние писатели и историки от путешественников, торговцев, полководцев, командиров пограничных областей получали сведения более точные о племенах Причерноморья и более смутные и даже легендарные о племенах севера. Как правило, именем племени, которое оказалось во главе союза, древние писатели называли население огромных территорий. Это они делали в течение долгого времени, даже в отношении южных племен. Их называли скифами, сарматами, готами, гуннами.

Справедливо заметил академик Б. Д. Греков, что «скифы — собирательное имя многих народов»¹.

Таким собирательным именем в течение долгого времени на севере были невры. Как видно, племени невров дольше и чаще других удавалось возглавлять союз северных племен.

Где-то на рубеже нашей эры в верховье Днепра утверждают свое влияние роксоланы, которых большинство специалистов локализует к северо-западу от Азовского моря (от Меотиды). Но Страбон (I век нашей эры) утверждает, что «выше Борисфена обитают из известных нам народов скифского племени — роксоланы...»².

Во II веке К. Птоломей уже не фиксирует одного ведущего имени для северных племен. Видимо, в этот период здесь не было племенного союза, а старое роксоланское влияние борьбой племен было уничтожено. Но зато Птоломей для севера впервые дает новое название довольно большого племени — «ставани», название которых было первоначально именем северных славян, как для южных название «склавины». Птоломей не забыл и невров, которых назвал «навары». На частые искажения у древних писателей в начертаниях имен обратил внимание еще Страбон³.

Несколько позже, в конце III века нашей эры в верховьи Днепра образовался союз под главенством алан.

Маркиан из Гераклеи Понтийской пишет, что «река Рудон (Геродотовский Эридан — Западная Двина — Д. М.) течет из Аланской горы; у этой горы и вообще в этой области живет на широком пространстве на-

¹ Греков Б. Д., Киевская Русь, 1949, стр. 26.

² «Вестник древней истории», № 4, 1947, стр. 245.

³ Там же, стр. 236.

род — алансармат, в земле которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт»¹. Но и этот союз долго не просуществовал. Видимо, не без острой борьбы в IV веке нашей эры во главе северного союза снова стало племя невров, и А. Марцелин уже верховье Днепра считает землей невров.

Таким образом, даже из очень кратких сведений древних писателей о северных племенах видно, что здесь происходили частые войны, столкновения как внутри племен аборигенов, так и с вторгавшимися племенами с востока, юго-востока и юга (роксоланы, аланы и другие).

Союзы племен создавались и снова распадались. Об этой борьбе рассказывает и немецкая сага о Тидрике Бернском. В этой саге вначале говорится о длительной и кровопролитной войне между вельтинами, жившими по среднему и нижнему течению Западной Двины, и племенами, занимавшими верховья Западной Двины и Днепра, которых немецкие редакторы саги (X—XIII века) называли «русскими»².

Как видно из саги, северо-прибалтийские племена были объединены в союз под главенством племени вельтов, а в верховьях рек Западной Двины, Днепра и Волги существовало в IV—V веках довольно мощное государственное образование, которое упорно стремилось утвердить свое влияние на важнейшей торговой артерии — Западной Двине. Это привело к долгим войнам. «Было у них много больших битв», — говорится в саге³.

Одно время вельтинам удалось разгромить «русских», завладеть их городами Полоцком и Смоленском и обложить данью. Но после «русские» свергли зависимость от вельтинов и подчинили их своей власти. Тем самым на севере образовалось крупное объединение, охватившее огромную территорию от верховьев Волги на востоке до Балтийского моря на западе, от Волхова на севере до впадения реки Березины и реки Сожа в Днепр на юге.

¹ «Вестник древней истории» № 3, 1948, стр. 279.

² Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук, 1906, т. XI, книга 3-я, Веселовский А.

³ Там же, стр. 134.

Этому союзу вскоре пришлось вступить в длительную борьбу с могущественной державой Аттилы. По саге распри с Аттилой начались из-за пренебрежительного отношения к нему северного князя. Как говорит сага, «победа оставалась то на той, то на другой стороне. В таком положении находились эти царства некоторое время»¹. Мало этого, северный князь Владимир «пришел в землю гуннов и производил опустошения с огромным войском»². В ответ Аттила собрал большое войско и вторгся в русскую землю (северную).

Вторжение было произведено с запада, через польские земли. Вначале осадили Полоцк. Оставив здесь часть войска, главные силы были направлены под Смоленск, где произошла кровопролитная битва, в результате которой «русские» войска потерпели поражение. Князь Владимир пал в битве, а его брат Ирон заперся в смоленской крепости. Осажденные воины и горожане, по совету Ирона, вступили в переговоры с Аттилой. Последний согласился снять осаду города, оставить в нем своим наместником Ирона. Северные племена признали известную зависимость от Аттилы и вынуждены были давать ему дань. Следует отметить, что не все события и факты, названные в саге, можно считать достоверными. Как во всяких преданиях, сказах, передаваемых из поколения в поколение, истинные факты и события всегда довольно густо обволочены домыслами, легендами.

В данной саге исключительно легендарно подана роль немецкого князька Тидрика. Но зато некоторые события в саге поданы более или менее правдоподобно. Во-первых, в IV веке нашей эры союз племен под главенством вельтинов в северной Прибалтике вполне мог быть, так как К. Птоломей (II нашей эры) указывал, что «побережье океана у Венедского залива занимают вельты»³. Венедский залив почти все комментаторы считают прежде всего Рижским заливом. А относительно разного рода племенных объединений на территории

¹ Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук, 1906, т. XI, книга 3-я, Веселовский А., стр. 157.

² Там же, стр. 169.

³ «Вестник древней истории», № 2, 1948, стр. 237.

БССР (в центральной и северной части) и Смоленщине имеется ряд свидетельств, о чем выше говорилось.

Возможность войн между этими объединениями не требует особых доказательств. Известно, что в XI — XIII веках велась жесточайшая борьба за обладание Западной Двиной между славянскими княжествами и литовцами, между Смоленским и Полоцким княжествами.

В отношении гуннов сага сообщает, что раньше это было отдельное племя, бытовавшее в степях Приазовья, а потом постепенно гунны-хуны стали подчинять одно племя за другим. Это подтверждают и современники. Птоломей (II век нашей эры) писал, что «между бастарнами и роксоланами живут хуны»¹.

Маркиан из Гераклеи Понтийской (IV век нашей эры) тоже свидетельствует: «Землю по Борисфену за аланами населяют так называемые европейские хуны»².

Приск, участник посольства византийского императора к Атилле, своим кратким рассказом о длительной войне гуннов³ по подчинению соседних племен подтверждает такой же рассказ саги.

Кроме того, рассказ того же Приска о борьбе Атилы с северными племенами, в частности с акатирами, которые являются искаженным названием геродотовских агафирсов-агафиров, в какой-то мере напоминает рассказ саги о длительной борьбе Атилы за подчинение северных племен, которых в поздних редакциях саги (XIII век) немцы назвали русскими.

На то, что поселенцы северной и центральной части Белоруссии и верховьев рек Западной Двины, Днепра развивались в течение долгого времени в относительно одинаковых природных и социально-экономических условиях, указывают как предметы материальной культуры, так и многие общие бытовые традиции. Эта схожесть в бытовых традициях и предметах материальной культуры обусловлена также взаимосвязями (борьбой, слияниями и распадами) племен, бытовавших в верховьях Днепра, Западной Двины и бассейне реки Березины. В результате длительного обследования и изучения

¹ «Вестник древней истории», № 2, 1948, стр. 238.

² Там же, № 3, 1948, стр. 279.

³ Там же, № 4, стр. 675.

городищ указанных выше областей А. Н. Лявданский сделал ряд любопытных наблюдений, что городища (наиболее древние) со штрихованной керамикой тянутся от Смоленщины до Виленщины. Почти то же наблюдается с городищами с гладкостенной керамикой¹.

Курганы северной и центральной части БССР и Смоленщины как по внешней форме, так и по обряду захоронения (трупосожжение) тоже одинаковые, так называемого Гнездовского типа².

М. Н. Артамонов также подчеркивает, что культура Банцаровского городища совпадает с городищами Смоленщины.

Как сказано выше, на севере нашей страны наблюдалась непрерывная борьба как между местными многочисленными племенами, так и с вторжениями новых племен и различных племенных союзов с востока и юга (роксоланы, аланы, гунны). Эта непрерывная борьба, частые образования и распадения племенных союзов на севере приводили к консолидации различных родовых и племенных групп.

В доплеменный период истории родового общества отдельные родовые коллективы связывались со своими ближайшими соседями брачными отношениями на основе экзогамии³.

«Естественно, каждый род, живя своей замкнутой хозяйственной жизнью, имеет свойственный только ему язык. Однако, общаясь на почве брачной жизни с другими родами, люди разных родов нуждаются в известном минимуме взаимного понимания. В процессе общения между родами их родовые языки идут по пути взаимообмена, взаимопроникновения, приводящего в итоге тысячелетней истории первобытных родов к созданию характерной, повидимому, для исторической ступени раннего (доплеменного) родового строя, того, что я назвал бы своего рода «первобытной лингвистической непрерывности». Языки ближайших локально-родовых групп близки между собой. По мере передви-

¹ Записки отделения гуманитарных наук Белорусской академии наук, книга 2, 1930, стр. 335—336.

² Там же, стр. 337.

³ Голстов С. П., Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Советская этнография» № 4, 1950, стр. 17.

жения к более удаленным локально-родовым группам эта близость уменьшается, однако, долго не исчезает... Все первобытные языки оказываются по степени близости друг к другу на положении позднейших диалектов или даже говоров, однако при удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость постепенно исчезает»¹.

«В более позднее время, когда появилось скотоводство, земледелие и металлургия, экономические и иные связи между племенами стали играть в их развитии значительную роль. В этих условиях в течение многих тысячелетий соседние племена так или иначе обменивались опытом, совместно создавали новые орудия труда, осваивая новые виды домашних животных, новые формы земледелия и т. д. Развитие языка в этих условиях также не замыкалось, повидимому, в рамках племени: при соответствующей исторической обстановке, в результате тысячелетнего общения языки создавались группами соседних, по тем или иным причинам связанных друг с другом племен. В тех случаях, когда происходило передвижение племен и проникновение иноземного племени в однородную по языку группу, он в течение последующих столетий мало-помалу подвергался ассимиляции»².

В этой обстановке происходило скрещивание языков. И. В. Сталин учит нас, что «скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет... Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом же деле при скрещивании один из языков, обычно, выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по

¹ Толстов С. П., Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Советская этнография», № 4, 1950, стр. 17—18.

² Третьяков П. Н., Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании; «Вопросы истории», № 10, 1950, стр. 15.

внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает».

В этой обстановке постепенного и длительного исторического процесса (борьбы, брачных отношений и экономических взаимосвязей) на большом пространстве верховьев рек сложилось многочисленное славянское племя кривичей.

В VI веке нашей эры имя невров совсем было потеряно: у Прокопия, Иордана, Маврикия Стратега о них нет упоминаний.

Около этого времени, возможно, усилилось птоломеевское племя ставаней (славяне), которое могло сообщить свое имя всему племенному союзу. Впоследствии в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги создается государство, которое арабы называют Славонией.

Славяне верховьев рек, и прежде всего Днепра, назывались также кривичами. Это название вначале было кличкой поселенцев верховьев Днепра и Западной Двины; слово «криве» по-сарматски, как утверждает Татищев, означает «верховье».

Сарматские племена южного Днепра — славян, жителей «верховьев», начали называть криве, т. е. верховцами. Да и сами жители верховьев рек могли себя называть криве-верховцами и тем более потому, что, как говорилось выше, в отдельные времена в верховьях Волги и Днепра с юга и юго-востока вторгались сарматские племена — роксоланы, аланы.

От названия «криве» и произошло имя кривичи. Мы знаем в более позднее время деления Руси на верхние и нижние земли. «Володиміру же шедшю к Новгороду по верховние вои»¹. Даже в XII веке Смоленская земля еще звалась «верхней», и князь Ростислав одаривал своего старого врага Святослава Ольговича и брата Изяслава предметами из верхних земель.

Усиленные и частые связи славян верховьев рек — кривичей с литовцами и латышами, которые жили в низовьях Западной Двины, — привели к тому, что в их языке славянин, русский назывался «криве», «кривичем» или верховцем².

¹ Троицкая летопись под 997 г.

² Карамзин Н. М., История Государства Российского, 1842, примеч. т. 1, стр. 69.

Совершенно справедливо замечает П. Н. Третьяков, что «некоторые племена «Повести временных лет», и прежде всего кривичи, представляли обширные племенные объединения, восходящие к эпохе, когда «живяху каждый со своим родом и на своих местах, владеющие каждо родом своим». Из контекстов летописи с достаточной отчетливостью вытекает, что эти племенные группировки являлись не эфемерными образованиями, а такими, которые существовали, вероятно, многие и многие столетия»¹.

Такое крупное славянское объединение (ставаней-славян) имело место в верховьях рек Западной Двины, Днепра и Волги, отголосок о котором дошел до араба Истархи и сохранялся долгое время в именовании реки Волги, которую еще в X веке арабы называли Славонией, рекой славян.

Это мощное славянское государственное объединение излишек населения выделяло на север, запад и северо-восток. Раньше началось освоение Ильменского и Чудского районов. Летописец указывает, что пришли туда славяне и прозвались своим собственным именем — «словене». Данное указание, что ильменские словени, придя туда, назывались собственным именем, является намеком, что раньше они имели не собственное имя, а кличку, прозвище, т. е. назывались верховцами-кривичами.

За то, что жители Смоленщины имели имя славяне-словени говорит еще и то, что их колонисты в землях других племен строили города и часто называли их «Словенскими». Известен город Словенск на Волхове. В источниках упоминался город Словенск в низовье реки Угры, по соседству с Серпейском².

В бывшей Смоленской губернии (в районах Посожья) в дореволюционное время имелось много старых населенных пунктов с названием «Славени», «Славны», так, например, Старые Словени, Новые Словени, Славновичи, Славновка, Словени, Славивики, Словец.

На факт, что поселенцы верховьев Днепра имели имя «славяне», а назывались кривичами, указывает и

¹ Третьяков П. Н., Восточно-славянские племена, 1948, стр. 120.

² Тихомиров М. Н., Древнерусские города, 1946, стр. 15.

Константин Багрянородный, говоря, что «данники их (руссов — Д. М.) славяне, называемые кривитеннами...»¹. Значит, «кривичи» является только «названием» славян.

Другая часть северных славян — поселенцы болотистого бассейна реки Березины — в отличие от верховцев прозвалась дреговичами (от «дрягва» — болото).

Проникновение жителей верховьев (кривичей) на север и северо-восток вызывалось также захватническими стремлениями кривичской знати, которая в целях обогащения пыталась проникнуть в глубь поселений финских племен. Трудно предполагать, что данное проникновение происходило мирным путем. Начало колонизации, судя по времени образования старого Пскова и старой Ладоги, надо отнести к VI веку.

Кривичская знать с помощью вооруженной силы стремилась грабить местное население, забирая у него дорогие сорта пушнины. Этот грабеж производился разными средствами: путем получения дани, неэквивалентным обменом и обычным грабежом.

Для обеспечения своего господства среди местного населения кривичская знать создавала укрупненные пункты, направляя туда поселенцев из Смоленщины. Это переселение для некоторой части жителей могло быть и насильственным, как это впоследствии¹ делал Владимир I, заселяя крепости на юге.

Хотя процесс этногенеза северных славян-кривичей имел свои особенности и в известной мере отличался от процесса образования южно-днепровских и, прежде всего, правобережных славянских племен, но в историческом развитии между северными и южными племенами выработывалась в занятиях, быту, языке значительная общность.

«Процесс сложения славянства, как культурной и языковой общности, конечно, исторически завершился в определенную эпоху... Никаких археологических или антропологических данных о том, что славяне расселились незадолго до их появления на страницах письменных источников... у нас нет... наоборот, мы видим,

¹ Известия российской академии истории материальной культуры, вып. 91, 1934, стр. 8.

что археолого-этнографические факты противоречат тому, показывая, что славянские народы уходят своими глубокими историческими корнями в ту почву, на которой они сейчас живут...»¹.

В конечном итоге к летописному времени между северными и южными племенами оказалось в этническом отношении больше общих черт, чем различий. Причины этого лежат в длительных исторических взаимосвязях:

1) Здесь большую роль играли экономические связи жителей Верхнего Поднепровья с южным. Как уже указывалось, торговые сношения Севера с Югом начались задолго до нашей эры. Поездки южан за янтарем, золотом, дорогими сортами пушнины, воском, медом, которые даже вывозили в Грецию, были довольно частыми. Об этом имеются свидетельства многих древних писателей.

Торговые операции Юга с Севером на рубеже нашей эры были достаточно оживленными, о чем говорят многочисленные находки римских, греческих и других монет как в Среднем, так и в Верхнем Поднепровье.

2) Важной причиной нужно считать частые отливы жителей Среднего Поднепровья на север, которые наблюдались в периоды разрушительных вторжений кочевых племен (сарматы, готы, гунны, авары), и возвращение на старые места этих жителей.

3) Борьба северян и южан с завоевателями (о чем особенно ярко рассказывает Геродот, описывая поход Дария), совместная борьба с готами, гуннами.

4) Участие северных племен в борьбе антов с Византийской империей (рассказ о трех гусярах, наличие трупосожжения в отдельных могилах и т. д.).

5) Наконец, частые войны южных племен с северными, установление иногда южного влияния на севере — роксоланов, алланов, гуннов.

Все эти взаимосвязи устраняли разобщенность, стирали различия и утверждали известную этническую общность племен «верховьев Днепра» с племенами Среднего Днепра и бассейна Днестра.

¹ Артамонов М. И., Происхождение славян, 1950, стр. 48.

Хозяйственная деятельность кривичей

Построение городищ, как сообщалось выше, указывает также на то, что человек уже ведет оседлый образ жизни. Развитие техники производства орудий и связанное с этим повышение производительности труда позволило человеку на одном месте добывать себе пищу. Земледелие и развитие скотоводства прочно внедрились в быт и делались важнейшими отраслями хозяйства. Вместе с этим совершенствовались и старые формы хозяйственной деятельности — охота, рыболовство и бортничество.

Одним из ранних видов занятия предков кривичей — жителей верховьев рек — было земледелие. Это отметил еще Геродот, говоря о неврах. Но древние племена северолесного массива далеко не в одно время могли ввести земледелие в быт. Племена болотистых районов к земледелию пришли позже, чем племена, населяющие Смоленскую возвышенность, где имелись благоприятные природные и, прежде всего, почвенные условия. Подзолисто-суглинистые почвы, удобренные золой от деревьев и особенно от различных трав, могли давать обильный урожай в течение 3—4 посевов. Потом участок оставляли в течение нескольких лет отдыхать. Он снова зарастал травой и мелкой порослью, а потом эту траву и поросль опять выжигали и снова хорошо удобряли почву.

К сожалению, в исторической науке установился прочный взгляд на различие в занятиях поселенцев северолесной и южностепной полосы. Если для последней земледелие как основная отрасль хозяйства фиксируется за 2—3 тысячи лет до нашей эры, то в северолесной полосе не только в это время, но много позже считают господствующим занятием охоту и рыболовство. Если на юге пашенное земледелие относят уже ко времени Геродота, то на севере, особенно на Смоленщине, считают, что мотыжничали даже в XI—XII веках.

Отсюда делают всякие производные выводы — об отсталости в развитии материального производства и социальных отношений. Отсталость земледелия на Смоленщине объясняют только тем, что здесь не найдена пока соха или ее части.

Известно, что кривичские поселенцы в верховье Волги уже занимались земледелием, и в кургане у Переяславля Залесского найден железный сошник¹. Мало этого, кривичские поселенцы древней Ладоги (VI—VII века) уже знали пашенное земледелие, о чем говорят раскопки В. И. Равдоникаса. Он обнаружил в древних пластах и железный сошник, и зерна ячменя, проса и льна². Обнаруженный в слое VII века железный сошник, как правильно замечает Б. Д. Греков, «свидетельствует о пашенном земледелии в районе Ладоги»³. Кроме того, раскопки Ковшаровского городища под Смоленском дали большое количество свидетельств (зерна пшеницы, ячменя, овса, проса, большое количество серпов, кос и т. д.), которые говорят о довольно развитом земледелии⁴. Разнообразие сельскохозяйственных культур указывает, что земледелие на Смоленщине прошло в своем развитии к X—XII векам уже длительный срок. Поэтому неудивительно, что кривичские поселенцы Ладоги пришли туда в VI веке (или около этого времени), уже хорошо знакомые с пашенным земледелием, которым, безусловно, давно занимались у себя на родине — на Смоленщине.

О господстве у славян в лесной, северной полосе земледелия говорит и славянский календарь — название месяцев в зависимости от тех или других видов сельскохозяйственных работ, так, например: январь — просивец, февраль — сечень (вырубка леса под пахоту), март — сухой (сушка срубленного леса), апрель — березол (превращение срубленной березы в золу), май — травний (покрытие земли, лугов травой), июнь — червень (появление красной лесной ягоды — земляники), июль — липень (цветение липы, обильный сбор роями диких пчел меда), август — жнивень (уборка, жатва хлебов на севере; на юге это делалось раньше, в июле), сентябрь — вресень (от «врещи» — молотить), октябрь — жовтень (когда леса становятся

¹ Арциховский А. В., Введение в археологию, 1947, стр. 195.

² «Вопросы истории» № 7, 1948, стр. 148.

³ Греков. Б. Д., Киевская Русь, 1949, стр. 102.

⁴ Научные известия Смоленского университета, т. III, 1926, стр. 232.

золотистыми), или листопад, ноябрь — грудень (замерзшая земля делается «грудкой») и декабрь — студений. Таким образом, в этом календаре отражается культ северного земледельца. Этот календарь дает возможность предполагать, что северные, лесные племена (в частности кривичи) в период становления славянства V—VI веков не были отсталыми среди восточного славянства и что южное, степное земледелие в это время потеряло свое ведущее значение, будучи основательно разорено восточными ордами (гунны, авары).

Помимо земледелия большое значение у северных славян приобрела охота, которая рано превратилась в доходное промысловое хозяйство.

Охота велась как на дичь (птицы, мелкие звери, козы, свиньи, лоси), так и на пушного зверя (лиса, соболь, горноста́й, куница, песец, волк, медведь). Особое значение приобрела в связи с ростом торговли охота на выдр и бобров, которых много водилось в Днепре и его притоках. Даже в наше время выдры и бобры водятся в притоках Днепра — Хмости, Вопи, Соже, Ипути и т. д. В те отдаленные времена, о которых сейчас идет речь, выдры и бобры водились в больших количествах. Охота на пушного зверя вскоре превратилась в важнейшее промысловое хозяйство, дававшее предметы для обмена.

Следующей важнейшей отраслью хозяйства было бортничество. Вначале люди пользовались медом хищнически, разоряя в дуплах пчелиные гнезда. Потом стали пользоваться медом, не разоряя пчелиных гнезд, готовили рядом в деревьях дупла, чтобы молодые рои оседали и водились на месте. Так развивается бортничество. Впоследствии оно постепенно переходит к пасечному пчеловодству. Воск и мед становятся важнейшим товаром внешней торговли.

Вместе с этим издавна начало развиваться и производство различных орудий труда и предметов. Еще в неолитических стоянках были обнаружены мастерские по выделке предметов из камня и кости. В дальнейшем ремесленное производство все более и более развивается и постепенно отделяется от других занятий.

Кривичские поселенцы древней Ладogi уже в VI—VII веках знали довольно развитое ремесленное произ-

водство. В нижнем слое Ладоги (VII—VIII века) обнаружены льячки, тигли, литейные формы. «Найдены материалы, необходимые для металлического и ювелирного производства — необработанный металл, золотая проволока, бруски меди... Изделия ремесленников тоже представлены неплохо: золотые изделия, цепочки, височные кольца кривичского типа, янтарные изделия»¹.

В результате длительного развития ремесленного производства на Смоленщине «обработка металлических украшений доводилась... до известной технической виртуозности» — такое заключение сделал В. И. Сизов в результате долгого изучения, обследований и раскопок Гнездовских курганов.

Если несколько систематизировать предметы материальной культуры, обнаруженные в разных местах Смоленщины, то поражает обилие видов этих предметов².

Только из железа вырабатывалось на Смоленщине свыше 40 видов предметов. Здесь выделялись различные сельскохозяйственные орудия — косы, серпы, мотыги, ножницы для стрижки овец и др. Из орудий труда найдены пилы, пилокки для вырезывания пазов, шилья и ножи самых различных видов по величине, форме и отделке, шарнирные ножницы, щипцы, щипчики, топоры, рейсмусы, долота, иглы, гарпуны, крючки, остроги.

В Гнездовских курганах обильно представлены различные предметы вооружения — мечи разной величины и отделки, кольчуги из медных и железных колец, шлемы разной отделки, кинжалы, ножи, наконечники копий и стрел разнообразной формы, луки, разные предметы для снаряжений воинской лошади — удила, стремена, шпоры из железа и серебра.

¹ Много обнаружено предметов быта — замки, ключи, дужки от ведер, булавки, разного рода пряжки, пробои, кольца с пробами, скобки, петли, крепки, колокольчики,

¹ Греков Б. Д., Киевская Русь, 1949, стр. 102.

² а) Научные известия Смоленского университета, том. III, вып. 3, 1926.

б) записки отделения гуманитарных наук, книга 2. Работа археологической комиссии Белорусской Академии наук, 1930.

в) Сизов В. И., Курганы Смоленской губернии вып. I, 1902.

г) Спицын А., Гнездовские курганы в раскопках Сергеева.

бубенцы, гребешки, обручи, сковороды, а также карманные весы, гири и т. д.

Исключительно многочисленно и разнообразно представлены предметы украшений — кольца височные различных видов по размерам, отделке и материалу, шумящие подвески, фибулы, ожерелья, застежки, пряжки (около 10 видов), перстни (14 видов из серебра с зернью, из меди со стеклянными камнями), луницы (семь видов), браслеты (13 видов), бусы (54 вида, разных по форме, цвету, размерам, отделке и материалу, наибольшее количество из стекла, много с позолотой, пять видов сердоликовых бус, три вида из хрусталя, из янтаря, серебра, амальта, встречаются бусы с зернью), шейные гривны и т. д.

А. С. Гушин отметил, что серебряные лопасные бусы, тисненные с зернью, обнаруженные в Гнездовском могильнике, являются продукцией ювелиров X века. Производство данного вида бус говорит о высоком уровне техники ремесла и высоком искусстве местных ювелиров¹.

Найдено много орудий труда, говорящих о том, что здесь была развита местная металлургия, гончарное, плотницкое, бондарное, портняжное, текстильное и другие виды производства.

Наиболее часто находили льячки в разных местах (и, в частности, в самом Смоленске у Соборного холма), железные кузнечные клещи, куски болотной руды, груды железного шлака, медного лома, куски проволоки, слитки, куски и пластинки железа, серебра, бронзы, олова, куски золота, отдельные кольца для кольчуг, котлы из железа, меди, пряслица из глины и шифера, костыли, гвозди для изготовления лодок, бляшки, гвозди для изготовления щитов, спицы, разные пилы и пилки, жернова в большом количестве, шайбочки.

Многие предметы местного ремесла вывозились по Волге через Булгар и Итиль в Среднюю Азию. Б. А. Рыбаков приводит сообщение араба Аль-Мукаддиси (X век), что в Хорезм по Волге провозили такие предметы ремесла, как юфть, свечи, высокие шапки, янтарь,

¹ Гушин А. С., Памятники художественного ремесла древней Руси, 1936, стр. 31.

мечи, стрелы, кольчуги и многие другие продукты охоты и сельского хозяйства¹.

Правда, Аль-Мукаддиси не указывает точно откуда — из Смоленска или Новгорода — вывозили указанные предметы. Но, принимая во внимание, что в Новгороде к X веку не могло еще ремесло развиваться в такой мере, чтобы производить кольчуги (да они и не обнаружены там), а под Смоленском в курганах IX—X веков их найдено достаточно много (и даже обнаружено единственное на Руси захоронение бронника), можно сказать, что Смоленск в докиевский период был крупным центром ремесленного производства. Здесь создавались сложнейшие предметы вооружения вроде кольчуг, которые только в XII веке проникли в Европу.

В последнее время исследования Б. Кольчина окончательно утвердили мнение (Б. А. Рыбакова) о производстве мечей на Руси в IX—X веках и, в частности, об изготовлении их в Смоленске. Б. Кольчин при помощи спектрального анализа доказал, что химический состав гнездовских мечей и местной болотной руды одинаков, что мечи производились из местной, смоленской руды.

Все описанные выше находки ярко свидетельствуют о развитии и самом разнообразном ремесленном производстве, о высокой и самобытной культуре на Смоленщине в докиевский период (с VI по X век).

Таким образом, кривичская земля знала высокий уровень развития материальной культуры как раз в то время, когда в Среднем Поднепровье наблюдался упадок в результате страшных разрушений со стороны кочевых орд.

Вообще на юге в степных районах не раз наблюдались грубые нарушения процесса развития материальной культуры со стороны отсталых кочевых орд, вторгавшихся с востока. Достаточно высокую культуру скифов-пахарей основательно разрушили сарматы. «Вторжение сарматов отразилось на судьбах и земледельческих племен Западной Скифии». «Они разрушили скифское политическое образование и установили свою гегемонию не

¹ Рыбаков Б. А., Статья «История культуры Древней Руси». 1948, стр. 319.

только в области степей, но и далеко за их пределами». Под натиском сарматов часть скифов-земледельцев была вынуждена оставить свои старые места и уйти к югу, в пределы Таврии, а также в лесные районы¹.

Еще Д. Я. Самоквасов, который долгое время изучал материальную культуру древних поселенцев Причерноморья и Среднего Поднепровья, сделал наблюдение о разрушительном влиянии кочевников-сарматов на достаточно высокую культуру скифских племен. Он приводит в подтверждение этого тезиса высказывание Диодора Сицилийского, что «племя сарматов... опустошило значительную часть Скитии и, поголовно истребляя побежденных, превратило большую часть их страны в пустыню»².

Разрушительное влияние на развитие культуры земледельческого населения Юга оказало и вторжение готов. Это вторжение снова привело к «значительному отливу населения из области Среднего Поднепровья и северного Прикарпатья»³.

То же произошло и в период господства гуннов, когда значительное количество населения передвинулось в это время на север, точно так же, как это бывало не раз в эпоху средневековья, в периоды активизации кочевников⁴.

Особенно разрушительно на культуре Юга сказалось вторжение диких орд—аваров, обрвов. Авары-кочевники презирали земледельческую культуру и называли славян буйволами⁵. Рассказы о зверствах аваров дошли до летописного периода, и Нестор подробно передает акты насилия, чинимые аварами дулебам.

Все эти вторжения диких, отсталых кочевых племен часто нарушали исторический процесс на юге, тормозили развитие материальной культуры, своей примитивной

¹ Третьяков П. Н., Восточно-славянские племена, 1948, стр. 38.

² Самоквасов Д. Я., Описание археологических раскопок и собрания древностей, М. 1908, стр. 146.

³ Третьяков П. Н., Восточно-славянские племена, 1948, стр. 71.

⁴ Там же.

⁵ Карамзин М. Н., История Государства Российского, 1842, примечания т. I, стр. 20.

культурой оказывали, на нее вредное влияние. Мы знаем, как дорого для Руси обошлось вторжение татаро-монголов, которые сметали на своем пути цветущие русские города с их высокой культурой.

Авары разрушили антский союз, нанесли непоправимый удар по довольно богатой культуре антов, привели к значительному отливу населения со Среднего Поднепровья на север, в лесные районы, и привели также к значительному упадку культуры на юге (VII—IX века). «Такие события, как вторжения гуннов, войны на Балканах, движения славян за Дунай и все последующие политические сдвиги в жизни Юга не раз нарушали ход исторического и этногонического процесса в среде антских племен и в их потомках»¹.

Поэтому не только нарушалось и тормозилось развитие материальной культуры на Юге, но под влиянием кочевых племен изменялись и бытовые традиции южан. Здесь была нарушена преемственность культуры племен эпохи погребальных урн, с обрядом трупосожжения. Действительными наследниками ее в Восточной Европе оказались кривичи, у которых традиция захоронения в урнах получила свое дальнейшее развитие в многочисленных смоленских курганах.

Единодушные показания Прокопия и Маврикия Стратега (VI век) о том, что южные племена «ведут жизнь бродячую», часто меняют место жительства, заслуживают внимания и говорят о беспокойном положении на юге, о нападениях кочевников, заставлявших земледельцев часто бросать обжитые места. Эта обстановка не могла не тормозить развитие ремесла, сосредоточения его в определенных пунктах, образование городов.

На севере в верховьях рек, и, прежде всего, Днепра исторический процесс протекал автохтонно, и развитие культуры (материальной и духовной) грубо не нарушалось — она сохранила самобытные славянские черты. Правда, и северные племена не раз сталкивались с кочевниками (аланы, роксоланы, гунны), но кочевники здесь не могли задержаться надолго и оказать пагуб-

¹ Третьяков П. И., Восточно-славянские племена, 1948, стр. 136.

ное влияние на развитие местной культуры, затормозить ее. Поэтому здесь могли вырасти крупнейшие ремесленно-торговые центры, вроде Смоленска, богатство материальной культуры которого видно из огромнейшей (единственной в мире по величине) Гнездовской курганной группы. Здесь на севере мог образоваться исключительно мощный и устойчивый племенной союз «верховцев»-кривичей, охватывавший огромную территорию.

«Могущество и многочисленность этого русского племени (кривичей — Д. М.), распростершего свои влияния от реки Великой до Западной Двины, от Изборска и Пскова, от дремучих литовских пущ до верховьев Волги, Угры и Москвы-реки, Ростова и Ярославля, земли летописной мери, земли Суздальской, от Наровы и Луги на севере до средней Березины и верховьев Днепра на юге, отразились и в рассказах нашей летописи, и в легендах о «Великой Криви», и, наконец, в этой исторической роли кривичей, которую они сыграли в продвижении славян на запад, север и восток, в создании Киевского государства»¹.

Поэтому, нам кажется, прав летописец, считая Киев во второй половине IX века «малым градком», и в то же время подчеркивая, что Смоленск был уже «градом» очень крепким и многолюдным². Совершенно справедливо замечает М. Н. Тихомиров, что «археологические наблюдения, сделанные на территории Киева, подтверждают наше представление о небольших размерах первоначального города...» Киев был расширен только при Ярославле, заложившем в 1037 году «город великий Киев с золотыми воротами»³.

Выгодное географическое положение Киева, его близость к Византии, огромные богатства которой привлекали уже окрепших северных феодалов, превратили Киев в центр русского государства. Этим превращением Киев обязан, в известной мере, мощи (материальной и военной) северных славян. Через сто лет после утверждения в Киеве власти северного князя и его феодалов Киевская область была еще малонаселенной и имела

¹ Мавродин В., Древняя Русь, 1946, стр. 85.

² Тверская летопись под 865 г.

³ Тихомиров М. Н., Древне-русские города, 1946, стр. 13.

«оже мало городов около Киева» и только Владимир Святославич «нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубеже, и по Суле, и по Стугне». Заселить эти крепости Киевская область не смогла, и пришлось Владимиру «нарубати муже лучшие от Словень, и от Кривич, и от Чюди, и от Вятч, и от сих насели грады»¹.

Северные славяне, и, прежде всего, кривичи, расселялись не только на север, северо-восток и запад, но и на юг, осваивая обезлюдившие области. «О северных поселениях на Днепре говорят некрополи древнейших центров Среднего Поднепровья — Киева и Чернигова. Еще раскопки Д. Я. Самоквасова в черте Чернигова и его ближайших окрестностях показали, что в IX—X столетиях здесь бытовали параллельно два погребальных обряда: обычное для северных племен трупопожжение с последующим помещением остатков сожженных в курганную насыпь, и захоронение умерших в ямах... Эти же два погребальных обряда встречены в Киевских некрополях. И здесь местные жители — потомки антов—погребали своих умерших в земле, а выходцы с севера по обычаю своей земли совершали сожжение... Таким образом, движение восточных славян на юг, о котором говорят археологические данные, представляло собой своего рода последний отголосок «великого переселения народов»².

Строительство Киева при Владимире и Ярославе и рост его богатства, материальной культуры шли главным образом за счет собираемой дани со славянских племен и особенно за счет богатых и больших северных городов. Известно, что только Новгород давал князю 3 000 гривен (около 1 500 фунтов серебра), из которых непосредственно в Киев поступало 2 000 гривен. Надо полагать, что и Смоленск давал не меньше. Киев превратился в крупнейший мировой центр развития духовной и материальной культуры. В X—XII веках ни один род на Руси не мог равняться с Киевом ни по количеству населения, ни по степени развития ремесла и торговли.

Влияние богатой гнездовской культуры (IX—X ве-

¹ Лаврентьевская летопись под 988 г.

² Третьяков П. Н., Восточно-славянские племена, стр. 174.

ка) сказалось не только на юге, но распространялось далеко на восток, в Приуралье, в частности на камских болгар. А. П. Смирнов пришел к выводу, что ювелирная техника и формы украшений булгарами были заимствованы у смоленских кривичей¹.

Разложение рода и образование классового общества у северных славян

Развитие производительных сил, выразившееся прежде всего в применении новых орудий труда (замена мотыги плугом в земледелии), новых способов обработки земли и в отделении ремесла от сельского хозяйства, нанесло смертельный удар родовому строю — «родственные коллективы сменяются коллективами, объединяемыми общностью хозяйственных интересов»². Вместе с этим начинает создаваться крупная земельная собственность.

«Процесс образования крупной земельной собственности весьма длителен. Сколько-нибудь точную его периодизацию установить невозможно. Но совершенно неизбежно предполагать, что если этот процесс дал столь яркие и очевидные результаты к X—XI векам, то он протекал и в VIII, и в VII, и в VI веках и даже раньше. Ведь это же процесс разложения родовых отношений и образование классового общества в земледельческой среде»³.

Развитие частной собственности, рост имущественного неравенства, купля и продажа ускорили переход «к обработке отдельными семьями» земельных участков, а также и рост индивидуального пчеловодства и лоуецкого хозяйства. Внутри родов и племен укрепились семьи, в руках которых сосредотачивалось управление, суд и военное руководство. Все эти должности постепенно начинают переходить в наследственную собственность определенных семей. Эти семьи выделялись из среды в прошлом равных в экономическом отношении членов рода. Как правило, эти семьи активно включаются в торговые операции как на внутреннем рынке, так и

¹ Смирнов А. П., Русский элемент в культуре Волжских болгар, Историко-археологический сборник, 1948, стр. 101—103.

² Греков Б. Д., Крестьяне на Руси, 1946, стр. 29.

³ Там же, стр. 94.

особенно с иностранными купцами, отчего они еще более обогащаются.

Интересы внутренней и внешней торговли предъявили требования к организации пунктов сосредоточения ремесла и сбыта товаров, где, естественно, создавались склады. Эти пункты должны были основательно укрепляться. Если случайный обмен происходил у старых городищ и довольствовался их небольшими размерами, то с отделением ремесла и развитием торговли потребовались значительные места, хорошо огороженные и укрепленные. Таким местом на Смоленщине могла быть, прежде всего, группа холмов-гор над Днепром, вблизи важнейших волоков с запада на восток и с юга на север. Для того, чтобы тому или иному укрепленному пункту превратиться в город, необходимо было сделаться ему сосредоточием ремесленного и торгового населения, в той или иной степени порвавшего с сельским хозяйством.

Город становится центром ремесленного товарного производства, рынком сбыта продукции и покупки сырья. Город, естественно, начинает привлекать многих людей из других племен.

На смену учреждениям родового строя приходит организация общества, устроенного по территориальному признаку. Частное хозяйство все прочнее завоевывает себе место, все упорнее вторгается в патриархально-родовые порядки. Если село еще продолжало цепляться за родовые порядки, то в городе они изжили себя много раньше. Город стал центром накопления богатства, в нем сосредоточились все предприимчивые люди, там собрались любители легкой наживы, было много людей переходных, готовых на всякие предприятия.

Положение Смоленска на перекрестке дорог рано предъявило требование к созданию вооруженной охраны, которая могла бы обеспечить господство знати среди соплеменников и в любое время защитить религиозные святыни.

Кроме этого, в интересах знати, занимавшейся торговыми операциями, необходима была охрана торговых караванов, путей и волоков.

Все это должно было рано вызвать к жизни мощную военную организацию в Смоленске. Если раньше вооруженные отряды создавались только на случай

войны, а по ее окончании войны возвращались к обычным занятиям, то теперь формируется постоянная военная сила — дружина. Эта дружина в мирное время выполняла функции охраны и обеспечивала власть знати, а в военное время поставляла кадры командиров для народного ополчения. Если раньше военачальник (вождь) избирался каждый раз, когда началась война, то теперь он был постояннодействующим лицом. В его распоряжении всегда находилась реальная сила — вооруженный отряд. Если раньше воинами были только члены родов, племени, то теперь дружинников частично вербуют и из пришлого люда, привлекают и бывших военнопленных и чужестранцев — варягов.

Эта дружина не могла удовлетворяться простой ролью постоянной охраны. Когда военачальник был предприимчивым, энергичным вождем, то он, естественно, организовывал походы с целью грабежа. К этой предприимчивости смоленских вождей толкала их роль водителей торговых караванов во все стороны — на юг, север, запад и восток. Вместе с купцами дружинники могли бывать в далеких странах и видеть на рынках Каспия, Черноморья большие богатства, что неизбежно разжигало жажду наживы. «Богатство соседей возбуждает жажду у народов, приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов, в их рвах зияет могила родового строя». (Энгельс).

Эти войны являются новым источником накопления богатства, а их участники — дружинники — богатеют и превращаются в новую знать, которая ослабляет влияние старой знати, выросшей из недр родового строя. Вместе с этим постоянные «грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычай избрания их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в

наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства»¹.

Таким образом, «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племени для собственного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных»².

Рост имущественного неравенства, обогащение крепнущих феодалов прослеживается при раскопках многочисленных смоленских курганов. Здесь можно наблюдать яркую дифференциацию и классовое расслоение общества как по величине курганов, форме их, так и по количеству инвентаря, разного рода вещей. Наряду с погребениями крупных феодалов, военачальников, курганы которых высоки и богаты дорогими вещами — оружием, украшениями, — имеются курганы средней и малой величины и с небольшим количеством вещей. В средних курганах хоронили дружинников и богатых горожан. Крупных феодалов, военачальников, князей хоронили с рабынями и слугами, чего не делали при захоронении рядовых дружинников и горожан.

Еще ярче отличие захоронений рядовых общинников-крестьян (сябров) от захоронений феодалов. Общинников-сябров хоронили в длинных курганах, в которых имеется по нескольку трупосожжений. В этих курганах или очень мало вещей, или совсем их нет. Здесь во всем — и в величине кургана и в инвентаре — чувствуется бедность. По времени насыпания их относят к VI—IX векам. Эти курганы некоторые археологи и историки считают погребениями «времен родового строя».

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1949, стр. 170—171.

² Там же, стр. 158.

Данное определение, безусловно, устарело. Последние исследования¹ убедительно доказали, что в VI—IX веках родового строя у восточных славян уже не было, что с IX века на Руси утвердился феодальный строй. «...крепостничество, — как указал В. И. Ленин, — может удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век...)»².

Родовой строй у восточных славян и особенно у тех племен, которые жили по важнейшим путям (Среднее Поднепровье, Верхнее Поднепровье, Приильменье), стал разлагаться на заре нашей эры, и антский период является временем становления классового общества. Совершенно прав М. Артамонов, который утверждает, что уже скифы, как и древние германцы, находились на этапе разложения родового строя, который Энгельсом назван «военной демократией»³.

Поэтому относить длинные курганы VI—IX веков к родовому строю и видеть в них родовые усыпальницы в настоящее время никак нельзя.

Эти курганы являются кривичскими могилами сябров-общинников. Длинные курганы были своеобразными усыпальницами больших семей патриархального типа. Эти курганы несколько напоминают Приладожские многоярусные сопки. А. Спицын в 1895 году остроумно назвал эти сопки «семейными склепами» чуди⁴.

Расселение кривичей

Как выяснено выше, предки кривичей издревле жили на Смоленщине, вначале на возвышенных местах по многочисленным путям и волокам, а по мере увеличения населения расселялись в разных направлениях, пользуясь этими же речными путями и волоками.

Уже в период начавшихся оживленных торговых

¹ Греков Б. Д., Крестьяне на Руси, 1946, Киевская Русь, 1949. Довжонюк и Брайчковский М., О времени сложения древней Руси.

² Ленин В. И., соч., т. 20, изд. 4, стр. 348.

³ Артамонов М., О земле и землевладельческом празднике у скифов, ученые записки Ленинградского университета, отдел исторических наук, вып. 15, 1947, стр. 19.

⁴ Материалы по археологии России № 18, 1895, стр. 146.

операций с Западом (VII—VIII века) кривичская знать действительно нуждалась в базах. С этой целью был создан ряд крупных пунктов — Лодейницы, Волоковая, Каспля, Витебск, Полоцк и др. Эти пункты охраняли торговые операции по Западной Двине. Кроме этого, из Витебска, Полоцка кривичская знать обеспечивала подчинение местного населения, жившего в низовьях Западной Двины, в эти пункты поступала дань с местного населения. Колонизация кривичей развивалась на восток, север и северо-восток. Там же создавались форпосты. В частности, на востоке и северо-востоке были созданы города — Вержавск, а дальше Суздаль и др. Из этих мест Смоленск также получал дань вплоть до XII века. При Юрии Долгоруком эта дань перестала поступать. Смоленский князь Ростислав требовал ее уплаты. В его грамоте (1150 год) говорится: «Суждали Залеская дань, оже воротить Гюрги, а что будет с ней из того св. богородицы десятина»¹.

Таким образом, с дальнего северо-востока, с Суздальской земли поступала залесская дань (в отдаленные времена смоленские кривичи Ростово-Суздальскую землю называли Залесской).

По всем речным путям были построены крепости: по центральной линии на восток видим поселения и укрепления — Дорогобуж, Вязьма, на волоке Днепра в реку Вазузу — ряд погостов с Вержавском. По направлению из Днепра в Угру имелись тоже древние городища и укрепления — там были Волочок и Хорвач. На пути из Днепра в Десну возникли города Пацынь и Ельня.

От Смоленска к северу также имелись древние укрепленные пункты — Усвят, Торопец, Изборск, Псков, Ладога.

Деятельность по охране торговых путей нашла свое позднейшее выражение в договорах. Так, князь Мстислав Давыдович, заключив договор с немцами, обязался обеспечивать перевоз и охрану торговых караванов на волоках.

С этой целью смоленские князья укрепили по волоку ряд городищ, около самого волока построили крепости

¹ Дополнение к актам историческим, т. 1, № 4.

Волововую и Лодейницы — и при впадении реки Каспли в Касплянское озеро — крепость Касплю.

Трудно допустить, что экономическим, военным и религиозным центром северных славян в древние времена (VI—VIII века) был болотистый волховско-ильменский север, с Новгородом во главе. Одно название «Новгород» говорит за себя, а также и о том, что там, где-то на севере, в древности был какой-то старый город. Если принять во внимание рассказы древних писателей о северных странах, о неврах, отсутствие в этих рассказах упоминаний о жителях Волхова, а, наоборот, наличие сведений о жителях Поволжья, Урала, то можно предположить, что на рубеже нашей эры эти места считались глухими, о них ничего не знали. Новгородская земля в те времена не могла привлечь оседлого земледельца, так как там даже в XII—XIII веках земледелием занимались в ограниченных размерах, и жители Новгорода всегда нуждались в привозном хлебе с верховьев Волги или с юга — из Смоленщины, Северщины.

Славянские поселенцы Смоленщины уже в период распада родового строя, в период, когда война сделалась постоянным промыслом, проникли на север, покоряя местные племена — чудь, мерю, весь и др.; для сбора дани там создавались укрепленные пункты, города.

А. Спицын, анализируя предметы материальной культуры, найденные во Владимирских курганах, пришел к выводу, что «в X веке Ростовская область была заселена значительными массами смоленских кривичей, занимавших не только Ростов, но также Ярославль, Суздаль, Юрьев и Переяславль... Из остальных русских племен вятичи, радимичи, северяне не имели никакого отношения к Владимирской области; поляне, древляне, дреговичи если и высылали на север избытки населения, то в очень ограниченном количестве; колонизация со стороны Новгорода если и была, то нет никаких оснований считать ее сколько-нибудь значительной. В XI—XII веках Ростово-Суздальская область имеет, может быть, довольно пестрое население, но преобладают в нем самым решительным образом кривичи»¹.

¹ Спицын А., Владимирские курганы, Известия архивной комиссии, вып. 15, 1915, стр. 172.

Утверждение А. Спицына о том, что «в X веке Ростовская область была заселена значительными массами смоленских кривичей, занимавших не только Ростов, но также Ярославль, Суздаль, Юрьев, Переяславль», имеет для нас большое значение. Отсюда напрашивается ряд выводов: во-первых, заселение такой большой территории не могло произойти сразу, а потребовался значительный отрезок времени, по меньшей мере 3—4 столетия, чтобы накопился излишек населения на Смоленщине, который постепенно осваивал отдаленные от старого племенного центра районы, и, таким образом, начало освоения нужно отнести не позже V—VI веков нашей эры.

Во-вторых, этот излишек населения осваивал Верхнее Поволжье путем постройки укрепленных пунктов, городов. Из этих вначале укрепленных пунктов (форпостов); а потом городов смоленская кривичская знать подчиняла своему влиянию окрестное население и районы их бытования. Это «влияние» прежде всего выразилось в организации грабежа местного населения.

В-третьих, время существования государственного образования Славии, или Славонии (VII—VIII века), в состав которой вошло прежде всего Поволжье, было периодом наиболее интенсивного заселения его со стороны смоленских кривичей и, значит, уже Верхнее Поволжье подчинялось Смоленску и поэтому только он мог быть центром Славии, или Славонии. Этот центр не мог находиться в районе Ильменя — Волхова, так как в X веке, как утверждает Спицын, «колонизация со стороны Новгорода если и была, то нет никаких оснований считать ее сколько-нибудь существенной», а тем более она не могла иметь места в VI—VII веках, так как в то время и самого Новгорода еще не было. Центром Славии не могла быть также и Ладога, молодой и самый северный пункт смоленских кривичей.

Колонизация Верхнего Поволжья не предпринималась также со стороны славянского племени вятичей (Ока). Это мнение А. Спицына подтверждает и позднейший археолог, исследователь этих мест А. В. Арциховский. Последний также отвергает возможность заселения Верхнего Поволжья вятичами и вместе с этим он указывает, что различные летописные известия «рису-

ют вятичей племенем, живущим в своих лесах совершенно обособленно от всех русских племен»¹.

Само название «Волга» произошло от кривичского слова «вълга», что означало «влага»².

Выпячивание Новгорода на первый, ведущий план в истории славянства можно объяснить рядом причин. Прежде всего, в период составления летописей Новгород основательно укреп. Во-вторых, Новгород сохранил свои летописные списки, в которых монахи, местные патриоты всячески превозносили свой город и свою землю. В-третьих, к началу образования Киевского государства Смоленск переживал период упадка и ко времени составления первых летописных сводов не смог еще оправиться, а главное, Смоленск не сохранил своих летописей, которые могли бы приковать к себе внимание историков.

Многие лингвисты и археологи (Соболевский, Шахматов, Спицын, Державин и др.) по языковым и археологическим данным роднят новгородских словен и кривичей.

Новгородские словене и кривичи имеют общее историческое прошлое. Кривичи — самое многочисленное славянское племя. Уже в IX—X веках кривичи занимали самую большую территорию среди других племен. На этой территории можно разместить целые государства.

Летописец говорит, что «кривичи, иже сидят вверх по Волге, и вверх по Двине и вверх Днепра их же град есть Смоленск».

О том, что славяне пришли в Волхово-Чудский район с юга, с верховьев Днепра, говорят раскопки древнего Пскова, особенно Ладоги. В. И. Равданикас на основании найденных в древних пластах (VII—VIII века) предметов пришел к выводу, что первыми поселенцами Ладоги были кривичи, пришедшие с верховьев Днепра. Это подтверждается также курганами, насыпанными около Ладоги, которые однотипны с Гнездовскими³.

Вслед за В. И. Равданикасом академик Б. Д. Греков считает, что Ладога «славянское поселение и именно

¹ Арциховский А. В., Курганы вятичей, Ранион М., 1930.

² Черных П. Я. Язык и письмо, История культуры древней Руси, т. II, 1951, стр. 119.

³ «Вопросы истории» № 7, 1948, стр. 148.

кривичское. За правильность такого заключения говорят следующие соображения: во-первых, сходство керамики с керамикой Верхнего Днепра, височные кольца кривичского типа, характер деревянных построек...»¹.

Таким образом, смоленские кривичи, заселяя Волховский район, создавали там свои форпосты — укрепленные пункты, — откуда распространяли свое влияние на местное население.

Освоение севера происходило постепенно и протекало в условиях ожесточенной борьбы как с неприветливой для славянина-земледелца природой, так и особенно с воинственными местными финскими племенами. Для этого освоения требовалась близкая военно-экономическая база и достаточно хорошо организованная военная сила. Это не могло произойти в период родового строя и может быть отнесено к периоду военной демократии, когда уже стал складываться государственный организм, обладающий довольно большой вооруженной силой.

Кривичи, как славянское племя летописного периода, являются потомками тех многочисленных племен, которые объединялись в союзы, возглавлявшиеся то чеврами, то аланами, то ставанями-славянами.

Этот племенной союз в дальнейшем расчленился на несколько самостоятельных племен: смоленских кризичей, новгородских словен, полочан и дреговичей.

Последний исторический акт, дошедший до нас и говорящий об их единстве, выразился в создании государства Славонии или Славии. Факт о том, что новгородцы, кривичи были когда-то в одном племенном союзе, в виде преданий дошел до первого русского летописца, и он много раз связывает их судьбы воедино:

- 1) совместная борьба с варяжскими завоевателями,
- 2) легенда о признании князей,
- 3) организация походов Олега, Владимира на юг — Киев, завоевание Среднего Поднепровья и т. д.

Будучи едиными и организованными в первом государственном объединении, предки кривичей и новгородских словен представляли внушительную силу, они могли подчинить своему влиянию многочисленные финские, литовские племена, а также организовать торговые опе-

¹ Грехов Б. Д. Киевская Русь, 1949, стр. 103.

рации далеко за пределами родины. Через несколько столетий, уже после распада государства Славии, арабы Волгу продолжали называть Славонией. Ибн Хардабе (середина IX века) писал, что «славяне ходят на кораблях по реке Славонии, проходят по заливам Хозарской столицы, где владетель ее берет с них десятину. Затем они ходят к морю Джурджана и выходят на любой берег... Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад. Они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии»¹.

Таким образом, у хозар и арабов в IX веке сохранились названия государства и реки, и эти названия однокоренные.

При определении центра государства Славии предполагают, что он находился в Новгороде, хотя в то время, безусловно, не было еще и самого Новгорода. Постройка его, по смыслу русских летописей, относится не раньше как к середине IX века. «И всташа словене и кривичи, меря и чудь на варяги и изгнаша я за море и начаша владети сами себе. Словене свою волось имаху: и поставиша град и нарекоша и Новгород и посадиша старейшиму Гостомысла, а кривичи свою».

Значит, в это время произошло окончательное раздробление северных славян на две волости.

Кроме того, тщательные раскопки Новгорода, производимые в течение нескольких лет экспедицией Института материальной культуры Академии наук СССР под руководством А. В. Арциховского, не обнаружили там материальной культуры ранее X века².

Таким образом, Новгород не мог быть центром Славии, а древняя маленькая крепость Ладога, занимавшая самую северную точку славянских поселений, тем более не могла быть столицей государства Славонии или Славии.

Совпадение названия государства Славия или Славония с именем волховских словен не может служить главным (и по сути дела единственным) мотивом, оправ-

¹ Гаркави А. Я., Сказание мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 49.

² Арциховский А. В., Новгород Великий по археологическим данным, Известия Академии наук СССР, стр. 49—54.

дывающим предположение, что столица этого государства находилась в Новгороде или где-то на Волхове, и верходнепровские жители носили имя «словени» от птоломеевских «ставаней». В то же время у них была кличка-прозвище «верховцы», т. е. кривичи.

Если смоленские кривичи могли создать крепости-форпосты — Псков, Ладогу — в VI—VII веках, то значит у них должен быть старый племенной центр — город. Этим городом и мог быть только Смоленск. Кроме того, Смоленск из всех ранних кривичских укрепленных пунктов был самым мощным и неприступным и издревле являлся религиозным центром.

Отдельное упоминание о государстве северных славян — Славии не позволяет сделать какие-либо определенные выводы о его образовании и развитии.

Можно предположить, что это государство возникло в период военной демократии, когда уже окрепшая политически и экономически знать нуждалась в определенной организации для обеспечения своего господства. Кроме того, потребность держать в зависимости различные племена, жившие в бассейне реки Западной Двины, в Приладожье, в верховье Волги, а также необходимость вести непрерывные войны с ватагами грабителей, вторгавшихся с низовьев Волги, с Рижского и Финского заливов, вынуждали северных славян создавать постоянную вооруженную силу, и строить ряд укрепленных пунктов на западе, севере, востоке и юге, иметь более или менее централизованную форму управления. Но это государственное образование не могло быть прочным: огромная территория северных славян требовала большого напряжения, чтобы оградить ее от нападения внешних врагов. На далеких от центра окраинах необходимо было создать постоянную и значительную вооруженную силу. Наличие этой силы укрепляло местную знать, да и сами военачальники, командиры местных отрядов-дружин превращались во влиятельных людей, в их руках сосредотачивались значительные богатства, и они не могли не тяготиться зависимостью от старого племенного центра. Кроме этого, из-за отдаленности не только население, но даже знать не могла принимать участия в решениях важнейших вопросов племени — народа — и должна была выполнять их так, как они ре-

шались в центре. Каждый из отдаленных районов (Залесье, Ильмень, Волхов, земли по среднему и нижнему течению Западной Двины) имел свои особенности в экономическом развитии и во взаимоотношениях с местными племенами, что постепенно откладывало свой известный отпечаток на их экономическом и культурном укладе.

Все это, естественно, вызывало и питало сепаратистские тенденции, стремление отделиться от старого племенного центра и создать свою «волость».

По мере накопления богатств у местной знати сепаратистские тенденции все более крепились и развивались. Противоречия между старым племенным центром Смоленском и западным форпостом кривичей Полоцком развились настолько, что впоследствии наложили свою печать на историю Смоленска и Полоцка. Последний в течение столетий вел борьбу со Смоленском, стремясь отстоять свою независимость, пока не попал под власть Литвы.

Рост сепаратизма окраин совпал с усилением вторжений варягов, что, в конце концов, и привело к распаду Славии, а потом и подчинению части северных славян варягам, которые обложили их данью. Варяги, как говорит летописец, «насилия деяху Словеном и кривичем».

Северные славяне, не желая терпеть гнет и насилия варягов, не прекращали с ними борьбу. С помощью племен мери и чуди варяги были разбиты и прогнаны за море, но воссоздать единое государство было невозможно. Земли северных славян окончательно раздробились на три самостоятельные волости: Кривичскую, Новгородскую и Полоцкую. Ростов попадает в сферу влияния Новгорода, а Суздаль-Залесье осталось в зависимости от Смоленска. В легенде о призвании князей говорится о том, что северные славяне разделились на несколько самостоятельных княжеств: в Новгороде оказался Рюрик, в Изборске — Трувор, в Ростове на Белом озере — Синеус, а в Полоцке вскоре появился Рогволод. Нет упоминаний только о Смоленске, о призвании князя туда. Данное умолчание о Смоленске можно объяснить тем, что там оставалась старая власть, старый князь, что не являлось новостью и поэтому не заслужило внимания летописца.

Разделению на княжества предшествовала борьба

Новгорода — Смоленска, Полоцка — Смоленска и т. д. Об этой борьбе летописец очень ярко говорит: «Всташа сами на ся воевать, и бысть меж ими рать велика и усобица, и всташа град на град»¹.

Хотя этой междоусобицей летописец объяснил необходимость призвания князей, но яркое подчеркивание остроты междоусобиц — указание на «войну великую», на то, что «всташа град на град» — говорит о борьбе между отдельными волостями или обособившимися землями, которые имели свои города. Эта ожесточенная борьба сохранилась в народной памяти и послужила летописцу мотивом, объясняющим необходимость призвания князей со стороны.

Новгород быстро растет и крепнет, усиливаются его связи с районами Верхнего Поволжья. Этим можно объяснить сообщение летописца, что после смерти Трувора Ростов подчинился Рюрику и принял его мужа — посадника.

Полоцкое княжество тоже окрепло за счет торговых операций с Западом, а также за счет расширения своего влияния, подчинения соседнего славянского племени дреговичей и ряда литовских племен. Полоцкие кривичи проникают далеко на запад и в бассейне Немана создают много поселений и укрепленных пунктов-городов (Черная Русь).

В бассейне Немана, как установил Н. П. Барсов, имеется свыше десятка населенных пунктов с названиями: Кривичи, Кривок, Кривны, Крево².

Смоленск терпит ряд неудач. Он не в состоянии выдержать борьбу с Полоцком, Новгородом и обеспечить свое господство на дальних путях, особенно на восточном. Образование Булгарского государства на Волге (при впадении реки Камы) и державы хозар на юге у Каспия, их укрепление привели к значительным потерям смолян в торговле с Востоком. Северные славяне, ослабленные борьбой, уже не могли очистить волжский путь от преград и препятствий, которые чинили булгары и хозары, снимавшие сливки с транзитной торговли Востока с Западом.

¹ Новгородская летопись, I, стр. 5.

² Барсов Н. П., Очерки русской исторической географии, 1885, стр. 178—179.

Мы не имеем достаточных сведений, рисующих борьбу различных центров, созданных на окраинах земли северных славян со Смоленском. Также неизвестны причины помимо междоусобиц, которые подорвали и ослабили силы старого центра — Смоленска. Летописный период застаёт Смоленск на втором месте на севере. Ведущая роль на севере и среди городов восточных славян переходит к Новгороду.

Образование Смоленска

Смоленск — один из древнейших городов Восточной Европы. Время образования Смоленска неизвестно, но во всяком случае крупной крепостью он был не позже рубежа нашей эры. О былом величии города Смоленска говорят многочисленные городища и курганы вокруг Смоленска, среди которых — значительное число древних образований.

Раннее образование Смоленска как крепости-города подтверждается прежде всего тем, что уже в VII — VIII веках, в период военной демократии, окрепшая кривичская знать начинает интенсивную колонизацию отдаленных северных и северо-восточных областей.

В VII веке строятся крепости на севере — Псков, Ладога и др. Продвижение туда, повидимому, сопровождалось военными экспедициями, частыми столкновениями с местными племенами, для чего требовались значительные постоянные военные силы, а также заготовка большого количества оружия и, значит, развитое ремесло. Кривичская знать для реализации своих обширных захватов должна была иметь достаточно сильный опорный пункт. Кроме этого, положение Смоленска на перекрестке мировых путей, по которым задолго до нашей эры часто двигались вооруженные ватаги купцов, грабителей, рано заставило местных поселенцев позаботиться о сооружении неприступной крепости и создать нужные средства борьбы. К услугам жителей оказалось много высоких холмов над Днепром, превратить которые в мощные крепости не представляло большого труда.

Древнейший Смоленск первоначально был расположен на Соборной горе, или холме. Этот древний город вырос на раннем городище, которое было исключительно

больших размеров — свыше 300 м в длину и около 200 м в ширину. С трех сторон городище было окружено глубокими оврагами, по которым протекали горные речушки, а с северной стороны его омывал полноводный в те времена Днепр. Только узким перешейком на юго-западе Соборный холм соединялся с нагорной местностью. Этот перешеек был скрыт и на его месте образовался сухой ров, как называли его в древности.

Как видно еще и на плане Гондиуса (1633 год), в центре старой крепости (Соборная гора) возвышался огромный холм, на котором Владимир Мономах в 1101 году построил собор. Этот холм и был кремлем древнейшего Смоленска. Подобный тип древнего городища — явление необычное.

У подножья холма, на большом городище, вероятно, помещались постройки ремесленников и купцов, а самый холм занимал князь с дружинниками-феодалами.

Это огромное городище с высоким холмом в центре поражало своей мощью и грандиозностью проезжающих по Днепру. Не случайно ватага Аскольда и Дира даже не пыталась штурмовать Смоленск и поспешила убраться восвояси. Этот холм с крепостью-городом повидимому, и мог получить название у скандинавов Холмгарда или Холмагорода. По смыслу изложения саги «О Тидрике Бернском» Холмгард локализуется не с Новгородом, а скорее со Смоленском.

Там говорится, что «немного времени спустя Гертнит Конунг (русский князь — Д. М.) снарядился в поход из Холмгарда и направился к северу по пути к земле вильтинов»¹, т. е. к Рижскому заливу. Только из Смоленска к Рижскому заливу в землю вильтинов можно было ехать, направляясь на север, а из Новгорода это было невозможно.

Древнее место Смоленска называлось Холмом еще и в XII веке, и князь Ростислав подарил его епископу.

Обилие Гнездовских курганов толкнуло некоторых археологов — А. Лявданского, А. Спицына и др. — выдвинуть предположение, что древний Смоленск помещался в Гнездове. Вслед за ними эту точку зрения при-

¹ Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук, 1906, т. XI, кн. 3, стр. 157.

нимают многие советские историки и археологи. А. В. Арциховский пошел еще дальше А. Спицына и А. Лявданского и превратил Смоленск в кочевника: сначала Смоленск помещался на городище в устье реки Ольши (13—14 км от теперешнего города), потом переместился на городище в устье реки Свинки, а «современный Смоленск является уже третьим местом; сюда город перешел, повидимому, на рубеже XI и XII веков»¹.

Совершенно справедливо замечает М. Н. Тихомиров, что «вопрос о взаимоотношении Гнездова к древнему Смоленску весьма важен для историка»². К сожалению, М. Н. Тихомиров тоже полагает, что древний Смоленск был где-то в районе Гнездова.

В. И. Сизов считал Гнездово торгово-промышленной частью Смоленска³.

Наиболее последовательным сторонником помещения древнего Смоленска в Гнездове являлся А. Лявданский, который возникновение города связывает с деятельностью норманов. Он утверждает, что древний Смоленск-Гнездово «к половине XI столетия приходит в упадок и за счет Гнездова возвышается Смоленск. К этому времени исчезают норманы. На основании многих кладов, находимых на территории бывшего Гнездова, можно допустить, что они спрятаны были, быть может, в бурные дни насильственного конца его»⁴.

Это утверждение, категорически выдвигаемое А. Лявданским в 1922 году, через четыре года даже после поверхностного обследования Соборного холма, несколько изменилось. А. Лявданский, удивленный древностью материальной культуры трех Смоленских городищ (Соборный холм, Лестровка, Рачевка), писал, что эти городища «древнее самого Смоленска, который, как известно, упоминается в летописях IX века». Но здесь его поразило новое явление, что второго культурного слоя, который бы относился к IX—XI векам, на Собор-

¹ Арциховский А. В., Введение в археологию, 1947, стр. 185.

² Тихомиров М. Н., Древнерусские города, 1947, стр. 17.

³ Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии, вып. I, Гнездовский могильник близ Смоленска, 1902, стр. 125—126.

⁴ Лявданский А., Материалы для археологической карты Смоленской губернии, Труды смоленских государственных музеев, 1922, стр. 168.

ном холме он не обнаружил. Найти нетронутые напластования сразу в одном колодце (а А. Лявданский вырыл только один колодец на северной стороне Соборного холма) было, безусловно, невозможно. Следует считаться с тем, что за длительный срок существования Смоленск много раз разрушался и восстанавливался, крепостные стены и Соборный холм реконструировались. Особенно пострадал Соборный холм при взрыве Мономахова собора 3 июня 1611 года. Поэтому А. Лявданский обнаружил в своем единственном колодце пять слоев: слой мусора (30 см), слой щебня (30—40 см), слой перемешанной земли со щебнем (около 60 см), слой перемешанной земли (около 1 м) и, наконец, древний культурный слой (30 см),

Необходимо произвести настоящие раскопки холма в разных местах и сплошными траншеями.

Прав академик Б. Д. Греков, говоря, что «до сих пор не решен вопрос о месте нахождения древнего Смоленска»¹.

Также правильно заметил М. Н. Тихомиров, что надо «искать древний Смоленск», и только при помощи солидных раскопок Соборного холма и других мест в нынешнем Смоленске можно будет прийти к окончательным выводам.

В настоящее время уже имеются некоторые данные, позволяющие сделать возражения сторонникам Смоленска-кочевника и, в первую очередь, опровергнуть утверждения А. Лявданского о том, что древний Смоленск создали норманы.

В самом Гнездове обнаружено А. Лявданским только одно крупное городище — на реке Свинке длиной 50 саженьей, шириной 38 саженьей.

Судить о величине городища на реке Свинке по нынешним размерам нельзя, так как там в XV—XVII веках находился феодальный замок смоленского епископа. Здесь были проведены большие строительные работы — возведены каменный дворец и церковь. Все это должно было привести к значительному расширению площади городища.

¹ Греков Б. Д., Киевская Русь, 1949. стр. 105.

В свое время городище на реке Свинке копал С. И. Сергеев. В основании вала он обнаружил два огнища с вещами, сожженными костями и с большим числом костей животных. То же находили и рабочие, строившие железнодорожное полотно. Все это заставило В. И. Сизова выдвинуть предположение, что в подошве крепости на реке Свинке находились курганы, «впоследствии превращенные в валы посредством присыпки песку»¹.

Отсюда можно сделать вывод, что современный холм на реке Свинке не являлся древней крепостью — городом Смоленском, жители которого оставили нам Гнездовскую курганную группу. Не могли же они одновременно насыпать курганы и кощунственно возводить на них крепостные валы. Это произошло в период полного торжества христианства на Руси. Здесь мог быть построен феодальный замок, который в XV веке принадлежал смоленскому епископу.

«Городище» на реке Ольше в 1905 году копал И. С. Абрамов. О результатах его раскопок отчет поместил А. Спицын в Записках отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества. В этом отчете А. Спицын указывает, что обнаруженная керамика — от посуды, сделанной на гончарном круге, и датирует ее XI—XIII веками и говорит, что поэтому Ольшанское городище «сравнительно позднее...» Кроме этого, И. С. Абрамов обнаружил черепки от корчаги из известковой массы².

Как на реке Свинке, так и на реке Ольше городища являются остатками крепостей — замков феодальной эпохи. Как на одном, так и на другом вся обнаруженная керамика — от посуды, сделанной на гончарном круге, «хорошо обработанная», «хорошего обжига» с линейным и волокнистым орнаментом³. Эти «городища» и городищами назвать нельзя. Естественно, что здесь не мог помещаться древний Смоленск (V—IX века).

¹ Сизов В. И., Курганы Смоленской губернии, вып. 1, 1902, стр. 78.

² Записки отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества, т. V.III, вып. 1, 1906, стр. 186.

³ Труды смоленских музеев, 1924, стр. 139, 148.

Если обнаруженная матерьяльная культура (и прежде всего керамика) на «городищах» на реках Ольше и Свинке говорит об их позднем происхождении, то в Смоленске на Соборной горе в нижних пластах найдены предметы, говорящие о раннем образовании городища. М. М. Хозеров в 1925 году на глубине 2,9 м обнаружил «отрубленный конец лосиного рога и десятка два обломков грубослепленной посуды (типа Лахтеевского городища). По тонкому и едва отогнутому краю одного сосуда был снаружи нанесен орнамент в виде широких (в палец шириной), но не глубоких вдавлений»¹.

Кроме этого, в Смоленске имеются еще два древних (или ранних) городища — на Рачевке и Лестровке, где также все найденные черепки не имеют следов гончарного круга, отчего стенки их неровные бугристые.

При строительстве старой электростанции под Соборным холмом в нижних пластах культурного слоя С. П. Писарев и М. Н. Неклюдов обнаружили черепки от горшка «ручной работы орнаментированного ногтем в два ряда», а также найдено несколько клыков дикого кабана³.

Если смоленские городища можно отнести к древнейшим, типа Дьякова, то земляные насыпи на реках Свинке и Ольше не могут быть древними городищами, так как они сооружались в позднее время, в феодальную эпоху, во всяком случае, не раньше XI — XII веков.

А. Лявданский объясняет свое предположение, что древний Смоленск был в Гнездове тем, что на территории последнего найдено несколько кладов. Но эти клады относятся уже к позднему времени (X век). В это время Смоленск уже известен не только на Руси, но и византийский император, Константин Багрянородный, упоминает Смоленск среди других городов, как крепость Милинск, и указывает на изготовление в Смоленске лодок. А Гнездова в то время никто не знает. Первое упоминание о Гнездове относится к XV веку — литов-

¹ Научные известия Смоленского государственного университета, т. III, вып. 3, 1926, стр. 207.

² Труды смоленских музеев, 1924, стр. 171.

³ Неклюдов М. Н. и Писарев С. П., О раскопках в Смоленске, 1901, Смоленск, стр. 32.

скому периоду, когда оно было подарено литовским правительством смоленскому епископу за предательство интересов православной церкви.

Возвышение Гнездова А. Лявданский связывает с появлением там норманнов, «центром которых и стали два довольно значительных городища на главном водном пути Днепра, при впадении в него рек Свинки и Ольши». Это утверждение является по меньшей мере странным. Неизвестно, откуда А. Лявданский взял, что «начиная... с конца IX века... в Гнездове среди кривичей утверждаются норманны». Почему норманны могли возвысить Гнездово? Откуда А. Лявданский у грабителей-норманнов, искателей наживы и приключений, усмотрел способность к оседлой созидательной деятельности? Как показали раскопки, материальная культура Гнездова никакого отношения к норманнам не имеет.

Наконец, А. Лявданский, признавая одновременное существование Гнездова и Смоленска, говорит, что «в X веке расцветшая, как пышный букет, жизнь в Гнездове в половине XI столетия приходит в упадок, и за счет Гнездова возвышается Смоленск. К этому времени исчезают и норманны»¹. Странно, что этот пышный букет ни один современник ни в X, ни в XI веках не заметил, а, наоборот, летописец, говоря о Смоленске IX века, заявил, что он был «вельми крепок и мног людьми».

И если принять во внимание, что в курганах хоронили преимущественно знать, людей имущих, военачальников, дружинников, то можно представить себе, какое должно быть огромное население, чтобы создать такое количество курганов. Никакие городища Гнездова не могли бы вместить и небольшой части этого населения.

Гнездовские курганы являются великим могильником смоленских кривичей. По традиции кривичей, как отмечает летописец, трупы сжигали и хоронили на перекрестке путей. Ближайшим таким перекрестком на западе был район Гнездова — Ольши, а на юге — верховья Сожа, куда из Днепра был волок и шел путь в Северскую землю; выше Смоленска по Днепру за Рачевкой есть урочище, называемое «Верхний Волок», недалеко от которого в древности начинался волок из Днепра в Сож.

¹ Труды смоленских государственных музеев, 1922, стр. 168.

Таким образом, восточнее Смоленска был верхний волок, а западнее — нижний, или гнездовский. Из центра Гнездовского могильника, самого большого кургана, хорошо виден Смоленск, гора Вознесенская, где было капище бога племени и Соборная гора Дединец. У потомков кривичей в любом селе можно наблюдать, что кладбище создавали вдали от населенного пункта, и, главным образом, на западной стороне. Если же посмотреть на расположение селищ и курганов в Гнездове, то курганы разбросаны по всем сторонам селищ и даже насыпаны на самых древних селищах.

Если наличие курганов в Гнездове служит мотивом помещения туда Смоленска, то почему не поместить его на верховье реки Сожа, где тоже разбросано около 2 000 курганов? Эти курганы начинаются у волока из Днепра в Сож на расстоянии 8—10 км южнее Смоленска.

Таким образом, мы видим, что ближайшие к Смоленску пути-волоки (Днепровско-Касплянский, Днепровско-Сожский) обсыпаны курганами. Здесь ярко видна описанная в летописи традиция поселенцев верховьев Днепра — кривичей сжигать своих умерших и хоронить на «путях». Происхождение этой традиции еще не выяснено, но наличие большого числа пустых курганов в Гнездове несколько раскрывает таинственный смысл данной традиции. Во всяком случае, кривичи никогда не хоронили своих умерших там, где жили. Эти пустые курганы насыпаны родичами в честь тех лиц, которые погибли где-то в далеком или близком путешествии и поэтому не смогли быть похороненными дома.

Здесь мог зародиться культ путешественников. Вера в загробную жизнь, в то, что души людей после смерти продолжают жить, породила обычай не только обеспечивать «усопшего» всеми необходимыми вещами, но и хоронить его в том месте, где ему будет легче встречаться со своими родичами-путешественниками. Нужно учесть, что поселенцы Верхнего Днепра — кривичи и их предки были издревле втянуты в различные связи с отдаленными землями (грабительские, торговые, колонизаторские экспедиции), а поэтому наиболее энергичные элементы предпринимали далекие путешествия и, как видно по большому количеству пустых курганов, многие из

них не возвращались на родину, где-то вдали погибали. Поэтому умершим на родине встретиться со своими родичами, погибшими где-то на чужбине, скорее всего и легче всего можно было «на путях» или на перекрестке путей. Подобные верования и могли породить традицию у кривичей и их предков хоронить умерших «на путях». Культ путешественников ярко виден также в обычае хоронить, сжигая покойника в лодке, которая в те времена была основным средством передвижения путешественников.

Эта традиция кривичей в какой-то мере перекликается с похоронной традицией скифов, которые тоже хоронили своих царей и вождей в одном месте «в Геррах, до которых судоходен Борисфен»¹, т. е. у последнего Днепровского волока.

Особенно строго соблюдалась традиция хоронить «на путях» в Смоленске потому, что, во-первых, он издавна был племенным центром, здесь помещались религиозные святыни племени; во-вторых, здесь с течением времени сосредотачивалась знать, военные дружинники, которые часто находились в путешествии и чаще других погибали вдали от родины.

Отсутствие курганов в самом Смоленске и является ярким подтверждением того, что именно здесь сосредотачивалось большое население, которое не только свято хранило традиции хоронить «на путях», но и стремилось при помощи трупосожжения и захоронений в отдалении обезопасить живых от заразы, которую мог разносить труп умершего.

Гнездовские курганы как по своему положению, так и по традиции захоронения имеют известные различия и делятся в основном на две группы — Гнездовско-Ольшанскую и лесную—центральную. До сих пор еще не дано окончательного объяснения наличию разных типов курганов: 1) курганы с трупосожжением на месте, 2) курганы с сожжением на стороне, 3) курганы без урн, пустые, 4) курганы с подсыпкой, 5) курганы на возвышенной песчаной местности, 6) курганы в низине на глиняной почве. Центральная лесная группа курганов, повидимому, является племенным кладбищем кри-

¹ «Вестник древней истории», № 2, 1947, стр. 271.

вичей, куда привозили хоронить урны знати из отдаленных мест кривичской земли.

Факты захоронений вдали от мест поселений очень часты. Кроме этого, необходимо учитывать, что все древне-русские города, как правило, создавались на горах, холмах, возвышенностях над реками. Городище же на Ольше расположено на низменной местности.

Наконец, наиболее ярким доказательством того, что древний Смоленск был не в Гнездове, а на Соборном холме, может служить то обстоятельство, что восточную сторону этого холма омывала речка Смолянка, которую впоследствии в XVII веке называли Георгиевским ручьем. В приложениях к плану Гондиуса (1633) этот ручей называется Смолянкой. Название городов по имени ближайшей речки, на которой они расположены, было явлением обычным: Полоцк получил свое имя от речки Полоты, Киев — от реки Киянки, Псков — от реки Псковки, Ладога — от реки Ладожки, Витебск — от реки Витбы и т. д.; а Смоленск — от Смолянки. Наиболее убедительным мотивом за то, что древний Смоленск не мог находиться в Гнездове (на Ольше или Свинке) служит свидетельство летописца о путях движения Аскольда, Дира и Олега. Здесь мы читаем: «Аскольд и Дир... пойдоша из Новгорода на Днепр реку и по Днепру вниз, мимо Смоленск и не явистася Смоленску, зане град велик и мног людьми»¹. Или в другом месте летописец говорит, что Олег, двигаясь из Новгорода, сначала «налезоста Днепр реку», а потом «и приде к Смоленску... и стал выше города»². Если бы древний Смоленск находился при впадении речек Ольши и Свинки в Днепр, то Аскольд и Дир не могли бы попасть сначала на Днепр, а потом в Смоленск, т. к. в Смоленск они приплыли бы до того, как попадали на Днепр. Тем более они не могли, попав на Днепр, плыть по нему вниз, чтобы попасть в Смоленск. Если древний Смоленск находился в Гнездове на Ольше, то князь Олег тоже не смог бы сначала «налезть» на р. Днепр, а потом придти к Смоленску и стать выше города.

Если же древний Смоленск был на Соборной горе,

¹ Архангелогородская летопись под 865 годом.

² Там же под 882 годом.

путь из Новгорода шел не по р. Ольше, а, как мы выше доказали, по р. Стабке, то можно было сначала попасть на р. Днепр, потом плыть вниз по Днепру к Смоленску и остановиться выше города.

Гнездовские городища-крепости по рекам Ольше и Свинке были использованы, во-первых, для охраны важного волока, что получило даже свое отражение в договоре смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и немецкими городами, а, во-вторых, для охраны могил предков от разорения. Здесь тоже сказывается древний обычай беречь «могилы предков» от разорения, что ярко выразил скифский царь Индафирс в ответе Дарию¹.

Таким образом, великая Гнездовская курганная группа является немым свидетелем былого величия Смоленска. Смоленск разрастался за счет посадов и многочисленных поселений с городищами. В IX веке Смоленск был одним из крупнейших городов восточных славян. В 865 году Аскольд и Дир, проезжая мимо Смоленска, должны были поспешно удалиться, так как город был «вельми крепок и мног людьми». В то же время, как говорит летопись, Аскольд и Дир, подплывая к Киеву, «узреста на горе градок мал»².

Киев показался Аскольду и Диру по сравнению со Смоленском малым городком.

Глубоко прав академик Греков, указывая, что «загадка создания городов не разрешена и сейчас. Факт наличия большого числа городов (Гардарик) всегда удивлял исследователей»³.

Раскопки древнего Пскова и Ладоги убедительно говорят, что на Руси и, в частности, на севере города-крепости стали создаваться очень рано, задолго до появления варягов в Восточной Европе и что некоторые из рус-

¹ «Вестник древней истории». № 2, 1947, стр. 283.

² Тверская летопись под 865 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Как доказал А. А. Шахматов (а с ним согласен Д. С. Лихачев), Тверская летопись «представляет собой механические соединения двух летописных сводов». Первый, древнейший, доведен до 1255 года и очень близок к Новгородской первой и Софийской первой летописям, поэтому его можно считать одним из древнейших сводов.

³ Греков Б. Д., Киевская русь, 1944, стр. 314:

ских городов были не только военными укреплениями, но и ремесленно-торговыми центрами.

Установлено, что Ладога уже в VII веке была «поселением городского типа» с наличием ремесленников и торговцев¹.

Если предположить, что древний Смоленск помещался в Гнездове, так как там имеется большая курганная группа, то город Смоленск мог образоваться только в конце IX века, потому что к этому времени относится появление гнездовских курганов. Но против позднего (конец IX в.) возникновения Смоленска говорят как прямые, так и косвенные данные.

Если время образования древнего Смоленска связывать с появлением гнездовских курганов, то каким образом Смоленск уже в середине IX века (865 г.) мог быть очень крепким и многолюдным? Для того, чтобы в те времена мог возникнуть многолюдный город, требовались столетия и столетия. Кроме этого для колонизации отдаленных земель (Приладожье, верховье Волги) требовался военноэкономический пункт.

За то, что древний Смоленск был на Соборной горе говорит факт обнаружения у ее подошвы при разборке крепостных башен арабских монет конца VII и VIII веков (омейядские, испегбедские и аббасидские), о чем в 1785 г. доложил в императорскую Академию Наук академик Паллас. В Гнездове же ранних арабских монет не обнаружено.

Разгадать в известной мере «загадку создания русских городов» смогли бы помочь археологические обследования и организация солидных раскопок в Смоленске и его окрестностях.

Вместе с этим можно будет окончательно определить место древнего Смоленска.

¹ Греков Б. Д., Киевская Русь, 1949, стр. 102--103.

И. Д. БЕЛОГОРЦЕВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕСМОЛЕНСКОГО
ЗОДЧЕСТВА

В 1948—1951 годах Смоленский областной отдел по делам архитектуры исследовал ряд руин Смоленска, относящихся к домонгольскому периоду.

Основной целью этих исследований было составление схематических планов исчезнувших зданий, для чего наряду с производством архитектурных обмеров пришлось провести исследования руин. Они не носили археологического характера, а поэтому не вскрыли, да и не могли вскрыть, всех тех вопросов, которые обычно выясняются при проведении глубоких археологических исследований. Но и то, что неожиданно получило освещение при проведении вышеуказанных работ, дает возможность по-новому взглянуть на древнесмоленское зодчество, как на одну из основных ветвей общерусской национальной архитектуры домонгольского периода (XII век, начало XIII века).

Прежде чем начать изучение отдельных архитектурных памятников XII века, нами были осмотрены места всех известных по различным летописным, литературным и опросным данным построек домонгольского Смоленска. На основе обнаруженных остатков кирпичной кладки из плинф на известково-цемянковом растворе, было установлено наличие на территории Смоленска более сорока кирпичных зданий и сооружений, возведение которых относится к XII — началу XIII века.

Преыдушие исследователи смоленских древностей называли самые разнообразные цифры наличия в городе каменных построек XII—XIII веков. Так, историк С. П. Писарев сообщает о 12 кирпичных зданиях Смо-

ленска, относящихся к домонгольскому периоду¹. Эту же цифру кирпичных построек указанного периода в Смоленске повторяет кандидат исторических наук Д. П. Маковский². Исследователь смоленской архитектуры С. Д. Ширяев говорит о многочисленности в Смоленске XII века каменных зданий³. Другой исследователь смоленских древностей И. М. Хозеров пишет: «Археологический материал позволяет сделать вывод, что в Смоленске в XII—XIII веке находилось 27 каменных церквей»⁴. Нами в предыдущих работах также утверждалось наличие в Смоленске около 30 каменных зданий, относящихся к тому времени⁵.

Проведенные обследования остатков древних смоленских построек домонгольского периода уточняют и дополняют только что приведенные высказывания. Древний Смоленск встает как один из крупнейших русских городов, обладавший среди них наибольшим количеством каменных построек. Согласно известным данным в Новгороде, Киеве, Владимире, Полоцке в XII—XIII веках каменные постройки насчитывались единицами.

Месторасположение обследованных кирпичных построек XII — начала XIII веков на территории Смоленска следующее:

В бывшем Спасском монастыре на Чернушках.

1) Кирпичная ограда (обнаружены остатки земляного вала, с внутренней стороны у его подошвы следы плинфовой кладки на известковой цемянке).

2) Соборная церковь (по нижним рядам кладки произведены обмеры).

3) Монастырские ворота (произведены обмеры остатков плинфовой кладки).

¹ Писарев С. П., Княжеская местность и храм князей в Смоленске, 1894, стр. 10.

² Маковский Д. П., Смоленское княжество, 1948, стр. 207.

³ Ширяев С. Д., Этюды по истории архитектуры Смоленска и белорусской Смоленщины, 1924, стр. 3.

⁴ Хозеров И. М., Исторические памятники Смоленщины, проспект работы; рукопись из фондов Смоленского краеведческого научно-исследовательского института, 1945, стр. 1.

⁵ Белогорцев И. Д., Архитектурный очерк Смоленска, 1949, стр. 10.

На левом берегу реки Чуриловки

4) Стефановская церковь выше Чернушек (следы плинфовой кладки).

5) Церковь на Пионерском переулке, бывшая улица Дальняя Козинка (следы плинфовой кладки).

6) Богородицкая церковь вблизи устья реки на Краснофлотской улице (обнажение плинфовой кладки).

На бывшем великокняжеском подворье на Смядыне¹

7) Кирпичная ограда на месте современной кирпичной ограды у Свирской колокольни (следы кладки и отдельные плинфы).

8) Михайлоархангельская (Свирская) церковь (сохранившийся великокняжеский храм).

9) Великокняжеская гридница (возможно полукаменная) к юго-западу от Свирской церкви (небольшой земляной холм с отдельными плинфами на поверхности и следами известково-цемянкового раствора).

10) Ходовая башня (вежа) у юго-западного угла Свирской церкви, о чем имеется указание у С. П. Писарева¹.

В конце Краснофлотской улицы:

11) Козмодемьянская церковь (земляной холм с остатками плинфовой кладки на известковой цемянке).

В бывшем Глеборисовском монастыре у устья реки Смядынки.

12) Кирпичная ограда (следы земляного вала с остатками раскрошившихся плинф, перемешанных с известково-зольным раствором).

13) Соборная церковь (произведены обмеры по нижним рядам кладки).

14) Васильевская церковь (произведены обмеры по нижним рядам кладки).

15) Монастырская трапезная или постройка другого назначения (холм с плинфовой кладкой).

На речке Кловке

16) Троицкая церковь (на правом берегу реки у устья находится небольшой земляной холм, обнаружены куски отдельных плинф).

¹ Писарев С. П., Княжеская местность и храм князей в Смсленске, 1894, стр. 44.

У Нового моста

17) Академическая школа (?) князя Романа (произведены обмеры по нижним рядам кладки).

18) Ивановогословская церковь (сохранившееся здание).

19) Немецкая церковь (на берегу Днепра в развалинах более поздних построек встречаются плинфы).

20) Надвратная башня между предыдущими зданиями у мостовой Краснофлотской улицы (плинфовая кладка).

21) Церковь Николая Полутелого на улице Бакунина (выход плинфовой кладки).

У северной части крепостной стены

22) Пятницкая церковь на Малом торгу по Краснофлотской улице у ручья Воровского (вскрыта плинфовая кладка на известковой цемянке и произведены обмеры) и расположенная рядом с ней постройка неизвестного назначения.

23) Большая Пятницкая церковь по Студенческой улице у начала улицы Войкова (россыпь плинф и известковой цемянки).

24) Родницкая (возможно Бориса и Глеба) церковь по улице Парижской Коммуны (россыпь плинф).

25) Фрололаврская церковь (у фундамента Благовещенской церкви выход плинфовой кладки).

26) Богоматеринская церковь на Зелёном Ручье (россыпь плинф и известковой цемянки).

27) Покровская церковь у подножья башни Веселухи (россыпь плинф и известковой цемянки).

На Соборной горе

28) Мономахов собор (обследован Н. П. Милоновым¹ и И. М. Хозеровым²).

На верхних холмах города

29) Троицкая церковь на Воскресенской горе (у подножья Воскресенской церкви выход плинфовой кладки северной и восточной стен), описана И. М. Хозеровым³.

30) Церковь св. Луки по улице Малой Интернацио-

¹ Историко-археологический сборник, М., 1948, стр. 211.

² Хозеров И. М., Археологическое изучение памятников древнего Смоленска, Краткие сообщения института истории материальной культуры, вып. 11, 1945, стр. 24—25.

³ Там же, стр. 22.

нальной (у фундамента бывшей Одигитриевской церкви, россыпь плинф и известковой цемянки).

31) Церковь на Спасском холме по улице Реввоенсовета (описана И. М. Хозеровым).¹

32) Евдокимовская (?) церковь на поле вблизи угла улиц Энгельса и Нахимсона (отдельные плинфы).

33) Ростиславова дворцовая башня на Вознесенской горе (изображена на ряде гравюр XVII века).

На Рачевке и Шейновке

34) Григорьевская церковь в саду Хозерова на взгорье Перекопного переулка и Перекопной улицы, быв. Заречной и Вылуповой улиц (небольшой холм с плинфовой кладкой).

35) Предтеченская церковь за Малой Рачевкой (холм с россыпью плинф и цемянки).

36) Спасская церковь на Окопах (на Окопном кладбище земляной холм с выходом кладки из плинф на известковой цемянке).

37) Рачевская церковь. По И. М. Хозерову — немецкая божница² (земляной холм с плинфами и известковой цемянкой).

38) Большая Окопная церковь между Рачевкой и Шейновкой (ошибочно считавшаяся Екатерининской церковью на Крупوشيце³, обнаружены внутренние столбы, стены и абсиды из плинф на известковой цемянке).

39) Духовская церковь в Шейновке на берегу Днепра (земляной холм с плинфами под более поздней кирпичной кладкой).

В Заднепровье

40) Петропавловская церковь на реке Городянке (существующий храм).

41) Охотничья гридница (?) к западу от церкви (под полотном проезжей дороги отдельные плинфы и известково-цемянковая россыпь).

¹ Хозеров И. М., Археологическое изучение памятников древнего Смоленска, Краткие сообщения института истории материальной культуры, вып. 11, 1945, стр. 24:

² Там же, стр. 22—23.

³ Полесский И. Щепилло М. Н., Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины в восточном предместье города Смоленска. Приложение к «Памятной книжке по Смоленской губернии за 1870 год», стр. 1—13.

42) Ильинская церковь у одноименного ручья (россыпь плинф и известковой цемянки).

43) Святокрестовская церковь в Садках (у юго-западного угла Гурьевского кладбища видны плинфы, керамические плитки и куски известковой россыпи).

44) Печерская церковь у Днепра близ еврейского кладбища (россыпь плинф).

45) Екатерининская церковь в Садках на берегу реки Крупошицы (россыпь плинф и известковой цемянки).

46) Церковь на реке Вязовеньке (земляной холм с плинфами).

Приведенный перечень древнесмоленских построек домонгольского периода устанавливает наличие в Смоленске и его посадах 46 кирпичных зданий XII — начала XIII веков, из которых семь носили гражданский характер (три башни, школа, две гридницы, монастырская трапезная). Из плинф были сооружены и три крепостные ограды (великокняжеского двора, Спасского и Глебоворисовского монастырей). Все это говорит о высокой культуре Смоленска периода образования и расцвета великого Смоленского княжества.

Жизни смолян этого времени посвящен ряд работ русских и особенно советских исследователей. Следует отметить труды смоленских историков Н. В. Андреева и Д. П. Маковского, давших описание исторических событий древнего Смоленска¹. Н. В. Андреев описал ход развития Смоленской земли в древнейший период. Д. П. Маковский дал исследование политической и хозяйственной деятельности Смоленского великого княжества (XII—XIV века)². Однако ни в одном из трудов этих исследователей мы не находим описаний архитектурной культуры древнего Смоленска. До сих пор считалось, что смоленская архитектурная школа не обладает никакими оригинальными чертами. Между тем, один только вышеприведенный перечень памятников архитектуры сви-

¹ Андреев Н. В. и Маковский Д. П., Доисторические и исторические памятники города Смоленска и его окрестностей, 1948; Андреев Н. В. и Маковский Д. П., Смоленский край в памятниках и источниках; Смолгиз, 1949.

² Маковский Д. П., Смоленское княжество, 1948, Маковский Д. П. и Орлов В. С., Смоленск с древнейших времен до XX века. Города Смоленщины, вып. 1, Смолгиз, 1948.

детельствует о массовом кирпичном строительстве древнего Смоленска, а архитектурный анализ памятников смоленского зодчества позволяет установить несколько совершенно оригинальных особенностей смоленской архитектуры домонгольского периода.

Архитектура этого времени носила ярко классовый характер. Большинство перечисленных выше построек служило целям эксплуатации народных масс феодалами (великие князья) и духовенством.

Свирская и Богословская церкви были придворными соборами. Их архитектура должна была своей парадностью и пышностью убранства подчеркивать власть великого князя и незыблемость устанавливаемых им порядков. Глеборисовская и Васильевская церкви служили княжескими усыпальницами. Крепостные стены княжеских подворий и монастырей охраняли феодалов и духовенство, прежде всего, от народных восстаний, о которых русские летописи дают нам неоднократные напоминания (например, восстание смолян против князя Ярополка Романовича в 1175 году, против князя Давида Ростиславича в 1195 году).

Наряду с этим были здания и поскромнее — небольшие приходские церкви, большинство из которых строилось из дерева. Строили их ремесленники и торговцы города на свои средства. Некоторые из таких посадских церквей возводились и из кирпича, как, например, Пятницкая церковь на Малом торгу. Многочисленные деревянные церкви и жилые дома (избы) горожан бесследно исчезли ввиду недолговечности дерева — основного строительного материала жилых домов XII — начала XIII веков. До глубокого археологического изучения Смоленска мы имеем возможность исследовать его архитектуру домонгольского периода только по кирпичным постройкам и их остаткам.

Несмотря на классовый и культовый характер кирпичных построек XII—XIII веков, в их архитектуре и строительных приемах русский народ сумел раздвинуть узкие классово-религиозные требования и выразить смелость архитектурного замысла, ширину русского характера и высокую художественную изобретательность.

Памятники архитектуры XII — начала XIII веков позволяют изучать строительную технику того времени.

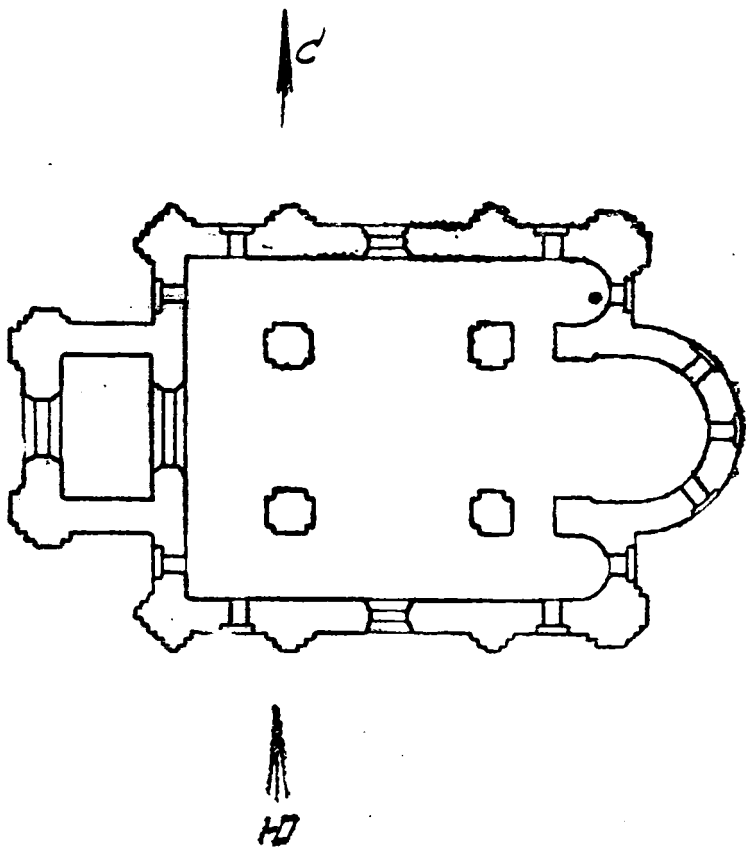

Рис. 1. Спасская церковь на Чернушках. 1141 год. Реконструкция плана.

свидетельствуют о ее высоком развитии и дают представление об общественной жизни Смоленска.

Рассмотрим отдельные архитектурные памятники, описание которых еще не встречалось в литературе. В 1949 году по нашему поручению студенты Московского архитектурного института А. Н. Кондухов, В. В. Серпуховитинов и Б. И. Гуревич произвели обмеры остатков соборной церкви Спасского монастыря на Чернушках. Для полноты обмеров были сделаны частичные раскопки. В результате этих работ был составлен план церкви, а также изучены конструктивные и архитектурные приемы строительства.

В качестве фундамента здесь использовался бутовый камень и кирпичный щебень. Стены сложены из плинфы на известково-цемянковом растворе, причем толщина цемянки немного превышает толщину плинфы. Благодаря такому приему создается яркое тигристое чередование красных торцов кирпича и розовато-пепельных слоев раствора.

Известковая доля составляет около четырех десятых общего объема раствора, три десятых падают на кирпичную крошку, около двух десятых дает кварцевый песок и одну десятую составляет древесная зола. Подобный состав раствора необычен для древнерусского зодчества, так как песчаных добавок в известковых растворах на других постройках нам встречать не приходилось. По крайней мере, указанные добавки не встречались в постройках XI—XII веков Чернигова, Полоцка, Витебска и Новгорода, чье зодчество ближе всего Смоленску. Не встречались они и в византийском строительстве.

Состав плинфового кирпича также отличается от плинф других древнерусских построек. В тесто кирпича в значительно больших количествах, чем во всех остальных постройках того времени, добавлен мергель, иногда обычная известь, примешиваемая, вероятно, для понижения температуры во время обжига. Излом плинфы Спасской церкви дает раковистость и яркоалый или красный цвет, свидетельствующие о высоком качестве кирпича.

Размеры плинф, добытые из кладки стен и опорных столбов, встречаются разные. Чаще всего размеры от-

дельных плинф равны: $26 \times 16 \times 2$ см, $24 \times 20 \times 2,5$ см, $21 \times 18 \times 2$ см, $17 \times 18 \times 2,5$ см, и т. п. На некоторых плинфах были обнаружены знаки и клейма, в большинстве случаев обычные для древнесмоленской архитектуры. На бо-

Рис. 2. Плитка зеленого полива из развалин надвратного здания Спасского монастыря (исследования 1950 г.).

ковых гранях плинф выступают рельефные знаки различной формы и рисунка. Знаки были обнаружены на кирпичах как выходящих своими боковыми сторонами на фасадные плоскости, так и расположенных внутри кладки. Вариации знаков представлены различными соче-

таниями выступающих над поверхностью кирпича прямых линий, чаще всего расположенных параллельно друг другу. Встречаются фигуры равностороннего креста, ломаной линии, дуги, буквы «Ж» и т. д.

На постельной поверхности плинф были обнаружены клейма, обычно круглые, углубленные в форму кирпича. Клейма представлены радиусами, точками и другими фигурами. Кроме ранее описанных в литературе форм знаков и клейм¹, встретились и новые формы, напоминающие начертания некоторых русских букв.

Судя по раскопкам и обмерам, проходившим под нашим наблюдением, Спасская церковь на Чернушках представляла собой небольшой четырехстолпный крестово-купольный русский храм. Длина церкви (без выступов с востока на запад) равна 14,64 м, ширина с севера на юг 13 м. Посредине восточной стены находился хорошо развитый алтарный выступ полукруглого очертания. С запада ему отвечал прямоугольный притвор, через который, повидимому, проходил главный вход в храм.

Своды опирались на четыре крестчатой формы столба (нижние части двух из них сохранились в довольно хорошем состоянии). Толщина стен храма 110 см, притвора — 94—97 см. Столбы располагались в створе абсидальных пилонов, выступавших внутрь храма и образовавших небольшие, имевшие в толще восточной стены полукруглые ниши (дьяконник и жертвенник). С внешней стороны отрезки стены между абсидой и углами представляли собой прямые стены, составлявшие как бы плечи алтарной абсиды.

Восточные углы были обработаны пилястрами, имевшими полукруглые выступы (полуколонки), возведенные из лекальных плинф. Западные углы имели сложную форму трехобломных прямоугольных выступов. Подобная обработка углов в истории русского зодчества встречается впервые. Боковые стены, судя по остаткам пилястры, имели трехчастное деление, соответствующее расстановке внутренних опорных столбов. Боковые

¹ Хозеров И. М., Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода, Научные известия Смоленского государственного университета, т. V, вып. 3, 1929, стр. 167—184 и таблицы.

пилястры представляли собой двойной прямоугольный выступ с полуколонкой расплющенной формы посредине.

По алтарной абсиде поднимались вверх две боковые тяги, о наличии которых свидетельствует найденная вблизи абсиды небольшая лекальная плинфа.

Внутренняя поверхность стен Спасской церкви была оштукатурена. По штукатурке наносилась роспись водяными красками (фрески). Следы фресковой живописи прослеживаются вокруг всех уцелевших остатков стен. Фрески встречаются у самого пола, который был покрыт разноцветными керамическими плитками. Фон фресковой росписи представляет собой нюансные переходы от палево-фиолетовых до рыжеватокрасных тонов. Особенно хорошо сохранились фресковые мотивы у северо-западной стены здания, значительно накренившейся на внешнюю сторону. Наиболее распространенным мотивом фресковой росписи являются орнаментальные ленты змееобразно извивающихся линий, полуколец и стилизованных цветов, напоминающих колокольчики.

Тип одноабсидного с плечевыми выступами храма с многообломными пилястрами считался принадлежностью западнорусской архитектуры домонгольского периода, причем местом возникновения этого архитектурного типа назывался Полоцк, ранние храмы которого относятся к этому типу русских церквей. Однако наши исследования руин Спасского монастыря на Чернушках свидетельствуют, что тип одноабсидного русского храма сформировался не в Полоцке, а в Смоленске, из которого он получил широкое распространение по всей западной и северной Руси. Считавшийся родоначальником западной ветви русской архитектуры Борисоглебский собор Бельчичского монастыря был возведен только в 1155 году, а Спасо-Ефросиниевский собор в Полоцке, относящийся к тому же типу, был выстроен в 1161 году. Строительство же Спасо-Чернушенского собора в Смоленске относится к 1141 году. В «Сборнике Киевско-Михайловского монастыря» говорится: «Лета 6649 (1141 год — И. Б.) Ростислав Мстиславич устроил град великий Смоленск и церковь созда святого Спаса верх Смядыни»¹.

¹ Смоленская старина, вып. 1, ч. 1, 1909, стр. 209.

Таким образом, наиболее древним из одноабсидных храмов, убранных многообломными пилястрами с полуколонкой, является этот Смоленский храм. Влияние Спасо-Чернушенской церкви, прежде всего, сказалось на зодчестве Полоцка (указанные храмы) и Смоленска (Свирская церковь 1191—1194 годы), а также на архитектуре Чернигова (Пятницкая церковь, начало XIII века), Владимира (Покров на Нерли — 1165 год), Суздаля (Рождество богородицы, 1222—1225 годы), Пскова (Троицкий собор — 1195 год) и Новгорода (Петропавловская церковь — 1185—1192 годы, Пятницкая — 1157 год, 1207 год, Николы на Липне — 1292 год и др.). В некоторых из этих памятников восточная стена хотя и состоит из трех абсидных полукружий, однако общая композиция храмов, форма боковых пилястр и других архитектурных деталей, несомненно, восходит к архитектурным приемам Смоленской церкви Спаса на Чернушках.

Кроме соборной церкви, в Спасском монастыре было сооружено еще несколько каменных зданий, следы которых можно проследить в наши дни, если внимательно осматривать Чернушенскую возвышенность. Назначение этих построек из плинф установить пока не удастся, так как остатки их в виде отдельных россыпей плинфовой кладки находятся в чрезвычайно ветхом состоянии. Расположение плинф, покрытых толстым слоем грунта, не имеет определенных очертаний. По всей вероятности, все это — остатки небольших подсобных монастырских построек. По мнению историка С. П. Писарева, это — остатки монастырских келий¹.

Среди этих построек наиболее крупным было расположенное к северу от соборной церкви здание, руины которого сохранились в виде небольшого холма с плинфовой кладкой, покрытой грунтом. Исследования показывают, что характер кладки, состав раствора и качество плинф абсолютно аналогичны тем, которые употреблялись в строительстве соборной церкви. Согласно обмерам, произведенным по нашему заданию в августе 1950 года архитекторами Ю. В. Субботиным и Н. П. Ива-

¹ Писарев С. П., Княжеская местность и храм князей в Смоленске, 1894, стр. 21.

новой-Юрченковой размеры здания следующие: длина с востока на запад 9,7 м, ширина с юга на север — 7,7 м.

Здание состояло из двух массивов кирпичной кладки, между которыми имелся сквозной пролет размером в 4 м. Как внешняя, так и внутренняя стены обоих массивов были декорированы сложными пилястрами, состоявшими из плоского выступа с полуколонкой посередине. Это свидетельствует об одинаковом архитектурном убранстве как внешних, так и внутренних плоскостей стен.

Среди остатков кирпичной кладки были обнаружены следы фресковой росписи, а также большое количество керамических плиток, использовавшихся, повидному, как облицовочный материал. Большинство плиток имеет характерный для древнесмоленского искусства растительный орнамент, сделанный на плитках путем вдавливания в глиняное тесто штампа. Ряд плиток покрыт зеленоватой глазурью. Особенно интересна плитка, на которой дано выпуклое изображение охотника на коне, за конем — изображение собаки, перед головой лошади — летящая птица, вероятно, сокол. Эта плитка представляет собою исключительный интерес, как пример использования в декоративно-облицовочных целях жанровых сцен.

На оборотной стороне некоторых изразцов видны следы дыма и копоти. Это дает основание предполагать, что часть здания отапливалась.

Вокруг кирпичной кладки была устроена бутовая отмостка. Пол пролета (вероятно, здесь поднималась высокая проезжая арка) был забутован щебнем и покрыт кирпичной мостовой из полуплинф, поставленных на ребро. Ряды плинф, употребленных на мостовую, образовывали рисунок «елочкой».

Судя по описанной композиции здания, это — остатки монастырских каменных ворот. Над ними возвышалась бесстолпная небольшая надвратная церковка-башня, с которой открывались обширные приднепровские склоны и путь из Чернигова к Смоленску. Исследователь XIX века Н. В. Трофимовский полагал, что это была монастырская, отдельно стоящая звонница¹. По мне-

¹ Трофимовский Н. В., Историко-статистическое описание Смоленской епархии, 1854, стр. 220.

нию же С. П. Писарева, это были монастырские ворота¹. На плане В. Гондиуса на этом месте изображена высокая башенка, увенчанная барабаном с луковицеобразной главкой². Обмеры 1950 года подтвердили справедливость мнения С. П. Писарева. Отсутствие на восточной стене алтарных выступов — яркое доказательство некультового характера этого здания.

Спасский монастырь был обнесен кирпичной стеной из плинф³, вокруг которой шел земляной вал. Остатки вала можно проследить еще и сейчас. На его внутренней стороне у подошвы прослеживаются места с плинфовой крошкой и древним известковым раствором. По гребню вала, повидимому, шел дубовый палисад, превращавший монастырь в сильную пригородную крепость, занимавшую самую высокую точку Смядынского склона к Днепру. У монастыря в верховьях речек Смядынки и Кловки был устроен пруд, работала мельница, стоявшая на плотине, кругом располагались обширные фруктовые сады.

Вскоре после возведения Спасского монастыря на Чернушках в Смоленске и его пригородах было построено еще несколько кирпичных зданий. Из летописи известно, что в 1146 году у устья речки Смядынки была возведена соборная церковь «святых стратотерпец Бориса и Глеба на Смядыне»⁴. В Смоленске культ убитого здесь князя Глеба стоял выше культа Бориса, поэтому в народе монастырь Бориса и Глеба именовался Глеборисовским, а место убийства Глеба — (Глебовым) колодецем. Поэтому и мы будем придерживаться этой терминологии.

Глеборисовский монастырь погиб в XVII веке. В 1833 году руины монастыря стали разбираться на шепень. Первые научные исследования остатков монастырских построек были произведены А. С. Уваровым в 1885 году. В 1908—1909 годах под руководством истори-

¹ Писарев С. П., Княжеская местность и храм князей в Смоленске, 1894, стр. 21.

² Литографированная копия гравюры В. Гондиуса «План города Смоленска во время осады его войсками Б. М. Шенна в 1634 году». Смоленский областной музей.

³ Писарев С. П., Княжеская местность и храм князей в Смоленске, стр. 29.

⁴ Никоновская летопись под 1146 г.

Рис. 3. Пилястра на южной стене Васильевской церкви
Глеборисовского монастыря (фото 1950 г.).

ка С. П. Писарева были произведены раскопки остатков стен и фундаментов «великой церкви» Глеборисовского монастыря. Обмеры обнаженных частей были сделаны архитектором Д. В. Милеевым. На основании этих обмеров был составлен план церкви, который неоднократно опубликовывался в местной научной печати¹.

В 1949 году Смоленским областным отделом по делам архитектуры были предприняты новые обмеры остатков Глеборисовского монастыря. В обмерах приняли участие студенты А. Н. Кондухов, В. В. Серпуховитинов и Б. И. Гуревич. Новый план церкви не внес особенных поправок к ранее известным, если не считать вскрытия сложных угловых пилястр. Кроме того, из развалин церкви было добыто множество плинф с разнообразными знаками и клеймами, большинство из которых весьма схоже с клеймами и знаками вышеописанной Спасо-Чернушенской соборной церкви.

Глеборисовская церковь представляла собой обычный древнерусский четырехстолпный храм, оканчивавшийся в восточной стороне тремя полукруглыми абсидами. Это последнее говорит о том, что в Смоленске почти одновременно складывались и затем параллельно развивались два типа древнерусских церквей одноабсидной и трехабсидной композиции. Общим для обоих этих типов являлось наличие сложных пилястр, членивших стены зданий на отдельные простенки и весьма эффективно закреплявших их углы. Эти пилястры создавали пластическую устремленность здания вверх, облегчали его кубические массы. Именно это являлось наиболее распространенным приемом смоленского зодчества, который затем был использован вышеприведенными архитектурными школами ряда других земель древней Руси.

В составе Глеборисовского монастыря была небольшая Васильевская церковь (1184 год), развалины которой были также обмерены в 1950 году Смоленским областным отделом по делам архитектуры. В обмерах приняли участие архитекторы Ю. В. Субботин, Н. П. Иванова-Юрченкова и техник, И. И. Фролков.

¹ «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, 1909, стр. 300, также Научные известия Смоленского государственного университета, т. V, вып. 3, 1929, стр. 181.

В системе мероприятий по возвышению Смоленского великого княжества князь Давид Ростиславич имел в виду перенесение в Смоленск из Вышгорода мощей Бориса и Глеба, являвшихся одними из наиболее почитаемых русских святых, покровителей княжеской власти. С этой целью в 1184 году Давид возвел на месте древнего деревянного храма в Глеборисовском монастыре, как раз над местом гибели князя Глеба в Смядынской бухте, усыпальницу для останков Бориса и Глеба. Это здание от Глеборисовской церкви находилось на расстоянии 120 м. В 1191 году состоялось торжественное перенесение гробов с останками убитых князей из Вышгорода на Смядынь, следствием чего явилось быстрое обогащение Глеборисовского монастыря, к которому открылось большое паломничество.

В архитектурном отношении усыпальница Бориса и Глеба была обычным трехнефным храмом. Барабан опирался на арки четырех опорных столбов. Восточная стена оканчивалась тремя абсидными закруглениями. Сторона квадрата, составляющего план церкви, равна 15 м.

При обмерах церкви в 1950 году были обнаружены большие куски хорошо сохранившейся известковой штукатурки с фресковой и клеевой росписью. В качестве мотивов используется растительный и геометризованный орнамент, иногда полосы рисунка напоминают спускающиеся складки холста. Краски характеризуются яркостью и радужностью цветов.

Эта небольшая церковка была чудом художественной культуры того времени. Резьба из камня (известняка и малинового песчаника), мозаика, тонкие изделия из золота и серебра, финифть и только что описанная фресковая роспись стен обильно украшали интерьер церкви-мавзолея. Столь богатое убранство храма является свидетельством высокого уровня художественных ремесел на Смоленщине в XII и начале XIII веков. Вместе с тем Васильевская церковь является одним из наиболее ярких примеров классового характера древней русской архитектуры. Великий князь не жалел средств на убранство этого здания, так как мавзолей Бориса и Глеба являлся наиболее действенным средством воздействия на народ в духе повиновения его феодальной власти.

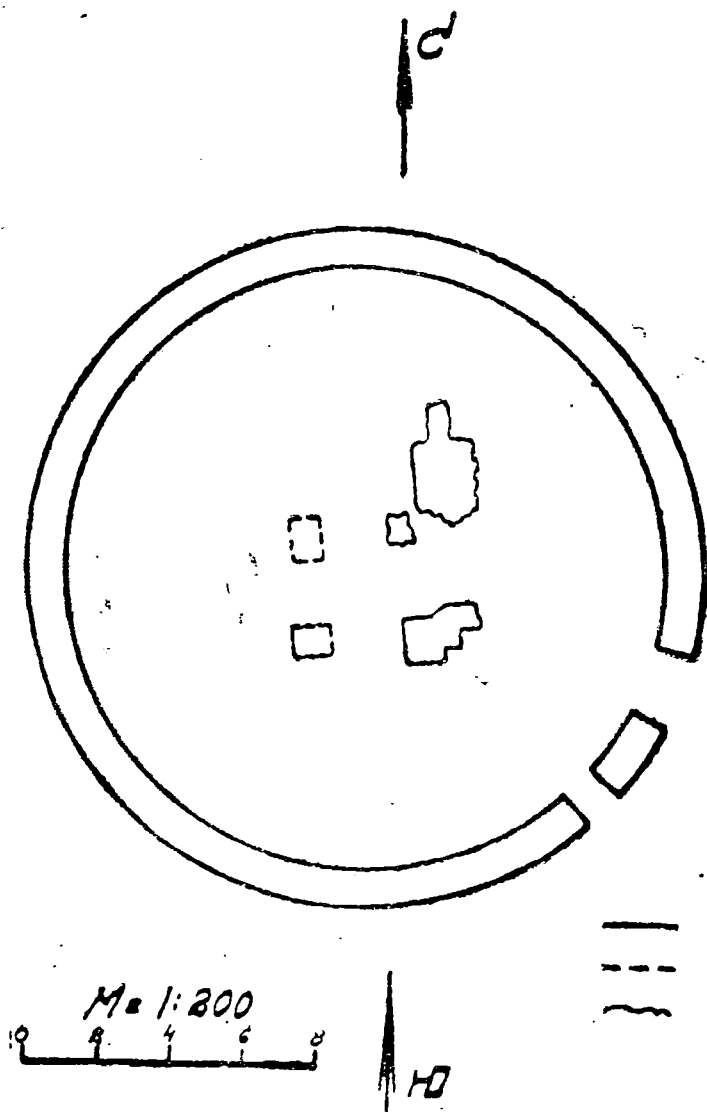

Рис. 4. План здания Смоленской академической школы (?) XII века.

Идеи высшего происхождения княжеской власти пропагандировало и духовенство, наживавшееся на сооружении Борисоглебского мавзолея в Смоленске.

Но особенно ценным из исследований, произведенных в 1949—1951 годах Смоленским областным отделом по делам архитектуры, являются обмеры здания неизвестного назначения вблизи Нового моста, в нескольких десятках метров от Ивановогословской церкви 1173 год), против ее западного входа.

Известно, что Ивановогословская церковь была выстроена как контролирующий пункт великого торгового пути «из варяг в греки», проходившего через Смоленск. Это общественно-административное значение церкви вызвало необходимость содержания при ней соответствующего штата попов и чиновников. Это последнее, в свою очередь, заставило князя Романа Ростиславича возвести дополнительные подсобные постройки. Некоторые из них были кирпичные. Так, расположенное к западу от церкви здание было сложено из кирпичных плинф. Судя по его остаткам, это была довольно большая кирпичная постройка, круглой формы с диаметром в 18,66 м. Надо полагать, что эта постройка являлась первым в Смоленске школьным зданием. Ко времени Романа (1160 год, с перерывами до 1180 года) в Смоленске уже существовало несколько небольших училищ. Все они, как и в других русских землях, находились при церквях. Роман же, как свидетельствует летопись, создал учебное заведение, в котором обучались не только русско-славянскому, но латинскому и греческому языкам. Кроме того в нем проводилось обучение всяким наукам и философии. Это, несомненно, было очень крупное училище, и в стенах церкви оно разместиться не могло. К обучению в училище князь Роман привлекал своих братьев, бояр, дружинников, городскую знать, овященников. При школе содержался штат учителей. Это напоминает русско-славянскую академию. Не случайно князь Роман в качестве патрона построенной им церкви избирает Ивана Богослова, на долю которого при распределении обязанностей среди святых русской церкви выпало покровительствовать просвещению.

Вероятно, в период своего последнего возвращения на Смоленское княжество в 1177—1180 годах Роман возво-

дит вышеуказанное кирпичное здание, используя его под организованную им академическую школу. Историк С. П. Писарев развалины описываемого здания называет руинами высшей школы Романа Ростиславича: «Против западного входа (Богословской церкви — *И. Б.*), где могилы Кошкиных»¹.

Этого же мнения придерживается исследователь смоленской старины Н. Редков, высказывая предположение, что в этой высшей школе обучался смоленский духовный деятель Авраамий².

Здание школы одновременно могло служить и княжеской гридницей (приемным залом) и таможней (местом сбора пошлины). Следовательно, в данном случае мы впервые в русской истории встречаемся с каменным зданием, возведенным специально для устройства в нем училища, которое иногда могло служить и некоторым другим административным целям.

Проведенные по нашему заданию обмеры с частичным вскрытием оставшихся нижних рядов стен (октябрь, 1950) показали кладку из плинф на известковой цемянке тождественного с Богословской церковью состава. В юго-восточной части кольца стены имеется два почти рядом расположенных разрыва, служивших, вероятно, входами во внутрь помещения. Нижние ряды здесь дают лицевую сторону кладки. Ширина южного проема равняется 1,8 м, северного — 0,98 м. Отрезок стены между ними равен 2,05 м. Наличие входа с восточной стороны является неоспоримым доказательством некультового характера здания. В пяти метрах от восточной дуги стен были обнаружены довольно хорошо сохранившиеся два опорных столба. Второй (западной) пары столбов обнаружить не удалось. На их месте возвышаются кирпичные столбы, относящиеся к XVI—XVII векам, подновленные в более позднее время (XIX век). Интересно заметить, что ни на внешней, ни на внутренней поверхности стен не имеется следов выступов и углублений. Возможно, что на более высоких рядах несохранившейся кладки и были какие-либо декоративные или конструк-

¹ Писарев С. П., Памятная книжка города Смоленска, 1898, стр. 117.

² Редков Н., Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, Смоленская старина, вып. 1, ч. 1, 1909, стр. 26.

Рис. 5. Фундаменты постройки у Ивановогословской церкви
(Новый мост), здание академической школы (фото 1950 г.).

тивные детали. Плинфовая кладка хорошо сохранилась только в самых нижних рядах (4—5 рядов), выше же под действием влаги плинфы превратились в мелкую щебенку.

Особо следует отметить форму сооруженного Романом здания. В русской архитектуре мы впервые встречаемся с круглой формой здания — ротондой. В XII веке круглая форма здания была обнаружена только при раскопках дворцового ансамбля Андрея Боголюбского в Боголюбове, близ Владимира. Здесь на дворцовой площади, на некотором расстоянии от собора, был вскрыт фундамент небольшой часовенки-кивория. Н. Н. Ворониным на рисунке реконструкции он изображен как небольшая открытая круглая беседка. По периметру беседки профессор Воронин рисует восемь колонок, поддерживающих полуциркульные арки фриза¹. Отсутствие стен и очень небольшие размеры кивория не могут служить основанием к предположению, что в Смоленской ротонде мы имеем также здание кивория.

Кроме боголюбского кивория (до описываемого здания смоленской академической школы), круглая форма каменных построек известна также из архитектуры Рима (Пантеон и мавзолей Адриана), Грузии (храм Бана), Армении (Звартноц), Италии (баптистерий в Пизе), Азербайджана (мавзолей в Барда) и Киргизии (башня Бурана). Однако во всех этих примерах мы видим совершенно иные, чем в Смоленской школе, конструктивные и композиционные основы строительства.

На гравюрах Смоленска 1627 и 1636 годов мы встречаем около Ивановогословской церкви изображение нескольких каменных построек. На гравюре 1627 года на этом месте изображены три больших и три малых строения, причем на всех зданиях видны следы частичного разрушения, являвшегося, вероятно, результатом боевых действий при обороне города 1609—1611 годов. Дальнее здание имеет форму вытянутого четырехугольника с входом, обращенным на север, верха его разрушены. В натуре не удалось найти следов этого дома, поэтому

¹ Воронин Н. Н., Основные вопросы реконструкции Боголюбского дворца, Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры, вып. 11, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 84.

время его возведения установить не представляется возможным. Три малых постройки имеют неопределенную форму, по всей вероятности, это полуразрушенные сооружения, имевшие подсобный характер. Крайнее из них напоминает небольшую башенку. Кусок упавшей стены из плинф, обнаруженный нами в июле 1951 года у мостовой Краснофлотской улицы, вероятно, относится к остатками этой башенки, служившей, повидимому, въездом к церкви.

Значительно лучше дано изображение двух больших зданий. Одно из них — несомненно Ивановогословская церковь — хорошо передает четверик церкви, увенчанный барабаном с большой луковицеобразной главою, верх которой снесен. За нею дано изображение здания более крупных размеров — это, повидимому, и есть изображение академической школы.

Судя по обмерам, размеры этого здания превышают размеры Ивановогословской церкви. Сторона церковного квадрата равна 15,6 м, а диаметр школьной ротонды 18,66 м. Изображение описываемой постройки не имеет четко выраженных граней, как это дано на рисунке церкви и других построек. Следовательно, мы имеем дело с круглой формой здания, т. е. с ротондой.

Таким образом, мы устанавливаем, что описываемая постройка является действительно зданием, которое мы считаем академической школой князя Романа. На рисунке изображена часть здания, на которой видны три высокие арки, имеющие наверху подковообразную, в три четверти круга, форму. Средняя арка незначительно выше и шире боковых (возможно, что это попытка автора гравюры показать округлость стены, благодаря которой средняя арка располагается к зрителю ближе, чем соседние с ней проемы).

Над арками стена имеет навесную форму, причем профиль нависающей части дан в форме вала, имеющего круглые проемы.

Над центром постройки возвышается барабан, увенчанный небольшим плоским шлемом.

На гравюре В. Гондиуса 1636 года на месте Ивановогословской церкви имеется изображение двух довольно больших построек. Одна из них является Ивановогословской церковью, хотя архитектурный облик ее

значительно искажен. На четверике видны боковые плиты, два яруса узких оконных проемов и боковой вход. Над крышей изображен граненый световой барабан. Второе здание (академическая школа) больших размеров. Небольшой вход дан со стороны церкви, что соответствует обнаруженному при обмерах проему. Оконные отверстия расположены в два яруса. Над нависающей частью, напоминающей открытую галерею (балкон), в центре поднимается надстройка, имеющая два проема. Надстройка перекрыта крышей, форма которой плохо прослеживается.

Сопоставляя между собой оба эти изображения и привязывая их к обнаруженным нами нижним ярусам кладки, делаем следующее предположение об архитектуре этого здания.

Довольно высокая цилиндрическая стена имела с юго-восточной стороны сдвоенный входной проем, вероятно, соединявшийся деревянным переходом с церковью и комплексом других подсобных построек. Выше входа были устроены два яруса узких оконных проемов, которые равномерно шли вокруг стены здания со всех сторон. По горизонтали между ярусами оконных проемов был аркатурный пояс. Оканчивалась стена карнизным выносом, имевшим многообломную форму. Над карнизом с юго-восточной стороны нависали кронштейны, поддерживавшие пол ходовой галереи. С северо-востока же по юго-запад к зданию примыкала арочная галерея, служившая опорой для остальной части верхнего балкона. Таким образом, со стороны Днепра и Чуриловского оврага здание школы было окружено дополнительной галереей, состоявшей из высоких проемов, увенчанных подковообразными арками. Кровля, повидимому, была чешуйчатая по деревянному настилу, шедшему от барабана к карнизу здания, имевшему отверстия для стока воды круглой формы.

Световой барабан довольно большого диаметра (около 7 м) располагался посредине здания. Его циркулярная или многогранная стенка опиралась на арочные своды, образованные внутренними столбами. Барабан прорезывали узкие оконные проемы, бросавшие свет в подкупольное пространство. Барабан увенчивался плоским шлемом, покрытым мелкой чешуей.

Так, по всей вероятности, выглядело здание академической школы, сооруженной Романом Ростиславичем.

Приведенные описания показывают, что смоленская ротонда по своей архитектурной композиции является совершенно оригинальным сооружением.

Это едва ли не единственная в древнерусском зодчестве ротонда. Особую ценность эти оригинальные черты смоленского здания приобретают в связи с его гражданским характером. Открытие этой древней постройки свидетельствует о высокой культуре русских людей, решившихся на использование кирпича для постройки школы.

Интересным открытием 1951 года явилось обнаружение у Петропавловской церкви боковой пристройки. До настоящего времени считалось, что Петропавловская церковь (1146 г.) не имела боковых приделов. В июле 1951 года при рытье канавы в 4,6 м севернее стены Петропавловской церкви были обнаружены фундаменты и нижние ряды плинфовой кладки, аналогичной самой церкви. В кладке встречены плинфы со знаками самой церкви, найдена плинфа трапециодальной формы с полукруглым очертанием. Назначение пристройки пока неизвестно, вероятно, это боковой придел церкви.

Среди вскрытых траншеей строительных материалов, кроме плинф, было найдено множество небольших керамических плиток которыми, видимо, были устланы полы придела. Величина плиток 12×12 см и 11×11 см. Много плиток треугольной формы с катетами тех же размеров. Полив плиток разнообразен: черный, желтый, синий, зеленый, белый. На ряде плиток видны цветные вкрапления: на темных тонах светлые (белые, желтые) и, наоборот, на светлых тонах темные (черные, зеленые). Найдено несколько крупных галек, облицованных, как и плитки, глазурью, чаще всего белой. Стенки придела примыкали к пилястрам церкви без перевязи с кладкой, благодаря чему образовалась щель между стенами церкви и придела.

1 июня 1951 года на месте строительства жилого дома льнокомбината, по Краснофлотской улице, в районе ручья Воровского (бывший Пятницкий) нами были обнаружены остатки храма XII века, с характерной для этого времени кладкой из плинфowego кирпича на из-

вестковой цемянке. На этом месте ряд литературных источников локализовал Пятницкую церковь на Малом торгу.

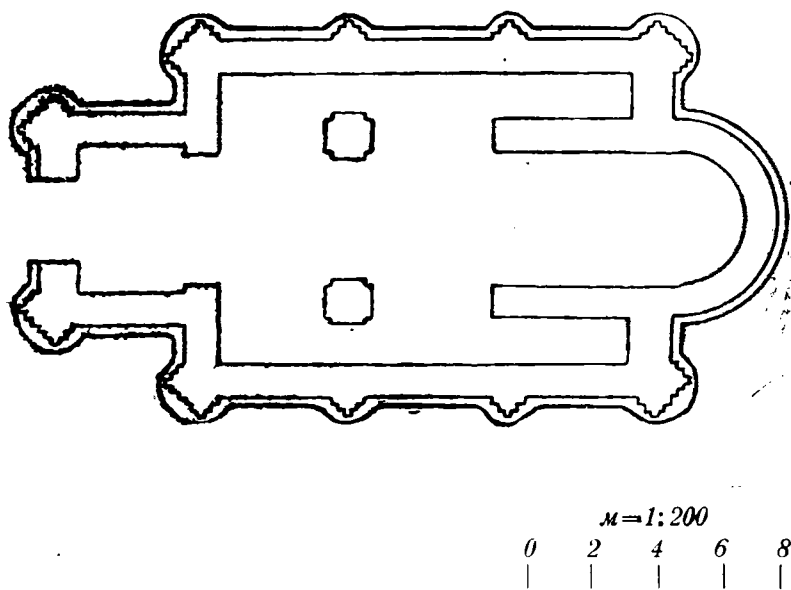

Рис. 6. Реконструкция плана Пятницкой церкви на Малом торгу XII века.

Возведение этой церкви, повидимому, относится к середине XII века, к 40-м или 50-м годам. В Смоленске была еще Большая Пятницкая церковь, остатки которой прослеживаются вблизи угла улиц Войкова и Студенческой (недалеко от Пятницкой крепостной башни).

Вероятно, одна из этих церквей после гибели другой

стала называться Пятницкой, а до этого имела какое-то другое имя. Но вполне возможно, обе эти церкви носили одинаковое название, связанное с именем религиозной патронессы торговли Параскевы Пятницы — ведь обе церкви располагались на торжищах: одна на большом, а вторая на малом. Случаи расположения одноименных церквей в одном городе не единичны. Известно, что в древнем Новгороде было три Борисоглебские церкви.

Остатки Пятницкой церкви были раскопаны, обмерены и сфотографированы. В обмерах принимала участие архитектор-инспектор областного отдела по делам архитектуры М. В. Чулановская.

Западная часть храма была уничтожена при рытье котлована и изучить ее не представилось возможности. Значительно пострадали восточная и северная стены. Однако части восточной и северной, а также южная стена на высоту до 10—15 рядов кладки сохранились довольно хорошо.

Стены здания покоились на фундаменте из крупного бутового камня, типа пореченских (демидовских) валунов. Вес отдельных валунов достигал 3—4 т. Поверх таких огромных камней укладывался бутовый камень меньших размеров. Камень укладывался на твердый глинистый грунт, без заливки его раствором. Среди камня было обнаружено несколько кусков болотной руды. Только верхние слои мелкого булыжника утрамбовывались глиной. На последнюю укладывались первые ряды плинфовой кладки, причем 3—4 ряда (а местами 6—8) перекладывались раствором жирной глины либо взятой в натуральном виде, либо с очень незначительными примесями извести. По мере возведения стен количество извести в примеси к глине увеличивалось, отчего глина приобретала охристый оттенок. На высоте 5—10 рядов известковый раствор получал обычный для Смоленска середины XII века состав: известь, мелкая кирпичная крошка, древесная зола и песок.

Состав кирпичного теста близок кирпичам построек 40-х годов (Спасская, Глеборисовская церкви), т. е. количество мергеля в плинфах аналогично указанным постройкам, что и позволяет датировать Пятницкую церковь 40-ми—50-ми годами XII века. Кирпич имеет

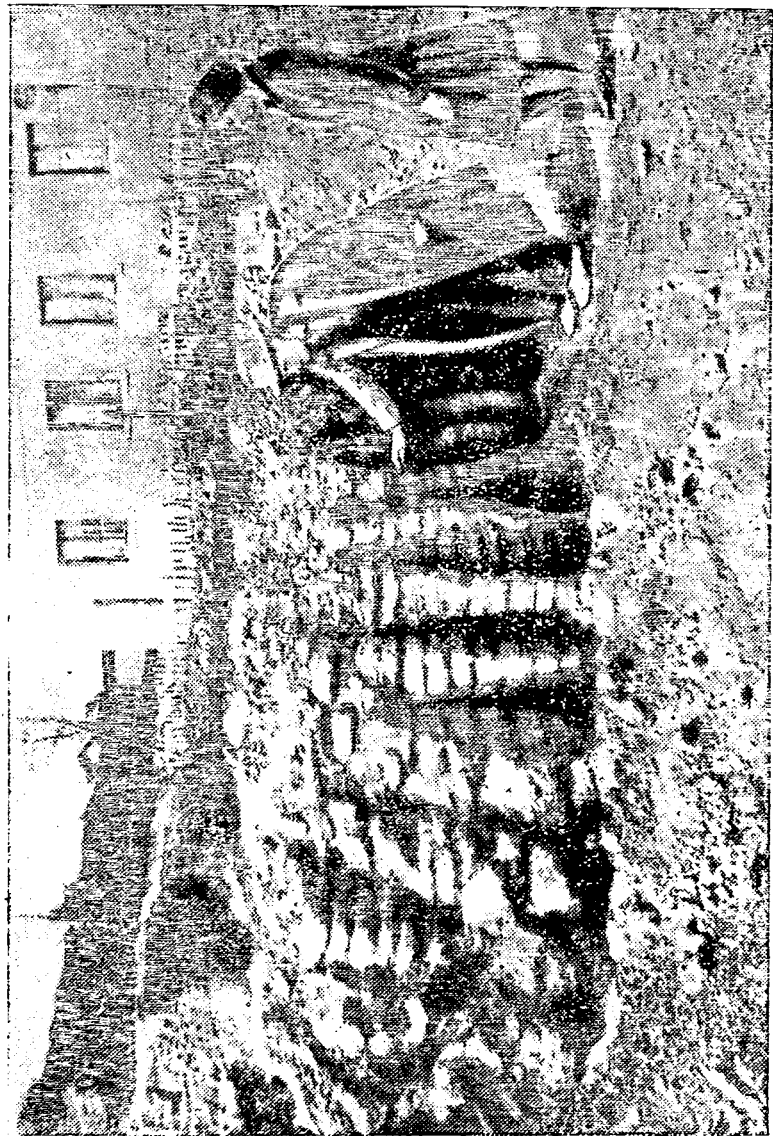

Рис. 7. Боковая плита Пятницкой церкви на Малом торгу (раскопки 1950 г.).

алый оттенок, раковистый излом и большую прочность. При ударе звенит.

По плану Пятницкая церковь представляла собой совершенно оригинальный тип. Длина здания с запада на восток (без притвора) 18,3 м, ширина с севера на юг 11,6 м. Внешняя сторона северной стены была расчленена обычными для Смоленска многообломными пилястрами, но без полуколонки. Профиль боковой пилястры составлен тремя прямоугольными выступами.

Южная стена имела пилястровый выступ подобной же формы.

Так как северо-западная часть храма уничтожена, о форме ее угла можно только предполагать. Повидимому, он был многообломным с сопряжением на углу через посредство дополнительного углового выступа. Такую форму имели полуразрушенные юго-западный, а также юго-восточный углы здания.

Особенно интересна восточная часть храма. Полуциркулярная алтарная абсида составляла среднюю часть восточной стены. Ее ширина между внутренними крайними точками абсидной дуги была равна 3,3 м. От полукруглой абсиды в обе стороны шли небольшие прямоугольные плечи (0,9 м). Кирпичная стена, составляющая абсиду, углублялась внутрь храма на 5,8 м., деля внутреннее пространство на алтарь и очень небольшие дяконник и жертвенник, имевшие внутри прямоугольные очертания. Внутренняя ширина этих боковых помещений была всего 1,4 м. На продолжении линии алтарных стенок располагались два крещатой формы столба, которым на внешней стороне отвечали боковые пилястры. Восточные углы здания имели обычные для Смоленска сложные пилястры. Угловые выступы были довольно сильно выдвинуты из стен храма, они создавали чрезвычайно пышные многообломные вертикали, обеспечивавшие легкое движение архитектурных масс снизу вверх. Происхождение подобной формы декоративных завершений углов несомненно имело своим истоком формы местного деревянного зодчества. Бревчатые стойки, укреплявшие углы деревянных зданий (палат, храмов), породили чрезвычайно изящные кирпичные формы многообломных угловых выступов.

Рис. 8. Внутренняя стена Пятницкой церкви на Малом торгу (Раскопки 1951 г.).

В западной части церкви имелись стенные ниши (аркосолии) для погребений.

Но особенно интересным является то обстоятельство, что весь периметр описываемого храма вскоре же после возведения здания был облицован в одну плинфу, которая примыкала к стенам здания без перевязки, скрепляясь только раствором известковой цемянки. Наиболее же оригинальным является облицовка многообломных пилястровых выступов, получивших совершенно неожиданно округлую форму. Простенки между пилястрами имели плавный переход к полуцилиндрическим выступам. Это совершенно необычный прием, еще в большей степени чем многообломные пилястры свидетельствующий о развитии форм народного деревянного зодчества в кирпичной кладке. Причины облицовки всего здания пока не выяснены. Кирпич, использованный для облицовки, близок к плинфам Ивана Богослова (70-е годы XII века).

Описанная композиция церкви восходит к типу Спасо-Чернушенского соборного храма, вместе с тем она развивает совершенно новые архитектурные формы. Цилиндрических оформлений углов нам не приходилось встречать ни в одном литературном источнике древнего русского зодчества. Наличие подобных углов говорит об исключительном замысле архитектора, занимавшегося облицовкой храма.

Среди руин храма была обнаружена плинфа, имеющая особый историко-культурный интерес. Величина плинфы обычна: длина 25 см, ширина 20 см и толщина 3,5 см. Состав кирпичного теста также обычен. На гладкой постельной поверхности кирпича каким-то острым предметом по глиняному тесту нанесен своеобразный чертеж. Параллельно краям плинфы на расстоянии 6 см от одного из краев во всю длину поверхности начерчены две параллельные линии. Расстояние между ними 2 см. Между этими линиями проведены девять поперечных, образующих десять неравнобелких четырехугольных звеньев. Налево от этой «лесенки» имеется довольно крупное начертание (4 см), напоминающее русскую письменную букву «е», следы такой же фигуры имеются и с правой стороны от «лесенки». В нижнем правом углу прочерчена дуговая линия, отсекающая угол

Рис. 9. Надпись на плинфе из руин Пятницкой церкви на Малом торгу. XII век.

постельной поверхности плинфы. Но особый интерес представляет находящаяся в верхней части плинфы справа от «лесенки» надпись, сделанная русско-славянскими буквами: «АЗБѣ». Высота букв 1,3 см.

Что означает весь этот чертёж, нанесенный на кирпич до его обжига, неясно. Возможно, что составленная двумя продольными и девятью поперечными линиями «лесенка» служила наглядным изображением счета до 10. Неизвестно значение и надписи. Но обнаружение этой надписи является неоспоримым свидетельством того, что русские ремесленники, в данном случае кирпичники XII века, были грамотными людьми. Следовательно, в XII веке грамотность не была монополией духовенства и монашества. Русско-славянская грамота проникла глубоко в народ. Писать на необожженном кирпиче мог только сам мастер, т. е. простой русский ремесленник. О том, что смоленские кирпичники были русскими людьми, говорит та же надпись. В ряду букв этой надписи стоит буква «Б». Известно, что эта буква является принадлежностью только русско-славянского алфавита. Ни в греческом, ни в латинском алфавитах этой буквы нет. О том, что обнаруженная надпись является словом, а не буквенным изображением чисел, говорит наличие той же буквы «Б», не имевшей в славянском лексиконе цифрового выражения.

Одна из плинф была покрыта довольно сложным, также нацарапанным чертёжом. Кроме этого, было встречено множество плинф с нацарапанными полукруглыми линиями на одном из углов постельной поверхности, — вероятно, это выражение количества кирпичей (10, 20, 30 и т. д.); встретилась плинфа с чертёжом церковной главки и большого православного креста. Ни знаков, ни клейм, обычных для зданий XII века, не обнаружено. Все описанные чертёжи относятся к плинфам основной кладки.

Все изложенное свидетельствует об исключительной культурной ценности обмеров руин храма Параскевы Пятницы на Малом торгу. Повидимому, этот храм был возведен на средства купцов или ремесленников Пятницкой сотни. На плинфах этой постройки не встречено ни одного знака или клейма, следовательно, это не обычная великокняжеская постройка.

В сентябре 1951 года, восточнее Пятницкой церкви на 200 м были вскрыты фундаменты еще одного здания, также относящегося к постройкам XII века. Назначение этого здания не выяснено в связи с сильным разрушением фундаментов земляными работами. Основная часть этого здания остается не вскрытой под существующей мостовой Краснофлотской улицы. Плинфы этого здания, в противоположность Пятницкой церкви, имеют обычные для Смоленска XII века клейма и знаки.

Чтобы закончить обзор новых архитектурных открытий, относящихся к древнему смоленскому зодчеству, остановимся на обнаруженных в 1949 году древних мостовых города.

Расположение Смоленска на взгорьях не вызывало необходимости замощения проездов, так как быстрый сток вод исключал заболачивание. Дороги по склонам холмов были всегда проезжи. Зато нижняя часть города, примыкавшая непосредственно к северной части общегородского вала, где, повидимому, происходили общегородские сборища (вече, торги), страдала от заболачивания, так как сюда собирались стоки всех горных ручьев и речек. Поэтому здесь, т. е. в северных пониженных местах Пятницкого и Крылышевского концов, уже в X—XI веках устраивается деревянная мостовая. В 1949 году при рытье котлованов под жилой дом электростанции на углу улиц Войкова и Студенческой у Пятницких ворот были обнаружены два слоя деревянной мостовой.

О характере этих мостовых можно судить по материалам осмотра их, производившегося в 1949 году.

В акте осмотра нижнего слоя мостовой сказано: «В тех же траншеях на глубине 3,75 м от поверхности почвы обнаружена вторая, более древняя мостовая. Бревна нижней мостовой преимущественно сосновые, но с большим количеством дубовых. Диаметр бревен значительно меньший (20—30 см), встречаются следы врубок. Мостовая состояла из одного, местами двух настилов, под мостовой обнаружен толстый слой (до 30 см), повидимому хвороста, а на мостовой слой ореховой шелухи толщиной до 20 см.

На глубине 4 м под нижней мостовой найден молоток.

из кости с примитивным орнаментом с просверленным в середине отверстием, а на уровне нижней мостовой обнаружен бронзовый нож.

Поскольку вторая мостовая расположена ниже первой (относящейся к культуре X—XII веков — *И. Б.*), следует предполагать, что она является более древним сооружением»¹.

Верхний мостовой настил, судя по найденным на нем предметам, можно датировать X—XII веками. Лежащую же на 1 м ниже мостовую следует отнести к IX—X векам. А если считать, что хворостяной слой являлся примитивной мостовой, то возникновение уличных мостовых в Смоленске следует датировать VIII—IX веками. Известно, что обнаруженные новгородские мостовые относятся к XI веку². Следовательно, смоленские мостовые по своему возрасту не только не уступают считающимся древнейшими во всей Северной Европе мостовым Новгорода, но, вероятно, значительно древнее их.

Верхний слой деревянной мостовой на древнем смоленском торжище, также обследованный в 1949 году, был уложен непосредственно на культурный слой (мусор, назем и прочее) торговой площади. Наблюдения над вскрытыми частями этой мостовой позволяют сделать вывод, что сооружение ее относится ко времени ни в коем случае не позднему, чем время княжения в Смоленске Ростислава Мстиславича. Следовательно, в период 20-х—60-х годов XII века Смоленск имел весьма хорошую и крепкую мостовую.

О характере этого сооружения говорится в том же акте следующее: «В траншее, находящейся по направлению восток — запад вдоль Студенческой улицы на глубине 2,80 м — 3,20 м, обнаружена деревянная мостовая в два, а частично в три настила из толстых сосновых бревен диаметром от 50 до 70 см. Бревна расположены длинными осями под углом к траншее в 30—35°.

¹ Акт об осмотре траншей для фундамента строящегося в Смоленске дома электростанции на углу улиц Студенческой и Вэйкова от 24—25 июня 1949 года, составленный Д. П. Маковским и И. Д. Белогорцевым, фонд Смоленского областного отдела по делам архитектуры.

² Воронин Н. Н., Поселение, История культуры Древней Руси, т. 1, Академия наук СССР, 1948, стр. 194.

торцы бревен обработаны топором, бревна расположены в накат, следов врубок нет, причем горбыль верхнего бревна лежит в промежутке двух бревен нижнего ряда.

Подобная же мостовая обнаружена в траншеях север—юг вдоль улицы Войкова, а также в траншеях для внутренних стен. Остатки подобной же мостовой видны в крайних траншеях со стороны Большой Советской улицы.

Таким образом, общая площадь обнаруженной части мостовой, проходящей на глубине от 2,80 м до 3,20 м от поверхности, составляет около 500 кв. м. По всей вероятности, эта деревянная мостовая перекрывала всю площадь, к которой выходила Родницкая улица (позднее названная Резницкой, а ныне Парижской Коммуны) до крепостного вала, проходившего вдоль берега Днепра.

На уровне указанной мостовой была найдена керамика — черепки посуды на гончарном круге, но грубой отделки и с примесью дресвы, что позволяет датировать устройство деревянной мостовой X—XII веками¹.

Кроме того, древние мостовые Смоленска обнаружены под проезжей частью Краснофлотской улицы в районе Богословской церкви (настил из хвойного леса в 15—20 см) и на углу улиц Кашена и Старо-Ленинградской (многослойный настил из дуба, хвойных пород и осины).

Устройство сложных инженерных сооружений в период, повидимому, предшествовавший образованию Великого княжества Смоленского, либо совпадающий с первыми шагами этого княжества, говорит о высокой технике благоустройства древнего Смоленска. Это выдвигает древний Смоленск наряду с Новгородом Великим на первое место среди современных им городов Северной и Центральной Европы. Римские мостовые к этому времени были заброшены. Новые мостовые в Риме были сооружены значительно позже. Первая мостовая Парижа относится к 1184 году, немецкие города начали замощиваться только в XIV веке, в Англии, первые городские мостовые появились в XV веке.

¹ Вышеуказанный акт от 24—25 июня 1949 года.

Рис. 10. Клейма XII века (находки 1949 г.).

Все вышеописанные открытия, сделанные в связи с архитектурными исследованиями, проведенными в последние годы, позволяют поставить смоленское зодчество домонгольского периода в ряд ведущих направлений древнерусской архитектуры: чернигово-киевского, владими́ро-суздальского и новгородско-псковского. Смоленск, несомненно, сыграл выдающуюся роль в истории русской национальной архитектуры. Его кирпичное строительство было одним из краеугольных камней сложившейся в XV—XVI веках общерусской национальной архитектуры, причем в создании архитектуры церковных и гражданских зданий Смоленск ориентировался на древнейшие строительные-художественные традиции местного деревянного зодчества, никогда не раболепствуя перед техникой чужеземных стран¹.

¹ Целью этой работы является сообщение о новейших исследованиях, касающихся Смоленской архитектуры домонгольского периода. Поэтому автор не останавливается на архитектурном анализе зданий XII века: Свирской, Ивановогословской и Петропавловской церквей, ранее описанных в литературе.

Н. В. АНДРЕЕВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НА СМОЛЕНЩИНЕОчерк первый¹. История развития образования и школ в Смоленском крае с IX столетия до начала XIX века

Гениальные труды товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания обогатили науку новыми положениями, имеющими огромное значение для всех общественных наук и в особенности для исторической науки. Указания товарища И. В. Сталина о племенах победителях, языки которых оказались победителями среди других языков племен, а также о ходе развития языков «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным», его указания о том, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства» имеют исключительное значение для историков и археологов, ведущих исследовательскую работу по выяснению происхождения восточных славян и их соседей, образованию русской государственности, происхождению и развитию древнерусского города и ремесла, истории культуры древней Руси. Новые исследования советских ученых, проведенные на основании гениальных трудов товарища Сталина о языке по-новому ставят вопрос о развитии культуры и просвещения на Руси.

Новейшие исследования выясняют несостоятельность утверждений о том, что, якобы, грамотность, культура и просвещение на Руси появились вместе с христианской

¹ Первый очерк автором доведен до начала XIX века. В последующих будет изложена история народного образования на Смоленщине в дореформенный и послереформенный периоды, будет освещен бурный рост народного образования после Великой Октябрьской социалистической революции и культура Смоленска в социалистический период.

религий и заимствованы из Византии. Русская письменность, а следовательно, и литература существовали задолго до крещения Руси. Почти за тысячу лет до принятия восточными славянами христианства народы северного Причерноморья, известные у греков под общим названием скифов, имели свою письменность. В наше время многие из ученых склонны считать, что Скифия была местом, где жили племена, которые являлись носителями культуры и языка будущих славянских племен.

Культура, в том числе и письменность, созданная племенами, главными предками славян, в так называемую скифскую эпоху, была продолжена антами после того, как они возглавили славянские племенные союзы Восточной Европы. «Отнюдь не явилось бы смелым предположение, — пишет академик С. П. Обнорский, — о принадлежности каких-то форм письменности уже руссам антского периода»¹. В наши дни историческая наука установила, что культура антов является промежуточным звеном между культурой племен, заложивших основы будущего славянского языка в скифо-сарматское время, и культурой восточных славян. Это подтверждается не только памятниками материальной культуры, или лингвистическими данными, но и сходством быта, в частности одежды, преемственностью культа, культовых изображений.

«Открытие изумительной преемственности культовых изображений между скифско-сарматским миром и позднейшим славянским позволяет предполагать, что анты были неизбежным промежуточным звеном, воспринявшим часть скифско-сарматских религиозных представлений и передавшим их Киевской Руси, а через нее и дальше»².

Позднейшие исследования советских ученых установили, что алфавит, созданный племенами в скифское время, лег в более позднее время в основу так называемой глаголицы — древнейшего славянского и русского алфавита. Новые утверждения советской науки выясняют

¹ Цитируется из статьи П. Я. Черных «Язык и письмо», опубликованной в «Истории культуры древней Руси», том II стр. 134. Москва—Ленинград, 1951 г.

² Рыбаков Б. А., Анты и Киевская Русь, Вестник древней истории, т. 1, 1939, стр. 327.

недостоверность прежней гипотезы о заимствовании русского алфавита из балканских стран, народы которых в свою очередь, якобы, заимствовали это письмо из Византии.

В действительности происходило обратное: алфавит, долгое время бытовавший в северном Причерноморьи и разработанный восточными славянами, позднее был перенесен от восточных славян к южным славянам. Чрезвычайно важным доказательством того, что задолго до принятия христианства на Руси была письменность, является древнейшая русская надпись, обнаруженная археологом Д. А. Авдусиным летом 1949 года в одном из курганов лесного могильника в Гнездове. В кургане, отмеченном Авдусиным в отчете за № 13, вместе с большим количеством предметов (в числе которых был обнаружен сломанный пополам меч, пять арабских дирхем, складные карманные весы и гирьки к ним и другие предметы начала X века, характеризующие быт дружинника, воина-купца) была найдена разбитая корчага, в которой хранились и перевозились жидкости. В верхней части корчаги — надпись славянскими буквами «гороухща». Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров в статье «Древнейшая русская надпись» подчеркивают, что эта единственная надпись древнерусского языка, дошедшая до нас, «блестяще подтверждает, что русская письменность с самого начала была славянская»¹. Как известно, в середине IX века христианский проповедник Кирилл составил азбуку для южных и западных славян. Всех букв в славянской азбуке насчитывалось 38, в том числе и такие буквы, как ш, щ, ц, у, которых нет в греческом алфавите. Но до составления славянской азбуки Кирилл, будучи в Корсуни, видел евангелие и псалтырь, написанные русскими буквами «русьскими письмены» и позднее воспользовался русской азбукой при создании в Моравии славянского письма. Вероятнее всего, христианский проповедник Кирилл, которому приписывается создание славянского письма, только упростил имевшуюся у славян письменность, именовавшуюся глаголицей. «Все это позволяет думать, — пишет

¹ Вестник Академии наук СССР № 4, 1950, статья «Древнейшая русская надпись», стр. 78.

П. Я. Черных в статье «Язык и письмо», опубликованной в «Истории культуры Древней Руси», — что глаголическое письмо возникло где-то в Северном Причерноморье в результате длительного процесса развития из «черт и резов», как и некоторые иные системы письма... «обретенные» в Корсуни Константином Философом Евангелие и псалтырь и были памятниками раннего восточнославянского глаголического письма».

Следовательно, задолго до принятия христианства на Руси была письменность. Об этом говорят и договоры Олега с греками, написанные по-славянски в самом начале X века (значительно раньше появления кирилловского алфавита). В том же веке арабы видели русские надписи на столбах, которые ставились на могильных курганах. Арабские писатели даже пытались зарисовать эти надписи, об этом они сообщают в своих работах. К сожалению, указанные древнерусские надписи не сохранились и, таким образом, гнездовская надпись является единственным памятником, свидетельствующим о том, что письменность на Руси была распространена задолго до принятия христианства.

В обширном Киевском государстве, явившемся колыбелью государственности и культуры русского народа, продолжала развиваться культура, созданная восточнославянскими племенами. Ко времени образования Киевского государства у восточных славян меняется способ производства, меняется вместе с базисом и надстройка. Для складывающегося феодального общества нужна была такая надстройка, которая помогала бы укрепиться сложившимся феодальным отношениям.

Товарищ Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» учит, что экономический строй или базис данного общества определяют все его идеологические надстройки, т. е. «политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»¹. Каждый базис, каждый вид производственных отношений, — заключает товарищ Сталин, — имеет свою надстройку. «Базис феодального строя имеет свою над-

¹ Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 5.

стройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою»¹. «Надстройка, — продолжает товарищ Сталин, — порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»².

Следовательно, надстройка всегда активно борется за упрочение своего строя. Но на протяжении существования определенного базиса соответствующая базису надстройка не играет одну и ту же роль в развитии общества. «До тех пор, пока новый экономический строй общества, пришедший на смену старому, идет вперед, дает известный простор развитию производительных сил, до тех пор и надстройка над базисом общества играет положительную роль... она расчищает историческую почву от остатков старых производственных отношений, от засилья старых государственных, правовых и других учреждений, содействует развитию и применению науки, выдвигает и обосновывает аргументы, подрывающей основоположения прежней, отжившей свой век идеологии»³.

Так обстояло дело и в Киевском государстве. Вместе с активным участием государства в ликвидации первобытно-общинного уклада и укреплении феодального базиса значительную роль сыграла и феодальная культура. В основе феодальной культуры Киевского государства лежало христианство, которое являлось могучим рычагом для укрепления феодального строя. Христианская религия идеологически обосновывала устои феодального общества, оправдывала феодальную эксплуатацию и феодальный гнет. Однако роль феодальной

¹ Сталин И. В., Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 5.

² Там же, стр. 7.

³ Вопросы философии 1952 г., № 1, стр. 9. Статья академика Александра «И. В. Сталин о роли надстройки в развитии общества».

культуры для развития общества была неодинакова. Вначале феодальная культура играла положительную роль, она содействовала развитию и применению науки, распространению просвещения, боролась за новый быт, новое поведение людей в обществе, семье, выдвигала новые цели жизни. Просвещение, хотя и в рамках феодальной идеологии, на первых порах давало благоприятные результаты. Появляются школы, увеличивается количество грамотных, увеличивается количество книг, появляются центры культуры, которые способствуют развитию науки и искусства, развивается зодчество, появляются каменные здания и укрепления, развиваются ремесла и торговля. Все это способствует укреплению Киевского государства и создает основу для безопасности народа от внешних врагов. Следовательно, создаваемые князем Владимиром школы способствовали не только укреплению феодальной идеологии, но и играли положительную роль, как организованный центр просвещения и развития лучших традиций славянской культуры. В Лаврентьевской летописи это отмечается следующим образом: Князь Владимир I «нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещение приводити по всем градом и селом; послава нача поимати у нарочитое чади дети и даяти нача на учение книжное»¹. То же можно прочитать и по Никоновскому списку: «и начаша от отцев и матерей взимати младые дети и давати в училище учитись грамоте».

Школы, созданные Владимиром I «по всем градом и селом», были двух типов: повышенного типа, куда принимались «нарочитое чади» — дети старших дружинников, княжых мужей, бояр. Такие школы были организованы в городах и выпускали из своих стен образованных людей, государственных деятелей и высшее духовенство. Второй тип — школы для подготовки среднего и низшего духовенства. Тип низшей школы отмечен в Софийской первой летописи. Под 1030 годом там отмечено следующее: «и приде (Ярослав, сын Владимира I) к Новогород собра от старост и поповых детей 300 учити книгам»². Та же летопись сообщает, что речь идет об оформлении

¹ Полное собрание русских летописей, том I, Лаврентьевская летопись, Ленинград 1926, стр. 51.

² Там же, том V, стр. 136.

училища, основы которого были заложены раньше епископом Иокимом и его учеником Ефремом, которые создавали группы из жителей города и организовали занятия с ними. Ярослав I для утверждения феодальной культуры много заимствует из Византии. Однако это не привело к подчинению Руси идейному и политическому влиянию Византии. Оттуда он переносит и опыт руководства феодальным просвещением. «И бе Ярослава... книгам прилежа и почитая е часто в ноши и в дне, и собра писце многы, и прекладаше от Грек на Словенское письмо, и спасаша книги многы, и сниска, ими же поучашеся вернии людь»¹.

В Киеве Ярослав основал библиотеку при церкви св. Софии, приказав в городах и крупных селах при церквях создавать библиотеки и школы. «Церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы и дая им от имени своего урок велея им учити люди, понеже там есть поручено Богом, и приходити часто к церквам»². Помимо школ детей отдавали для «книжного научения» духовным лицам, которые учили их чтению, письму и церковному пению.

Летописи нам сообщают только о школах Киева и Новгорода, но можно с достоверностью сказать, как это отмечают и летописцы, что при Владимире и Ярославе подобные школы были созданы и в других крупных центрах древней Руси, в том числе и в Смоленске. Это подтверждают следующие строки из Стоглава. Собравшиеся на собор сетовали на упадок просвещения в XVI веке «А преж сего в Российском царстве, на Москве и в Великом-Новгороде и по иным градом многия училища бывали, грамоте и писать, и петь, и читать учили»³.

Смоленск в X — XI веках был крупным административным, экономическим и культурным центром Киевской Руси. Владимир I в Смоленске и Новгороде (двух крупнейших центрах Киевской Руси) лично руководит в 990 году крещением населения, по его приказанию на Вознесенской горе в Смоленске «идеже стояше кумир Перун» была поставлена Васильевская церковь, а гора бы-

¹ Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 1, стр. 151—152.

² Там же, стр. 153.

³ Стоглав, гл. 25, Казань, 1887.

ла названа Васильевской. По распоряжению князя Ярослава, сына Владимира, в Смоленске был построен Борисоглебский монастырь. Владимир Мономах, будучи Смоленским князем, в 1101 году заложил грандиозный для того времени в Смоленске Успенский собор. Все это свидетельствует о значительной культуре Смоленска того времени. Значительного развития культура достигает при Смоленском князе Ростиславле Мстиславиче (1125—1160), построившем собор, заложенный Владимиром Мономахом, и учредившем самостоятельную епископию Смоленщины, как особую церковно-административную единицу.

Смоленск в это время славился высокообразованными людьми. Появляются ученые, знатоки философии, писатели. Из смоленских ученых того времени всеобщую известность получил Климент Смолятич, ставший с 1147 года киевским митрополитом. До нас дошли две работы Климента Смолятича: «Слово в похвалу святым, или в неделю сыропустную» и «Послание к Смоленскому пресвитеру Фоме». В первом произведении описывается монашеская жизнь, во втором он определяет основы христианской философии. В качестве доказательства правоты догм христианской церкви он приводит данные, взятые из греческой философской литературы, в частности, из работ Платона и Аристотеля. Климент разъясняет, что церковные тексты надо понимать «иносказательно», протестуя против взглядов пресвитера Фомы и учителя Григория, которые придерживались буквального толкования священного писания¹. Из послания явствует, что в Смоленске был круг образованных людей, хорошо знакомых с философией Греции классического периода. Пресвитер Фома, учитель Фомы Григорий, о котором с уважением как о крупном ученом вспоминает Климент, смоленский князь Ростислав (1125—1160), его сыновья тоже были знатоками греческой литературы и философии. Ясно, что лица, из круга которых вышел Климент Смолятич, воспитывались в школе повышенного типа, которая в свое время была

¹ Редков Н., Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом, «Смоленская старина», вып. I, Смоленск, 1909, стр. 41.

создана Владимиром I в Киеве и других городах, в том числе и в Смоленске. Из послания явствует, что в Смоленске при княжеском дворце, при монастырях и церквях имелись библиотеки, где хранились и труды классиков древнегреческой философии. Широко было поставлено дело переписывания книг. При дворе смоленского князя Ростислава, при Борисоглебском монастыре на Смядыни группировались ученые переводчики и переписчики книг. Вероятнее всего, при Борисоглебском монастыре находилась высшая школа Смоленского княжества. «Положение духовенства и значительная идеологическая роль последнего в феодальном обществе превращали его в древней Руси, как и в Византии и Западной Европе «в ученое сословие средневековья», — отмечается в статье «Просвещение» Н. С. Чаевым. Далее, ссылаясь на Энгельса, Н. С. Чаев справедливо утверждает, что «Сведения по всем областям знания преподносились тогдашнему читателю в религиозной оболочке... На службе богословия были не только философия, юриспруденция, но и история, и естествознание, и география и другие отрасли знаний»¹. При Ростиславе образованность на Смоленщине распространилась широко и вышла за пределы княжеских дворов и монастырей. Грамота, письмо нужны были зажиточным купцам, ведущим интенсивную торговлю с различными странами Европы. «Смоленск лежал на перекрестке больших торговых дорог, и знание языков диктовалось потребностью растущих экономических связей с различными странами»², — подчеркивает историк Смоленщины Д. П. Маковский. Профессор Голубовский полагает, что в это время Смоленск был одним из наиболее культурных центров Руси. «Не подлежит сомнению. — пишет он, — что и книжное просвещение в Смоленске и школьное образование в нем стояли по тому времени достаточно высоко, распространялись не только среди зажиточного класса (бояр, духовенства и купечества), но и в народные массы, сходявшиеся с ними на вече и обсуждавшие как дела важные, государствен-

¹ История культуры древней Руси, том II, 1951 г. Москва — Ленинград, статья Н. С. Чаева «Просвещение», стр. 226.

² Маковский Д. П., Смоленское княжество, Смоленск, 1948, стр. 259.

ные, так и обыденные вопросы текущей жизни и действительности»¹.

Потребность в развитии школьного образования заставила преемника Ростислава — Романа, княжившего в Смоленске с 1160 по 1180 годы, создать школу, которая могла бы выпускать «мастеров грамоты», т. е. учителей для школ. Смоленский историк XIX века С. П. Писарев полагал, что такая школа Романом Ростиславичем была образована при Иоанно-Богословской церкви². Приглашал Роман Ростиславич в свою школу и учителей греческих и латинских, так как воспитанники школы — будущие преподаватели — должны были знать иностранные языки. «Приглашение «учителей-греков» и особенно латинистов говорит о том, что экономические связи с западными городами требовали знания латинского языка, на котором в то время в Европе писались официальные документы — договоры»³.

Показателем высокой культуры смолян этого времени явились замечательные здания, построенные в XII веке. Заслуживает особого внимания каменная церковь, выстроенная Давидом Ростиславичем, который княжил в Смоленске с 1180 по 1198 год. Ее приезжали осматривать иностранцы, об «изрядной красоте» ее — подчеркивается в Ипатьевской летописи, — знали за пределами Смоленского княжества. Она известна нам как Свирская. Храм был богато украшен живописью. Над иконами храма потрудились лучшие живописцы Смоленска. Но кроме талантливых зодчих, искусных живописцев, Смоленск был известен в то время талантливым проповедником, церковным деятелем, писателем и живописцем Авраамием. Монах Авраамий имел образованных учеников, которые интересовались не только богословскими вопросами, но изучали сочинения, в которых трактовались вопросы космографии, психологии, зоологии, философии. Эти книги называли «глубинными» (иносказательное выражение, обозначающее, что в них видна мудрость, «глубина морская», иначе их называли «голу-

¹ Голубовский, История Смоленской земли до начала XV века, стр. 217.

² Писарев С. П., Памятная книга Смоленска, стр. 117.

³ Маковский Д. П., Смоленское княжество, Смоленск, 1948, стр. 258.

бинами» книгами). Наиболее важные книги, статьи, написанные Авраамием и учениками его школы, размножались и во время проповедей Авраамия раздавались слушателям или отправлялись в Смоленские школы. «Книги писались на пергаменте (коже) чернилами при помощи гусиного пера... Чернила изготовлялись из железистых составов. Они отличались бурым (коричневатым) оттенком и большой прочностью», — пишет Н. С. Чаев в статье «Просвещение», опубликованной в «Истории культуры древней Руси». Своими блестящими проповедями, — указывает биограф Авраамия, его ученик Ефрем, — он привлекал многих горожан. Но городское духовенство вооружилось против Авраамия. «Попы рыкали как волы», говорит о них биограф Авраамия. Смоленские попы говорили с завистью и озлоблением «се уже весь град Авраамий к себе обратил есть», а на суде кричали: «Уже наша вся дела (дети) обратил есть»¹. Духовенство привлекло Авраамия к суду за то, что он обвинял их в стяжательстве. Около 1200 года состоялся вечевой суд над Авраамием. Духовенство настаивало на смертной казни Авраамия, оно требовало или сжечь его или утопить в Днепре. Но у Авраамия среди смоленских горожан нашлось много почитателей, которые сорвали расправу над ним. Епископ Игнатий, освободив из заключения Авраамия, все же под нажимом духовенства запретил ему заниматься проповеднической деятельностью. Однако многочисленные ученики его вскоре добились реабилитации Авраамия и дали ему возможность основать монастырь, позднее названный Авраамиевским. К этому времени и относится единственное литературное произведение, дошедшее до нас, — «Слово о небесных силах, чего ради создан бысть человек», или «О 12 мытарств». В нем Авраамий развивает мысль, что «жизнь земная есть война, и если для войны с другим народом нужны не только оружия, но и знания опытные, то тем более для брани духовной нужно учиться многому»². Авраамиевский монастырь превратился в своеобразную

¹ Н. Редков, Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом, «Смоленская старина», вып. 1, т. I, 1909, стр. 34.

² Шевырев С. П., История русской словесности, стр. 214.

высшую школу. Школа, созданная Авраамием, была многогранна. Из этой школы вышли не только литераторы, учителя, летописцы, но и живописцы. В «Житие Авраамия» есть прямое указание, что украшение церквей «иконами и свечами» производилось своими силами. Авраамий со своими учениками разрисовал несколько монастырей: Селищенский, Крестовоздвиженский и Авраамиевский. Сам Авраамий был довольно крупным художником. Он не только рисовал обычные иконы, лики святых, он создавал настоящие картины, для которых требовалась фантазия и искусство большого художника¹. Для Авраамиевского монастыря он нарисовал две такие иконы-картины, одна из них изображала «Страшный суд во время второго пришествия», а другая — «Испытание воздушных мытарств, их же всем несть избежать».

Авраамий умер в начале XIII века, незадолго до татарского нашествия. Под впечатлением первых боев с татарами в Смоленске возникла сказочная повесть о героическом подвиге воина Меркурия, остановившего врага. В основу ее было положено сказание о битве смолян с татарским отрядом, прорвавшимся к Смоленску со стороны Ельни, на поле за Молоховскими воротами.

Содержание двух произведений — «Житие преподобного Авраамия» и «Сказание о святом Меркурии», — созданных смоленскими писателями, говорит о высокой культуре смолян и об оригинальности русской литературы того времени. Климент Смолятич, Авраамий и их окружение — не случайное явление в Смоленске. Жизнь и творчество этих людей говорят о широком развитии школьного образования, о высокой культуре, о любви к книгам, о хорошо поставленном деле переписывания книг и рукописей. Выдающимся памятником, свидетельствующим о высокой культуре Смоленщины того времени, явилась «Смоленская торговая правда». Составленная как договор с немецкими городами в 1229 г. при князе Мстиславле Давыдовиче, «Смоленская торговая правда» отражает не только социально-экономические отношения, она является также своеобраз-

¹ Маковский Д. П., Смоленское княжество, Смоленск, 1948, стр. 261.

ным сводом законов, напоминающим во многом «Русскую правду» ярославичей. «Смоленская торговая правда» говорит о большой культуре смолян в области правоведения и хорошем знании иностранных языков, в частности латинского.

Литературная деятельность продолжала развиваться и в XIV веке. Всеобщую известность в то время получило произведение «Хождение архимандрита Агрефенья в св. Землю». В нем архимандрит смоленского Авраамиевского монастыря описывает свои впечатления от путешествия в Палестину. Это произведение имеет большое историческое и филологическое значение. Вторым крупным литературным памятником Смоленщины начала XV века является «Хождение Игнатия Смолянина». Дьяк смоленского епископа Мануила, Игнатий, пробыл на востоке шесть лет, до 1405 года. После отъезда свиты смоленского епископа из Константинополя Игнатий отправился в Палестину. Хорошее знание греческого языка помогло ему познать не только достопримечательности Византии и Палестины, но и уловить важнейшие политические события, происходившие на востоке в то время, и проникнуть в быт византийцев и народов передней Азии. Игнатий по возвращении в Смоленск описал свои впечатления от путешествия на востоке. Кроме этого произведения, им написано пособие для школ Смоленщины, называется оно «Слово летом вкратце». В этом произведении Игнатий Смолянин излагает историю Руси с 1254 до 1423 года.

Важным памятником культуры Смоленщины конца XIV века является псалтырь Онежского монастыря, переписанный монахом Лукой Смолянином в 1395 году. Псалтырь был переписан крупным, четким полууставом, каждый псалом и каждая песнь снабжены рядом миниатюр, заставок, все инициалы, с которых начинались псалмы, были разукрашены красками и золотом. Всего в псалтыре Лука Смолянин нарисовал 175 небольших миниатюр. Псалтырь был найден Г. К. Бугославским на севере России, куда он попал в XVI веке. Описывая псалтырь, Г. К. Бугославский замечает, что «как произведение рук Смолянина, данная псалтырь служит наглядным доказательством того, как высоко стояло в древ-

нем Смоленске в XIV веке искусство списывания книг и рисования, а также иконописания. Из детального рассмотрения украшающих ее рисунков мы видим, что художественное образование Смоленска того времени сделало значительный шаг вперед в сравнении с более древним периодом и с остальной Русью»¹. Автор наряду с рисунками богословского характера помещает и рисунки с политическим содержанием. Особенного внимания заслуживает один из них, на котором изображены четыре зверя-чудовища, стоявших друг против друга в угрожающей позе, а между ними заяц, собирающийся спастись бегством от страшных соседей. Заяц, — указывает Бугославский, — напоминает ослабевшее к этому времени Великое Смоленское княжество, окруженное грозными соседями.

Кроме псалтыря Луки — памятника, по которому можно судить о состоянии культуры в Смоленской земле, — имеет большое значение Оршанское пергаментное евангелие (Орша входила в состав Смоленской земли). Написано оно было в Смоленске в XIII веке, рисунки и письмо в духе смоленской школы переписчиков и художников, письмо и рисунки сближают его с онежским псалтырем.

Начало XV века для Смоленска оказалось чрезвычайно тяжелым временем. Обострилась борьба с литовскими князьями. Великое Смоленское княжество под напором литовских войск стало терять один удел за другим. Наконец, в 1404 году, после долгой осады, изнуренный и ослабленный феодальными междоусобицами, Смоленск принужден был капитулировать перед литовским князем Витовтом. Владычество литовско-польских панов продолжалось с 1404 до 1514 года. Эксплуатация литовско-польских феодалов, усиление национального гнета, гонение против русских обычаев, стремление польских панов ополячить народ вызвали сопротивление различных слоев населения Смоленщины. От XV века сохранилось довольно много оригинальных письменных памятников. Все они написаны или на русском или на белорусском языках, изложены литературно и продол-

¹ Бугославский Г. К., Замечательный памятник древней смоленской письменности. Древности, т. XXI.

жают свидетельствовать о довольно высокой культуре смолян. Из числа литературных памятников этого времени следует выделить летописный сборник, найденный во второй половине XIX века А. В. Рачинским в Полоцке. Этот летописный сборник получил название летописи Авраамки, по имени его составителя. Летопись была рассчитана на борьбу с католицизмом и унией, на сильно навязываемыми смолянам польскими панами. Другим литературным памятником этой эпохи является Супрасельская летопись, названная по имени монастыря, где она была обнаружена. Тщательным исследованием установлено, что летопись была написана в Смоленске очевидцем тогдашней смоленской жизни¹. К этому времени относится ряд русско-литовских летописей, написанных смолянами и переведенных позднее польскими переписчиками на польский язык. Заслуживают внимания и другие письменные памятники. Так, образцом смоленского рукописного искусства этого времени принято считать «Миней месячные за март и апрель», переписанные смоленским диаконом Сенкой в 1487 году.

С конца XV века усиливается национальный гнет со стороны польских панов, прибравших к этому времени в свои руки и литовское государство. Особенно иноземный гнет усилился после неудачного восстания смолян, известного под названием «Великая Замятня». Польско-литовским панам пришлось около года вести борьбу с непокорным Смоленском, и только внушительная армия, снабженная многими пушками, сумела взять приступом город и подавить восстание. После подавления восстания город был разграблен панами. Ремесла, торговля, культура приходят в упадок. Но жители Смоленска, проникнутые глубоким чувством национального самосознания, не оставляют мысли об освобождении от иноземного ига и воссоединении со всеми русскими землями и с надеждой смотрят на возвышающееся Московское государство. И действительно, оттуда пришла помощь. Иван III вел упорные войны с Литвой из-за Смоленска и сумел захватить Вязьму, а его преемник Василий III

¹ Тихомиров И. А., «О составе западно-русских, так называемых литовских, рукописей» (Журнал министерства народного просвещения за 1901 год, март—май).

во время третьего похода к Смоленску в 1514 году взял город. Смоленск вновь вошел в семью русских городов и превратился в важный стратегический пункт. Он стал «ключом» к Москве, прикрывая дорогу к центру Руси с западной стороны. Понимали это и польские паны, поэтому они принимали все меры к тому, чтобы вновь овладеть Смоленском. Правительство русского государства решило укрепить Смоленск, превратив его в сильную крепость на польско-литовской границе. В короткий срок, с 1596 по 1602 год, была выстроена крепостная стена с 38 башнями. Крепостная стена кольцом окружила город, превратив его в сильнейшую крепость.

✓ Смоленская крепостная стена, названная ожерельем Московского государства, является не только памятником фортификационного искусства. Стройные, грандиозные стены крепости с разнообразными по форме башнями, с затейством сделанными крепостными воротами являются свидетелями большого искусства русских людей и показателем значительной культуры того времени.

Смоленская крепостная стена была выстроена нашим знаменитым земляком — зодчим Федором Савельевичем Коном, уроженцем Дорогобужа.

Трудовая деятельность выдающегося земляка началась в Москве, где он прошел путь от простого плотника до инженера-архитектора. Творческая деятельность Федора Савельевича Кона начинается с последних лет 70-х годов XVI столетия.

После ссоры с хозяином-немцем Федору Савельевичу пришлось покинуть Москву и удалиться к себе на родину, в Дорогобуж. Находясь на родине, Федору Савельевичу вскоре представился случай испробовать свои силы и знания при перестройке Болдинского монастыря. С помощью Смоленского и Дорогобужского архиепископов болдинские монахи решили вместо деревянных монастырских зданий построить каменные. Узнав об исключительных способностях Кона, они пригласили его возглавить строительство монастыря. Федор Савельевич согласился, и по его проекту и под его руководством был воздвигнут каменный собор, а затем и трепезная Болдинского монастыря. Здесь же он впервые попробовал свои силы на строительстве крепостных стен. Во-

круг монастыря под руководством Федора Коня были поставлены рубленные дубовые стены с четырьмя угловыми башнями, снабженными бойницами и дозорными вышками.

После Болдина Федор Савельевич руководит строительными работами в Вязме, создав там Троицкий собор и церковь Ивана Предтеченского монастыря. В 80-х годах XVI столетия Федор Савельевич Конь возвращается в Москву, где продолжает свою деятельность до 1595 года. За это время он выстроил Белый Город, обстроил заново Симонов монастырь и ряд церквей. В декабре 1595 года Федор Савельевич получил назначение в Смоленск для возведения каменной крепостной стены. В Смоленске Федор Савельевич составил проект крепостной стены. Проект Коня был одобрен правителем Московского государства Борисом Годуновым. Из Смоленска Борис Годунов писал в письме царю: «Построим мы такую красоту неизглаголенную, что подобно ей не будет во всей поднебесной: одних башен 38 и по верху ея свободно поезжай на тройке. Как на важной бояриче красиво то лежит многоценное ожерелье, прибавляя ей красоты и горделивости, так Смоленская стена станет теперь ожерельем всей Руси православной на зависть врагам и на гордость Московского государства».

В строительстве смоленской крепости участвовали мастера и рабочие из многих городов России.

«Во все же града посла, повеле имати каменщиков и кирпичников, да не токмо каменщиков, ино повеле и горшечников поймати, а повеле послать в Смоленск для каменного и кирпичного дела» — указывает летописец.

Всего в строительстве на всех видах работ участвовало около 300 тысяч человек. Для перевозки огромного количества строительных материалов потребовалось 2670 тысяч подвод. Подводы и лошади также были собраны из многих мест России.

Работы велись круглый год, не прекращаясь ни зимой, ни летом.

На время строительства Смоленской крепости, как указывает летопись, все каменные постройки на Руси были запрещены.

Для строительства стены потребовалось свыше ста

миллионов штук кирпича, 620 тысяч больших белых облицованных камней, 320 тысяч бочек извести, 320 тысяч пудов полосового железа и много других строительных материалов.

Крепость огибала город со всех сторон на протяжении 6,5 км, высота ее равнялась 9,6 м, толщина—4,9 м. Отдельные участки стены соединялись 38 трехрусными башнями верхнего, среднего и подошвенного боя каждая, высотой 15 — 18 м. Девять башен имели проезжие ворота. Надвратные башни достигали высоты 22 м. Для лучшего обстрела и наблюдения башням придавали различную форму — круглую, четырехугольную и грановитую (многогранную).

Интересны по своим архитектурным особенностям такие многогранные башни, как Веселуха, Орел, Белуха, Громовая и другие. В башнях: Никольской, Пятницкой, Копытенской, Молоховской, Фроловской и других имелись проезжие ворота.

От ворот с внешней стороны были перекинута мосты, так как стену окружали глубокие рвы, наполненные водой. Кое-где встречались скромные четырехугольные башенки, вроде Маховой, Бублейки, Донца. При въезде в город с южной стороны, находилась надвратная башня Молоховских ворот, над крышей которой возвышалась караульная полубашня.

Башня Днепровских, или Фроловских, ворот была самая высокая из всех башен крепости, кроме того, в отличие от других, она имела пятирусные бойницы.

В стене имелись небольшие особые выходы — форточки. Они предназначались исключительно для пешеходов. Во время осады города форточки закладывали кирпичом, превращали в обыкновенные амбразуры с бойницами. Со стороны Днепра в фундаменте стены были устроены сводчатые отверстия, обложенные камнем, трубы для стока воды.

Для сношения с внешним миром во время осады, а также для «чинения промысла» (т. е. вылазок), для предупреждения неприятельских подкопов, под стеной были устроены тайные ходы — «тайники» или «подлухи».

Вход в тайник представлял особый кирпичный свод с железной дверью, ведущей внутрь тайника.

По свидетельству современников, смоленская крепостная стена являлась лучшим по тому времени оборонительным сооружением. Крепость была замечательна не только своими боевыми качествами, но являлась выдающимся образцом архитектурного искусства и вызвала законное восхищение современников.

Смоленская крепостная стена, созданная Федором Коном, яркий памятник русской культуры XVII века. Вскоре смоленская крепость сыграла большую роль в истории России. Потерпев крах в авантюре с самозванцами, польский король Сигизмунд III в 1609 году объявил войну Московскому государству и с большим войском двинулся к Москве, но путь ему преградил Смоленск. Началась почти двухлетняя героическая оборона Смоленска против польских интервентов. За это время русские патриоты Минин и Пожарский в Нижнем-Новгороде сумели собрать русское ополчение, вооружить его и изгнать отряд поляков, засевших в Москве, на помощь к которым спешил Сигизмунд.

Истощенное непрерывной борьбой русское государство принуждено было уступить Смоленск Польше. Господство польских панов в Смоленске продолжалось до 1654 года. В октябре этого года русские войска взяли Смоленск, и с этого времени он навсегда вошел в состав русского государства. Таким образом, из изложенного видно, что XVI век и начало XVII столетия для Смоленска были бурным временем. Все силы смолян были направлены на борьбу с польско-литовскими панами, пытавшимися поработить русское государство. Это обстоятельство отложило отпечаток и на культуру Смоленщины этого времени. Освобождение Смоленска от ига польских панов явилось толчком к развитию культуры. На Смоленской земле появились новые центры культуры. «Сохранились даже книги, изготовленные в деревнях, в селах. Таково, например, Евангелие, писанное в 1527 году в селе Новом, близ Вязьмы»¹. Несколько позднее появляются «битые» (печатные) книги. Выросло количество образованных людей на Смоленщине. В просвещении ценилось уже не только богословское образование, но и знакомство с иностранными языками и

¹ А к с е н о в М. В., Очерки из истории народного просвещения в Смоленском крае, Смоленск, 1909, стр. 98.

знание внешних (светских) наук. Иностраный путешественник Фабр, описывая свою поездку в Москву в 1525 году, отмечает, что в Смоленске была гимназия, где обучались дети знатных родителей.

После решения Стоглавого собора об учреждении во всех городах Руси книжных училищ, начальное и среднее образование в Смоленске, заглохшее было под игом польских панов, начало развиваться.

Смоленск, снова вошедший в число русских городов, быстро впитывает культуру Москвы, расцветшую после монгольского ига. В это время заметно повысилось самосознание русского народа. Русские писатели того времени поднимали вопросы о судьбах русской земли, ее месте в истории. В Москве в это время оформилась русская художественная школа, возглавляемая Андреем Рублевым, больших успехов достигла архитектура. Крупнейшим событием явилось книгопечатание. Много было сделано русскими в это время и в области географических открытий и в военном деле. Смоленск жадно впитывает культурное влияние, идущее из Москвы.

Одной из задач начального и среднего образования на Смоленщине того времени было искоренение корней католицизма, старательно выращиваемых польскими феодалами, как средства подготовки интервенции.

Захватив Смоленск, польские паны отдали школы, просвещение на откуп иезуитам. По распоряжению последних, все русские школы были закрыты. Учителя русских школ подвергались гонениям. Вместо русских школ при католических кляшторах (монастырях) были открыты польские школы. В 1625 году была основана католическая семинария. Для занятий было выстроено специальное здание на Вознесенской горе. В Смоленске была учреждена униатская епархия, к которой были приписаны «все церкви и монастыри в замках, местах, местечках и в волостях во всем княжестве Смоленском и Северском»: Смоляне ответили на это бойкотом униатских церквей, монастырей, школ. Сторонники унии находились лишь в среде русских феодалов, которые довольно быстро нашли общий язык с польской шляхтой. Таким образом, идеологическая борьба, развернувшаяся в начале XVII века на Смоленщине, отражала борьбу русского народа, крестьянства, городского населения

против польской шляхты, пытавшейся через униатство и католицизм оформить закабаление смолян и обосновать свое господствующее положение в захваченных землях Смоленщины. Когда религиозные преследования стали невыносимыми, началось массовое бегство населения Смоленщины в Московскую Русь. Униатское духовенство вместе с польскими воеводами вело ожесточенную борьбу с бегством населения, но безрезультатно.

Вся эта обстановка привела в упадок просвещение на Смоленской земле. Сорок три года смоляне томились под игом польско-литовских панов, под гнетом иезуитов и униатского духовенства, и только в 1654 году, когда Смоленск был отобран от польских панов и вновь вошел в состав русского государства, положение с развитием культуры на Смоленской земле резко изменилось.

В это время приобретает большое значение архиерейская школа, выпускавшая довольно образованных по тому времени учителей для начальных школ. В 1663 году при Вознесенском монастыре было основано первое женское училище для дочерей дворян. В этом училище воспитывалась Наталья Кирилловна Нарышкина, мать Петра I.

Но католическое духовенство не сложило оружия. Польские паны, потеряв надежду на захват Смоленска с помощью военной силы, старались идейно подчинить своему влиянию Смоленский край. С этой целью они засылают в Смоленск в конце XVII века большое количество иезуитов. В 1680 году старший сын царя Алексея, Федор, женился на Агафье Семеновне Грушевицкой, дочери незнатного и небогатого смоленского шляхтича. Иезуиты в лице новой царицы нашли себе верного защитника. По ее просьбе царь разрешил выстроить в Смоленске польский костел, а вскоре и католическое училище, руководимое иезуитами. Католическая шляхта, присмирившая вначале, стала действовать смелее.

В противовес католическому духовенству в начале XVII века выступил епископ Сильвестр Крайский. Он преобразовал архиерейскую школу. Ее перевели на положение духовной семинарии. Она должна была готовить кадры православных священников, вполне способных к противодействию католической пропаганде. Им же была предпринята и попытка реорганизовать начальное

образование. Деятельность Сильвестра Крайского на Смоленщине совпала с реформами Петра I.

Петр I стремился покончить с изолированностью России от Запада. Его стремление быстрыми темпами вывести Россию в первые ряды мировых держав, выскочить из рамок стлалости имело прогрессивное значение и отвечало общенациональным интересам всего русского народа. Реформы Петра в области культуры были также тесно связаны с общегосударственными и хозяйственными задачами развивавшегося русского государства в начале XVIII века. Петру нужны были образованные кадры офицеров, чиновников, учителей, инженеров, мастеров, врачей. Петр решил у себя в государстве готовить необходимых для страны специалистов.

В январе 1701 года была учреждена первая государственная общеобразовательная школа в России при Сухаревой башне в Москве, «школа математических и навигационных наук». Школа была подчинена Оружейной палате, руководил ею дьяк Курбатов, душою школы был замечательный русский педагог Леонтий Магницкий. Навигационная школа была средним техническим заведением. Петр о созданной им школе говорил: «Понеже сами можете видеть, какая в том есть польза, что же не точию морскому ходу нужна сия школа, но артиллерия и инженерству»¹. Учащиеся изучали арифметику, геометрию, тригонометрию, навигацию, морскую астрономию и географию. В 1703 году к перечисленным предметам добавили философию и диалектику.

В 1715 году навигационная школа была переведена в Петербург и получила название Морской академии. Для подготовки к занятиям в навигационной школе были открыты два класса, носящие название школ. Первый класс — «русская школа», где учили читать и писать, и второй класс — «цифирная школа», где учили счету и правилам арифметики.

Вслед за навигационной школой Петр I издает целый ряд указов о создании специальных школ (хирургической в 1707 году, инженерной и артиллерийской школ в 1712 году; были организованы ремесленные училища

¹ Голиков, Деяния Петра Великого, т. III, стр. 334.

при крупных предприятиях и, наконец, горные училища). В 1714 году Петр I издает постановление об открытии 12 цифирных школ в обширных губерниях Русского государства, в том числе и в Смоленске (с 1708 года Смоленск стал центром Смоленской губернии, в ее состав вошли 17 городов. Первым губернатором был бывший воевода П. С. Салтыков. С 1719 по 1724 год Смоленская губерния была превращена в Рижскую провинцию, но в 1725 году она была вновь восстановлена). Для организации в губернских городах цифирных школ Петр I посылает в каждую губернию по два выпускника навигационной школы «для науки молодых ребяток из всяких чинов людей». В 1716 году была открыта первая цифирная школа в Смоленске, помещавшаяся в Полковом доме, близ Копытенских ворот, у Блонья. Первыми учителями были воспитанники навигационной школы Яков Шухлов и Никифор Денисьев. Учителям было положено следующее вознаграждение: «по гривне на день на человека из губернских доходов, также дрова, свечи, инструменты, без чего пробыть невозможно».

По выходе из школы ученик должен от учителей получить свидетельство. Без свидетельства нельзя было поступить на службу. Последующими указами Петр I освободил от занятий в цифирных школах вначале дворян, нужных ему для военной и административной службы, затем духовенство, предоставив последним возможность заниматься в архиерейских школах, наконец, он освободил от занятий в цифирных школах и детей посадских. С 1721 года в цифирных школах обучались исключительно дети приказных и солдатские, число которых было невелико. В 1726 году Екатерина I распорядилась слить цифирные школы с архиерейскими, но Синод поднял такой шум против этого, что пришлось распоряжение о слиянии школ срочно отменить. Цифирные школы просуществовали до 1744 года и были в этом году соединены с гарнизонными, которые были учреждены Петром I в сентябре 1719 года.

Гарнизонные школы содержались на полковые средства, в них обучались солдатские дети в возрасте от семи до 15 лет чтению, письму, арифметике, артиллерии и элементам «инженерства», начаткам геометрии, тригоно-

метрии, фортификации и архитектуре. Гарнизонная школа в Смоленске помещалась на Казанской горе, у городской стены, в деревянном здании на каменном фундаменте (на этом месте теперь выстроена 28-я средняя школа). Гарнизонная школа, впитавшая в себя и цифирную школу, просуществовала до 1798 года, затем она была переименована в военно-сиротский дом, а в 1826 году в батальон военных кантонистов¹.

Руководящая роль в школах попрежнему принадлежала духовенству. Правительство заботилось также и о подготовке грамотных служителей церкви. Указом 1708 года Петр I предписал «поповым и дьяковым детям учиться в школах греческих и латинских, а которые в тех школах учиться не хотят, и их в попы и во дьяконы на отцовские места не посылать, и в подъячие и в иные ни в какие чины, кроме служивого чина (т. е. военного), принимать не велено»². Указ 1711 года распространял положения указа 1708 года на всех детей — представителей клира. Епископы предупреждались, что если они не будут выполнять требования, изложенные в указах, то будут лишены кафедр. При таких условиях некоторые представители духовенства, поддерживающие реформаторские начинания Петра, самостоятельно развернули в своих епархиях довольно значительную деятельность. Среди представителей такого духовенства был и смоленский архиепископ Сильвестр Крайский, основавший ряд славяно-латинских школ. В них обучали русской азбуке, письму, пению, в старших классах изучали греческий и латинский языки. В славяно-латинские школы, кроме детей духовенства, принимали детей и других сословий, исключая детей крестьян, которые, «за людей не почитались». Но вскоре общеобразовательное направление этих школ приняло духовный характер. Смоленская славяно-латинская школа находилась при архиерейском дворе и поэтому называлась архиерейской.

Вскоре духовные и светские школы стали сословными. Основная масса населения — дети посадских людей, крестьян — школой охвачена не была. Дети, знатных

¹ Ш пер к Ф. Ф., Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии, «Памятная книжка Смоленской губернии на 1899 год», стр. 42.

² З на м е н с к и й, Духовные школы в России, стр. 18—19.

дворян, как правило, воспитывались дома. Для них смоленские помещики нанимали учителей из «мизерных», т. е. обедневших дворян. С середины XVIII века в богатые дворянские семьи стали приглашать «заморских» учителей, часто малограмотных, невежд, которые калечили доверенных им учеников. Значительная часть смоленского дворянства продолжала посылать своих детей учиться за границу, в школы «ксендзов-иезуитов», деятельность которых в Смоленске продолжалась и приняла наступательный характер. Иезуиты стали открывать частные «публичные школы». Примером такой школы может служить школа, основанная одним из 17 инспекторов римской веры (существовавших как представители папы в Смоленске), графом фон Ранцем. Русское правительство вынуждено было принять решительные меры. Католические священники, представители ордена иезуитов, как главные деятели подрывной пропаганды польской шляхты и римского папы, были удалены из Смоленска. Правительство запретило дворянам посылать детей в Польшу для получения образования, а находящимся там было приказано вернуться в Смоленск. Польской шляхте, проживающей в Смоленске, было объявлено, что те, кто желает обучать своих детей на латинском языке, должны посылать их в Москву или Киев.

В 1728 году правительство Петра I решило создать в Смоленске духовную семинарию, которая должна была готовить кадры православных священников, вполне способных к противодействию католической пропаганде. Семинария разместилась в пяти каменных зданиях, выстроенных смоленским епископом Гедеоном на территории Авраамиевского монастыря. Преподаватели были выписаны из Киевской духовной академии. В семинарии наряду с богословскими предметами преподавались латинский, немецкий, французский и польский языки, т. е. выпускались вполне образованные представители православного духовенства. В 1741 году в семи отделениях семинарии и в созданной при ней русской школе обучалось 515 учеников, в 1747 году — 667.

Одновременно с открытием Смоленской семинарии в уездных городах губернии — Белом, Дорогобуже, Рославле, Вязьме — были организованы уездные славяно-

латинские школы. В 1787 году Вяземская славяно-латинская школа была преобразована в духовную семинарию.

В результате школьной реформы 1786 года в Смоленске было открыто Главное народное училище. Это училище разместилось в одноэтажном каменном доме наместнического правления. Этот дом находился неподалеку от старого моста, с 1804 г. в этом здании размещалась женская гимназия и находилась здесь до преобразования в губернскую мужскую гимназию. С 1804 г. мужская гимназия занимала специально выстроенный для нее дом, на месте нынешней седьмой средней школы. Смоленское Главное училище просуществовало 18 лет — с 1786 по 1804 год, т. е. до преобразования его в гимназию. В июле 1786 года были открыты малые народные училища в уездных городах Поречье (Демидове), Вязме и Гжатске. В следующем году малые народные училища были открыты также в Рославле и Белом. Малые народные училища управлялись директором Главного училища. Большинство директоров Главного народного училища были люди малограмотные, один из них даже в своем имени и фамилии делал ошибки, расписываясь «Кастентин, Алексвцев». Однако преподавательский состав смоленских народных училищ был достаточно образован. М. В. Аксенов в «Очерках из истории народного просвещения в Смоленском крае» приводит список учителей Главного народного училища. Почти все они окончили или Смоленскую духовную семинарию или Петербургскую учительскую гимназию. Методика преподавания в школах определялась изданным в 1789 году Янковичем и его соратниками — русскими учителями — пособием, которое называлось «Руководство учителям первого и второго разряда». Главным принципом этого пособия, которое определяло систему преподавания в школах, явилось следующее: «Стараться более учителя должны об образовании, изощрении разума учеников, нежели о пополнении и упражнении памяти». Далее отмечалось, что следует заучивать наизусть. Затем следует наставление, как надо вести занятия и руководить классом. Выдвигалось педагогическое правило, что «начинать учение всегда следует с легкого и идти потом к трудному; спрашивать учеников

не всегда сряду, попеременно, однако же лучших всегда наперед, потом посредственных и, наконец, слабых. Ученики должны отвечать не да или нет, но полной речью, лучше если они отвечают исправно своими словами, нежели теми самыми, какие находятся в книге, ибо из того видеть можно, что они дело понимают». Устанавливалась повсюду классно-урочная система. Была разработана методика урока с учетом возрастных особенностей учащихся и специфики изучаемых предметов. За 15 лет существования в Смоленске Главного народного училища для него были приобретены только шесть книг и 21 пособие.

Главной задачей школ было воспитание учащихся в духе преданности царю и православию. Училища довольно быстро стали расти, хотя твердой материальной базы у них не было. Училища содержались только на известный процент от прибылей питейных дворов и на добровольных пожертвованиях. Нередко учеников из Главных училищ забирали в армию и флот, не дожидаясь, пока те кончат курс. Так, в 1793 году по указу Екатерины II из Смоленского Главного училища были взяты во флот 50 человек, в другое время их брали в разные полки. В 1799 году малые народные училища были во всех уездных городах губернии. Общее количество учащихся, включая и учащихся смоленского училища, составляло 378 человек, среди них было 12 девочек. Главный контингент учащихся в народных школах Смоленской губернии составляли дети купцов и мещан. Духовенство отдавало своих детей учиться в духовные школы, а дети дворян обучались в частных пансионах и дома. Крестьянам, как правило, в школах учиться запрещалось. Содержателями частных школ и пансионов, куда дворяне отдавали на воспитание своих детей, были преимущественно иностранцы. В этих пансионах почти не обращали внимания на науки, зато много внимания уделялось обучению французскому языку и «приятным искусствам», чтобы впоследствии тот или иной питомец мог блеснуть своими талантами в модной гостиной. В своих «Записках» видный смоленский публицист Л. Н. Энгельгардт горько сетует на эти иностранные пансионы, в одном из которых ему самому пришлось с 1778 года обучаться. Он воспитывался в пансионе Эллерта.

Сам Эллерт в прошлом был офицер, очень мало сведущий в науках, «вся учебная деятельность его состояла в сокращенном преподавании всех наук, т. е. катехизиса, грамматики, истории, географии, мифологии, без малейшего толкования и в принуждении учащихся затверживать наизусть французские фразы... Арифметике и геометрии учил нас отставной артиллерийский сержант Осип Иванович Овсянников... За такое воспитание платили 100 рублей в год, однакож пансион был всегда полон». Из пансиона выпускали лишь тогда, когда питомец мог изъясняться по-французски и изучил в совершенстве разные бальные танцы. «Из учеников от такого славного воспитания много было изуродовано» — с горечью заключает Энгельгардт свои воспоминания о дворянском образовании.

В XVIII и XIX веках многие русские дворяне рабски копировали французское, они забывали русский язык, теряли свой национальный облик. При прямом попустительстве высшего дворянства, стоявшего у власти, начиная с XVIII века, иностранные авантюристы и проходимцы, искатели богатств и славы, реакционеры и лжеученые проникают в нашу страну и даже в государственный аппарат, в армию, в учебные заведения; они вели себя как представители «высшей расы» и «высшей культуры». Низкопоклонство и раболепие перед иностранщиной причиняли крупный ущерб просвещению, культуре, науке.

Великие русские ученые обкрадывались иностранцами, которые жульнически присваивали себе их открытия.

Таково было положение с образованием в конце XVIII века. Правы авторы «Очерков по истории начального образования в России», делая выводы о реформе русской школы конца XVIII века: «Оценивая в целом всю реформу русской школы конца XVIII века; мы должны констатировать, — указывают они, — что общественно-политические установки, которые преподносились ученикам народных училищ, должны были воспитать из них верноподданных, лишенных самостоятельной мысли, преклоняющихся перед существующим строем, перед «величием» самодержавной власти». В

преподавании всех дисциплин постоянно подчеркивалось, что «всякое возмущение, всякая попытка выступить против существующего строя будет наказана богом и государством... Общественно-политические предметы соответствовали по своему содержанию реакционным устремлениям правления Екатерины II»¹. Серьезным недостатком школьной системы конца XVIII века было отсутствие школ для сельских местностей. Дворянское правительство хотело всеми средствами сохранить крепостное право и поэтому старалось держать крестьян как можно дальше от школ и просвещения. Среднее и высшее образование было сословным и предназначалось лишь для дворянства. Школа продолжала оставаться сословной. Небольшие изменения в системе школьного образования произошли только в первой половине XIX века и в 60-х годах XIX столетия, однако они не изменили классовой основы школьного образования.

Русская культура второй половины XVIII века и начала XIX века развивалась в условиях перехода нашей страны от феодализма к капитализму. Помещичий строй переживал кризис, классовая борьба революционного крестьянства против помещичьего строя приняла резкие формы. Это отразилось на культуре XVIII и начала XIX веков. В лозунги передовых людей того времени (Ломоносова, Радищева, Новикова, декабристов, великого русского поэта Пушкина, и др.) о просвещении народа включалась борьба с самодержавием, с крепостничеством, с иностранной кабалой, с иностранной пропагандой о так называемой неполноценности русского народа, стремление вывести страну из состояния отсталости на путь исторического прогресса.

Правящие классы царской России, наоборот, старались всячески не допустить народ к просвещению, они боялись народа, они угнетали и ненавидели его. Великие достижения русского народа они игнорировали, подавляли его духовное развитие, душили его культуру, рабоблепствовали перед иностранщиной.

Так в XVIII веке сложились два пути в развитии культуры. Культура, возглавляемая передовыми людьми, русскими патриотами, искренне любящими свою Роди-

¹ Проф. Константинов и проф. Струминский В. Я., Очерки по истории начального образования в России стр. 67—68.

ну и стремившимися организовать народ на борьбу с царизмом и крепостничеством, и культура дворян, культура прогнившего феодального базиса. Цель господствующего класса заключалась в том, чтобы отгородить культуру и просвещение от народа. Вот почему в XVIII веке и в начале XIX века борьба за просвещение народа стала общей программой всех передовых людей России.

Д. БУДАЕВ

РУССКИЙ РАБОЧИЙ-РЕВОЛЮЦИОНЕР ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

После отмены крепостного права в 1861 году в России началось сравнительно быстрое развитие капитализма.

Период 1862—1904 годов В. И. Ленин назвал «эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах, рушилось, а новое только укладывалось...»¹ Это был период, когда Россия вступила в новую, капиталистическую стадию своей истории, когда в России стала развиваться новая общественно-экономическая формация — капитализм.

Капиталистической общественно-экономической формации свойственна новая группировка классовых сил. В России, вступившей на путь капиталистического развития, формировался пролетариат — единственный до конца революционный класс, гегемон революционной борьбы за свержение эксплуататорского строя. К концу XIX века он уже стал современным промышленным пролетариатом, в корне отличавшимся «от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»².

Тяжелое экономическое и бесправное политическое положение толкало рабочих на революционную борьбу. «Уже в 70-х и особенно 80-х годах прошлого столетия, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — рабо-

¹ Ленин, В. И., соч., т. 17, стр. 31. Все ссылки в статье даются по 4-му изданию сочинений В. И. Ленина.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 7.

чий класс в России начал пробуждаться и повел борьбу с капиталистами»¹.

Борьба рабочих с капиталистами чаще всего выражалась в форме стачек и волнений. Рабочие стали сговариваться между собой и сообща предъявлять фабриканту требования об улучшении своего невыносимого положения. Первые забастовки в 70-х и 80-х годах возникли из-за непомерных штрафов, надувательств, обмана при расплате с рабочими, снижения расценок.

Уже в 70-е годы из среды рабочих стали выделяться способные революционеры и организаторы, твердо отстаивавшие интересы трудящихся. Правда, 70-е годы, как указывает В. И. Ленин, затронули совсем ничтожные верхушки рабочего класса, а масса еще спала. Но передовики рабочего класса уже тогда показали себя как великие деятели рабочей демократии².

Видное место среди рабочих-революционеров начального периода рабочего движения в России занимает Петр Алексеевич Алексеев.

Великие учителя пролетариата, основатели большевистской партии В. И. Ленин и И. В. Сталин высоко ценили деятельность рабочих-революционеров 70-х годов. Кружок из таких людей, как Алексеев и Халтурин, В. И. Ленин назвал кружком корифеев, работа которых встречала живой отклик в рабочем классе. Товарищ И. В. Сталин имя Петра Алексеева ставит в ряду с именами Радищева, Чернышевского и других представителей революционной России. В письме Демьяну Бедному он писал:

«Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса»³.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 8.

² Ленин В. И., соч., т. 18, стр. 276.

³ Сталин И. В., соч., т. 13, стр. 25.

Петр Алексеевич Алексеев родился 14 (26) января 1849 года в деревне Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губернии, в бедной крестьянской семье.

Детство у Петра Алексеева было исключительно тяжелым. С раннего возраста ему пришлось испытать все тяготы, нищету, неисчислимыя бедствия и невзгоды крестьянской жизни. А как только Петя подрос, он был отправлен на заработки в Москву, чтобы избавиться от лишнего рта в большой семье Алексеевых, испытывавшей невыносимую нужду. Петр Алексеев совсем мальчиком начал работать на ткацкой фабрике.

Петр Алексеев в своей знаменитой речи на суде в 1877 году говорил, что он чуть ли не с самой колыбели всю жизнь зарабатывал 17-часовым трудом кусок черного хлеба¹. Он имел в виду прежде всего свое безрадостное детство и проведенную в тяжелом труде на капиталистов юность, когда с глубоким чувством, с горечью и ненавистью к эксплуататорам говорил о раннем возрасте «миллионов людей рабочего населения».

«Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за то вознаграждения. Десяти лет — мальчишками нас стараются проводить с хлеба долой на заработки»².

Условия труда на текстильных фабриках в то время были каторжными. Рабочий день продолжался 16—17 часов, широко применялись ночные работы. Заработная плата была мизерной, ее не хватало на самые минимальные нужды рабочей семьи. Жили рабочие в грязных, тесных каморках.

Особенно тяжелой была жизнь детей и подростков, работавших на фабрике. «Что же нас там ожидает? —

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, сборник документов и материалов под редакцией А. М. Панкратовой, т. II, ч. 2, 1950, стр. 44. В дальнейшем — «Рабочее движение в России в XIX веке».

² Там же.

рассказывал на суде Алексеев. — Понятно, продаем капиталисту на сделную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим где попало — на полу, без всякой постели и подушек в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов... В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что может выразить одна грубо воспитанная, всеми забитая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период!»¹.

Петра Алексеева живо интересовали причины тяжелого положения рабочих и крестьян в России. Ответ на такой вопрос, по его мнению, могли дать только книги. И на 17-м году своей жизни он самоучкой, без помощи учителей, научился грамоте.

Выучившись читать и писать, Петр Алексеев занялся самообразованием. Конечно, тяжелый труд на фабрике по 15—17 часов в день не давал возможности уделять этому много времени. Приходилось, прячась от фабричного начальства, иногда и от товарищей, урывать время от отдыха и читать ночами. Но книги, которые Петр Алексеев мог достать на фабрике, ничему его не научили, ответа на волновавшие его вопросы не дали. Библиотека фабрики была наполнена бессодержательной литературой и книгами религиозного содержания. Комплектование библиотек не преследовало цели просветить рабочих и дать им правильное представление о законах развития общества.

«А загляните в русскую народную литературу, — говорил на суде Алексеев. — Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для на-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 2, стр. 44.

родного чтения такие книги, как «Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Каин», «Жених в чернилах и невеста во щях» и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно — забавное, а другое — божественное¹.

За чтение книг, помогавших рабочим осознать свое положение, фабричная администрация преследовала рабочих. «Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследований за чтение книг, а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении, — тогда уже держись. Ему прямо говорят: «ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги», — горько вспоминал Петр Алексеев².

Петра Алексеева до глубины души возмущает беззастенчивая эксплуатация фабрикантом рабочих, бесправие трудящихся, издевательское отношение хозяев, полиции и властей к рабочим, постоянный контроль за каждым шагом рабочего, обыски при входе на фабрику и выходе с фабрики, преследования всех, кто смел выражать протест на порядки в стенах фабрики. Петр Алексеев часто вступал в стычки с администрацией фабрики.

В 1872 году Алексеев переезжает в Петербург и поступает ткачом на суконную фабрику Торнтонна. Он еще недостаточно ясно понимает, что порядки на фабриках везде одинаковые, что врагом рабочего является весь класс капиталистов, весь существующий строй.

Но в Петербурге было не лучше, чем в Москве. Надежды на «лучшего хозяина» рухнули.

Начало 70-х годов было знаменательным временем. До рабочих доходили слухи о Парижской Коммуне, о деятельности Международного Товарищества рабочих — 1-го Интернационала, руководимого Марксом и Энгельсом. С конца 60-х и начала 70-х годов в России стали распространяться сочинения Маркса и Энгельса. Книги Маркса и Энгельса — «Манифест коммунистической партии», «Гражданская война во Франции», первый том

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, стр. 45.

² Там же.

«Капитала» — в среде революционной интеллигенции, передовых рабочих пользовались исключительным успехом.

Правда, они были известны лишь немногим передовым рабочим. Но их знакомство с трудами великих учителей пролетариата характерно как показатель пробуждения рабочих к сознательной борьбе против самодержавия и капиталистов.

Рабочие стали жадно тянуться к знаниям, уяснять причины тяжелого положения своего класса. Рабочие начинают внимательно следить за каждым выступлением своих товарищей на соседних фабриках, обсуждают насущные вопросы рабочего движения, вступают в борьбу с капиталистами.

Указать рабочим пути, средства и методы борьбы за свое освобождение могла только революционная, политическая партия, вооруженная передовой, единственно правильной марксистской теорией. Но такой партии в России еще не было.

В 70-х годах XIX века рабочее движение в России находилось на начальных ступенях своего развития. «Тогда пролетариат был раздроблен на отдельные группы и не думал об общей борьбе. Железнодорожные рабочие, горнорабочие, фабрично-заводские рабочие, ремесленники, приказчики, конторские служащие — вот на какие группы был раздроблен российский пролетариат. Кроме того, каждая группа в свою очередь распадалась на рабочих различных городов и местечек, между которыми не существовало никакой связи, ни партийной, ни профессиональной. Таким образом, не видно было пролетариата как единого и нераздельного класса. Следовательно, не видно было и пролетарской борьбы как общеклассового наступления», — указывает товарищ И. В. Сталин¹.

Революционную работу в России вели тогда народники, являвшиеся противниками марксизма.

Народники не понимали законов общественного развития. Они отрицали неизбежность капиталистического развития России, верили в «особый путь», в «самобыт-

Сталин И. В., т. 1, стр. 286.

ность» России. Народники не верили в рост и развитие русского пролетариата, не понимали его революционной роли, ошибочно считали, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство, руководимое интеллигенцией, что власть царя и помещиков можно свергнуть путем одних лишь крестьянских «бунтов». «Народники мешали рабочему классу понять его руководящую роль в революции и задерживали создание самостоятельной партии рабочего класса»¹.

Социально-экономическая отсталость России и слабость рабочего движения приводили к тому, что многие рабочие начинали революционную деятельность в народнических кружках. Так случилось и с Петром Алексеевым.

Вступив в революционное движение, рабочие вносили в общий поток народничества пролетарски-демократическую струю. «Но в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться, — писал В. И. Ленин. — Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа «Освобождение труда», 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов)»².

Знакомство Петра Алексея с революционным народничеством 70-х годов относится к 1873 году. В Петре Алексееве с ранних лет зародилась ненависть к капиталистическим порядкам, к самодержавному строю. Годы работы на фабриках Москвы и Петербурга укрепили ненависть к эксплуататорскому строю и привели П. Алексея в лагерь революционеров.

Осенью 1873 года Петр Алексеев и его друг, видный рабочий революционер семидесятых годов И. Т. Смирнов, обратились к студенту технологического института, члену кружка М. А. Натансона С. С. Синегубу, занимавшемуся обучением грамоте рабочих за Невской заставой, с просьбой подучить их «геометрии и географии». С этого времени П. Алексеев начал заниматься в кружке рабочих, руководимом народниками. В марте

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 13.

² Ленин В. И., соч., т. 20, стр. 224.

1874 года кружок М. А. Натансона был разгромлен полицией.

Одновременно с этим Петр Алексеев посещал занятия другого народнического кружка, организованного студентами медико-хирургической академии во главе с В. С. Ивановским. Как и все революционеры из рабочих 70-х годов, он считал самообразование важнейшим условием подготовки себя к революционной деятельности. Народники организовали для рабочих, примкнувших к ним, общеобразовательную вечернюю школу. Петр Алексеев регулярно посещал ее.

Он с присущим ему упорством и настойчивостью просиживал за книгами вечера и ночи. Один из членов кружка В. С. Ивановского указывает, что Петр Алексеев был самым ревностным и способным из всех посещавших общеобразовательную школу рабочих. В этой школе Петр Алексеев изучал русский язык, арифметику, географию, историю России.

Первыми революционными книжками, прочитанными П. Алексеевым, были книжки утопически-социалистического содержания («Дедушка Егор», «Сила соломинку ломит», «Сказка о четырех братьях», «Чтой-то, братцы», «Сборник новых стихов и песен» и т. п.). Распространение этих книжек и брошюр, специально подготовленных народниками «для народа», занимало большое место в работе революционеров того времени.

Но Петра Алексеева вскоре перестали удовлетворять такие примитивные книжки, рассчитанные на отсталого, неподготовленного читателя. К нему можно полностью отнести слова Плеханова о передовых рабочих. Сознательные рабочие, — указывает Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении», — на издаваемые и распространяемые народниками брошюры смотрели как на нечто слишком элементарное. «Вообще я заметил, что, читая книжку, изданную специально «для народа», способный рабочий чувствует себя как бы несколько униженным, поставленным в положение ребенка, читающего детскую сказку. Ему хочется поскорее перейти к сочинениям, предназначенным для всех вообще толковых читателей, а не только для «серого» народа. Для многих рабочих чтение

серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести».

Петр Алексеев часто приходил в так называемую «Монетную коммуну», т. е. на квартиру центрального кружка Ивановского, находившуюся на Петроградской стороне, по Монетной (или Вульфовой) улице. Петр Алексеев просил студентов найти для него какую-нибудь серьезную книгу, обращался за разъяснением непонятных мест из прочитанных книг. Вечера-беседы в «Монетной коммуне», в которых участвовал Алексеев, затягивались за полночь.

П. Алексеева особенно интересовали проблемы социально-экономические, прежде всего, книги по политической экономии и истории революционных движений. Известно, например, что он с успехом овладел фундаментальным трудом великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского «Примечания и дополнения к работе Дж. Ст. Милля «Основания политической экономии». Эта книга была высоко оценена Марксом.

Знакомство П. Алексеева с выдающимся произведением Н. Г. Чернышевского дает нам основание считать, что на формирование мировоззрения Петра Алексеева оказали воздействие произведения русских революционных демократов.

Большое влияние на формирование взглядов Алексеева оказало знакомство с опытом западноевропейского рабочего движения.

Известен огромный интерес рабочих к западноевропейскому рабочему движению, к деятельности I Интернационала и его вождей Маркса и Энгельса.

Петр Алексеев следил за революционным движением западноевропейского пролетариата. На суде в 1877 году Петр Алексеев заявил: «Я несколько знаком с рабочим вопросом наших собратьев — западников»¹. А интеллигенты-революционеры, познакомившиеся с Алексеевым в тюрьмах и ссылке, с удивлением отмечали, что этот человек, самостоятельно научившийся читать, ни в одном учебном заведении не обучавшийся, знаком с литературой по рабочему движению лучше многих интеллигентов.

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 2, стр. 45.

Петр Алексеев не только учился сам. Полученные знания он стремился быстрее передать другим рабочим.

Горячий патриот своей Родины, беззаветно преданный делу освобождения рабочих и крестьян от гнета самодержавия, капиталистов и помещиков, Петр Алексеев все свои силы отдавал революционной работе среди пролетариев. Уже в 1874 году он выступает среди рабочих как агитатор и пропагандист. Вместе с И. Т. Смирновым он много положил труда для организации рабочих кружков на фабрике Торнтонна. Вскоре Смирнов был взят по протекции студентов из кружка В. С. Ивановского сторожем в библиотеку медико-хирургической академии. На Петра Алексеева легла теперь вся тяжесть пропагандистской, агитационной и организаторской работы на фабрике.

В. И. Ленин высоко оценивал участие в революционной борьбе 60-х и 70-х годов революционеров из рабочих. В своей статье «Из прошлого рабочей печати в России» он указывал: «А среди деятелей той эпохи виднейшее место занимают рабочие Петр Алексеев, Степан Халтурин и др.»¹. Они вносили в революционную борьбу пролетарски-демократическую струю.

Недовольство народниками, стремление порвать с ними и создать независимую от народников организацию рабочих, появившиеся в рабочих кружках уже в 1873—1874 годах, захватило и Петра Алексеева. Было проведено несколько собраний, на которых обсуждался этот вопрос. Возможно, что они проходили на квартире Алексеева, которая была удобна как по конспиративным соображениям, так и тем, что хозяин ее был вполне надежным человеком. В частности, хорошо известно, что собрание рабочих (30—40 человек) нескольких районов Петербурга 3 марта 1874 года, проходило на квартире П. Алексеева².

О том, что Алексеев начал с известным недоверием относиться к народникам, говорят и сами народники в своих воспоминаниях.

Один из видных деятелей революционного народни-

¹ Ленин В. И., соч., т. 20, стр. 224.

² Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. I, стр. 438—440.

чества 70-х годов И. С. Джабадари, познакомившийся с П. А. Алексеевым в октябре 1874 года, писал о Петре Алексееве:

«Нетрудно было заметить даже при первом знакомстве выдающуюся силу характера в нем; довольно словоохотливый в своей среде, он проявлял необыкновенную сдержанность в теоретических спорах с нами, только изредка вставлял какие-нибудь иронические замечания; каждому из нас... казалось, что он относится к нам с недоверием, и это немало озадачивало нас, так как в центральном рабочем ядре он должен был занять видное место»¹.

Петр Алексеев, как и другие рабочие-революционеры 70-х годов, не мог по условиям того времени подняться до марксистского понимания всемирно-исторической роли пролетариата, не мог освободиться от народнических взглядов. Своими собственными силами рабочие не могли выработать у себя социал-демократического сознания. Как отмечается в «Кратком курсе истории ВКП(б)», среди передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции преобладали тогда народнические взгляды².

В 1874 году народнические кружки захватила идея хождения в народ. «Народники сначала пытались поднять крестьян на борьбу против царского правительства. С этой целью революционная интеллигентная молодежь, переодевшись в крестьянскую одежду, двинулась в деревню — «в народ», как тогда говорили»³.

Вопрос о походе в народ обсуждался на собрании «Монетной коммуны» (кружок Ивановского). Петр Алексеев голосовал за поход и весной 1874 года действительно уехал к себе на родину, в деревню Новинскую.

Имеется слишком мало сведений об этом периоде в жизни Петра Алексеева. Позже, когда Петр Алексеев был арестован по делу революционной пропаганды в Москве и находился под следствием, полиция произвела обыск в доме Алексеевых, в деревне Новинской. В

¹ «Былое» № 9 за 1907 год, стр. 190.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 12.

³ Там же.

подполье было найдено и отобрано десять экземпляров разных революционных изданий¹.

К осени 1874 года Петр Алексеев покинул родную деревню и вернулся в Петербург с целью заняться пропагандой среди рабочих. Он устанавливает тесные связи с заводскими рабочими, которые были прочно связаны с промышленным производством. Имелись у него в это время связи с рабочими железнодорожных мастерских, кружок которых занимался на квартире Алексеева.

Осенью 1874 года Петр Алексеев становится одним из организаторов и пропагандистов среди рабочих, проживавших на Лиговке, в так называемой Воздвиженской артели.

Работа П. Алексеева в Воздвиженской артели продолжалась до ноября 1874 года, когда в Петербург прибыл студент-медик И. С. Джабадари с целью подыскать людей, уже участвовавших в революционной работе, для создаваемого им и его друзьями кружка в Москве, который бы вел революционную пропаганду среди московских рабочих. Став пропагандистом в Воздвиженской артели, Джабадари предложил активным участникам и организаторам артели Грачевскому, Жукову, Грязнову и Петру Алексееву поехать в Москву для организации революционной пропаганды среди московских рабочих и вступить в организуемый с этой целью кружок.

Петр Алексеев принял это предложение.

Петр Алексеев проявил исключительную энергию, упорство и выдержку в деле создания среди рабочих Москвы революционных кружков и налаживания революционной пропаганды на фабриках и заводах.

Прибыв в Москву и поступив на фабрику, Алексеев немедленно завязывал отношения с передовыми рабочими, вовлекал их в революционную работу, создавал на фабрике кружок, распространял нелегальную литературу.

Он умело скрывался от полицейских преследований, от сыщиков, часто меняя места работы. Полиции он казался неуловимым. Незадолго перед арестом, в апре-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 2 стр. 22.

ле 1875 года, он удачно ночью скрылся с фабрики Тимашева, когда там производился обыск. Поступая на новое место работы, Алексеев немедленно связывался с сознательными рабочими, сколачивал их в кружок, давал рабочим читать запрещенные царской цензурой книжки, вел беседы.

Основой успеха Алексеева было то, что он хорошо знал среду, в которой вел революционную работу, знал, о чем и как надо говорить с передовыми пролетариями и с остальными рабочими, только что прибывшими из деревни, еще не порвавшими связи с землей.

Царский суд, которому удалось получить о революционной работе Петра Алексеева самые скудные сведения, отметил его как пролетарского революционера. Прокурор на процессе 50-ти назвал Петра Алексеева первым распространителем среди рабочих книг революционного содержания.

«Из крестьян, преданных суду в качестве обвиняемых по настоящему делу, Алексеев принадлежит к рабочим Петербурга, где и проживал до Рождества 1874 года. В это время он появляется в Москве и может быть назван первым распространителем книг преступного содержания среди рабочих»¹.

Большую помощь Алексею оказал созданный им центральный кружок передовых рабочих (Николай Васильев, Иван и Прокофий Бариновы, Филат Егоров, брат Петра Алексеева — Никифор, Иван Союзов, Пафнутий Николаев, Семен Агапов, Михаил Грачевский, Василий Грязнов и др.). По заданию Алексеева они распространяли на фабриках и в железнодорожных мастерских революционные брошюры, разъясняли рабочим их положение, призывали к борьбе, создавали кружки.

Работа Петра Алексеева среди московского пролетариата способствовала пробуждению рабочего класса к активной борьбе с капиталистами и самодержавием.

В. И. Ленин высоко оценивал деятельность таких кружков, как кружок П. Алексеева. В своей работе «Что делать?» он писал:

«...кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина,

¹ Процесс 50-ти, изд. Саблина, 1906, стр. 123.

Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса»¹.

Деятельность Петра Алексеева и его друзей в Москве была чрезвычайно широкой. В течение нескольких месяцев революционной пропагандой было охвачено до двадцати фабрик и ряд мастерских — столярных, слесарных, кузнечных. Были организованы кружки в железнодорожных мастерских Курско—Харьковской железной дороги.

Петр Алексеев принял активное участие в создании народнической Всероссийской социально-революционной организации, инициатором которой явился кружок «москвичей».

Петр Алексеев считал, что участие в создании и работе Всероссийской социально-революционной организации шло на пользу политического пробуждения рабочего класса, организации широкой пропагандистской и агитационной работы не только на московских фабриках, но и в других городах. Алексеев участвовал в феврале 1875 года в обсуждении устава Всероссийской организации, написал часть устава своей рукой и одним из первых вошел в число ее действительных членов.

После создания Всероссийской социально-революционной организации Петр Алексеев решил поехать для организации революционных кружков среди рабочих масс крупного промышленного центра — Иваново-Вознесенска. Другие члены кружка «москвичей» вызвались поехать для организации революционной пропаганды среди рабочих в Серпухов, Тулу, Шую, Киев, Одессу, на Кавказ.

Однако привести в исполнение задуманный план поездки к ткачам Иваново-Вознесенска Петру Алексееву не удалось.

4 апреля 1875 года Петр Алексеев был арестован на конспиративной квартире вместе с другими восьмью ак-

¹ Ленин В. И., т. 5, стр. 416.

тивными деятелями кружка «москвичей». Аресты, последовавшие вслед за этим, привели к разгрому организации и кружков, созданных Петром Алексеевым.

При обыске и жандармском допросе Петр Алексеев вел себя с достоинством. Арест не был для него неожиданностью, он шел на революционную борьбу с самодержавием сознательно. Жандармы из сил выбивались, стараясь вырвать у Алексеева нужные им показания. Но выдержанный и стойкий революционер на допросах в Московском губернском жандармском управлении, а потом и на предварительном следствии держался так, что им не удалось узнать ничего нового. П. Алексеев отказался назвать фабрики и заводы Петербурга, где он работал в 1872—1874 годах, заявил, что никогда никому никаких книг он не раздавал, отрицал знакомство с арестованными вместе с ним товарищами¹.

30 ноября 1876 года П. Алексеев был предан суду особого присутствия Сената. По числу подсудимых процесс был назван процессом 50-ти. Начался он 21 февраля 1877 года в зале Петербургского окружного суда.

Обвиняемые держались на суде дружно, сплоченно. Как ни бились во время предварительного следствия и на суде жандармы и судьи, им почти ничего не удалось узнать о пропагандистской работе среди московских пролетариев, проведенной кружком «москвичей».

Наиболее выдержанным и стойким было поведение на суде Петра Алексеева. Он отказался от показаний, заявив, что не признает царского суда, а во время суда смелыми и остроумными замечаниями сводил к нулю имевшиеся в распоряжении суда показания свидетелей и другие материалы, что приводило в бешенство судей, стремившихся подробнее узнать о деятельности рабочего-революционера и его друзей на московских промышленных предприятиях.

Многие подсудимые пользовались на суде услугами защиты. Петр Алексеев отказался и от защиты.

«Что мне защита? — заявил он. — Какой смысл имеет защита, когда всякому известно, что в подобных процессах приговор суда бывает составлен заранее, так

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 2, стр. 17—19.

что этот суд есть не более, как комедия: защищайся, не защищайся, все равно. Я отказываюсь от защиты»¹.

10 (22) марта Алексеев произнес свое «последнее слово», свою знаменитую историческую речь, в которой он, по словам Г. Плеханова, «не защищался и не оправдывался, а, напротив, обвинял правительство и капиталистов»².

Речь Петра Алексеева была страстным обличением самодержавно-крепостнической России и капиталистов, открытым, бесстрашным призывом к свержению самодержавия. Каждое слово убежденного рабочего-революционера, стойкого защитника угнетенных, обездоленных пролетариев ударом тяжелого молота обрушивалось на самодержавно-крепостнический строй.

В своей речи Петр Алексеев обрисовал ужасные условия, в которых жил тогда рабочий класс:

«...рабочие доведены до самого жалкого состояния. 17-часовой дневной труд — и едва можно заработать 40 коп... Это ужасно!.. В России походить на рабочего то же, что походить на животного. Рабочий народ остается в первобытном положении»³.

Петр Алексеев дал блестящую характеристику «крестьянской реформе» 19 февраля 1861 года, которая ничего не изменила в положении крестьян. Рабочий класс и крестьяне попрежнему в самодержавно-крепостнической России находятся на положении крепостных. «Если мы, к сожалению, нередко вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь,— значит, мы крепостные! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края, — значит, мы крепостные! Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста и первый же встреч-

¹ Плеханов Г. В., соч., т. III, стр. 112.

² Там же.

³ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 2, стр. 45.

ный квартальный бьет нас в зубы кулаком и пинками гонит вон, — значит, мы крепостные!»¹.

Пока Петр Алексеев говорил о тяжелом положении рабочих в России, судьи с деланным равнодушием слушали оратора. «Это все равно, вы можете этого не говорить!» — заявил председатель суда². Но когда Петр Алексеев сказал, что русскому рабочему народу остается только надеяться самому на себя, председатель суда вскочил и, стараясь прервать подсудимого, закричал: «Молчать! Замолчите!».

Но Петр Алексеев, подняв руку, громко, с подъемом продолжал свое выступление и закончил его пророческими словами, предсказанием неизбежности социалистической революции:

«...подыметя мускулистая рука миллионов рабочего люда...»

Председатель стал кричать: «Молчать! Молчать!», стараясь заглушить слова оратора. Но Алексеев своим энергичным мощным голосом, заглушив истерические вопли сенатора, закончил свою речь:

«...и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!...»³.

Речь Петра Алексеева была большим политическим событием. Она замечательна, прежде всего, тем, что впервые во весь голос рабочий-революционер с трибуны царского суда открыто провозгласил, что рабочий класс ни от кого не может ждать помощи и должен рассчитывать на свои собственные силы.

Правительство позаботилось о том, чтобы речи подсудимых остались неизвестными широкой массе. Подробно изложив в своем официальном отчете о процессе речь прокурора, о речах подсудимых оно ограничилось лишь кратким упоминанием, что «после сего (т. е. после окончания речей адвокатов — Д. Б.) первоприсутствующий представил слово тем подсудимым, которые отказались иметь защитников. Некоторые из них заявили, что они ничего не имеют сказать, а другие представили объяснения, которые заключали в себе не

² Там же, стр. 47.

³ Там же, стр. 47.

столько опровержение выставленных против них улик, сколько общие соображения и свои взгляды на значение настоящего дела и на те цели, которые они преследовали. При этом один из подсудимых, а именно крестьянин Алексеев, позволил себе в конце своей речи дерзкие выражения, за что и был остановлен первоприсутствующим»¹.

Но такое полное умолчание не предотвратило широкой огласки речи. Письменный текст речи был тотчас передан на волю и немедленно отпечатан отдельным листком. Как вспоминал один из современников Э. К. Пекарский, отпечатанные нелегально оттиски речи Алексеева распространялись среди тогдашней молодежи и зачитывались в буквальном смысле до дыр. Впечатление было неизгладимо сильное. Сильнейшие места речи облетели всю Россию и произвели впечатление пушечного выстрела по существующему строю. Речь Алексеева проникла в самое сердце и душу тогдашней молодежи, которая страстно желала посвятить все свои силы для облегчения народных страданий².

Речь Петра Алексеева до самой Октябрьской революции неоднократно переиздавалась.

В 1889 году она была издана за границей первой русской марксистской группой «Освобождение труда». Г. В. Плеханов написал предисловие к речи Алексеева, в котором разъяснил ее наиболее важные места. Г. В. Плеханов отметил, что знаменитые слова Алексеева — «Русскому рабочему народу остается надеяться только на самого себя» — правильно указывают пролетариату пути к своему освобождению: рабочий класс не должен рассчитывать ни на правительство, ни на «образованные классы», рабочие должны сделать революцию, свергнуть самодержавие, захватить власть в свои руки и расправиться со своими притеснителями по-своему. Г. В. Плеханов отметил, что эти слова перекликаются с основным положением устава I Интернационала: «Овобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

¹ Процесс 50-ти, изд. Саблина, М. 1906, стр. 155.

² «Былое» № 19, 1922, стр. 80.

Приводя слова заключительной части речи Петра Алексеева, где он с увлечением отзывается об интеллигентной молодежи, Г. В. Плеханов указывает, что в этих словах Алексеева много правды, «революционеры из студентов много сделали для рабочих». Но Плеханов предупреждает, что рабочие должны доверять не всем интеллигентам, а только тем, кто целиком перешел на сторону революционного пролетариата. Он призывает рабочих не доверять и не идти вместе с теми интеллигентами, которые забыли о народе и «прямо говорят против рабочего класса». Рабочие не должны забывать теперешнего отношения к ним подобных господ «интеллигентов». Но, относясь таким образом к «интеллигентам», желающим «обойтись без рабочих», русские рабочие должны тем более дорожить поддержкой тех революционеров из «интеллигентной молодежи», которые целиком перешли на их сторону и стараются теперь же, несмотря на опасность, распространять между ними правильные взгляды на вещи. Такие люди являются истинными друзьями рабочих, и к ним вполне может быть применено все сказанное Петром Алексеевым об «интеллигентной молодежи»¹.

Плехановское предисловие к речи Петра Алексеева было известно Фридриху Энгельсу. В апреле 1890 года состоялась переписка Ф. Энгельса с В. И. Засулич по поводу предисловия Г. В. Плеханова к брошюре «Речь Петра Алексеева». Ф. Энгельс возражал против опубликования в немецкой газете «Социал-демократ» нападок Бека на предисловие Плеханова к речи Петра Алексеева. Клеветническую статью Бека Энгельс назвал «набором слов»².

Энгельс поддерживал опубликование предисловия Плеханова в центральном органе немецкой социал-демократии, предлагал группе «Освобождение труда» составить достойный ответ на статью Бека по примеру К. Маркса, который как только видел, что против него плетутся тайные интриги, пускал в ход самое сильное и чаще всего применявшееся им средство: вы-

¹ Плеханов Г. В., соч., т. III, стр. 115—116.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 1951, стр. 320.

таскивал своих противников на солнышко и публично вел на них атаку¹.

Высокую оценку речи П. Алексеева дал В. И. Ленин. В программной статье «Насущные задачи нашего движения», помещенной в № 1 газеты «Искра», В. И. Ленин назвал речь Петра Алексеева на суде «великим пророчеством русского рабочего-революционера»².

14 марта 1877 года П. А. Алексеев был присужден к лишению всех прав, состояния и каторжным работам в крепостях сроком на 10 лет.

До 1880 года Петр Алексеев отбывал свое наказание в Новобелгородской центральной каторжной тюрьме, близ Харькова. Эта тюрьма была построена в 70-х годах специально для полного обособления от мира наиболее опасных для царизма «преступников».

Режим центральных политических тюрем Харьковской губернии был настолько суров, что сидевших в них политических заключенных прозвали «заживо погребенными». Многие не выносили ужасов каторжной тюрьмы.

Суровый режим в этой тюрьме вызвал резкий протест со стороны осужденных. Известен ряд их одиночных и коллективных протестов. Наиболее сильным был коллективный протест в июле и августе 1878 года, когда заключенные требовали книг для чтения, физического труда и провели голодовку, заявив, что своей смертью они хотят обратить внимание общества на свое тягостное положение³.

В этой голодовке принимал участие и Алексеев.

Политические заключенные добились некоторого смягчения своего положения.

В 1880 году, поздней осенью все политические каторжане обеих центральных политических тюрем Харьковской губернии были сосредоточены в Харькове в губернской тюрьме, а затем переведены в Мценскую пересыльную политическую тюрьму.

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 1951, стр. 322.

² Ленин В. И., соч., т. 4, стр. 346.

³ История царской тюрьмы, т. III, стр. 275.

Пребывание в харьковских каторжных тюрьмах тяжело сказалось на здоровье политических узников. Несколько человек, не выдержав сурового каторжного режима, умерло и сошло с ума. Прибывшие в Мценск имели бледные, исхудалые лица с землистым оттенком, что свидетельствовало о перенесенных страданиях.

Петр Алексеев, человек большой энергии и веры в правоту своего дела, обладавший огромной физической силой, выдержал нечеловеческие условия каторжной тюрьмы. Несмотря на перенесенные лишения, он оставался бодрым, своей жизнерадостностью и энергией поддерживал товарищей.

Петр Алексеев внимательно следил за развертывающимися в России событиями, жадно ловил все доносившиеся до тюрьмы известия о революционной борьбе рабочих, о новых партиях, о новой тактике народников. 1879—1880 годы были годами революционной ситуации в России. В тюрьму попадали люди, только что вырванные царской полицией из строя революционеров. На свидания с родными, близкими и знакомыми в тюрьму нередко приходили активные участники революционных событий конца 70-х годов. По рассказам этих людей можно было составить представление о том, что делается «на воле», о средствах борьбы, о программе нового народнического тайного общества «Народная воля».

Между политическими заключенными в Мценской тюрьме часто возникали жаркие споры. Петр Алексеев деятельно участвовал в них. Народники, сначала пытавшиеся поднять крестьян на борьбу против царского правительства, увидели, что крестьянство за ними не пошло, так как и крестьян они как следует не знали и не понимали, они отказались от массовой революционной работы среди крестьянства и рабочего класса и к концу 70-х годов решили продолжать борьбу против царского самодержавия одними своими силами, без народа. Основным средством борьбы против самодержавия стали считать террор.

Петр Алексеев не был согласен с деятелями «Народной воли» по ряду вопросов. Он отрицательно относился к тактике террора, верил в революционные возмож-

ности народа. Между рабочими и народниками-интеллигентами в тюрьме в это время шли жаркие споры, и дело часто доходило до размолвок и недоразумений, при которых тюрьма делилась на два лагеря¹.

В Мценской пересыльной тюрьме среди политических заключенных выделилась группа из людей наиболее зрелых и активных. Вошедшие в эту группу ставили целью бежать из тюрьмы и возвратиться к революционной деятельности. Для выполнения этой цели необходима была товарищеская спайка, взаимопомощь. Петр Алексеев занимал в этой группе почетное место. Его единственным стремлением было — как можно скорее вернуться к активной революционной борьбе с самодержавием и капиталистами.

Весной 1881 года Петра Алексеева и его товарищей по Мценской тюрьме отправили в Сибирь, в Карийскую каторжную тюрьму, за несколько тысяч километров от центральной России.

Долгие годы пребывания в тюрьмах не сломили Петра Алексеева. Он попрежнему оставался беззаветно преданным делу рабочего класса революционером. Его попрежнему отличали твердость воли и исключительная сила чувства. Он поддерживал в своих товарищах бодрость духа, уверенность в торжество дела, за которое они были осуждены царизмом, проявлял заботу о больных, делясь зачастую своим скудным пайком с ними. Товарищи по ссылке подчеркивают глубокую душевность, отзывчивость и чуткость Петра Алексеева по отношению к товарищам.

Даже в Новобелгородской каторжной тюрьме Петр Алексеев учился. Несмотря на запрещение тюремной администрации, он пользовался книгами. Политическим удавалось доставать книги, прежде всего, научную и художественную литературу. Один из современников писал, что в Новобелгородской тюрьме по рукам революционеров, томившихся в тюрьме, ходило гениальное творение основоположника научного социализма К. Маркса «Капитал» (в обложке книжки по сельскому хозяйству). Тюремному начальству и в голову не могло

¹ «Былое» № 19, 1922, стр. 90.

придти, что под видом такой безобидной книги политические заключенные читают Маркса.

К сожалению, не сохранилось сведений о том, что именно удалось прочитать Алексееву в Новобелгородской тюрьме. Нам известно, что в тюрьме Петр Алексеев вел дневник, в котором описывал условия заключения, жизнь осужденных, рассказывал о своей работе над собой. Этот дневник, переданный Алексеевым из Мценской тюрьмы на волю, был сожжен народниками. Более полные сведения о работе Петра Алексеева над собой сохранились за время пребывания Алексеева на Карийской каторге. Один из современников Алексеева вспоминал, что он проводил целые дни, лежа на нарах с книгой в руках. «Постоянное чтение книг, при неудобном освещении, расстроило зрение Петру. Наш доктор Веймар соорудил ему зеленый козырек. Петруха не хотел совершенно бросить чтение»¹.

На Каре среди заключенных были специалисты по самым различным предметам: был один профессор химии, сведущие врачи, хорошие математики и т. д. Был организован ряд лекций по различным предметам, вплоть до высшей математики. Алексеев посещал эти занятия. Но больше всего он интересовался политической экономией и литературой по рабочему вопросу. По начитанности в истории и в политической экономии Петр Алексеев не уступал интеллигентам, а с литературой по рабочему вопросу был знаком по тогдашним источникам лучше многих из них.

В период пребывания в тюрьмах и в ссылке Петр Алексеев познакомился с произведениями Карла Маркса.

Среди политических заключенных все более намечалось расхождение между рабочими-революционерами и народнической интеллигенцией.

Жаркие споры между народнической интеллигенцией и рабочими-революционерами происходили, прежде всего, по вопросу о роли рабочего класса в революции. В Петре Алексееве, как и в других революционерах из рабочих, укрепилось сознание того, что пролетариат

¹ «Былое», № 19, 1922, стр. 96.

является могучей революционной силой, способной решать величайшие исторические задачи.

П. А. Алексеев все время жил надеждой вернуться в Россию и стать опять деятелем рабочего движения, посвятить свою жизнь борьбе за экономическое и политическое раскрепощение рабочего класса, борьбе за интересы угнетенных и эксплуатируемых.

Пребывание Алексеева на каторге закончилось в 1884 году. Предстоял выход на поселение.

Сначала Алексеева поселили в Сасыкий наслег Баягантайского улуса (волости), Якутского округа, в 300 километрах северо-восточнее Якутска.

Через четыре года, в 1888 году, он был переведен в Бутурусский улус, Якутского округа, который считался лучше Баягантайского улуса. В 1888 году Петр Алексеев был поселен в Жилейском наслеге.

В ссылке Петр Алексеев не оставлял мысли совершить побег и вернуться к активной революционной деятельности.

Но вернуться к активной революционной деятельности Алексееву не удалось. 16 августа 1891 года, незадолго до окончания ссылки, он был убит грабителями.

* * *

Таков вкратце жизненный путь и революционная деятельность замечательного революционера 70-х годов П. А. Алексеева.

Революционная деятельность П. Алексеева является яркой иллюстрацией ленинского положения, что «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

В 70-х — 80-х годах в России социалисты и рабочее движение существовали одновременно, рядом, но они шли независимо друг от друга. И в России «были социалисты, было и рабочее движение, — писал товарищ

¹ Ленин В. И., соч., т. 31, стр. 9.

И. В. Сталин, — но они шли независимо друг от друга, сами по себе: социалисты — к утопической мечте («Земля и воля», «Народная воля»), а рабочее движение — к стихийным бунтам. Оба действовали в одни и те же годы (70-е — 80-е годы), не зная друг друга. Социалисты не имели почвы среди трудящегося населения, ввиду чего их действия были отвлеченными, беспочвенными. Рабочие же не имели руководителей, организаторов, ввиду чего их движение выливалось в беспорядочные бунты. Это было главной причиной того, что героическая борьба социалистов за социализм осталась бесплодной и их сказочное мужество разбилось о твердые стены самодержавия»¹.

Таковыми социалистами, не связанными с пролетарским движением, и были революционные народники семидесятых годов.

Только с 1883 года, когда была основана группа «Освобождение труда», в России стала проводиться большая работа по распространению марксизма. Группа «Освобождение труда» сделала первый шаг навстречу рабочему движению. Соединение социализма с рабочим движением стало осуществляться впервые петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», созданным В. И. Лениным. Но в это время Петра Алексеева не было уже в живых.

По условиям своего времени П. А. Алексеев не мог отрешиться от народнических взглядов, которые преобладали тогда среди интеллигенции и передовых рабочих. Он не мог усвоить правильного, марксистского представления о всемирно исторической роли пролетариата, который им не выделялся из общей массы «рабочего люда».

Но это не вина, а беда П. А. Алексеева. Иначе в начале 1870-х годов не могло и быть: Россия была отсталой в экономическом отношении страной, рабочее движение было развито слабо, в общественной мысли господствовали народнические взгляды. Но эти «слабые места» в мирсвоззрении П. Алексеева не умаляют его значения.

Заслуга П. А. Алексеева заключается в том, что он в мрачные годы царизма, в условиях, когда рабочее

¹ Сталин И. В., соч., т. 1, стр. 13.

движение было еще слабым, в период господства анти-марксистских народнических взглядов среди тогдашних революционеров разоблачал капиталистические порядки и самодержавие, способствовал пробуждению рабочего класса к активной борьбе против самодержавия и капиталистов.

Великое пророчество П. Алексеева о неизбежности гибели самодержавия и победы нового строя сбылось.

Под руководством партии Ленина — Сталина, вооруженной марксистско-ленинской теорией, рабочий класс нашей страны вместе со всеми трудящимися совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, привел наш народ к всемирно-исторической победе социализма.

Выполняя великие задачи коммунистического строительства, советский народ с уважением чтит память рабочих-революционеров, отдавших свою жизнь делу пролетарской революции. Героическое прошлое рабочего класса России служит примером для трудящихся капиталистических стран, стонущих под игом империализма. Замечательное прошлое русского пролетариата вселяет в сердца советских людей чувство национальной гордости.

К числу имен выдающихся людей, составляющих гордость нашего народа, принадлежит и имя рабочего-революционера П. А. Алексеева, видного деятеля буржуазно-демократического периода в истории революционного движения в России.

В. В. СОРОКИН

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ И ПОСТРОЙКИ ЯРЦЕВСКОЙ ПРЯДИЛЬНО-ТКАЦКОЙ ФАБРИКИ

В краеведческой историко-экономической литературе нет определенного мнения о времени основания и постройки знаменитой на Смоленщине Ярцевской прядильно-ткацкой фабрики. Основание фабрики произвольно датируется 1869, 1871, 1872 и даже 1883 годами. Окончательное ее сооружение относится, примерно, к тем же годам. Выходит, что фабрика была построена в год основания. Ни одна из приведенных выше дат не подтверждается каким-либо документальным материалом. Сказанное относится как к дореволюционным¹, так и к советским работам, включая и послевоенные².

Документальные материалы местного исторического архива позволяют уточнить время основания и постройки Ярцевской прядильно-ткацкой фабрики. В данном случае необходимо обратиться к документам двух фондов Смоленского исторического архива — фонда канцелярии Смоленского губернатора и фонда старшего фабричного инспектора.

Наличие дешевых рабочих рук на Смоленщине, связь

¹ Жбанков Д. Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии, вып. II, Смоленск, 1896 г. Основание фабрики Жбанков относит к 1872 г., причем не подкрепляет это ссылкой на источники (стр. 307).

² «Обзор революционного движения по Смоленской губернии до 1905 г.», Смоленск, 1928 г. В обзоре читаем: «Ярцевская фабрика была пущена в ход в 1873 г.» (стр. 4). «Ярцево» (очерки по истории рабочего класса и революционного движения на Ярцевской фабрике), 1932 г. Постройка фабрики относится авторами к 1872 г. (ссылки отсутствуют). В. С. Орлов. «Отмена крепостного права в Смоленской губернии», Смоленск, 1946 г. Автор основание фабрики относит к 1869 году, ее пуск — к 1872 году (стр. 154).

се с внутренним рынком сбыта и сырья привлекают сюда после отмены крепостного права жадных до наживы капиталистов. Одним из них был фабрикант А. И. Хлудов (1818—1882), владелец прядильно-ткацких фабрик в Москве, Егорьевске, Кренгольме. Выкупившись еще задолго до реформы 1861 года на волю, купец Хлудов развернул большую промышленную деятельность, вкладывая деньги во все, что могло принести быстрый и обильный доход. Много средств он вкладывал в хлопчатобумажную промышленность, которая давала ему небывалые барыши.

В 1873 году Хлудов приступил к постройке бумагопрядильной фабрики на станции Ярцево-Перевоз, находившейся в Духовщинском уезде Смоленской губернии. Строительство началось в период первого русского промышленного кризиса 1873—1875 годов, когда оплата труда рабочих была особенно низкой. Фабрикант рассчитывал извлечь для себя выгоду из тяжелого положения рабочих в годы кризиса. Выбор места для фабрики объясняется, прежде всего, наличием большого количества дешевых рабочих рук как в самом уезде, так и в окрестных уездах губернии. Духовщинский уезд являлся одним из самых «недоимочных», самых бедных уездов губернии. Положение крестьян уезда было чрезвычайно тяжелым. Они не могли прокормиться на урезанных крепостнической реформой наделах и выдержать царский налоговый гнет. Постоянными спутниками крестьянства являлись болезни, голод, вымирание. Даже духовщинский исправник признавал это. В своем рапорте смоленскому губернатору от 15 января 1871 года он дает такое описание «настоящего положения» уезда: «Последнее недавнее обозрение мною уезда во всех направлениях привело меня к тому убеждению, что большая часть крестьян даже теперь, в половине зимы, едва пропитывает свои семьи. И как пропитывает? Почти весь уезд не знает чистого ржаного хлеба, а питается какой-то грубой и, несомненно, действующей разрушительно смесью ржи, овса, гречихи и с добавкой 60 процентов мякины; даже во многих селениях эту помесь добавляют в большом количестве просто корою и, в довершение всего, даже и этого жалкого корма едва хватает до весны»¹. Если

¹ Фонд канцелярии Смоленского губернатора (в дальнейшем ФКСГ), 1871 г., д. № 380, л. 1 об.

исправник, всячески приукрашавший положение крестьян «во вверенном ему уезде», дает такую картину нищеты и вымирания, то в действительности же положение крестьян было еще более бедственным.

Вследствие такого невыносимого положения крестьяне открыто волновались, отказывались платить налоги, прогоняли или убивали сборщиков недоимок. Духовщинский исправник, известный в уезде своими насилиями, жаловался губернатору на то, что взыскивать недоимки приходилось «с величайшим трудом, с чрезвычайными усилиями, постоянным и настойчиво-энергическим употреблением со стороны полиции всех предоставленных ей законом мер»¹.

Крестьяне уезда, разоренные остатками крепостничества, громадными податями и выкупными платежами, в условиях пореформенного развития быстрее отрывались от земледелия и уходили на заработки, прежде всего, на фабрики и заводы. Однако и здесь условия жестокой капиталистической эксплуатации не только не облегчали, а наоборот, неизмеримо ухудшали положение крестьян.

Немаловажное значение имело для постройки фабрики и наличие в уезде топлива в виде леса и залежей торфа. Наконец, следует отметить удобные пути сообщения Ярцева с соседними уездами и губерниями. Через Ярцево проходила Московско-Брестская железная дорога, соединявшая Москву с Белоруссией и Прибалтикой. По всему уезду с запада на восток проходило шоссе. Река Воль имела достаточную глубину для плавания мелких плоскодонных судов и гонки плотов. Основное сырье — хлопок — привозился как из-за границы (порт Рига), так и из Средней Азии (начиная с 90-х годов).

Первое упоминание о строительстве фабрики мы находим в материалах канцелярии губернатора за 1873 год. В отчете за 1873 год основание фабрики относится к 1873 году, причем указывается даже месяц основания — август: «В августе 1873 года начата в Духовщинском уезде постройка обширной бумагопрядильной фабрики купцов Хлудовых»². Вероятное завершение строительства фабрики отчет относит к 1875 го-

¹ ФКСГ, 1871 г., д. № 380, л. 1 об.

² ФКСГ, 1874 г., д. № 174, л. 63.

ду¹. В отчетах губернатора за 1874, 1875 годы говорится о фабрике Хлудова, как о строящемся предприятии: она то «еще не окончена», то «не устроилась окончательно»². Только в марте 1876 года стала работать часть прядильного корпуса, сооружение которого продолжалось с августа 1873 по март 1876 года. «В марте 1876 года пущена в ход первая его (прядильного корпуса — В. С.) — половина», — записано в «Листке общих сведений по промышленному заведению»³.

То же время основания фабрики встречаем в документальном материале фонда старшего фабричного инспектора, в частности, в «Листке общих сведений по промышленному заведению». Заметим, что «Листок» заполнялся администрацией того или иного предприятия с последующей проверкой записи фабричным инспектором. Возьмем «Листок общих сведений»: «В 1873 г. куплена земля для постройки фабрики; в 1874 и 1875 гг. производилась постройка прядильного корпуса»⁴.

В 1876 году, когда фабрика не была еще полностью построена, здесь находилось около 1 000 рабочих. Количество станков доходило до 60. Производительность ее в течение первых двух-трех лет была низкой, тканей вырабатывалось мало и, естественно, удельный вес предприятия в экономике губернии не мог быть значительным. Об этом говорят данные Губернского статистического комитета о промышленности губернии за 1876 год. Фабрика Хлудова, — писал в канцелярию губернатора комитет, — «не устроилась окончательно». Поэтому в 1876 году первое место по обороту занимала, как и в предыдущие годы, винокуренная промышленность. Если, например, все промышленные предприятия губернии (называемые в материалах статистического комитета «заводами» и «фабриками») числом 1 031, с количеством рабочих 4 680, выработали изделий на сумму 2 830 212 р., то за тот же 1876 год 60 винокуренных заводов, с количеством рабочих 500, выработали продуктов на 1 206 378 р.⁵.

Ткацкий корпус фабрики был построен лишь к январю

¹ ФКСГ, 1874, д. № 174, л. 63.

² ФКСГ, 1876 г., д. № 262, л. 77—77 об. 1876 г., д. 186, л. 60.

³ Ф. ст. фабр. инсп., 1890 г., д. № 40, л. 11.

⁴ Там же.

⁵ Ф. ст. фабр. инсп. 1876 г. д. № 186, л. 95 — об. 96.

1878 года¹. Окончание сооружения прядильного корпуса произошло лишь через восемь лет после начала строительства, а именно в ноябре 1881 года².

Следовательно, основание прядильно-ткацкой фабрики в Ярцеве относится к августу 1873 года. Прядильный корпус начал строиться ранее ткацкого, и к марту 1876 года была пущена в ход лишь одна его часть. Завершение же постройки корпуса относится к ноябрю 1881 года. Ткацкий корпус был отстроен к 1878 году и в январе 1878 года вступил в действие. Полное же завершение его строительства происходит лишь через восемь лет после начала и относится к ноябрю 1881 года (окончание постройки прядильного корпуса).

По мере того, как фабрика вступала в строй, увеличивался ее удельный вес в экономике Смоленского края. Это можно проследить по годам 1877 и 1879. Согласно данным канцелярии губернатора в 1877 году на фабрике было занято 1 349 рабочих. Сумма производства равнялась 1 179 711 р.³ Согласно официальным данным в губернии в это время было 836 промышленных заведений с количеством рабочих 5 717 и с суммой производства в 4 116 275 р. Таким образом, уже в 1877 году на единственно крупной фабрике Хлудова находилось 23,5 процента всех рабочих и приходилось 25 процентов всей суммы производства губернии. В последующие годы количество рабочих фабрики и ее сумма производства еще более увеличились. Так, по данным В. И. Ленина, в 1879 году на фабрике работало 2 523 рабочих (на 6 959 рабочих губернии); сумма производства составляла 2 731 125 р. (из 6 426 071 р. по губернии)⁴. Следовательно, на фабрику уже приходилось 36,3 процента от общего количества рабочих и 40,2 процента от суммы производства губернии.

Начиная с 1877 года, фабрика, строительство которой еще не было завершено, стала занимать первое место по количеству рабочих и сумме производства. Второе место по количеству рабочих и сумме производства

¹ Ф. ст. фабр. исп. 1876 г., д. № 40, л. 11,

² Там же.

³ ФКСГ, 1878 г., д. 102, л. 40.

⁴ Ленин В. И., соч., 4 изд., т. 3, стр. 532 (приложение III); Такие же цифры дает изученный нами материал фонда канцелярии губернатора.

занимала вся винокуренная промышленность губернии. Затем следовали хрустальное, кирпичное и пивоваренное производства.

Концентрация на одном предприятии значительного количества рабочих способствует дальнейшему росту рабочего движения, направленного против царизма и капитализма. Это видно на примере Ярцевской прядильно-ткацкой фабрики, которой принадлежит почетное место в рабочем движении Смоленской губернии и всего промышленного центра. В ответ на усиление гнета рабочие энергично протестуют, объявляют стачки, забастовки. Начало упорной борьбы ярцевского пролетариата — части всего российского пролетариата — относится ко времени 70-х и особенно 80-х годов XIX века. Крупной стачкой 1880 года открывается период общероссийской стачечной борьбы 80-х годов. Из среды передовых рабочих выходят такие вожаки, как Иван Крылов; Петр Галкин, Аггей Гаврилов и другие. Многие ярцевские ткачи, изгнанные с фабрики за участие в стачке, поступали на работу в Москве, Иванове или Егорьевске. На новых местах они продолжали вести революционную работу.

В обстановке роста стихийного рабочего движения на рубеже XIX—XX веков в Ярцеве создаются марксистские социал-демократические кружки. Это оказывает огромное влияние на рабочее движение, так как отныне борьба пролетариата освещается революционной теорией — марксизмом-ленинизмом.

В последующие годы происходят мощные выступления организованных рабочих. Это относится, прежде всего, ко времени первой русской революции 1905—1907 годов, к годам революционного подъема после столыпинской реакции. Ярцевские пролетарии, ведомые партией Ленина — Сталина, не щадя своих сил и жизни, участвуют в Великой Октябрьской социалистической революции и в последующей победоносной борьбе нашего народа с силами внутренней и внешней контрреволюции.

За годы советской власти Ярцевская прядильно-ткацкая фабрика имени В. М. Молотова превращается в крупное, оснащенное передовой отечественной техникой социалистическое предприятие. Ярцевские ткачи — хо-

зьява и творцы своего счастья — из года в год повышают производительность предприятия посредством широкого развертывания соревнования. Большое политическое значение имело начинание рабочих Ярцевской фабрики совместно с рабочими «Катушки», в деле организации соревнования на лучшее проведение выборной кампании в Советы как в городе, так и в деревне (1928). Товарищ И. В. Сталин приветствовал это начинание, которое поднимало рабочих к широкому участию в выборной кампании в Советы¹.

Неузнаваемым стало Ярцево и его фабрика за годы сталинских пятилеток. Город ткачей стал благоустроенным и красивым. Возросла культура рабочих. Их жизнь, как и жизнь всего советского народа, стала содержательной и счастливой. Этот чудесный расцвет Ярцева был прерван на время Великой Отечественной войны. Немецко-фашистские изверги, временно оккупировав Смоленскую область, варварски сожгли и разрушили Ярцевскую прядильно-ткацкую фабрику имени В. М. Молотова. После освобождения Смоленщины от оккупантов, по воле партии и советского народа, она была возрождена и стала давать стране высококачественную продукцию.

¹ Сталин И. В. соч., т. 11, стр. 291.

М. З. ХЕНКИН

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ В ТЫЛУ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ НА СМОЛЕНЩИНЕ

В годы суровых испытаний Великой Отечественной войны большевистская печать — это острое и самое сильное оружие нашей партии — находилась на передовой линии борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Большевистская печать сыграла важнейшую роль в деле разгрома немецкого фашизма — одного из главных ударных отрядов международного империализма. Она помогла партии соединить воедино и направить к общей цели все усилия советских людей, подчинить все силы и средства народа делу разгрома врага. В частности, печать сыграла исключительную роль в деле организации всенародной партизанской борьбы в тылу гитлеровских оккупантов.

Немецко-фашистские захватчики установили на временно оккупированной территории нашей Родины зверский оккупационный режим. За два года своего «хозяйничанья» они только на Смоленщине расстреляли и замучили сотни тысяч людей, разрушили хозяйство и культуру области. С помощью кровавого террора оккупанты стремились «умиротворить» советских людей, запугать, отвлечь от партизанской борьбы, превратить в бессловесных рабов гитлеровской Германии.

Для того, чтобы обмануть, сбить с толку, разъединить советский народ, гитлеровцы наряду с кровавыми репрессиями широко использовали лживую пропаганду.

Немецко-фашистские захватчики создали огромный централизованный пропагандистский аппарат, начиная от министерства пропаганды Геббельса и кончая отделами пропаганды в каждом мало-мальски крупном

оккупированном населенном пункте. В частях фашистской армии наряду с артиллерийскими, танковыми, химическими и прочими частями находились и роты пропаганды.

Огромная армия профессиональных провокаторов и клеветников в миллионных тиражах выпускала отравленные гнусной ложью газеты, листовки, журналы, использовала для своих подлых целей радио, кино, театр и т. д. Только в Смоленске на русском языке издавалось около десятка различных брехливых листков, журналов, иллюстрированных изданий. Большое количество газет издавалось в других городах области. Установленный в Смоленске радиоузел почти непрерывно транслировал клеветнические радиопередачи из Берлина. Так как население отказывалось слушать фашистскую брехню, в Знаменском, Темкинском и других районах гитлеровцы даже силой собирали советских людей слушать радио.

Ложь, клевета, провокация, демагогия составляли основное содержание гитлеровской пропаганды. Реакционные, обреченные историей классы не могут обходиться без лжи, ибо само их существование противоречит прогрессивному, поступательному развитию человечества. Без обмана не могли обходиться гитлеровские захватчики, без лжи не могут обходиться современные претенденты на мировое господство — англо-американские империалисты, стремящиеся одурманить массы и вовлечь их в новую мировую войну.

Гитлеровцы зловонным дыханием своей пропаганды стремились подорвать у советского народа веру в правоту партии Ленина—Сталина, подорвать морально-политическое единство и дружбу народов, животворный патриотизм советских людей. Немецко-фашистские захватчики старались вселить в них убеждение в непобедимости немецкой армии, убить веру в восстановление Советской власти и тем самым вызвать состояние безнадежности, сломить сопротивление народа.

Все эти попытки гитлеровцев терпели полный крах. Разбойный разгул гитлеровской армии, ее зверская жестокость, система провокаций, гнусная пропаганда — все это вызывало жгучую ненависть у советских людей, толкало каждого советского человека на самоотверженное сопротивление фашистским оккупантам, являлось

дополнительным фактором в развитии партизанской борьбы. Основные же источники, обильно питавшие партизанское движение, находились в советском общественном и государственном строе, в самом советском народе, воспитанном большевистской партией и борющимся под ее руководством за честь, свободу и независимость родной социалистической отчизны.

«Партизанское движение, — сказал М. И. Калинин, — вырастает из простого, наглядного сопоставления народом фашистского режима с советским строем, где советский гражданин чувствовал и чувствует себя хозяином»¹.

В тылу немецко-фашистских захватчиков под руководством партии Ленина — Сталина развернулась подлинно всенародная партизанская война, оказавшая серьезную помощь Советской Армии, одержавшей всемирно-историческую победу над армией немецко-фашистских захватчиков.

Огромное значение в борьбе с гитлеровцами имела советская печать. Пламенное большевистское слово было могучим, постоянно действующим оружием в руках партийных организаций в тылу врага. В сложных условиях оккупационного режима печать помогла партии вовлечь в активную борьбу с врагом широкие массы советских людей, разжечь огонь партизанской борьбы, создать для гитлеровцев невыносимые условия в их тылу.

Повседневно разъясняя великие, справедливые цели Отечественной войны, благородную освободительную миссию Советского Союза и его героической Армии, разоблачая захватнические планы фашизма, большевистская печать воодушевляла советских людей на храбрость, мужество, героизм, равных которым еще не было в истории. Это хорошо видно на примере печатной пропаганды и агитации большевиков Смоленщины.

* * *

1941 год был годом становления, организации партизанского движения на Смоленщине. Большевики в это время организовывали и расширяли подпольную сеть, собирали силы, создавали новые и укрепляли действующие партизанские отряды.

¹ Партийное строительство, 1945, № 9—10, стр. 37—38.

Это был наиболее тяжелый период Великой Отечественной войны. Гитлеровские захватчики продвигались к жизненно важным центрам страны. Советские войска мужественно защищали каждую пядь Советской земли, изматывали и обескровливали врага.

В 1941 году агитационную работу в тылу врага проводить было очень трудно. Трудность состояла в том, что подпольщики Смоленщины питались весьма скудной информацией, а подчас вовсе были лишены всяких сведений о положении на фронтах и в советском тылу.

Установление постоянной связи с Москвой имело исключительное значение. О значении этой связи для людей, оторванных от Большой советской земли, хорошо сказал дважды Герой Советского Союза, известный руководитель украинских партизан С. Ковпак: «Потеря связи с Москвой была, пожалуй, самым тяжелым из всего, что нам пришлось испытать в тылу врага. Не враг был страшен, а сознание, что Москва стала очень далекой. Когда мы говорили «Москва» или «Большая земля», в этих словах было все, что спланивало нас, разбросанных по лесам среди врагов, в одно целое, что давало нам силы»¹.

Установление постоянной связи с Москвой с помощью радиоприемников (рациями в 1941 году на Смоленщине были снабжены очень немногие подпольщики и партизаны), розыски и установка радиоприемников было неотложным делом почти для всех подпольных партийных организаций.

В это время были установлены радиоприемники Восточным, Знаменским, Ельнинским, Слободским, Велижским, Сычевским, Дзержинским и многими другими райкомами партии. Радио являлось могучим источником, дающим материал для агитации, проводимой подпольщиками и партизанами. Радио, а также листовки, сбрасываемые авиацией Западного фронта и время от времени попадавшие к партизанам, сыграли большую роль в деле развертывания массово-политической работы среди оккупированного врагом населения.

Подпольные партийные организации и партизанские

¹ Ковпак С., От Путивля до Карпат, Госполитиздат, 1945, стр. 80.

отряды стали выпускать листовки. Первое время у большинства партизанских отрядов не было никакой полиграфической базы. Листовки писались от руки. Эти невзрачные на вид листки передавались как величайшая драгоценность от одного жителя области к другому.

Так, члены Замошьевской подпольной парторганизации, Ельнинского района, писали листовки часто круглые сутки. В каждой листовке указывалось: «Прочитавшему, если он сможет, размножить не менее пяти экземпляров и распространить, рассказать своим близким, знакомым, передать, прочесть». В результате листовки расходились по всему району. В Знаменском районе сводки Совинформбюро, принимаемые по радио, переписывались тремя учительницами, которые при помощи школьников распространяли их по деревням.

Таким образом, большевики Смоленщины уже с первых дней оккупации области уделили большое внимание организации печатной пропаганды и агитации, сыгравшей огромную роль в деле становления партизанского движения.

После разгрома немцев под Москвой печать в тылу немецко-фашистских захватчиков на Смоленщине значительно усилилась. Дело уже не ограничивалось изданием рукописных листовок. В это время возобновился прерванный в течение двух с половиной месяцев выпуск областной газеты «Рабочий путь». С 16 мая 1942 года для населения оккупированных районов стала издаваться «Малютка» — специальный выпуск областной газеты «Рабочий путь», пользовавшийся особой любовью партизан. С января 1942 года обком ВКП(б) приступил к систематическому выпуску листовок типографским способом. В Знаменском, Ельнинском, Дорогобужском, Понизовском, Касплянском и других районах стали выходить печатные газеты.

Организованная в 1941 и 1942 годах обкомом ВКП(б) печать помогла подпольным партийным организациям подготовить и провести массовое вооруженное выступление народа, создать в тылу врага «партизанские края», активизировать партизанскую борьбу, оказавшую большую помощь Советской Армии, которая вела тяжелые бои с гитлеровцами.

Особенно широкое развитие печатная пропаганда и агитация в тылу врага получила осенью 1942 года и в 1943 году, когда на Смоленской земле во всю мощь развернулась «рельсовая война» и партизанская борьба приобрела подлинно всенародный характер.

В это время, прежде всего, увеличилось число газет и листовок, засылаемых обкомом ВКП(б) и Западным штабом партизанского движения непосредственно в партизанские отряды. Только за девять месяцев партизаны получили около полутора миллионов листовок с приказами и докладами товарища Сталина, 33 названия других листовок, свыше 5 000 плакатов. Теперь центральные и областные газеты отправлялись с помощью авиации партизанским отрядам ежедневно.

Значительно увеличился выпуск газет и листовок непосредственно в тылу врага. К 1943 году туда были уже переброшены 24 портативных типографии со значительным запасом газетной бумаги. Газеты стал издавать Смоленский подпольный горком ВКП(б), Сафоновский, Ярцевский, Руднянский, Батурицкий, Демидовский и другие подпольные райкомы партии. Газеты-многотиражки начали издаваться в партизанском соединении «13» («Смерть врагам»), в полку Садчикова («Народный мститель»), в третьей стрелковой партизанской дивизии («Партизанская правда»), пятой Ворговской бригаде («Лазовец»).

Массовым тиражом стали издаваться в тылу врага листовки. В партизанских отрядах имелись радиостанции. В результате основная масса партийных организаций получила возможность ежедневно принимать и издавать большим тиражом сводки Совинформбюро, «Последние известия с советской Родины» и другие материалы.

Большевистская печать в тылу врага сыграла в конце 1942 — 1943 годов важную роль в разжигании партизанской борьбы на коммуникациях врага, в дальнейшем росте и укреплении партизанских отрядов, которые оказали активную помощь Советской Армии в деле изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории нашей Родины, в том числе и Смоленской области.

Таким образом, большевистская печать в тылу немецко-фашистских захватчиков непрерывно росла и

усиливалась соответственно с теми задачами, которые вставали перед славными народными мстителями. При чем, печать усиливалась не только в количественном отношении, но и в качественном, ибо содержание ее становилось все более боевым и наступательным.

Каково же было содержание печати в тылу врага?

Газеты, листовки, плакаты систематически разъясняли великие справедливые цели Отечественной войны, которые являлись источником беспримерного героизма советских людей.

Величайшую роль в этом деле имели выступления и приказы товарища Сталина в годы войны.

Мудрое руководство большевистской партии, великого Сталина явилось важнейшим источником нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками. Товарищ Сталин руководил боевыми действиями Советской Армии и хозяйственно-организаторской работой в тылу, одновременно он продолжал разрабатывать марксистско-ленинскую науку. Выступления товарища Сталина в годы Великой Отечественной войны явились образцом творческого применения марксистско-ленинской теории к анализу сложной, международной и внутренней обстановки, созданной войной, к определению способов и средств достижения победы.

В своем историческом выступлении по радио 3 июля 1941 года товарищ Сталин предупредил советских людей о грозной опасности, нависшей над нашей Родиной, подчеркнул всенародный справедливый освободительный характер Отечественной войны. Он указал, что войну с фашистской Германией нельзя рассматривать как войну обычную между двумя армиями. Она является вместе с тем смертельной схваткой всего советского народа с военной машиной гитлеровской Германии, схваткой, в которой советский народ защищает не только свою свободу и независимость, но и самый передовой, самый прогрессивный государственный и общественный строй.

Для того, чтобы спасти нашу Родину и обеспечить победу над гитлеровскими захватчиками, товарищ Сталин призвал советских людей понять всю глубину опасности, отрешиться от благодушия, беспечности, настроений мирного времени, самоотверженно идти на отечественную освободительную борьбу против фашист-

ских порабитителей. Товарищ Сталин указал, что великолепные качества большевика — храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины — должны стать достоянием миллионов советских воинов и всех советских людей. Вождь народа поставил задачу перестроить всю работу на военный лад, подчинив все интересам фронта и делу разгрома врага. В числе важнейших товарищ Сталин поставил задачу по организации всенародной партизанской борьбы во временно оккупированных врагом районах нашей Родины.

Это была программа ведения священной всенародной Отечественной войны, в том числе всенародной партизанской войны. Именно после речи товарища Сталина в тылу врага стало разворачиваться массовое партизанское движение.

В речи от 3 июля 1941 года и в других исторических речах и приказах, относящихся к периоду Великой Отечественной войны, мудрый вождь и полководец идейно вооружал советских людей, воспитывал их в духе животворного советского патриотизма, определял главные задачи партии и советского народа на каждом новом этапе Великой Отечественной войны, учил тому, как добиться победы над ненавистным врагом.

Распространение руководящих указаний товарища Сталина, его докладов и приказов являлось центральной задачей партийных организаций в тылу врага, а следовательно, главной задачей большевистской печати. С первых дней войны советская печать неустанно пропагандировала большевистскую программу борьбы, изложенную в исторической речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года и в других сталинских приказах и докладах.

Выступления товарища Сталина большевики Смоленщины перепечатывали в сотнях, тысячах экземпляров и распространяли в тылу врага. Идеи сталинских выступлений лежали в основе всей печатной пропаганды и агитации, которую развернули в тылу гитлеровцев большевики Смоленщины.

Вот, например, лозунги полос и названия статей газеты «Рабочий путь», опубликованные уже в июле 1941 года: «Великий Сталин приведет нас к победе»,

«Со Сталиным мы победим», «Сталин — наше боевое знамя», «С именем Сталина». Призывая каждого советского человека откликнуться на речь товарища Сталина от 3 июля, мобилизуя советских людей на борьбу с врагом, газета писала, что «имя товарища Сталина носит в душе каждый советский человек»¹, что «гений Сталина дал возможность нам разбить Деникина, Колчака, Врангеля и немецких оккупантов. Гений Сталина позволил нам добиться огромных побед на фронте социалистического строительства. Сталинский гений даст возможность нашим народам дать сокрушительный отпор ордам фашистских шакалов»².

После каждого выступления товарища Сталина большевики Смоленщины в своих газетах и листовках разъясняли конкретные задачи, которые вытекали из докладов и приказов вождя для населения Смоленщины, печатали много откликов и писем, систематически рассказывали о том, как советские патриоты выполняют указания товарища Сталина.

«Товарищ! Ты находишься в тылу врага! — писала «Малютка» 7 ноября 1942 года. — Иди в партизаны, бери пример с тех, кто, следуя призыву нашего вождя великого Сталина, не дает немцам ни минуты покоя».

«Партизаны! С честью выполним приказ Верховного Главнокомандующего!» — писала эта газета в марте 1943 года и напоминала задачи, поставленные товарищем Сталиным в приказе от 23 февраля 1943 года.

«Ответственную задачу товарищ Сталин возложил на партизан и партизанок... — писала «Малютка» 11 мая 1943 года. — За выполнение сталинского приказа, товарищи партизаны и партизанки! Изгоним немецких захватчиков с нашей земли! Смерть гитлеровским собакам!».

Подпольщики находили тысячи способов, чтобы донести до советских людей слова вождя. Уже в трудных условиях 1941 года, когда не было налаженной радиосвязи с Большой советской землей, попадавшие к подпольщикам тексты выступлений товарища Сталина переписывались от руки, зачитывались на подпольных

¹ «Рабочий путь», № 167, 21 июля 1941 года.

² Там же, № 169, 23 июля 1941 года.

собраниях партизан и населения. Слободской подпольный райком партии в течение ноября и декабря 1941 года провел в 36 колхозах Слободского и Демидовского районов собрания и беседы, на которых зачитывался и изучался доклад товарища Сталина о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Собраниями и беседами было охвачено около трех тысяч человек. В Ельнинском районе подпольщик Капитанов, обладавший исключительно хорошей памятью, выучил весь доклад товарища Сталина наизусть и на память читал его в деревнях района. Заучивали наизусть и читали доклад товарища Сталина населению подпольщики Дорогобужского и многих других районов. В Сафоновском районе не было доклада товарища Сталина на русском языке, зато имелись сброшенные советскими самолетами листовки с докладом на немецком языке. По заданию подпольного райкома учительница, знавшая немецкий язык, сделала перевод доклада на русский язык. Доклад товарища Сталина был переписан от руки в десятках экземплярах и распространен по району.

Выступления товарища Сталина сыграли огромную организующую и мобилизующую роль в борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Ельнинский подпольщик, учитель средней школы товарищ Четыркин, рассказывает, какое огромное воздействие оказал на население доклад товарища Сталина на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 года. Когда в деревне Четовой 18 ноября узнали, что где-то в Уварове найдена листовка с докладом товарища Сталина, многие колхозники вместе с т. Четыркиным, не взирая на близость немцев, вечером пробрались в Уварово, в избу, где хранилась драгоценная находка.

— Скоро желанная листовка была в моих руках, — вспоминает т. Четыркин. — Это была листовка с портретом товарища Сталина. Я взял ее, приподнял за верхний край, чтобы всем видно было, и, чувствуя дрожь во всем теле и в голосе, сказал:

— Товарищ Сталин!

И люди, тесня друг друга, старались продвинуться вперед, чтобы при тусклом свете самодельной лампочки взглянуть на портрет, потрогать бумагу, убедиться, что

это действительно он, Сталин. Это были недели подполья. Заветные письма, учебники, школьные картины, портреты вождей — все было любовно зарыто в землю. А тут, в полутемной хате, над людскими головами — знакомый и близкий образ народного вождя.

— Такой же спокойный и уверенный, — воскликнула одна девушка и, нежно глядя рукой портрет, добавила: — Ты помнишь нас, товарищ Сталин?

— Значит помнит, — ответил кто-то, — раз его портрет к нам через фронт прислали.

Взволнованные люди подходили, смотрели, трогали руками толстую бумагу... Состояние у всех было такое, будто здесь, в скромной колхозной хате, живой и настоящий — товарищ Сталин.

Огромные трудности испытывались в ходе войны, но голос товарища Сталина, его мудрое слово вливали новые силы в советских людей, вдохновляли на еще более упорную борьбу, на победу. Как будет показано ниже, по призыву товарища Сталина советские патриоты организовывали партизанские отряды, совершали массовые героические подвиги, беспощадно истребляли гитлеровских захватчиков.

Таким образом, большевистская печать еще теснее сплачивала всех советских людей в тылу врага вокруг большевистской партии, вокруг советского правительства, вокруг великого вождя и полководца товарища Сталина.

В газетах и листовках систематически печатались сообщения Информбюро, заявления ТАСС, сообщения о борьбе народов Европы против гитлеровцев. Публиковались публицистические статьи и очерки о героизме советских людей на фронте и в тылу, материалы, разоблачавшие банду гитлеровцев и происки мировой империалистической реакции. Все эти материалы, правдиво освещавшие ход Великой Отечественной войны, жизнь советского тыла, международные события, вдохновляли советских людей на самоотверженную борьбу с врагом.

До середины 1942 года газеты, распространяемые в тылу врага на Смоленщине, заполнялись, главным образом, материалами общесоюзного характера. С осени 1942 года наряду с такими материалами большевики

Смоленщины, руководствуясь указаниями товарища Сталина, создав широкую корреспондентскую сеть, стали печатать и разносительный материал о жизни и борьбе советских людей на временно оккупированной врагом территории.

На конкретных материалах из жизни населения Смоленской области большевистская печать разоблачала кровавые замыслы и подлые дела врага. Памятуя слова товарища Сталина о том, что «нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души»¹, большевики Смоленщины усилили разоблачение кровавого «нового» порядка фашистских бандитов, их пропаганды, всех их мероприятий, направленных на порабощение и истребление советских людей. Шире показывали зверства, чинимые оккупантами, чаще помещали письма, фотографии, статьи, воспоминания очевидцев и лиц, пострадавших от немецких захватчиков.

В газетах и листовках беспощадно разоблачалась лживая фашистская пропаганда. Ей противопоставлялось правдивое большевистское слово, парализовавшее влияние гитлеровской брехни.

Газеты и листовки из номера в номер разоблачали гитлеровские мероприятия по «земельной реформе», налоговой политике, вербовке и насильственной отправке советских людей на немецкую каторгу.

«Товарищи крестьяне! Местный районный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) считает своим долгом через свой орган — районную газету — разъяснить вам, что дает русскому крестьянину новый немецкий приказ № 6 по проведению нового «земельного» порядка», — писал Руднянский райком ВКП(б) и приводил убедительные факты, характеризующие грабительскую сущность «земельного» закона гитлеровцев.

Когда немецко-фашистские оккупанты начали в Батуринском районе «вербовку» на работу в Германию, РК ВКП(б) издал листовку, в которой писал о затее гитлеровцев: «В своей печатной литературе они (гитлеровцы — М. Х.) с пеной у рта, до хрипоты кричат о хоро-

¹ Сталин И. В., О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1946, стр. 55.

шей жизни в Германии, о том, что советским гражданам, перевезенным силой в Германию, живется хорошо». Листовка разоблачала эту ложь фашистов, приводила факты о страшных издевательствах гитлеровцев над советскими людьми: «Вспомните плач десятилетних детей — Миши Воронова, Миши и Сережи Шелаевых, Вали Бахметова из д. Новоселки, Пречистенского района, которых фашисты согнали в кучу и всех расстреляли!»

В газетах и листовках систематически печатались материалы, посвященные разоблачению конкретных проявлений гитлеровской лжи и демагогии. Так, например, в спецвыпусках «Рабочего пути» были помещены статьи: «Очередной провал гитлеровцев», «Немецкие сообщения, высосанные из пальца», «Лживые выдумки гитлеровцев», «Опровержение партизан», «Жалкий лепет берлинского радио», «Гитлеровцы скрывают правду», «Грубая фальшивка гитлеровцев», «Я оттуда, где страшно жить» и другие.

Печатная пропаганда и агитация в тылу врага носила дифференцированный характер. Наряду с обращениями ко всему населению, часто издавались обращения к людям отдельных профессий, разного возраста, местности, национальности и т. д. Так, среди листовок обкома и райкомов партии были обращения: «Дорогие друзья, товарищи партизаны и партизанки Смоленской области!», «К женщинам оккупированных районов Смоленской области», «К всем гражданам Смоленска», «К железнодорожникам Смоленска», «К комсомольцам и молодежи временно оккупированных районов Смоленской области», «К гражданам Духовщинского, Касплянского, Демидовского, Понизовского районов» и другие.

Такая дифференциация имела огромное значение, она давала возможность ставить конкретные задачи перед определенными группами населения, оперативно откликаться на те или другие события, агитировать на фактах, имеющих непосредственное отношение к тем или другим советским людям.

Например, в листовке обкома ВКП(б), обращенной к женщинам Смоленской и Орловской областей, после рассказа об успехах советских войск, наступающих на Западном фронте, говорилось:

«Немецкие изверги многих девушек и женщин заразили страшными венерическими болезнями. Немало молодых девушек гитлеровцы насильно отправили в дома терпимости.

Осенью прошлого года из Рудни, Смоленской области, немцы увезли красивую русскую девушку Веру Твердякову в витебский дом терпимости. Немецкие офицеры и солдаты глумились над ней и заразили ее сифилисом. Потом больную Веру возвратили к родителям, где по распоряжению немецкого военного командования ее расстреляли.

В деревне Глинки, Износковского района, немецкие солдаты изнасиловали и замучили до смерти 14-летнюю Нину Уткину.

В Починке фашисты изнасиловали и повесили гражданку Волкову.

Гитлеровцы у себя в Германии устроили случайные пункты и оккупированную часть нашей страны хотят превратить в публичный дом.

Женщины и девушки, жены и сестры!

Многое зависит от вас. В то время как ваши мужья, братья, сестры и подруги героически защищают родную землю, самоотверженно работают в советском тылу на колхозных полях, фабриках и заводах, вы в тылу врага должны создать невыносимые условия для захватчиков. Каждая честная русская женщина и девушка должна бороться против немцев.

Наносите гитлеровцам как можно больше вреда. Создавайте подпольные женские комитеты для антифашистской работы среди населения. Помогайте народным мстителям, идите в партизанские отряды. Разрушайте тыл германской армии. Безжалостно уничтожайте вражеских солдат и офицеров, истребляйте их технику, не давайте себя угонять в немецкое рабство на издевательство, надругательство и верную смерть. Победа будет за нами!

Близится час, когда вас освободит Красная Армия, и вы снова заживете радостной и счастливой жизнью.

Смерть немецким насильникам!».

Подпольные партийные организации уделяли большое внимание подрыву морального духа оккупантов, держали их постоянно в трепете. Коммунисты 5-й Вор-

говской бригады развесили в лесу, в который старались проникнуть гитлеровцы, такие лозунги: «Вход в лес немцам, полицейским и собакам воспрещен — расстрел без окрика!», «Зачем пришли вы к нам, непрошенные гости? В полях истлеют ваши кости», «Господа из Ершич! Готовьтесь к Новому году: запасайтесь блинами и медом для своих поминок — на Новый год будем в гости!».

Доводя до населения выступления товарища Сталина, разъясняя великие освободительные цели Отечественной войны, разоблачая немецко-фашистскую пропаганду, зверства и насилия гитлеровцев, газеты и листовки призывали каждого человека к священной мести, к истреблению захватчиков, к срыву всех их мероприятий, к вступлению в партизанские отряды. Например, 27 ноября 1942 года спецвыпуск «Рабочего пути» остро и прямо обращался к стоившим под фашистским господством советским людям: «Помни, товарищ, что ты сам можешь и должен ускорить свое освобождение из-под германского ига. Мы победим, если всей нашей силой — красные воины на фронтах, вы в тылу врага — навалимся на врага.

Бери винтовку, товарищ, отними ее у врага, иди в партизаны. Если ты не смог достать винтовку, автомат, гранату, бери топор, обрушь его на голову немецкой сволочи. Бери вилы и коли ими кровожадное пузо немецкого бандита. Бери косу острую и снимай ею головы гитлеровских мерзавцев. Запирай немецких захватчиков в домах и сжигай. Дом можно выстроить заново, а убитые не воскреснут».

2 апреля 1943 года газета писала:

«Немецкие захватчики пришли к нам сеять смерть, слезы, страдания! Пусть сами пожнут то, что они посеяли: пусть умирают они, а не наши люди! Пусть плачут фрицевы жены, а не наши! Пусть стенают не наши, а их матери!»

«Малютка», исходя из указаний ЦК ВКП(б), товарища Сталина, из номера в номер указывала на то, что должны делать в тылу фашистов советские люди.

Осенью 1942 года, когда начался сбор урожая, газета призывала советских людей не давать гитлеровцам

ни одного зернышка, прятать урожай от оккупантов. «Пусть сами подохнут от голода», — писала газета 17 октября 1942 года.

Когда гитлеровцы стали насильственно отправлять советских людей на строительство оборонительных укреплений, газета писала, что русские люди не будут строить для гитлеровцев (10 октября 1942 года), что для фашиста «только одну работу надо делать... — убить его и закопать».

«Малютка» пользовалась огромной популярностью среди жителей оккупированных районов.

Газеты и листовки из номера в номер показывали, как поднявшиеся на врага советские люди участвуют в истребительной народной борьбе, как они создают для врага невыносимые условия в его тылу. С середины 1942 года в газетах и листовках систематически стали печататься статьи, обобщающие со знанием дела опыт партизанской борьбы, популяризирующие опыт передовиков, воспитывающие у партизан каждой своей строкой силу духа, боевое мастерство, преданность Родине. Вот, например, лозунги полос и названия статей, опубликованных в спецвыпуске газеты «Рабочий путь» в конце 1942 и начале 1943 года: «Товарищ Сталин указывает путь к победе», «Партизаны! Помогайте наступлению советских войск!», «Партизаны и партизанки! Бейте врага без промаха!», «Истребляйте немецкие танки! По танкам врага — огонь!», «Беспощадно истребляйте оккупантов!», «Будни одного партизанского отряда», «Выдержка», «Сильное сердце», «Рвите вражеские коммуникации», «Партизанская борьба зимой», «Истребляйте вражеские войска! Взрывайте немецкие транспорты! Не подпускайте их к линии фронта».

Газета призывала народных мстителей к беспощадной борьбе с гитлеровскими захватчиками: «Осталось немного ждать. Ждать и бить немца. Нельзя ему дать передышки. На Дону бойцы отбивают его атаки. В лесах Смоленщины партизаны громят его тыл. В хвост и в гриву, друзья! Паршивый барончик Розенберг уверяет, что ему выносили на Смоленщине хлеб и соль. За хлеб он принял, видно, свинец, а за соль — гранаты. Можно дать немцу и бутылочку с горючим. На танк литровки не пожалеем. Вставай на немца, русская

земля! Пусть и деревья их колют. Пусть и камни их кусают!»¹.

Особенно большое значение для обобщения и популяризации боевого опыта имели издававшиеся в отрядах многотиражки, стенные газеты, рукописные журналы и «боевые листки».

Тесно связанные с жизнью партизанских соединений, они являлись мощным оружием в руках партийных организаций в деле политического и боевого воспитания народных мстителей. В многотиражках, стенных газетах, журналах систематически освещалась боевая деятельность отрядов и отдельных боевых групп, итоги выполнения социалистических обязательств, помещались статьи, рассказывающие о героических подвигах диверсантов, разведчиков, минеров, ставились вопросы о дружбе и взаимной выручке партизан, об овладении оружием, о бдительности.

По глубине и разносторонности своего содержания из партизанских газет выделялась газета «Смерть врагам» (соединение «13»), «Лазовец» (пятая Вороговская бригада), «Партизанская правда» (первая Клетнянская партизанская бригада) и другие. Газета «Смерть врагам» систематически помещала тематические полосы, посвященные обобщению боевого опыта. Одна такая полоса вышла под шапкой «Уничтожайте подлых фашистов и их технику так, как уничтожают партизаны подразделения Сахарова». Газета «Лазовец» посвящала целые страницы разбору поучительных операций по разгрому станций и гарнизонов Понятовка, Пригорье, гарнизона деревни Тросно-Исаево.

Живо откликались на каждое важное событие и «боевые листки», издававшиеся в каждом подразделении партизан Смоленщины. Для их выпуска с ноября 1942 года по июль 1943 года обком ВКП(б) забросил в партизанские отряды 4 100 макетов. Имея готовые макеты, легко было выпустить в походе и на привале необходимого размера «боевой листок». Только в пятой Вороговской бригаде за год боевых действий было выпущено свыше 100 листов. «Боевые листки» имели большое воспитательное значение.

¹ «Рабочий путь», Спецвыпуск № 16, 27 августа 1942 года.

Таким образом, печать была могучим рупором большевистских идей в тылу немецко-фашистских захватчиков, мощным пропагандистским и агитационным оружием в руках партийных организаций. В тылу врага не всегда можно было провести собрание, митинг или беседу с населением. Иное дело, когда проводилась агитация при помощи газеты или листовки. В. И. Ленин называл газету не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но также и коллективным организатором. Печатная пропаганда и агитация, которую развернули большевики Смоленщины, имела огромное организующее значение, была доходчива до широких масс.

Газета «Московский большевик» дала высокую оценку действенности спецвыпуска газеты «Рабочий путь». Она писала, что «Малютку» — эту газету с красной каймой — хорошо знают жители временно оккупированных районов Смоленщины, что к ее «каждому слову с волнением и надеждой прислушиваются советские граждане, находящиеся по ту сторону фронта», что голос «Малютки» «звучит как набат на Смоленской земле»¹, призывая на бой с немецкими захватчиками.

Ярче всего действенность большевистской печати среди оккупированного врагом населения проявилась в неуклонном росте численности партизанских отрядов. По свидетельству секретаря Знаменского подпольного райкома партии, роль листовок за подписью райкома была огромна. Люди узнавали, что райком действует, у них появлялось желание связаться с партизанской группой.

Газеты и листовки доносили до советских людей в тылу врага речи и приказы товарища Сталина. Призыв вождя об организации всенародной партизанской борьбы явился для советских патриотов директивой к действию, вовлекал широкие массы населения в активную борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Бывшего народного учителя Смоленщины С. В. Гришина война застала в качестве водителя танка. Вместе с экипажем танка т. Гришин попал в окружение. Попытки перейти линию фронта оказались тщетными. Найден-

1. «Московский большевик», № 105, 6 мая 1943 года.

ная в лесу листовка с речью товарища Сталина от 3 июля указала путь т. Гришину. Советский патриот организовал в ноябре 1941 года небольшую партизанскую группу, из которой в дальнейшем вырос рейдирующий отряд, потом полк и целое партизанское соединение «13», одно из лучших соединений Смоленщины. Командовал им т. Гришин, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза.

«В Сафоновском районе доклад товарища Сталина был изучен почти во всех населенных пунктах, — говорится в характеристике обкома ВКП(б) на Сафоновский объединенный партизанский отряд, — в деревнях, где были проведены собрания, народ поднимался с оружием в руках против немцев».

Такая же картина наблюдалась повсеместно. В деревне Яковлево, Издешковского района, население на подпольном собрании обсудило доклад товарища Сталина от 6 ноября 1941 года. После собрания две женщины, придя домой, топором убили гитлеровца. Население деревни стало бороться с оккупантами.

Пламенное большевистское слово вовлекало советских людей в самые разнообразные формы борьбы с оккупантами.

Выполняя указания товарища Сталина, рабочие Кондровской, Троицкой и Полотняно-заводской бумажных фабрик разобрали и спрятали оставшееся не эвакуированное оборудование и сырье, а сами вступили в партизанские отряды. Пустить в ход фабрики гитлеровцы не смогли, хотя к этому готовились еще до занятия Кондрова, для чего везли с собой специалиста по бумажной промышленности.

Колхозники Слободского района в ответ на призыв товарища Сталина от 3 июля 1941 года не сдали оккупантам ни хлеба, ни крупного и мелкого скота, сохранили посевной материал. Колхозники вывезли через линию фронта и сдали частям Советской Армии свыше 300 голов скота, хлеба — 60 тонн, сена — свыше 200 тонн, около 20 лошадей.

Подпольщики Холм-Жирковского района широко распространили в районе восемь названий листовок о саботаже мероприятий, проводимых фашистскими оккупантами. В результате была сорвана уборка и сдача сена

немецким властям. Население 18 сельсоветов не выполнило приказа о сдаче около десяти тысяч центнеров сена гитлеровцам. Почти полностью была сорвана отправка населения в Германию. Около тысячи человек молодежи укрылось от «вербовки» в лесу.

Коммунисты партизанской бригады имени Пархоменко на подпольных собраниях населения зачитали листовки с обращением обкома ВКП(б). Изучив листовки, советские люди взяли обязательство усилить помощь партизанам. В результате партизанам было передано 64 тонны ржи, 80 тонн картофеля, 60 овчин, 60 пар валенок, 40 шапок и др.

Большую роль сыграла листовка обкома ВКП(б) «Ко всем товарищам, оставшимся в окружении», распространенная в Руднянском, Понизовском, Касплянском районах и призывавшая переходить линию фронта или вступать в партизанские отряды. Из этих районов в октябре 1942 года только через линию фронта перешли свыше 1 500 человек.

Большевистская печать имела огромное значение для усиления всей массово-политической и воспитательной работы в партизанских отрядах. М. И. Калинин писал, что одно «появление «Правды» в партизанском отряде равно увеличению его силы, упорства и военной дерзости¹. Вокруг каждой советской газеты, листовки или журнала в отрядах разворачивалась большая политическая и воспитательная работа. Печать давала возможность охватить большевистским влиянием каждого партизана.

Основу всей идейно-политической работы партийных организаций в партизанских отрядах, равно как и среди всего населения, составляли выступления и приказы товарища Сталина. Работа вокруг этих исторических документов приобретала исключительно широкий размах. В связи с каждым выступлением товарища Сталина в партизанских отрядах проводились специальные беседы, лекции и доклады. Для их углубленного изучения создавались кружки. Например, во второй Клетнянской бригаде были созданы 16 кружков по изучению книги

¹ Калинин М. И., К 30-летию «Правды», «Правда», 5 мая 1942 года.

товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». За два месяца 1943 года в этих кружках было проведено свыше 80 занятий.

Ничто так не воодушевляло партизан, как слова вождя. «Доклад товарища Сталина в ноябре 1941 года, его речь на ноябрьском параде Красной Армии, его приказы, посвященные 24-й годовщине РККА и дню 1-го Мая, остаются основными программными документами, которыми партизаны руководствуются в борьбе с врагом», — писал журнал «Большевик» в статье «Народная партизанская война на землях Смоленщины»¹.

Как правило, каждое выступление товарища Сталина поднимало партизанскую войну на новую, более высокую ступень, активизировало удары народных мстителей по гитлеровским захватчикам.

Журнал «Партийное строительство» писал о том, какое сильное воздействие оказал на смоленских партизан приказ товарища Сталина от 1 мая 1942 года: «Первомайский приказ товарища Сталина влил новые силы в сердца партизан и всех трудящихся. Пришла весна — и удары смоленских партизан по врагу во много раз возросли. Земля горит под ногами фашистских разбойников. Бесстрашные партизаны и партизанки не жалеют патронов против угнетателей нашей Родины».²

В ответ на приказ товарища Сталина от 1 мая 1942 года партизанские отряды Смоленщины только за несколько дней истребили свыше 1 500 гитлеровцев и захватили у врага большие трофеи. Воодушевленные словами вождя партизаны четвертой бригады спустили под откос два эшелона, разгромили несколько гарнизонов противника, в том числе фашистский гарнизон районного центра Понизовье. Глубокое усвоение первомайского приказа товарища Сталина сопровождалось усовершенствованием боевой подготовки, между партизанами разгорелась соревнование за глубокое изучение воинской техники.

Наконец, важную организующую роль сыграло само распространение печати в тылу врага.

¹ «Большевик» № 11 — 12, 1942.

² «Партийное строительство», № 9—10, 1942.

Распространение газет и листовок в сложных условиях оккупационного режима — это не просто технический вопрос. Распространение большевистской печати в тылу гитлеровцев имело огромное организующее значение: оно приобщало к разнообразной по формам и методам борьбе новые массы советских людей, укрепляло связи между ними, способствовало росту партизанских отрядов.

Применялись разнообразные способы распространения печати в тылу врага. Листовки расклеивались на досках объявлений немецких властей, на срубах колодцев, мельницах и т. д. В Знаменском районе в деревни с немецкими гарнизонами партизаны переправляли листовки с помощью собак. В Духовщинском районе короткие обращения к населению писались углем и мелом прямо на стенах скотных дворов, сараев, домов. В этом районе весной листовки райкома партии переправлялись в занятые немцами деревни в жестянках и корытах. Во многих районах подпольщики распространяли листовки с помощью партизан, когда последние уходили в разведку. Каждый партизан был не просто бойцом, но и бойцом-агитатором, бойцом-пропагандистом.

Подпольщики и партизаны находили тысячи способов, как довести до народа слово большевистской правды.

Так, например, два сафоновских подпольщика только в течение ноября и декабря 1941 года обошли деревень 50, всюду читали листовки, подбирали агентов для распространения печати, устанавливали связи между отдельными советскими патриотами, поднимали советских людей на сопротивление гитлеровским оккупантам. Многие советские люди, начинавшие борьбу с врагом с распространения листовок, превратились в отважных партизан, наводивших ужас на врага.

Таким образом, большевистская печать играла огромную организующую роль в тылу немецко-фашистских захватчиков, она соединяла воедино советских людей, искусственно разъединяемых гитлеровцами, являлась могучим средством вовлечения советских людей в активную борьбу с фашистскими захватчиками.

* * *

Маркс указывал, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Большевистская

печать, ведущая гигантскую работу по пропаганде всепобеждающих идей ленинизма, связывающая пропаганду этих идей с последовательной борьбой за проведение в жизнь большевистской политики, является могучим оружием в руках партии Ленина—Сталина. И это ярко показала Великая Отечественная война.

Гитлеровцы, как огня, боялись нашей печати. Именно поэтому они строжайше, нещадно наказывали советских людей за чтение большевистских листовок, зверски расправлялись с агитаторами. Однако ничто не помогало. Пламенное большевистское слово проникало через все запреты, рассеивало гнусную фашистскую ложь, разъясняло большевистскую правду.

Еще на IX съезде партии В. И. Ленин отмечал, что если «наши противники говорили и признавали, что мы сделали чудеса в развитии агитации и пропаганды, то это надо понимать не внешним образом, что у нас было много агитаторов и было истрачено много бумаги, а это надо понимать внутренним образом, что та правда, которая была в этой агитации, пробивалась в головы всех. И от этой правды отклониться нельзя»¹.

Эти слова В. И. Ленина нашли полное подтверждение в годы смертельной борьбы нашего народа с немецким фашизмом. Они полностью оправдываются и сейчас, когда наша большевистская правда, несмотря на разнузданную свистопляску агрессивной англо-американской пропаганды — этой прямой преемницы гитлеровской, с каждым днем завоевывает на свою сторону все новые и новые миллионы трудящихся во всем мире.

Победа большевистской пропаганды и агитации — это победа нашей самой передовой в мире идеологии, победа марксистско-ленинского мировоззрения, показавшего в дни войны с новой силой свою жизненность, свою огромную спланивающую роль.

Исходя из своей человеконенавистнической расовой идеологии, фашисты своей печатью хотели разжечь темные инстинкты у советских людей: частнособственнические стремления, эгоизм, наплевательское отношение к национальным традициям, национальную вражду, чтобы таким путем подорвать морально-политическое единст-

¹ Ленин В. И., соч., изд. 4, т. 30, стр. 426—427.

во, советский патриотизм великого русского народа и других братских народов нашей страны. Большевистская пропаганда и агитация исходили из идеологии равенства рас и дружбы народов, она обращалась к лучшим чувствам народа, к лучшим его качествам: мужеству, стойкости, преданности общему делу, к его славным традициям, к его любви к социалистической Родине. И большевистская печать имела полное превосходство над печатью врага, одержала над последней решительную и полную победу.

Глубоко партийная, пронизанная идеями Ленина—Сталина, правдивая, не скрывающая от народа правду, как бы ни была она сурова и тяжела, глубоко оптимистическая, боевая и наступательная большевистская печать сыграла огромную роль в победе над силами фашизма в годы второй мировой войны.

После окончания войны правдивому большевистскому слову принадлежит важное место в борьбе за дальнейший расцвет нашей социалистической отчизны, в борьбе с американскими агрессорами, стремящимися развязать новую мировую войну, в борьбе за полное торжество идей марксизма-ленинизма во всем мире.

ЭКОНОМИКА
И
ПРИРОДА

Б. Н. ПЕРЛИН

К ИСТОРИИ ЛЬНОВОДСТВА НА
СМОЛЕНЩИНЕ

Смоленская область является одной из крупнейших льноводных баз СССР. По площади посевов льна она уступает только Белоруссии и превосходит такие государства, как Польша, Бельгия, Франция. До войны Смоленская область (в современных границах) давала до 10 процентов общесоюзного сбора льна.

С 1925 года в области было начато строительство льнозаводов. В 1940 году продукция льнозаводов (их было 64, в том числе 12 двутурбинных заводов) составила около 35 *тыс. т* трепаного льна. С 1932 года в Вязьме вступила в строй действующих предприятий крупная льночесальная фабрика, выпускавшая ежегодно 13—14 *тыс. т* чесаных льноматериалов.

С 1937 года стал давать продукцию Смоленский льнокомбинат, который в 1940 году выпустил 6 300 *тыс. м* льняных тканей и жаккардовых изделий. Стоимость валовой продукции льняной промышленности за 1940 год выразилась в сумме 40,2 миллиона рублей в ценах 1926—1927 годов (36, стр. 63—64)¹.

В послевоенные годы в Смоленской области благодаря огромной помощи партии, правительства и лично товарища Сталина успешно восстанавливается посевная площадь под льном. Быстро механизуются трудоемкие процессы по уборке и обработке льна.

В 1951 году на колхозных полях области работало около 1 500 льнокомбайнов и льнотеребилков. Этими машинами было убрано более половины урожая льна, —

¹ См. список литературы в конце работы.

в три раза больше, чем в 1950 году. МТС области оснащаются передвижными высокопроизводительными агрегатами Кондрашука и Волкова с льнотрепальными и кудельными машинами. Восстановлены и работают более 30 льнозаводов (большинство из них двутурбинные). Несколько льнозаводов строится. Восстанавливается и работает льнокомбинат. Таким образом, Смоленская область снова заняла одно из первых мест по льноводству в Советском Союзе.

По инициативе колхозников Мурыгинского сельсовета, Починковского района, в области развернулась борьба за получение высоких и устойчивых урожаев льна с больших площадей. Передовые льноводные звенья в колхозах области в настоящее время собирают по 6 цент и более льноволокна с гектара.

Лен в Смоленской области — ведущая и наиболее доходная техническая культура, имеющая первостепенное значение в экономике колхозов. Поэтому вопрос развития и состояния льноводства в области представляет большой интерес. Но, к сожалению, до сих пор еще нет ни одной обобщающей работы, посвященной вопросам смоленского льноводства не только в отношении агротехники и колхозной практики, но и в отношении истории развития этой культуры и ее экономики. Отдельные экскурсии в эту последнюю область имеются в послевоенных изданиях, например в работе П. Ф. Алфименкова «Лен» или в книге Я. С. Зороховича «Смоленская область». Но оба автора ставили перед собой другие задачи и уделили истории льноводства и характеристике современного его положения чрезвычайно мало места. В довоенные годы на эту тему была выпущена книга — «Льноводство Западной области и перспективы его развития» (Смоленск, 1926). Она в настоящее время является библиографической редкостью. В 1930 году вышли сборники «Вопросы льна и конопли» и «Проблема льна и конопли в Западной области». Статьи, помещенные в них, освещают только отдельные проблемы льноводства на Смоленщине.

Интересные материалы, посвященные различным вопросам льноводства (агротехнике, экономике и т. д.), имеются в журнале «Экономическая жизнь», издававшемся в двадцатых годах, в статистических бюллетенях

Смоленского губернского статистического отдела, в опубликованных сборниках Областной плановой комиссии, в комплектах газеты «Рабочий путь» и в других местных печатных изданиях. Но все эти материалы не обобщены и тем более не обработаны.

Из дореволюционных изданий можно отметить только одну брошюру о льноводстве Смоленщины — «Очерк положения крестьянского льноводства в Смоленской губернии», написанный А. А. Рыбниковым, изданный Смоленской губернской земской управой в 1911 году. В нем подобран, но и то неполностью, фактический материал, дающий представление о развитии льноводства в губернии за первое десятилетие XX века.

Много разрозненных сведений встречается в земских статистических изданиях (см. список литературы). В них имеются данные и о размещении посевных площадей льна, и об урожайности, и о ценах на лен как по губернии, так и по уездам. Издания эти являются очень ценным источником для изучения истории льноводства.

В Смоленском областном архиве нами обнаружены в различных фондах сведения по льноводству, относящиеся к XIX и началу XX века.

Весь этот первичный материал требует большой и критической обработки. Его вполне достаточно, чтобы дать более или менее полный анализ развития и размещения льноводства и льняной промышленности в Смоленской области. До сих пор, насколько нам известно, он с этой точки зрения совершенно не обрабатывался и не изучался.

Автор данной статьи поставил перед собой цель провести историко-экономическое и географическое изучение льноводства и льняной промышленности Смоленской области и в меру сил восполнить тот пробел, который имеется в данном вопросе.

В статье, помещаемой в настоящем сборнике, мы освещаем только некоторые вопросы, касающиеся дореволюционной истории льноводства на Смоленщине: возникновение льноводства, движение и размещение посевных площадей льна и причины неравномерного развития льноводства в различных уездах губернии.

Возникновение льноводства. Лен — одно из древнейших культурных растений. Культивирование льна воз-

никло, повидимому, одновременно с культивированием пшеницы и ячменя и, вполне вероятно, раньше ржи. Раннему введению льна в состав сельскохозяйственных культур способствовало широкое распространение рода льна (лиnum), охватывающего свыше 200 видов преимущественно дикорастущих растений, обитающих в субтропических и умеренных областях всех частей света (35, стр. 10)¹.

Почти повсеместное распространение льна, повидимому, привело к тому, что использование его в качестве растения, пригодного для производства волокна, могло возникнуть одновременно в различных районах. Это можно предполагать потому, что лен для производства тканей и масла культивировался еще за две тысячи лет до нашей эры в Египте и в других Средиземноморских странах, в Закавказье, в Западной Европе. Вряд ли существовали в то время между этими отдаленными друг от друга районами достаточно длительные и прочные экономические связи, которые могли бы способствовать распространению культуры льна из одного центра, например из Малой Азии.

В Западной Европе за две тысячи лет до нашей эры, когда там еще господствовал неолит, уже культивировался лен. Об этом говорят находки при раскопках свайных построек на территории Швейцарии. Лен здесь применялся, главным образом, для изготовления нитей и тканей. Среди находок имеются: льночесалки в виде грубых гребней из связанных вместе и заостренных ребер животных (быка, барана, свиньи); деревянные веретена с намотанными на них льняными нитками; глиняные круглые пряслица, которые надевались на нижний конец веретена; обломки костяных или деревянных ткацких челноков с нитками; примитивный ткацкий станок, обрывки тканей, остатки сетей, сделанных из льняных нитей, и т. п. (22, стр. 189, 194, 196 — 197).

Так как культура каменного века была более или менее единообразной в Западной и Восточной Европе (по форме орудий, развитию земледелия, применению культур), можно было бы предположить, что льноводство

¹ По другим данным род «лиnum» имеет около 100 видов льняных растений.

и на территории Смоленщины возникло еще в эпоху неолита. Но прямых доказательств этому нет, поскольку до сих пор при раскопках неолитических стоянок на территории области не были обнаружены семена льна или остатки тканей. Отсутствие таких находок может навести на мысль, что культура льна на Смоленщине была заимствованной и появилась в несколько более поздний период, чем, например, в Западной Европе. Однако возможность таких находок не исключена, так как эпоха неолита в Смоленской и смежных с нею областях изучена еще недостаточно.

Льноводство в Смоленском княжестве. Прямые доказательства разведения льна на территории Смоленщины датируются X—XI веками нашей эры.

Во время раскопок Ковшаровского городища, расположенного в верховьях реки Сожа, нашли три обломка от глинобитной печи с отпечатками льняной ткани, употреблявшейся для связи глины. Исследователем городища находки относятся предположительно к IX — XI векам (14, стр. 227, 246).

Лен в то время разводился наряду с такими зерновыми культурами, как ячмень, мягкая пшеница и овес.

Применение льняных материй при устройстве глинобитных печей в XI веке говорит не только о широком разведении льна, но и о развитии ткачества, о применении льняных тканей для самых разнообразных целей. Сравнительно немногочисленное количество находок льняных тканей в городищах отнюдь не свидетельствует о малом их распространении. Льняная одежда была одеждой повседневной для всего населения, но, конечно, меньше употреблялась знатью. Поэтому археологи при раскопках захоронений знатных людей обнаруживают преимущественно более ценные шерстяные ткани.

Из льна изготовлялись в то время самые разнообразные изделия: полотна, скатерти, платки, полотенца, бредни, неводы и т. п. Так, например, Торопец — крупный экономический центр Смоленского княжества — в XII веке отправлял князю многочисленные изделия из льна (13, стр. 203).

Среди ремесел того времени выделяется производство льняных тканей и, в частности, полотенец. Представители этих видов ремесла принимали иногда даже некото-

рое участие в политической жизни Смоленского княжества. Так, например, в 1159 году послом в Киев был отправлен Иван ручечник — специалист по выделке полотенец (13, стр. 218).

Вывоз льна или льняных изделий вряд ли производился, так как лен был распространен повсеместно и большого спроса на него не было. Ни в одном из торговых договоров того времени ни лен, ни изделия из него не упоминаются. Смоленское княжество в период своего расцвета вело торговлю главным образом с Ригой и через Ригу с Западной Европой, которая тогда особенно не нуждалась в привозном льне.

Вместе с тем в этот период времени, несомненно, происходило постоянное увеличение посевов льна для внутривладельческого обихода в связи с быстрым ростом населения Смоленского княжества и самого города Смоленска.

Льноводство в XVII, XVIII и первой половине XIX века. Мы не располагаем цифровыми данными о положении льноводства на Смоленщине в период польско-литовского владычества (XV век и первая половина XVII века), как равно и в период освобождения Смоленска и присоединения к Московскому государству — в XVI веке. Можно лишь утверждать, что льноводство еще долго не приобретало здесь большого товарного значения. Об этом свидетельствует тот факт, что даже в псковских документах (лен в Пскове раньше приобрел товарное значение) первое письменное упоминание о торговле льном относится к 1619 году, когда английскому гостю было предоставлено право самому и через своих агентов скупать лен в Пскове (6, стр. 11—12).

Несмотря на частые военные события на протяжении XV—XVII веков, льноводство на Смоленщине сохранялось и, возможно, даже несколько расширялось, так как потребность в льняной одежде и изделиях из льна росла. Эти ткани не могли быть заменены другими тканями и изделиями. Боярская знать и шляхта могли продавать на внешний рынок часть льноволокна, льносемян и полотен, собранных с подвластных им земледельцев. Подтверждением этого является то, что вскоре после окончательного освобождения Смоленска от польского владычества (1654 год) в записях смоленских

таможенных книг, относящихся к 1673, 1676, 1678, 1679 годам, мы находим данные о продажах (главным образом в Ригу) довольно значительных количеств льняного семени; за эти же годы было продано полотна разного и крашенины 67 тысяч аршин (4, стр. 54—55).

Необходимо отметить, что в XVII веке большее товарное значение имело коноплеводство, а не льноводство. За четыре вышеуказанные года (1673—1676—1678—1679) одной только пеньки в Смоленске было продано 301 тысяча пудов. Возникает вопрос, почему конопля на протяжении ряда столетий играла первенствующую роль по сравнению со льном?

По нашему мнению, это объясняется: 1) ростом денежных повинностей крестьян в XVI—XVII веках, что заставляло их продавать часть продуктов; 2) слабым развитием местного товарного обращения, то есть торговли города с деревней, так как большинство городских жителей было связано с сельским хозяйством (8, стр. 219, 250). Поэтому крестьянству приходилось вводить в посевы такую культуру, которая могла бы найти себе сбыт не только на местных незначительных базарах, но и на отдаленных рынках. Такой культурой в то время была конопля, спрос на которую быстро возрастал в связи с развитием судоходства и увеличением потребности в пеньке для выделки канатов и парусов (10, стр. 69, 166). В Западной Европе, где своей пеньки производилось сравнительно мало, русская пенька находила благоприятные условия для сбыта.

В связи с этим районы, расположенные ближе к западным границам Московского государства и одновременно имеющие благоприятные природные условия для конопли, начинают быстро увеличивать посевы этой культуры. К таким районам относилась и Смоленщина, в которой природные условия, в особенности в южной ее части, для коноплеводства были более благоприятные, чем в Новгородском и Псковском районах, уже тогда выделявшихся развитым льноводством.

И в XVIII веке имел место вывоз льносемян и льноволокна из Смоленщины, но вывоз этот был все же незначительным. В историческом и географическом описании Смоленска, составленном в 1780 году, среди перечисленных товаров, вывозимых смоленскими купцами,

льняное семя стоит на предпоследнем месте, а льняное волокно и полотно совершенно не упоминаются (24, стр. 264). Тем не менее, надо считать, что в XVIII веке на Смоленщине продолжалось медленное расширение посевов льна. Об этом можно судить по косвенным данным. В этот период росла русская полотняная промышленность. Если в 1726 году в России насчитывалось полтора десятка полотняных фабрик, то уже в 1760 году их действовало более сорока (10, стр. 76—77), некоторые из них были расположены в Калужской губернии. По мнению Я. С. Зороховича, часть сырья они получали из Смоленщины.

Так как льноволокно из Смоленщины направлялось не только на внешний, но и на внутренний рынок, можно предположить, что развитие полотняной промышленности вызвало некоторое увеличение посевов льна в XVIII веке не только в центральных губерниях, но и в Смоленской.

Безусловное значение для расширения посевов льна в XVIII веке имело и увеличение экспорта из России продуктов льноводства с 547 830 пудов в 1758—1760 годах до 1 115 686 пудов в 1790—1792 годах (37, стр. V).

Однако еще в середине XIX века конопля попрежнему стояла на первом месте в вывозе сельскохозяйственных продуктов из Смоленской губернии. В 50-х годах конопляники губернии давали ежегодно продукции на 995 тысяч рублей (12, стр. 205). Из одного только Дорогобужа отправлялось в Ржев до 200 тысяч пудов пеньки. В целом по губернии в 50-х годах было занято под конопляники более 31 тыс. га, причем они в большей своей части были сосредоточены на юге губернии. Так, например, в Рославльском уезде из 100 десятин усадебных земель на конопляники приходилось 60 десятин, а в Вяземском уезде — 13 десятин (23, стр. 323, 331).

Под льном в это время также было занято несколько более 30 тыс. га, но большая часть продукции льноволокна шла на удовлетворение собственных нужд.

От середины до 80-х годов XIX века. В XIX веке, особенно во второй его половине, в России происходило непрерывное расширение посевов льна, рост его экспорта и увеличение удельного веса льна в

общем вывозе из страны. Так, вывоз льна-сырца с 1812 по 1870 год увеличился почти в четыре раза (8, стр. 525). Если в 1861 году на долю льна приходилось 7,7 процента от общей стоимости экспорта, то в 1870 году — 15,9 процента (30, стр. 472—473). В этот период льноводство преимущественно развивалось в Псковской, Новгородской, Вологодской, Ярославской, Костромской губерниях. В 80-х годах на Псковско-Лифляндско-Витебский район приходилось приблизительно 37 процентов общероссийских посевов льна, а на Смоленскую губернию — только 2,6 процента (расчеты произведены по данным брошюры «Очерк положения крестьянского льноводства в Смоленской губернии», 1911). В это же время на Псковскую губернию приходилось до $\frac{1}{3}$ от общего вывоза льна-сырца из России.

Таким образом, до 80-х годов Смоленская губерния по льноводству еще совершенно не выделялась среди остальных льноводных районов России.

Попытаемся разобраться в причинах этого явления.

Природные условия отнюдь не могли тормозить развития льноводства на Смоленщине, так как они не отличаются существенно от природных условий Псковского или Костромского районов, где посевы льна заметно увеличились в XVIII и в XIX веках. Следовательно, развитие льноводства на Смоленщине вплоть до 80-х годов прошлого столетия сдерживали социальные причины.

Эти причины, по нашему мнению, следующие:

1. Преобладание в Смоленской губернии помещичьего землевладения, большой удельный вес крепостного крестьянства, господство барщинной системы хозяйства. По проценту крепостных губерния стояла на первом месте в стране (72 процента от всего населения губернии), а на долю барщинных крестьян приходилось 73 процента всех крестьян (23, стр. 130; 15, стр. 23).

Крепостной крестьянин, и тем более барщинный, не мог увеличивать денежный доход от своего хозяйства так, как это делал оброчный или свободный крестьянин. Он был связан в распределении своего труда с барским хозяйством. Часто высеив той или иной культуры крепостными регламентировался помещиками в своих интересах. Преобладали натуральные повинности, преимущественно зерновыми, что вынуждало крепост-

ных обращать внимание главным образом на эти культуры. Естественно, что в таких условиях крестьянское льноводство развивалось слабо и не приобретало товарного направления.

Это обстоятельство, несомненно, сказывалось на развитии льноводства. Помещики льноводством занимались сравнительно мало и предпочитали торговать хлебом, спрос на который был более или менее устойчивым как на отдаленных, так и на местных рынках. Производство зерновых требовало к тому же значительно меньших затрат труда, чем производство льна. Мелкопоместные дворяне, владевшие небольшим количеством крепостных, не могли заниматься льном из-за недостатка рабочей силы для его первичной обработки. В Смоленской губернии на одного владельца в среднем приходилось 67 душ мужского пола и только 102 владельца имели более 500 душ (15, стр. 170). Естественно, что культура, требующая для своей первичной обработки $\frac{2}{3}$ рабочего времени от общих затрат труда, не могла найти для себя в дворянских поместьях особо благоприятных условий развития.

Таким образом, абсолютное преобладание мелких помещичьих хозяйств и господство барщинной системы, сковывавшей инициативу крестьянства, ватрудняло развитие льноводства в Смоленской губернии. В старых льноводных районах России положение было иным. В Тверской губернии на долю крепостных приходилось 50 процентов от всего населения, в северо-западных губерниях — от 24 до 53 процентов, в Вологодской — менее 23 процентов, в Вятской — 2,6 процента (40, стр. 69—70). Следовательно, здесь крестьянство могло выбирать культуры, дающие наибольший денежный доход. Такой культурой в этих районах и был лен.

2. Отсутствие льняной промышленности на территории Смоленской губернии.

В XVIII веке на территории Смоленской губернии были только две полотняные фабрики в Смоленске, которые уже в начале XIX века не существовали, тогда как в 1804 году в России работало 285 полотняных фабрик (30, стр. 31; 24, стр. 10). Эти фабрики преимущественно были расположены в Московской, Владимирской и Ярославской губерниях, где и в дальнейшем раз-

вивалась льняная промышленность. Здесь же получило развитие приготовление крестьянами пряжи на дому для заведений и отчасти — домашнее качество. «Промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое» (Ленин В., Соч., т. 3, изд. 4, стр. 285). Наличие льняной промышленности стимулировало развитие льноводства на месте — в Промышленном центре, тогда как для Смоленской губернии эта причина, как и в XVIII веке, имела лишь косвенное и слабое значение.

3. Задерживающее влияние на развитие льноводства, как и вообще всего хозяйства Смоленщины, оказывали частые военные действия, проходившие на территории края. С середины XV и до середины XIX века 17 раз война захватывала Смоленщину. После очередной войны всегда сокращались общие посевные площади, падала урожайность, что, конечно, не благоприятствовало развитию льноводства.

Таким образом, несмотря на продолжительное существование льноводства на Смоленщине, оно в экономике края серьезного значения не имело. Удельный вес Смоленской губернии в общероссийской посевной площади льна в начале 80-х годов прошлого столетия, как отмечалось ранее, был низким — около 2,6 процента. Качество смоленского льноволокна было невысоким в сравнении с кряжевыми псковскими льнами.

В источниках, которыми мы располагали, не находится каких-либо указаний, что смоленские льноводы принимали меры к увеличению выхода льноволокна при первичной обработке и к повышению его качества. В частности, почти совершенно не получила распространения в губернии мочка льна, требующая больших затрат труда, но зато дающая бóльший выход высококачественного волокна. Местами существовало некоторое предубеждение, недоверие к этой культуре, что, например, отмечалось в «Письмах из деревни» А. Н. Энгельгардта.

В середине XIX века торговля льном велась, главным образом, в Гжатске, откуда лен направлялся в Петербург, и в особенности в Вязьме, откуда лен направлялся в Белый и оттуда в Ригу (23, стр. 436). Незначительная торговля льном велась и в других городах губернии. Насколько ничтожна вообще была эта торговля, можно судить хотя бы по тому, что с Поречской пристани в

1865 году было отправлено пеньки на 1,6 миллиона рублей, а льноволокна — на 220 рублей. С Бельской пристани в этом же году было отправлено пеньки на 135 тысяч рублей, льноволокна — на 27 тысяч (34, лист 198).

Переход к торговому льноводству. В 80-х годах XIX столетия начинается развитие товарного льноводства и в Смоленской губернии¹.

Об этом прежде всего можно судить по расширению посевных площадей под льном. Если принять посевные площади под этой культурой в 1881 году за 100 процентов, то в 1887 году посевные площади увеличились на 23,2 процента, в 1895 — на 61,5 процента и в 1900 — на 99,2 процента, то есть за 20 лет посевные площади увеличились почти вдвое — с 36,4 тысячи десятин до 72,6 тысячи десятин (16, стр. 9).

Следует отметить, что если не придерживаться губернских границ, то можно считать Ржевский, Зубцовский, Сычевский, Гжатский, Вяземский и частично Бельский уезды за единый льноводный район. В этих шести уездах в 1904—1909 годах было сосредоточено 47 процентов посевов льна двух губерний (Тверской и Смоленской), 34 процента посевов льна центрального района и более девяти процентов посевов льна-долгунца в России.

Во всех вышеупомянутых уездах льну принадлежал высокий удельный вес в яровых посевах: в Зубцовском — 58 процентов, Ржевском — 41 процент, Сычевском — 52 процента (1905—1909 годы).

Развитие товарного льноводства во всем этом льяном массиве началось, примерно, в одно и то же время — в 80-х годах. Общность географического положения и значения этих уездов в льноводстве наводит на мысль, что развитие товарного льноводства стимулировали здесь и одинаковые причины.

С восьмидесятых годов существенно изменяется

¹ Авторы книги «Льноводство Калининской области» Абрамов и др. неправильно утверждают, что Смоленская губерния относится, по сравнению с Тверской, к старым льноводным районам. Из вышеизложенного можно убедиться в противоположном. В 1881 году Тверская губерния по размерам посевной площади подо льном превосходила Смоленскую на 16,7 процента (1, стр. 6; 16, стр. 9). Надо считать, что в обеих губерниях торговое (товарное) льноводство складывалось одновременно.

удельный вес Смоленской губернии в посевах льна в России. Если, как мы уже указывали, в 1881 году на долю Смоленской губернии приходилось менее трёх процентов посевов льна, то в 1897—1900 годах уже около шести процентов.

С 1900 по 1910 год посевы под льном продолжали увеличиваться. Если принять уровень 1900 года за 100 процентов, то в 1905 году посев составил 131 процент и к 1910 году — 138,6 процента. А в целом с 1881 года по 1912 год посевные площади под льном в Смоленской губернии увеличились на 175—180 процентов, тогда как в Тверской губернии за это же время они увеличились на 164 процента, а на территории современной Белоруссии — только на 37 процентов (26, стр. 7; 1, стр. 6). Таким образом, по темпам роста посевных площадей под льном Смоленская губерния занимала в этот период первое место среди всех льноводных районов России.

Быстрый рост посевов льна в Смоленской губернии в начале текущего столетия проходил на общем фоне развития долгунцового льноводства в стране и сокращения посевных площадей под льном-кудряшом. К 1913 году в России посевы льна (долгунца и кудряша в целом) сократились в сравнении с 1897 годом на 14,7 процента (9, стр. 274). При этом посевные площади под льном-долгунцом почти во всех районах его разведения в той или иной степени увеличивались. С 1881 года по 1910 год посевы льна в Прибалтийских губерниях увеличились на семь процентов, приозерных (Псковская, Петербургская, Новгородская) — на шесть процентов, северо-западных (современная Белоруссия) — на восемь процентов, центральных (Московская, Тверская, Смоленская, Калужская, Владимирская) — на 55 процентов, в Вятской и Пермской — на 26 процентов. Только в северных губерниях посевы остались без изменения, а в средне-волжских сократились на 21 процент. В целом в районах долгунцового льноводства посевы льна увеличились с 1881 года по 1910 год на 15 процентов (37, стр. X).

В 1905—1911 годах на Смоленскую губернию приходилось уже до 10 процентов всех посевов льна в России. Расширение посевов льна продолжалось до начала первой мировой войны. Максимальная посевная

площадь была в 1913 году. Различные источники дают разноречивые сведения о посевных площадях под льном в губернии в 1913 году. По данным Центрального Статистического комитета, она составляла 134,5 тысячи десятин (42, стр. 27), по подсчетам профессора А. Рыбникова — 245 тысяч десятин (41, стр. 28), по исчислениям Смоленского Губернского Статистического бюро — 188 тысяч десятин (42, стр. 13). Для 1916 года, согласно сельскохозяйственной переписи, посевная площадь под льном равнялась 157,4 тысячи десятин. Эта цифра не вызывает никаких сомнений и обычно принимается в качестве исходной для сравнения размеров посевных площадей под льном до и после Октябрьской социалистической революции. Безусловно, в 1916 году посевные площади под льном были меньше, чем в 1913 году уже по одному тому, что значительно сократился вывоз льноволокна в западную Европу. Следовательно, сведения ЦСК для 1913 года заведомо неверные, поскольку увеличение посевов льна не могло происходить во время войны. Расчёты А. Рыбникова тоже, видимо, далеки от истины, так как по его же данным для основных льноводных уездов губернии посевные площади, по сведениям ЦСК, были на 20—25 процентов меньше более достоверных данных земских подворных обследований. Если принять сведения ЦСК о посевных площадях под льном преуменьшенными на 25 процентов, то вероятно, что в 1913 году в губернии засеивалось 165—170 тысяч десятин. Последняя цифра не так уже далека от исчислений Смолгубстатбюро. Поэтому для 1913 года мы склонны считать более достоверным, что под льном было занято 180—188 тысяч десятин (в границах Смоленской губернии).

Перед первой мировой войной площадь посевов льна в Смоленской губернии была в полтора раза больше площади посевов льна во Франции, Бельгии, Голландии и Ирландии вместе взятых (16, стр. 5).

Отличие Смоленской губернии заключалось в том, что здесь, как мы уже указывали выше, посевы льна увеличивались значительно быстрее, чем в целом по стране или в других льноводных районах.

Причины превращения льноводства в товарную отрасль земледелия. Расширение посевной площади под

льном на Смоленщине было связано в первую очередь с общими причинами, влиявшими на развитие льноводства в России. Но кроме общих причин существовали и местные, которые обусловили некоторые особенности в развитии льноводства Смоленской губернии.

К причинам общего порядка, влиявшим на развитие долгунцового льноводства во всех районах России, можно отнести следующие:

1. Непрерывный рост спроса на русское льноволокно на мировом рынке. За сто лет — с 1806 года по 1910 год — вывоз льноволокна увеличился более чем в восемь раз: с 1698 тысяч пудов до 13 953 тысяч пудов (37, X).

Переход на механическое льнопрядение в Англии и в других государствах и связанное с этим расширение выпуска льняных тканей вызвали увеличение потребности в льноволокне. При этом цены на лен на мировом рынке снижались вследствие конкуренции более дешевого хлопка, ранее освоенного для механической обработки.

Кроме того, рост городского населения в Западной Европе и уменьшение сельского — абсолютное и относительное — приводили, с одной стороны, к сокращению рабочей силы в деревне, что имело следствием переход на менее трудоемкие культуры, а с другой стороны — к увеличению городского спроса и повышению цен на овощи, картофель и другие продукты сельского хозяйства. Стало выгоднее садить картофель и заниматься огородничеством, чем сеять лен.

Обе эти причины (снижение цен на лен, увеличение потребности в других продуктах сельского хозяйства) повлекли за собой сокращение посевов льна в Западной Европе с 388 тысяч десятин в начале 80-х годов XIX века до 208 тысяч десятин в 1905—1910 годах (37, стр. 12). Естественно, что в этих условиях русский лен, более дешевый чем производимый в Западной Европе, находил благоприятные условия для сбыта.

В 1865 году были отменены пошлины на вывоз льна из России, что тоже способствовало увеличению его экспорта (37, стр. IX).

2. Расширение посевов льна-долгунца в России было вызвано также ростом русской льнопромышленности.

Количество льнопрядильных веретен увеличилось со 160 тысяч в 1878 году до 355 тысяч в 1907 году (37, стр. XIII), а количество перерабатываемого льна возросло с 1 899 тысяч пудов до 4 484 тысяч пудов в 1910 году (37, стр. XIV).

Рост отечественной льноткацкой промышленности не мог не вызвать увеличения посевных площадей под льном и в Смоленской губернии.

3. Особенно сильное влияние на увеличение товарного льноводства оказывало развитие капиталистических отношений в деревне после отмены крепостного права.

Быстро шло разложение крестьянства, которое, как известно, вело к росту внутреннего рынка и расширению денежных отношений в деревне. В этот период для бедняков и середняков увеличилась относительная доля податей, что вынуждало их изыскивать дополнительные денежные доходы. В. И. Ленин писал:

«Безлошадные и однолошадные крестьяне выплачивают под видом податей *седьмую и десятую* часть всего своего *валового* расхода. Едва ли крепостнические оброки были так высоки: помещику невыгодно было бы неизбежное разорение массы принадлежавших ему в собственность крестьян» (В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 90).

В поисках денежного дохода крестьянство переходило к более высокооплачиваемым культурам с единицы площади. Такой культурой для большинства районов нечерноземной полосы был лен.

Расширению крестьянского льноводства способствовало и то, что крестьяне имели возможность брать в аренду земли помещиков, значительно сокративших свои запашки после отмены крепостного права.

Эти общие причины были усилены в Смоленской губернии местными характерными особенностями, благодаря чему она выдвинулась по льноводству на одно из первых мест в России. Из числа местных характерных особенностей отметим:

1. Близость Смоленской губернии к рынкам Западной Европы. Из Смоленщины легче было вывезти льноволокно, чем, например, из Вятской или Пермской губерний. Поэтому смоленское льноводство было связано преимущественно с внешним спросом, а льноводство центральных и восточных губерний — с внутренним потреблением

льноволокна. Внешний спрос увеличивался быстрее: с 1880 по 1910 годы вывоз льноволокна за границу увеличился на 5 100 тысяч пудов, а внутреннее потребление — на 2 585 тысяч пудов. В губерниях, экспортировавших лен за границу, посевные площади под льном увеличивались быстрее.

2. Проведение железных дорог в Смоленской губернии также благоприятствовало развитию льноводства в тех районах, где ранее оно не было развито в достаточной мере. Железные дороги к тому же изменили географию перевозок льна. Лен с рек перешел на железные дороги, вследствие чего усилилось значение Балтийских портов в вывозке льна.

В то же время железные дороги обеспечили завоз более дешевого хлеба с юга и тем самым создали дополнительные условия для вытеснения зерновых культур в Смоленской губернии, по территории которой прошла Риго — Орловская дорога, одновременно обеспечившая завоз южного хлеба и вывоз льна к портам Балтийского моря.

3. Некоторую роль в развитии товарного льноводства на Смоленщине сыграло и то обстоятельство, что крестьянство имело здесь меньше возможностей для побочных заработков, чем крестьянство Промышленного центра и некоторых других льноводных районов России. К Псковщине, например, были близко расположены крупные портовые города Петербург, Ревель, Рига, где сравнительно легко можно было найти работу. В Пермской и Вятской губерниях побочный заработок давали лесозаготовки. В Промышленном центре промышленность, размещающаяся как в городе, так и в деревне, отвлекала часть крестьянства от сельского хозяйства. В Смоленской же губернии крестьяне вынуждены были надеяться в основном на свое хозяйство, как на источник денежного дохода, что стимулировало переход к товарному льноводству.

4. В Промышленном центре (Московская, Ярославская, Костромская, Владимирская губернии) в последней трети XIX века сельское хозяйство развивалось с уклоном в сторону огородничества, а не технических культур, что было связано с ростом городского населения и увеличением спроса на продукцию огородниче-

ства. В Ростовском уезде, Ярославской губернии, в 1909—1913 годах чистый доход от десятины картофеля составил 41 рубль, огурцов — 78 рублей, репчатого лука — 154 рубля, а валовой доход от одной десятины картофеля равнялся 120 рублям, лука — 884 рублям (39, стр. 170). В те же годы в той же губернии чистый доход от десятины льна равнялся 38 рублям, а валовой — 105 рублям (37, стр. ХСУ). Ясно, что при таком соотношении цен крестьянство центра не особенно охотно увеличивало посевы льна. Смоленская же губерния находилась в других условиях. Огородничество не имело большого значения, и лен являлся единственной культурой, приносящей большой денежный доход. Здесь одна десятина овса давала 8 рублей чистого дохода, ржи — 13 рублей, картофеля — 30 рублей, а десятина льна — 40 рублей чистого дохода (37, стр. 165).

5. Немаловажное значение имела достаточная обеспеченность рабочей силой. Средняя плотность сельского населения в губернии уже в середине XIX века составляла 19 человек на квадратную версту, а в 1911 году — 35 человек. Смоленская губерния относилась к губерниям с избыточным сельским населением, что тоже благоприятствовало развитию трудоемкой культуры льна.

Таковы, по нашему мнению, основные причины, общие и местные, создавшие условия для развития товарного льноводства в Смоленской губернии, в результате чего в конце XIX века и начале XX века она вышла на одно из первых мест среди 25 губерний с развитым долгуновым льноводством.

Неравномерность размещения льноводства. Расширение посевов льна на территории губернии происходило неравномерно. К товарному льноводству стали раньше всего переходить восточные уезды. Этот процесс был постепенным, и затруднительно указать, с какого именно года льноводство из потребительского превращается в товарное.

Еще в 1855 году Я. Соловьев писал: «В ярых полях только два — лен и горох... возделываются повсеместно, но в таком малом количестве, что идут только для домашнего употребления. В этом отношении состав-

ляют некоторое исключение три уезда: Вяземский, Гжатский, Юхновский, где разведение льна более заметно и он частью поступает в продажу в Вязьме для сбыта в Ригу» (23, стр. 276).

Следовательно, еще до отмены крепостного права льноводство в восточной части губернии принимает некоторое, правда незначительное, товарное направление. После отмены крепостного права это положение сохраняется относительно долго. Можно условно считать, что с 1880 года начинается быстрое развитие товарного льноводства в губернии, так как именно в первой половине 80-х годов в губернии быстро расширяются посевы льна. Отметим, что имеются указания о том, что товарное льноводство началось с 1867 года в Новосельской волости, Вяземского уезда, и затем распространилось по соседним волостям (31, стр. 19—20) Смоленской губернии.

В сборнике «Статистические сведения по Смоленской губернии» (Сычевский уезд, 1885, стр. 30) также указывается, что к 1885 году льноводство преимущественно получило развитие в Вяземском уезде и на юге Сычевского уезда.

В «Письмах из деревни», написанных в 1872—1882 годах, А. Н. Энгельгардт неоднократно пишет, что товарное льноводство, во всяком случае в том районе, где было расположено его имение Батишево, почти полностью отсутствовало (29, стр. 62, 199—201 и др.).

Следовательно, первоначальным ядром будущего района товарного льноводства к 1885 году явилась северо-восточная часть Вяземского уезда и южная часть Сычевского уезда. Но уже в следующее пятилетие произошли довольно крупные изменения в географии льноводства.

Льноводство сильно расширилось почти во всех уездах губернии, но преимущественно в Сычевском уезде и, главным образом, в северных его волостях, т. е. на территории современного Сычевского района.

С 1885 по 1901 год в Сычевском уезде вследствие расширения посевов льна сенокосы сократились на 28 процентов, тогда как в других уездах под влиянием этой же причины они сократились на 14 процентов (16, стр. 26).

Причины более раннего развития товарного льноводства в северо-восточной части губернии. Рассматривая данные, говорящие о быстром увеличении льноводства в двух-трех смежных уездах, расположенных на северо-востоке губернии, необходимо объяснить это явление.

По нашему мнению, в пределах Смоленской губернии на первоначальную географию льноводства влияли те же причины, какие мы уже указывали, рассматривая развитие и размещение льноводства в целом в России.

Основные причины были социально-экономические. Как в целом для всей Смоленской губернии, так и для этих уездов природные условия имели второстепенное значение. Действительно, на равнинной территории на расстоянии каких-нибудь 200 — 300 км, в условиях большой приспособляемости льна, трудно предположить, что именно Сычевский и Вяземский уезды по природным условиям были для него особенно благоприятны. Разница в летних температурах в пределах области не превышает 1—2°, разница в годовом количестве осадков колеблется в пределах 100 мм, почвенный покров примерно одинаковый. Только на юге губернии большие пространства занимали песчаные почвы, не особенно пригодные для льна. Следовательно, по природным условиям любой уезд губернии был благоприятен для льноводства.

Но по экономико-географическим условиям северо-восточные уезды (Сычевский, Вяземский, Гжатский) значительно отличались от остальных уездов губернии. Эти уезды были расположены ближе остальных к Москве (200 км) и к другим городам центрально-промышленного района, где в это время быстро развивалась промышленность. Соседство промышленных районов, возможность приработков на стороне способствовали тому, что здесь еще до отмены крепостного права оброчная система была больше развита и, как следствие ее, — отходничество. Помещик, переводивший своих крестьян на оброк, в этих условиях мог рассчитывать на больший денежный доход, чем при обычной для всей Смоленской губернии барщине. И действительно, если в среднем по всей Смоленской губернии из общего количества барщинных и оброчных тягол только на оброчные тягла приходилось в 1858 году 32,9 процента, то в Гжатском

уезде на оброчные тягла приходилось 68,5 процента, в Сычевском уезде — 52,6 процента, в Вяземском — 37,8 процента. Меньше всего было оброчных тягол в Краснинском уезде — 0,3 процента, в Смоленском — 2,9 процента, в Духовщинском — 4,9 процента. Остальные уезды занимали промежуточное положение, но все же количество оброчных тягол, за исключением Юхновского уезда, было в них значительно ниже среднего по губернии (Общий свод сведений о помещичьих имениях Смоленской губернии, 1858). Крестьяне, находившиеся на оброке, заинтересованные в увеличении денежных доходов, имели возможность на своих наделных участках сеять лен, продукция которого находила себе сбыт на рынке. После отмены крепостного права условия для развития товарного льноводства здесь стали еще более благоприятными. К льноводству быстро переходили бывшие барщинные крестьяне, следуя примеру своих соседей — оброчных крестьян.

Благоприятствовало развитию льноводства здесь и то, что через Сычевский и Вяземский уезды проходил тракт на Ржев, куда свозили грузы из соседних и более южных районов для отправки водным путем в Петербург.

Стимулировало переход к трудоемкой льняной культуре также то обстоятельство, что эти уезды имели большую избыточность населения и лучшую обеспеченность рабочей силой, чем в целом по губернии. В Сычевском, Вяземском, Гжатском уездах во второй половине XIX века плотность населения была больше, чем в среднем по губернии, на 10—19 человек на квадратную версту.

Кроме того, развитие льноводства в восточных и северо-восточных уездах вызывалось высоким денежным обложением (32, стр. 62). Одних налогов в конце XIX века крестьянская семья должна была выплачивать 21 рубль, дополнительно на так называемые духовные нужды выплачивалось свыше 3 рублей, а годовой заработок сельскохозяйственного работника составлял не более 19 рублей (21, стр. 20).

Примерно к этому же времени относятся расчеты А. Н. Энгельгардта, из которых видно, что его скотнику оставалось только 6 рублей в год на покупку соли, постного масла, одежды. Энгельгардт отмечает, что будь

у скотника хоть какая-нибудь возможность жить на своем наделе, он не пошел бы за такую плату на эту должность. И далее пишет, что крестьян, желающих работать у него скотниками, было очень много (29, стр. 9).

После отмены крепостного права идет быстрый процесс дифференциации деревни, накопление богатств у небольшой кучки кулаков и массовое обнищание остальной части крестьянства; достаточно сказать, что в Сычевском уезде в 1885 году 25 процентов хозяйств не имели ни коровы, ни лошади (32, стр. 45). В Вяземском уезде до девяти процентов хозяйств не имели лошадей и 10 процентов хозяйств — коров (31, стр. 84). Поэтому население вынуждено было искать заработка на стороне или же изыскивать более высокий доход в своем хозяйстве, расширяя посевы льна. В Сычевском уезде в 80-х годах 46 процентов семей имели отхожие заработки, в Вяземском уезде 32,6 процента сельского населения в рабочем возрасте было занято отхожими промыслами (31, стр. 138), тогда как даже в 1905—1906 годах отходничество в западных и центральных уездах не превышало 10—14 процентов. В отхожие заработки направлялась преимущественно мужская часть населения, и эти районы представляли собою «бабью сторону», как писал в свое время один из исследователей конца XIX века доктор Жбанков. В Смоленской губернии обработкой льна преимущественно были заняты женщины. На производство и обработку льна по расчету на одну десятину расходовалось в губернии 11—12 мужских рабочих дней и 64—65 женских рабочих дней (37, стр. 163). Крестьянка, оставаясь зимой дома, получала возможность кое-что заработать, обрабатывая лен. Отходник-мужчина мог при этом не возвращаться домой на уборку льна, так как его теребление производилось преимущественно женщинами, а последующая обработка растягивалась на большой промежуток времени. Сочетание льноводства и отходничества давало возможность бедняцким и середняцким хозяйствам сводить концы с концами.

В 60-х и 80-х годах рожь давала не более 20 рублей дохода на десятину, тогда как десятинка под льном да-

вала от 50 до 150 рублей дохода (31, стр. 20; 29, стр. 199—200; 16, стр. 7). Ясно, что такие высокие доходы от льна толкали на все большее и большее расширение его посевов.

И в северо-восточных уездах губернии железные дороги явились своеобразным катализатором, ускорившим процесс развития товарного льноводства.

В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» указывал: «Развитие торгового льноводства вело, естественно, к обмену не только между земледелием и промышленностью (продажа льна и покупка фабрикатов), но и к обмену между *разными видами торгового земледелия* (продажа льна и покупка хлеба)». (Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 242—243).

Смоленская губерния была дефицитной по хлебу. Так, например, в статистическом обозрении по Вяземскому уезду за 1884 год указывается, что из общего количества потребляемой населением уезда ржи — 147 520 четвертей — нужно было прикупать на стороне 74 675 четвертей, то есть более 50 процентов потребляемого хлеба (31, стр. 115). Для 80-х годов эта цифра преувеличена, потому что автор обозрения учитывал сбор ржи только с надельных земель. С учетом же общего валового сбора в уезд необходимо было завозить 30—35 процентов потребного хлеба (31, стр. 121). В дальнейшем, в связи с расширением посевов льна, дефицитность по хлебу должна была увеличиваться. Примерно такое же положение было и по остальным уездам.

Завоз в массовом количестве хлеба из южных районов способствовал сокращению запашки под зерновыми и расширению посевов льна. Крестьянство хваталось за лен как за единственное средство уйти от безысходной нужды.

Крестьяне чрезвычайно недоверчиво относились ко всяким сборщикам сведений, скрывая от них действительные размеры посевов льна, опасаясь, «как бы запрету на лен не вышло» (32, стр. 32). Вот почему и в литературе, и в сводках Смоленского статистического управления часто встречаются разноречивые данные о посевах льна.

Таковы были причины, способствовавшие развитию

льноводства на северо-востоке губернии. В литературе же этот вопрос рассматривался вскользь. Обычно главной причиной считали проведение железных дорог.

Следует подчеркнуть также, что в дореволюционной литературе этот вопрос нередко рассматривался с чисто идеалистических позиций. Так, например, Орловский в «Краткой географии Смоленской губернии» утверждает, что в Сычевском уезде льноводство развивалось под влиянием примера соседней Тверской губернии и, главным образом, благодаря заботам графини Уваровой, устроившей в селе Тесове льноводную станцию и школу льнопрядильного и кружевного производства (18, стр. 74). Дело, конечно, не в наглядных примерах, имевших, разумеется, некоторое значение. Основные же причины были заложены в конкретных экономических условиях данного периода времени и в сочетании этих условий с удобным географическим положением территории.

Вплоть до Октябрьской революции северо-восточные (в особенности Сычевский) уезды прочно сохраняли свое преобладающее значение в льноводстве губернии. В 1892 году на четыре восточных уезда — Юхновский, Гжатский, Вяземский и Сычевский — приходилось 55 процентов всех посевов льна, а вместе с Бельским уездом — 67,5 процента (Смоленский областной архив, ф. 5, дело 4, листы 14, 50, 89 и др.).

Меньше всего была посевная площадь под льном в Ельнинском уезде, на долю которого приходилось только 2,5 процента посевов льна губернии. Первое место занимал Сычевский уезд, на который приходилось 24,1 процента¹.

В 1909 — 1911 годах на четыре восточных уезда — Сычевский, Гжатский, Вяземский, Юхновский — по-прежнему приходилось 55 процентов всех посевов льна в губернии, а вместе с Бельским уездом — 66,9 процента.

¹ В конце XIX века посевы льна уже превышали посевы конопли. В уездах Смоленском, Ельнинском, Рославльском, Дорогобужском, Духовщинском была сосредоточена половина всех коноплянников губернии. Но и здесь с 90-х годов лен начинает преобладать в посевах.

Таким образом, за двадцать лет удельный вес названных льноводных уездов в общих посевах льна губернии совершенно не изменился.

Наименьшее значение в 1909—1911 годах в льноводстве имел Смоленский уезд, на долю которого приходилось только два процента от всей площади посевов льна в губернии. Это явление было вполне закономерным. Сельское хозяйство Смоленского уезда приспособлялось к обслуживанию губернского города с семидесятитысячным населением. Посевы картофеля здесь более чем в два раза превышали посевы льна, тогда как в Сычевском уезде посевы льна почти в пять раз превышали посевы картофеля. На Сычевский уезд, как и ранее, приходилось 24,3 процента посевов льна губернии (6, стр. 79).

В течение пятилетия — с 1911 по 1916 годы — в географии льноводства губернии произошли некоторые изменения: уменьшилось значение восточных уездов, на долю которых приходилось 44,5 процента общегубернских посевов льна вместо 55 процентов.

Темпы увеличения посевных площадей под льном в уездах Смоленской губернии были различны, но в целом посевы расширялись везде — как в собственно льноводных районах, так и в нельноводных. Так, за 20 лет (1892—1912 годы) посевы льна в Сычевском уезде расширились на 229 процентов, Гжатском — на 330 процентов, в так называемых нельноводных уездах: Ельнинском — на 428 процентов, Поречском — 293 процента, Рославльском — 200 процентов. Меньше всего увеличились посевные площади в Смоленском уезде (172 процента) и Краснинском (185 процентов).

Таким образом, нельноводные уезды постепенно превращались в льноводные. В старых льноводных районах процесс дальнейшего расширения посевов льна должен был остановиться, так как лен занял бы почти всю посевную площадь в яровом поле (что, собственно, и имело уже место на севере Сычевского уезда). При такой перегрузке посевных площадей льном в условиях капиталистического хозяйства неизбежно наступил бы крах, так как истощенная низкими урожаями почва не возмещала бы трудовых и материальных затрат, а оконча-

тельно разорившееся крестьянство вынуждено было бежать с этой земли. Неравномерность размещения посевов льна в губернии сохранилась вплоть до Октябрьской революции и социалистического переустройства сельского хозяйства.

Так, по данным земской статистики, в 1909—1911 годах лен занимал на надельных землях в яровом поле в Смоленском уезде — 11,5 процента, Бельском — 32,2 процента, Вяземском — 50,6 процента, Гжатском — 45 процентов, Дорогобужском — 23,8 процента, Духовщинском — 20,8 процента, Ельнинском — 13,7 процента, Краснинском — 14,3 процента, Поречском — 29,3 процента, Рославльском — 8,8 процента, Сычевском — 68,5 процента и Юхновском — 24,7 процента, при среднем по губернии 32,9 процента (7, стр. 80).

Льноводство на надельных и частновладельческих землях. Лен был преимущественно культурой крестьянского земледелия. Редко в крупном помещичьем хозяйстве занимались товарным льноводством. Решающее значение имело именно крестьянское льноводство.

Так, например, в 1892 году в Смоленской губернии из общей посевной площади под льном размещалось на частных землях (помещиков и других владельцев) всего 14,7 процента и на надельных землях — 85,3 процента посевов льна. В нечерноземной полосе России частным владельцам принадлежало 13 процентов посевов льна. Следовательно, Смоленская губерния в этом отношении не отличалась резко от остальных льноводных губерний.

В отдельных уездах Смоленской губернии соотношение посевов льна на надельных и частных землях иногда значительно отклонялось от среднего по губернии. Мизерные посевы льна на помещичьих и других частных землях по сравнению с надельными крестьянскими землями были в уезде Смоленском, Рославльском, Краснинском, Дорогобужском, Пречистенском, Гжатском. В этих уездах на помещичьи посевы льна приходилось менее пяти процентов общей их площади. В уездах Бельском и Ельнинском на помещичьи посевы льна приходилось свыше 40 процентов общей их площади. В остальных уездах соотношение было близко к среднему по губернии. Географически все уезды с небольшой до-

лей посевов льна на частных землях располагались на юге и западе губернии, где вообще посевы льна были незначительны. Исключение составлял лишь Ельнинский уезд.

Мы думаем, что это объясняется общей хозяйственной отсталостью в то время западных уездов по сравнению с восточными, расположенными ближе к промышленным районам страны. Помещики восточных уездов раньше стали перестраивать свое хозяйство на капиталистической основе, применять наемную рабочую силу, переходить на многопольные севообороты и т. п. Характерно, что на льноводной выставке в 1891 году в Смоленске все девять наград по Смоленской губернии были присуждены поместьям восточных уездов, в том числе крупнейшей в губернии льняной экономии княгини Мешерской в Дугине (19).

Но эта перестройка помещичьих имений в 90-х годах еще только начиналась. Для общей же их массы типичной была большая отсталость. Об этом можно судить по тому, что не только по посевам льна, но и в целом по пашне помещичьи имения играли небольшую роль.

Если на долю частных владений в 90-х годах приходилось 54—55 процентов всей земельной площади (25), то на запашки — только 20,2 процента. Даже учитывая, что на помещичьих землях в основном располагались леса, пастбищные и сенокосные угодья, все равно распаханность их была сравнительно низкой. Если принять сельскохозяйственные угодья — пашни, сенокосы, выгоны — за 100 процентов, то у крестьян на наделных землях на пашню приходилось 66 процентов, а у частных владельцев пашня занимала 38 процентов (6, стр. 75). Поэтому при переходе на капиталистическую форму хозяйства помещичьи имения обладали большими возможностями для расширения посевов в целом и, в частности, посевов льна.

Примером может служить хозяйство А. Н. Энгельгардта, где пашня с 88 десятин в 1871 году увеличилась до 244 десятин в 1894 году (27, стр. 47), а процент распаханности возрос с 14 до 39 процентов. Хозяйство Энгельгардта носило уже капиталистические черты. В. И. Ленин писал о нем: «Задавшись целью поставить рациональное хозяйство, — он не мог сделать этого, при

данных общественно-экономических отношениях, иначе, как посредством организации батрачного хозяйства. Повышение техники земледелия и вытеснение отработков капитализмом шло в данном хозяйстве рука об руку...» (7, стр. 183).

Удельный вес посевов льна по губернии в конце XIX века (1892 год) был незначительным и на надельных землях, и на частных: в яровом поле на надельных землях 9,6 процента и на частновладельческих — 6,6 процента. В большинстве уездов не было больших отклонений от указанных выше цифр. Исключениями являлись лишь основные льноводные уезды — Сычевский, Вяземский и Гжатский. В Сычевском уезде в яровом поле на надельных землях на лен уже приходилось свыше 21 процента. Еще больше был удельный вес в этом уезде посевов льна у частных хозяев — до 49 процентов в яровом поле.

Примерно такое же положение было в Вяземском уезде: в яровом поле на надельных землях льном было занято свыше 18 процентов, а у частных владельцев — до 32 процентов.

Рассмотрим теперь увеличение посевных площадей под льном на надельных и частных землях за двадцать лет — с 1892 по 1912 год.

Для наших подсчетов использованы «Дело о доставлении в Центральный Статистический Комитет сведений об изменении всей площади посева за 1892 год, хранящееся в Смоленском архиве, и данные книги «Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии», изданной в 1912 году.

Названные источники показывают, что если в 1892 году у частных землевладельцев льном было занято 6,4 тысячи десятин, то в 1909—1911 годах уже засевалось 22,6 тысячи десятин. Таким образом, у этой категории землевладельцев за 20 лет посевы льна увеличились в три с половиной раза. У крестьян на надельных землях за те же 20 лет посевы льна увеличились с 37,4 тысячи десятин до 77,6 тысячи десятин, т. е. в два раза. Изменилось и соотношение посевов льна той и другой категории хозяйства. На долю крестьянских посевов на надельных землях вместо 85,3 процента приходилось 77,5 процента, у частных владельцев было

сосредоточено 22,5 процента против 14,7 процента в 1892 году.

Эти изменения свидетельствуют о постепенной перестройке помещичьих хозяйств Смоленской губернии, замедленной в конце XIX века и более быстрой в начале XX века.

Постепенность перехода была обусловлена, во-первых, тем, как указывает В. И. Ленин, что «не было еще налицо тех условий, которые требуются для капиталистического производства. Требовался класс людей, привыкших к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела» (1, стр. 159).

Во-вторых, медленность перехода объясняется и тем, что «старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр.» (7, стр. 160). Вследствие этих причин переход помещичьих хозяйств на новую систему затянулся на несколько десятилетий.

Только в начале XX века, когда этот переход охватил основную массу помещичьих хозяйств, начинается быстрое увеличение посевов льна на владельческих землях. Но к этому времени категории землевладельцев были уже различные, и это, конечно, нужно учитывать при рассмотрении данного вопроса.

Помещики-дворяне были основной категорией частных землевладельцев еще в 70-х—80-х годах прошлого столетия. Но затем, в связи с усиленным проникновением капитализма в деревню, в составе частных землевладельцев резко увеличивался удельный вес других сословных групп частных землевладельцев, которые постепенно вытесняли с земли помещиков-дворян, не приспособившихся к изменившимся экономическим условиям. Эти категории землевладельцев сразу ставили свое хозяйство на капиталистической основе и в первую очередь обращались к льноводству — отрасли сельского хозяйства, дающей в условиях Смоленщины наибольший доход.

Статистика того времени не подразделяла сбор льноволокна по категориям владельцев. Поэтому мы лишены возможности учесть отдельно роль в льноводстве той или иной сословной группы. Можно говорить только об относительно быстром увеличении в льноводстве удельного веса новых групп частных землевладельцев. Косвенно об этом процессе можно судить по изменению в распределении земельной собственности.

Приводим данные по Сычевскому уезду.

Таблица 1

Распределение земли по категориям владельцев
в Сычевском уезде в десятинах

Владельцы	Годы	
	1885	1913
Дворяне	77 158	45 894
Купцы и мещане	3 511	13 473
Крестьянские купчие земли	8 379	35 401
Земли церковные и учреждений	1 830	3 161
Земли казенные	1 649	1 745
Итого	92 527	99 674

Из этой таблицы видно, что удельный вес дворянского землевладения с 83,5 процента в 1885 году снизился до 46 процентов в 1913 году. Одновременно значительно увеличился удельный вес крестьянских купчих земель — с 9 до 35 процентов. Ясно, что землю в собственность приобрела, главным образом, кулацкая прослойка. Заметно возросла доля купцов и мещан в земельной собственности.

В 1913 году кулаки и купцы владели 48 процентами всех частновладельческих земель. Кроме того, зажиточная часть крестьянства еще снимала в аренду помещичьи земли, главным образом, для посева льна. Поэтому можно с уверенностью сказать, что большая половина частновладельческих посевов льна в Сычевском уезде принадлежала этим новым категориям землевладельцев. Нужно думать, что аналогичное положение было и в других уездах губернии.

Параллельно с перестройкой помещичьих хозяйств шло быстрое разложение крестьянства. Беднейшая часть его все больше и больше забрасывала свои наделы или сдавала их в аренду, а сама уходила на заработки в города или в качестве сельскохозяйственных рабочих к помещикам.

Мы уже указывали выше на большое количество безлошадных и бескоровных крестьян в Сычевском и Вяземском уездах в 1885 году. Конечно, эти крестьяне уже не в состоянии были обрабатывать свои собственные наделы и уходили на заработки.

В данной работе мы не ставим перед собой задачи специально исследовать процесс разложения крестьянства в Смоленской губернии (вопрос этот для Смоленщины еще не изучен). Но о росте батрачества в Смоленской губернии можно судить по данным о выдаче паспортов крестьянам. Так, выдача паспортов с 1900 по 1910 год увеличилась на 31 процент, а в Дорогобужском, Духовщинском, Рославльском, Поречском и Смоленском уездах — от 50 до 80 процентов (7). Крестьяне-отходники направлялись не только в другие губернии, но и в соседние уезды в качестве батраков.

Во второй половине XIX века помещики Смоленской губернии были основными поставщиками хлеба на местный рынок. На рубеже XIX и XX веков положение изменилось. Хлеб смоленских помещиков уже не выдерживал конкуренции с хлебом, доставляемым из южных районов страны.

В сельском хозяйстве складывалась иная обстановка. Выпадение доходов от продажи хлеба, наличие дешевой рабочей силы, облегчавшее введение трудоемких культур, потребности рынка, улучшение транспортных связей — все это толкало смоленских помещиков и землевладельцев других сословий на увеличение посевов льна. Но все же решающим было крестьянское льноводство. На долю крестьянства приходилось более $\frac{3}{4}$ всех посевов льна в губернии и примерно столько же валового сбора льноволокна.

Лен и другие сельскохозяйственные культуры. Анализируя данные о посевных площадях под яровыми культурами в Смоленской губернии в 1892 году («Дело о доставлении в Центральный Статистический Комитет све-

дений об изменении всей площади посевов») и в 1909—1911 годах («Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии», 1912) и не считая их вполне сопоставимыми, можно все же сделать прямой вывод, что за эти 20 лет увеличение посевов льна шло в значительной мере за счет вытеснения этой культурой посевов яровых зерновых культур.

Таблица 2

Посевные площади под яровыми культурами

(в тысячах десятин)

Наименование	Годы	
	1892	1909—1911
Овес	254,4	230,9
Ячмень	72,6	43,8
Гречиха	28,3	14,4
Пшеница	5,8	3,6
Картофель	39,5	65,6
Лен	43,9	100,1
Конопля	23,7	17,4
Горох	11,6	4,4
Итого	479,8	480,2

В первую очередь вытеснялись посевы ячменя, гречихи и гороха, в меньшей мере — посевы овса. За эти годы одновременно с ростом посевов льна происходило значительное увеличение посевов картофеля.

Быстрый рост посевов картофеля в этот период был типичен не только для Смоленской губернии, специализирующейся на льне, но и для других районов России.

В. И. Ленин писал: «Капиталистический характер процесса наглядно иллюстрируется увеличением роли картофеля в общем размере земледельческого производства. Увеличение посевов картофеля означает, с одной стороны, повышение техники сельского хозяйства (введение в посев корнеплодов) и рост технической обработки с.-х. продуктов (винокурение и картофельно-крахмальное производство). С другой стороны, оно является, с точки зрения класса сельских предпринимателей, производством

относительной прибавочной стоимости (удешевление содержания рабочей силы, ухудшение народного питания)» (1, стр. 215).

Сокращение посевов ячменя и других яровых культур протекало в различных уездах по-разному. Наибольшее сокращение наблюдалось в льноводных уездах — Сычевском, Гжатском, Вяземском.

Процесс формирования сельского хозяйства в этих районах шел не в сторону развития многоотраслевого хозяйства, а в направлении узкой специализации на одной культуре. В конечном счете это приводило к усилению зависимости крестьянства от колебаний рыночной конъюнктуры.

Не случайно крестьяне в то время говорили: «Лен опасен: одного дворянином делает, а другого из дворян в мужики садит».

В уездах, расположенных в центре и на юге губернии, сокращение посевных площадей под отдельными культурами было незначительным, а в Рославльском и Дорогобужском уездах посевы под овсом и ячменем совершенно не уменьшились.

В целом изменения посевных площадей под яровыми культурами в различных уездах губернии полностью обусловлены ростом и размещением посевов льна.

Только рост посевов картофеля был относительно равномерен по всем уездам (на юге несколько выше, чем в среднем по губернии).

Сбыт продукции льноводства. Почти весь урожай льна, собираемый в Смоленской губернии, вывозился за ее пределы. Так, в период 1906—1909 годов 82,9 процента льноволокна вывозилось за границу, 15,3 процента отправлялось в Центрально-промышленный район и 1,8 процента — в прочие местности России (7, стр. 122).

Льняное масло, вырабатываемое на Вяземских, Рославльских и Смоленских маслобойных заводах, также отправлялось в другие губернии России, а жмыхи почти целиком вывозились за границу (7, стр. 125). Последнее чрезвычайно показательно для капиталистической системы хозяйства. Крестьянство льноводных районов лишено было возможности покупать жмыхи, а маслозаводчики, в погоне за высокими прибылями и правительственными поощрениями, отправляли их за границу. Тем самым

подрывалась дополнительная кормовая база для животноводства в льноводных районах, где она была недостаточна, вследствие сокращения сенокосных угодий и незначительности на крестьянских землях посевов клевера. Минеральные удобрения крестьянство тоже не могло применять в должной мере из-за их высокой стоимости. Поэтому количество удобрений, вносимых под лен и другие культуры, было крайне незначительным, что вело к постепенному снижению и без того низких урожаев и к учащавшемуся повторению вообще неурожайных лет.

Сбытовая зависимость смоленского льноводства от внешнего рынка, где цены на лен из года в год сильно колебались, приводила к крайне неустойчивому положению льноводных хозяйств. В первом десятилетии XX века колебания цен доходили до 50 процентов. Конечно, в первую очередь от этого страдали производители льна — крестьяне, вынужденные за бесценок продавать лен оптовым скупщикам.

Доходы от льна по губернии определялись перед первой мировой войной в 13—14 миллионов рублей золотом (3, стр. 8).

Выводы. Льноводство Смоленской губернии перед Октябрьской революцией, несмотря на кажущееся процветание, стояло на грани кризиса. Отсутствие перспектив для дальнейшего развития льноводства в этих условиях видели и некоторые исследователи того времени. Так, например, в одном из докладов на Первом губернском съезде деятелей по агрономической помощи местному населению в 1910 году указывалось, что «при таком положении дел крестьянское льноводство в Смоленской губернии не имеет будущности...» (28, стр. 29).

Эта оценка была вполне правильной. Попытки Земства улучшить положение крестьянского льноводства путем организации товариществ по совместной продаже льна или прокатных пунктов по его первичной обработке могли приносить пользу лишь зажиточной кулацкой верхушке деревни, но не облегчали положения основной массы бедняцко-средняцких льносеющих хозяйств, находившихся в тисках капиталистических хищников — скупщиков льна.

Только после Великой Октябрьской социалистиче-

ской революции начинается новый этап в развитии льноводства, основанный на преимуществах колхозного строя и широкой механизации сельскохозяйственных работ и первичной обработки льна.

Этот этап автор надеется осветить в своих последующих работах.

СПИСОК

использованной литературы и материалов

1. ЛЕНИН В. И., Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4.
2. АБРАМОВ и др. Льноводство Калининской области, Калинин, 1949.
3. АЛФИМЕНКОВ П. Ф., Лен, Смоленск, 1949.
4. АНДРЕЕВ Н., МАКОВСКИЙ Д., Доисторические и исторические памятники Смоленска и его окрестностей, Смоленск, 1948.
5. Бюллетень Смоленского Губернского Статистического Бюро № 2, Смоленск, 1925.
6. ВАСИЛЬЕВ И., Лен и Псковская губерния, Псков, 1872.
7. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии, Смоленск, 1912.
8. ЛЯЩЕНКО П., История народного хозяйства СССР, т. 1, Госполитиздат, 1950.
9. ЛЯЩЕНКО П., История народного хозяйства СССР, т. 2, Госполитиздат, 1948.
10. ЛЮБОМИРОВ П., Очерки по истории промышленности, Госполитиздат, 1947.
11. Материалы по оценке недвижимых имуществ, Вяземский уезд, Смоленск, 1902.
12. МАКОВСКИЙ Д., ОРЛОВ В., Смоленск с древних времен до XX века, Смоленск, 1948.
13. МАКОВСКИЙ Д., Смоленское княжество, Смоленск, 1948.
14. ЛЯВДАНСКИЙ А., Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск, 1926.
15. ОРЛОВ В., Отмена крепостного права в Смоленской губернии, Смоленск, 1947.
16. Очерк положения крестьянского льноводства в Смоленской губернии, Смоленск, 1911.
17. Общий свод сведений о помещичьих имениях Смоленской губернии, 1858.
18. ОРЛОВСКИЙ, Краткая география Смоленской губернии, Смоленск, 1908.
19. Отчет о Смоленской льноводной выставке 1891 года и присуждение наград экспонентам на оной, Смоленск, 1892.

20. Отчет по Троицкому обществу сельского хозяйства в Смоленской губернии за 1899 год, Смоленск, 1900.
21. Памятная книжка Смоленской губернии за 1902 год, Смоленск, 1902.
22. РАВДОНИКАС В., История первобытного общества, т. 2, Ленинград, 1947.
23. СОЛОВЬЕВ Я., Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, Москва, 1855.
24. Справочная книга Смоленской губернии на 1898 год.
25. Статистика землевладения, 1905 год. Вып. XVIII, 1906.
26. ТРУХАН И., Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему: «Льнопродумывленность БССР и ее сырьевая база», Минск, 1949.
27. Труды Энгельгардтовской сельскохозяйственной опытной станции, вып. 1, 1913.
28. Труды Первого съезда деятелей по агрономической помощи населению и по мелкому кредиту в Смоленской губернии, Смоленск, 1910.
29. ЭНГЕЛЬГАРДТ А., Письма из деревни, С.-Петербург, 1882.
30. ХРОМОВ П., Экономическое развитие России в XIX—XX веках, Москва, 1950.
31. Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. 1, Вяземский уезд, вып. 2, Издание Смоленского губернского земства, 1886.
32. Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. 2, Сычевский уезд, Издание Смоленского губернского земства, 1886.
33. ФОНД № 5, Смоленский Губернский Статистический Комитет. «Дело о доставлении в Центральный Статистический Комитет сведений об изменении всей площади посевов», Смолоблархив.
34. ФОНД № 1, Канцелярия губернатора, Сведения к отчету за 1866 г. Смолоблархив.
35. МАКАРОВ и др., Льноводство, Москва, 1948.
36. ЗОРОХОВИЧ Я. С., Смоленская область, Смолгиз, 1948.
37. Современное состояние льноводства в 25 губерниях Европейской России, С.-Петербург, 1912.
38. Сычевский календарь-справочник на 1913 год.
39. САУШКИН Ю., Географические очерки, Москва, 1947.
40. ИГНАТОВИЧ И. И., Помещичьи крестьяне накануне освобождения, Ленинград, 1925.
41. РЫБНИКОВ А., Льноводство Западной области и перспективы его развития, Смоленск, 1927.
42. Статистический бюллетень Смоленского Губернского Статистического отдела № 5, Смоленск, 1928.

С. А. ПЛЮЩЕНКОВ**АККЛИМАТИЗАЦИЯ УССУРИЙСКОГО ЕНОТА
И РАССЕЛЕНИЕ ВЫХУХОЛИ И БОБРА
В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Великий план преобразования природы в комплексе всех мероприятий предусматривает и увеличение пушных ресурсов нашей страны, увеличение выхода пушной продукции.

Основными мероприятиями, способствующими увеличению пушных запасов, являются увеличение продуктивности охотничьих угодий и создание специальных хозяйств и звероферм.

На территории Смоленской области с 1929 года ведутся научно-исследовательские работы, способствующие росту продуктивности охотничьих угодий и увеличению выхода пушной продукции. Фауна пушных зверей области пополняется новыми видами, увеличивается количество редких, почти исчезнувших видов, в результате с каждым годом наша область дает больше ценной пушнины.

Во всех районах области осуществляется регулирование эксплуатации государственного охотничьего фонда. Отдельные виды животных берутся под особую охрану и защиту, отстрел и отлов их запрещается на несколько лет.

Акклиматизация и расселение пушных зверей также нашли широкое применение в комплексе мероприятий, направленных на увеличение пушных запасов Смоленской области.

Первая попытка расселения выхухоли в Смоленской области была произведена в 1929 году. Несколько позже (1936) в лесах Краснинского и Смоленского районов области произведен вольный выпуск 62 уссурийских

енотов и в 1938 году в водоемы рек Днепра и Остра выпущены 363 выхухоли. Расселение бобра путем его отлова в реках Рославльского района и пересадки в реку Устром было начато в 1950 году.

В данной работе обобщены первые итоги акклиматизации енотовидной собаки, а также расселения выхухоли и бобра в Смоленской области.

УССУРИЙСКИЙ ЕНОТ, ИЛИ УССУРИЙСКАЯ ЕНОТОВИДНАЯ СОБАКА

(*Nyctereutes procyonoides*)

Уссурийский енот распространен на востоке и юго-востоке Азии, в Корее, в Северо-восточном Китае и Японии. В пределах СССР раньше он обитал только в Приморском крае, Хайкайской низменности, в долинах рек Уссури и Амура, но с 1934 года, т. е. с момента завоза в разные края и области СССР, ареал его распространения значительно расширился.

Любимыми местами обитания уссурийского енота являются низменные, несколько заболоченные угодья, с обязательным наличием различных водоемов, по берегам которых он добывает себе корм. Свое жилище устраивает в небольших возвышенностях, в берегах рек, оврагов и болот, роя там мелкие норы с одним ходом, или поселяется в брошенных норах лисиц и барсуков.

В условиях Смоленской области для своего жилья енот часто использует разрушенные блиндажи, окопы и другие бывшие сооружения военного времени. На низменных заливных лугах, поросших камышами и осоками, выводки молодых енотов встречаются в гнездах, устроенных на поверхности. На зимний период они забираются в норы, где обычно проводят зиму в спячке, пробуждаясь в оттепели от голода, если не были упитанными.

Енот является всеядным животным. Основную его пищу составляют моллюски, насекомые, амфибии, рептилии, мышевидные грызуны (особенно полевки), рыбы и подчас падаль. В осенний период, когда уменьшаются запасы животных кормов, исчезают амфибии, рептилии и насекомые, в его рационе резко увеличивается значение растительных кормов. В местах, где угодья бедны

основными видами кормов, енот нередко нападает на гнезда птиц, уничтожая их яйца и птенцов. Голодные звери зимой часто бродят по дорогам, собирают разные отбросы и помет домашнего скота, а иногда в поисках кормов заходят на скотные дворы колхозов.

Спаривание енотов происходит в марте, и через 60—64 дня появляется молодняк. В Смоленской области наблюдались выводки молодых енотов от пяти до 11 штук.

Кроме вольного обитания еноты довольно успешно размножаются при клеточном содержании. За последнее время в СССР организовано большое количество колхозных енотовых ферм. В довоенный период на территории Смоленской области также существовали четыре колхозные зверофермы, которые во время фашистской оккупации были уничтожены.

В сентябре 1936 года в Смоленскую область завезены 62 енота. Звери выпускались в двух местах, расположенных в западной части области, удаленных одно от другого на 50 километров.

Группа енотов в количестве 28 пар была выпущена в Перховской лесной даче, Краснинского района, а вторая группа в количестве шести штук — в урочище «Соколя гора», Смоленского района.

Перховская дача, площадью примерно 10 тыс. га, занимает северную часть Краснинского района и отделяется от Гусинских лесов рекой Днепром. Общая площадь Гусинских лесов, чередующихся с полями и кустарниками Краснинского и Руднянского районов, равна 26 919 га, причем в нее входят и участки, не покрытые лесом, а числящиеся в составе государственного лесного фонда. В данном случае площадь, не покрытая лесом, равна, примерно, 3 тыс. га и состоит из пахотных земель, лесных лугов, кустарников, рек и болот.

Перховская дача в момент выпуска енотов представляла собой лесной массив смешанного типа. Рельеф дачи в основном равнинный, с незначительным возвышением в южной части. В северной, низменной части дачи находятся болота и сырые луга, а в южной расположено около десятка гряд, возвышающихся над уровнем моря от 180 до 190 м. Подобный переход от низины к холмистой возвышенности, в виде небольших гряд, объ-

ясняется тем, что Перховская дача своей северной стороной примыкает к широкой Гусинской низине, а южной стороной — к Смоленско-Краснинской возвышенности.

Речная сеть развита довольно хорошо. На протяжении, примерно, 15 км с северо-восточной, северной и северо-западной стороны дачу окружает река Днепр, вся южная и юго-западная сторона отделяется от полей рекой Свиной и восточная — рекой Лосвинкой. Обе эти реки являются правыми притоками реки Днепра. Кроме указанных рек, на территории дачи имеется множество каналов, ручьев и мелких речек.

Животный мир дачи весьма разнообразен. Пернатое население представлено большим количеством отрядов воробьиных, куриных, дятловых и других. Повсюду встречаются охотничье-промысловые птицы и особенно из отряда куриных. Перховская дача считалась лучшим местом охоты на тетерева, глухаря, рябчика, бекаса, вальдшнепа. На возвышенных местах насчитывалось более 20 групп нор, с множеством ходов, когда-то принадлежавших барсукам и лисицам. Волк появлялся на территории дачи периодически. Среди зарослей и болот много было зайцев-беляков, а по окраинам и на полях, расположенных среди леса, — русаков. Горностая и ласки мало. Белка за последние годы уменьшилась во много раз. Мышевидные грызуны и особенно полевки заселяют кустарниковые заросли, опушки леса и лесные поляны. На заболоченных местах в большом количестве встречаются земноводные и пресмыкающиеся.

Вся южная и юго-западная сторона леса окаймляется широкими просторами открытых полей. С восточной и северной сторон небольшие площади полей чередуются с лесом или кустарниковыми зарослями.

Выпуск енотов производился в центре дачи, примерно по одной паре зверей на квартал. Звери в лес доставлялись в транспортных клетках, в которых отправлялись из Окско-касимовского хозяйства Рязанской области.

Транспортные клетки расставлялись около барсучьих нежилых нор. Одновременно при расстановке клеток около каждой группы нор для подкормки зверей разбрасывались куски конского мяса. Поведение зверей в момент их выпуска было разнообразно: одни оставили

клетки в момент открытия их дверок, другие сидели в клетках до наступления темноты, а некоторые жили в клетках в течение двух-трех недель. Корм в местах выпуска разбрасывался всего три раза, с перерывами от пяти до 10 дней. В большинстве случаев корм подбирался довольно быстро, а в отдельных местах он лежал по нескольку дней. В октябре 1936 года звери выходили из леса на открытые поля, часто заходили в населенные пункты и в присутствии людей нападали на кур. В течение октября и ноября 1936 года жители, проживающие в районе Перховской дачи, несколько раз писали в Госохотинспекцию об уничтожении их кур енотами.

В ноябре 1936 года пара енотов оставила место выпуска, переплыла реку Днепр и поселилась в старых барсучьих норах, расположенных среди молодых смешанных насаждений, примерно в 200 м от реки Радобли.

В первых числах декабря того же года, когда земля покрылась снегом и мороз достигал 12—15°, на одном маленьком осоковом болоте, расположенном в 2 км от южной границы Перховской дачи, был найден в сонном состоянии енот. Охотник из деревни Литивли, Литивлянского сельсовета, Краснинского района, принес его домой. В теплом помещении, примерно через 30 минут, енот проснулся.

В период зимних оттепелей некоторые звери выходили из нор, бродили по дорогам, собирали разные отбросы, просыпанные зерна и лошадиный помет.

Весной 1937 года звери вышли из нор в середине марта. В течение июня 1937 года в даче насчитывалось около 20 семей енотов. В основном они жили в норах. Многие из них оставили те большие групповые норы, около которых они были выпущены, и на песчаных возвышенностях, расположенных на опушке леса, вблизи низменных заболоченных мест, вырывали себе небольшие норы с одним входом.

Количество молодых в июле 1937 года наблюдалось от трех до пяти штук в одной семье. Осень этого же года была наиболее оживленной в жизни енотов Перховской дачи. По мере увеличения общего поголовья енотов и уменьшения запасов их основных кормов были отмечены случаи, когда около нор, занятых енотами, находили перья молодых и старых тетеревов и рябчиков.

В 1938 году поголовье енотов в даче начало уменьшаться, и уже в 1939 году звери совершенно оставили дачу. Основной причиной ухода зверей из дачи, повидимому, следует считать ее перенаселение, в силу чего кормовые запасы резко уменьшились, и в поисках пищи звери были вынуждены уйти в другие места.

В 1938 году три семьи енотов поселились в Корсинской лесной даче и две семьи — в урочище «Радомский мох», входящих в состав Гусинских лесов. В 1939 году еноты появились в Руднянском, Касплянском, Понизовском, Демидовском, Монастыршинском, Хиславичском и Починковском районах. В последующие годы ареал распространения енотов значительно расширился, и, несомненно, известная часть зверей перекочевала за пределы области.

Урочище «Соколя гора» расположено в 8 км от Смоленска, в восточном направлении. Площадь урочища около 300 га. Насаждение смешанное, с преобладанием лиственных пород. Рельеф холмистый. Все урочище находится на возвышенности, поднимающейся над уровнем моря на 220 м. С южной стороны возвышенности протекает река Днепр, а с северной и западной — река Колоднянка. Довольно крутые склоны возвышенности имеют овраги, поросшие густым кустарником. В урочище на восточных и южных склонах находятся три группы барсучьих нор. К моменту выпуска енотов две группы нор были нежилыми.

С восточной и северной стороны урочища, примерно на расстоянии 1—2 км, расположены возвышенности, покрытые зарослями кустарников и сравнительно молодым смешанным лесом. Между возвышенностями лежит заболоченная ложбина, также поросшая кустарником орешника, ольхи и лозняка. С западной и частично северо-западной стороны урочища расположен рабочий поселок Колодня.

Выпуск зверей в урочище «Соколя гора» производился одновременно с выпуском в Перховскую дачу. Наблюдение за ходом акклиматизации енотов в урочище «Соколя гора» осуществлялось научными работниками биологической станции Смоленского педагогического института, которая в то время находилась на территории данного урочища, и все урочище считалось заповедни-

ком. Ход акклиматизации енотов в урочище «Соколя гора» имел весьма положительные результаты. В течение многих лет, как в довоенный, так и послевоенный период, на «Соколей горе» ежегодно наблюдалось появление молодых енотов. Расселение получаемого приплода шло в восточном направлении, и в 1939 году мы имели первые сообщения о появлении енотов в Кардымовском, Ярцевском и Духовщинском районах. В последние предвоенные годы еноты стали встречаться и во многих других районах области.

В октябре 1939 года для колхозных звероферм в Вяземский и Касплянский районы области было завезено 40 енотов, из них 29 для колхозов Вяземского района и 11 для колхозов Касплянского района.

На территории Вяземского района зверофермы были организованы в колхозе имени Красной Армии, Борисовского сельсовета (12 енотов), в колхозе «Хлебороб», Хмелитского сельсовета (девять енотов), и в колхозе «Путь к коммунизму», того же Хмелитского сельсовета (восемь енотов). В колхозе имени Красной Армии в июле 1941 года при бомбежке загорелась ферма, часть зверей погибла, а часть разбежалась. Местные жигелли утверждают, что еноты после бомбежки долгое время бегали около построек колхоза. В колхозе «Хлебороб» часть енотов была убита оккупантами, а часть как будто погибла от бескормицы или разбежалась (установить точно не представлялось возможным). В колхозе «Путь к коммунизму» во время прихода немцев местные жители выпустили на волю 15—18 енотов, оккупанты успели убить только двух зверей.

На территории Касплянского района звероферма была организована в одном колхозе Мамошинского сельсовета. Известно, что еноты жили на ферме до начала войны. Местные жители подтверждают, что часть их была уничтожена немцами, а часть разбежалась.

Появление енотов на территории Кармановского и Гжатского районов можно объяснить перекочевкой зверей из соседнего, Шеховского района, Московской области, где в 1939 году был произведен вольный их выпуск.

В послевоенный период поголовье енотов стало быстро возрастать, и по состоянию на октябрь 1948. года еноты уже встречались в каждом районе области. От-

стрел енотов производился ограниченно, только по специальным разрешениям. Следует оговориться, что на территории области было уничтожено енотов значительно больше, так как известная часть их шкурок была сдана на заготпункты Московской и Великолукской областей.

Анализируя сведения о заготовках и материалы, полученные от охотников и районных пушнозаготовительных организаций, становится ясным, что еноты заселяют каждый район области. В одних районах они более многочисленны и их количество превышает численность лисиц, а в других районах еноты являются редкими зверями. Для более точного определения результатов акклиматизации и определения общего поголовья енотов в течение 1949 и 1951 годов на территории области был произведен их учет. Учет в основном производился методом пробных площадок, закладываемых в характерных станциях. Местные охотники указывали места расположения нор енотов, что значительно облегчало работу. Указанным методом участники экспедиции производили учет поголовья енотов на участках площадью от 2 000 до 6 000 га. Отыскивание жилых нор енотов производилось по их тропам, экскрементам и по другим признакам. Во многих случаях применялись охотничьи собаки, которые неплохо отыскивали енотов. Большую помощь в обнаружении жилых нор оказывали школьники, у которых было исключительно большое желание посмотреть на нового, мало знакомого им зверя.

Для определения количества енотов в каждом обследованном районе закладывалось по несколько пробных площадок. Одни площадки закладывались в местах с наибольшей концентрацией зверей, а другие — с наименьшей. Данный учет по каждому обследованному району давал довольно ясную картину о распространении енотов по району. В тех местах, где не получали никаких сведений о наличии енотов, производилось исчисление площади, не заселенной ими, и при выведении средней плотности учитывалась вся территория района.

В работе по учету поголовья енотов большую помощь оказывали работники заготпунктов «Заготживсырье» и начальник отдела охоты Управления охотничьего хозяйства В. И. Кузьмин.

Для более ясной и полной картины результатов акклиматизации уссурийского енота в Смоленской области следует остановиться на следующих районах, где непосредственно производился учет.

ДОРОГБУЖСКИЙ РАЙОН

Дорогбужский район расположен в центральной части области. Район сельскохозяйственный, примерно около 32 процентов его площади занято под посевами сельскохозяйственных культур. Лес и кустарники занимают около 28 процентов площади района. Рельеф района моренно-холмистый, со значительным возвышением в северной части.

Наиболее равнинный рельеф, с широкими заболоченными низинами, находится в западной части района. В центральной, восточной и северной частях района встречается большое количество оврагов различного характера, но в большинстве своем покрытых зарослями кустарников.

В западной, центральной и северной частях района протекает река Днепр, которая на всем протяжении по району принимает довольно большие реки Ужу и Осьму и маленькие речки, имеющие длину 15 — 20 км. В заболоченной пойме реки Днепра встречается большое количество озеровидных стариц (озер), площадью от 0,01 до 4 га.

Еноты встречаются по всему району, но наибольшее количество их наблюдается вблизи рек.

В течение летнего периода 1949 года на территории района было поймано около 15 енотов в возрасте до двух-трех месяцев. Часть пойманных животных выпускалась на волю, а часть содержалась в неволе довольно продолжительное время.

Для определения численности енотов в районе учет был произведен в трех местах, расположенных одно от другого на 10—15 км.

На участке площадью в 4 500 га, расположенном в Ставковском сельсовете, учет енотов производился в октябре 1949 года. Участок расположен на левом берегу реки Днепра. Угодья участка представляют собой леса, чередующиеся с полями (пахотные земли — около 32 про-

центов; луга — 13 процентов, кустарники и лес — 33 процента, болота — два процента, а вода и овраги — около 10 процентов). Рельеф равнинно-холмистый с незначительными пологими возвышенностями и оврагами по коренным берегам Днепра. С северной стороны участка протекает небольшая река Величка, впадающая в реку Днепр, а с западной — река Днепр. В пойме Днепра на широком заболоченном лугу находятся небольшие старицы.

Смешанный лес и кустарники чередуются с полями и лугами. На низких местах встречается ель, а на более высоких — сосна. Кустарники состоят из орешника, молодого дубняка, ольхи и лозняка. Лозняк и ольха встречаются в низких местах поймы, в основном по берегам стариц, оврагов и болот. Помимо древесной растительности, берега стариц и болот покрыты камышом, тростником, айром, хвощом и осоками.

В старицах встречаются амфибии, моллюски и в более глубоких местах — рыбы.

По кустарниковым зарослям и по полям много мышевидных грызунов. Лисица за последние годы стала редким видом. Волки довольно часто посещают пойму, так как места их логов находятся только в 3 км от границ данного участка. Барсук на пробной площади отсутствует. По старицам и мелким речкам обитает выдра и норка.

На участке обнаружены пять семей енотов, из коих одна семья поселилась в пойме реки Днепра и вырыла нору с одним входом под корнями крупного дуба, а четыре семьи живут в обрушенных блиндажах. От нор к старицам и к болотам проходят хорошо заметные тропы, по которым звери ходят за кормом. На отдельных местах поймы реки Днепра тропы тянутся по лугам на расстоянии 200—300 м. По сведениям, полученным от местного населения, известно, что еноты очень часто встречаются на полях. Дети из населенного пункта Никольское, Ставковского сельсовета, в июле 1949 года поймали трех молодых енотов. Местные охотники сообщают, что в течение последних двух лет енотов стало больше, чем лисиц. Почти около каждой норы, заселенной енотами, в мае и июне наблюдалось по 5—6 молодых.

В период зимних оттепелей еноты выходили из нор и бродили по дорогам. По наблюдениям местных охотников известно, что еноты расселяются в основном по пойме реки Днепра и его притокам и с каждым годом их количество заметно увеличивается.

Учитывая средний прирост и возможности отхода молодняка, общее поголовье енотов на этой площади можно принять за 30 особей. Отход молодняка за счет заболеваний и уничтожения волками может быть значительно больше, но здесь следует учесть и то, что во многих семьях количество молодняка составляло шесть и более особей. Следовательно, будет правильным, если считать приплод молодняка в среднем по четыре особи на семью. Поскольку площадь участка равна 4 500 га, то на каждые 150 га мы имеем одну особь.

Второй участок площадью в 4 000 га находится в Никулинском сельсовете. Угодья участка представлены пахотными землями, лугами, кустарниками, лесом, болотами и т. д. и примерно в таком же соотношении, как и на первом участке.

Рельеф холмистый, с наличием холмов, оврагов и низменных заболоченных ложбин. Через всю территорию протекает одна маленькая речка Сукромля, впадающая в реку Осьму. На протяжении примерно 3 км в реку Сукромлю стекают воды трех больших ручьев или маленьких безымянных речек. На одной такой маленькой речке, имеющей протяжение около 3 км, организован государственный питомник зеркального карпа.

Лес участка смешанный, с преобладанием лиственных пород. Кустарники и молодые лиственные насаждения, состоящие из орешника, березняка, осины, дуба, клена, ясеня и ольхи, чередуются с полями. На высоких песчаных холмах, среди кустарников, изредка встречаются сосны и дубы.

На болотах и речках много амфибий и моллюсков. Мышевидные грызуны встречаются повсеместно. В крутых оврагах держится одна семья лисиц и одна семья барсуков. В речках и на озерах, кроме норки и выдры, встречается выхухоль и много разной рыбы.

На площади учтены три семьи енота. Все они живут в норах, устроенных в блиндажах, расположенных на склонах оврагов среди кустарниковых зарослей. От жи-

лых нор к воде тянутся узкие, хорошо заметные тропы. По сведениям, полученным от охотников деревни Палимбино, Никулдичского сельсовета, известно, что около нор, расположенных на склоне глубокой балки, вблизи деревни Миндерево, все лето встречались молодые еноты, в количестве шести штук, там же часто видели и старых. Еноты живут в норе, устроенной в окопе, среди редких зарослей молодых берез и осин.

Общее поголовье енотов на данном участке определяется в 18 штук, что к общей площади в 4000 га составляет примерно плотность на каждые 222 га одна особь.

Третий участок размером в 4000 га находится в Белавском сельсовете. Угодья участка распределяются так: пахотные земли — 1409 га, луга — 643 га, кустарники — 418 га, болота — 31 га, вода — 18 га, овраги — 19 га и остальная площадь — прочие угодья.

Рельеф местности холмистый, с множеством холмов и оврагов, покрытых кустарниками. С южной стороны участка протекает река Днепр с широкой заболоченной поймой. Одна семья енотов поселилась в полуразрушенном блиндаже, расположенном на склоне оврага. Местные жители неоднократно видели, как молодые звери, в количестве пяти штук, вместе со взрослыми разгуливали по склонам оврага. От норы к заболоченным старцам тянется хорошо заметная тропа. Школьники села Белавка в июле 1949 года в этом же овраге поймали двух молодых енотов, но на второй день отнесли их к норам и пустили на волю.

Если учесть, что молодняк полностью выжил, то общее поголовье енотовидных собак на данной площади равняется семи особям. Учитывая возможность отхода, поголовье определяется в количестве шести особей. Следовательно, плотность на данной пробной площади определяется так: на 666 га одна особь. Средняя плотность для всех трех участков — на 232 га одна особь.

На территории района имеется много мест, где еноты имеют наибольшую плотность, но есть и участки, где плотность может быть даже меньше чем на третьем участке. Собранные от местного населения, а также от заготовительных организаций материалы показывают, что по состоянию на октябрь 1949 года примерно на 30

процентах общей площади района еноты не встречаются. Общее количество енотов по району определяется примерно в 450 штук. Еноты в районе начали появляться еще перед войной, но с 1945 года их количество быстро возрастает.

В Дорогобужском районе имеется большое количество мест — стаций, где уссурийский енот находит себе достаточное количество кормовых запасов и других условий для успешного размножения.

САФОНОВСКИЙ РАЙОН

Сафоновский район также расположен в центральной части области. Из общей площади района около 37 процентов занято посевами сельскохозяйственных культур, а лесом и кустарниками — около 30 процентов.

Рельеф в южной части района холмистый, а в северной равнинный, с наличием заболоченных участков. В восточной части района протекает река Днепр. Через весь район с севера на юг протекают реки Вопец и Вержа, которые на пути своего течения пополняются водами различных по величине притоков.

Лесные массивы, состоящие из смешанных насаждений с преобладанием хвойных пород (ель), расположены в северной части района, а в южной части района, на холмистых возвышенностях, имеются кустарниковые заросли.

Еноты встречаются по всему району, заселяя кустарниковые заросли и опушки леса, расположенные в поймах рек, на склонах оврагов, холмистых возвышенностей и на болотах.

До 1945 года на территории района еноты не встречались, и местное население об их существовании не знало. Но уже в 1949 году их стало во много раз больше, чем лисиц. Все кустарники и лесные урочища, расположенные около рек или болот, заселены ими. Звери встречаются больше вблизи воды.

На участке размером в 5 000 га, расположенном на территории Нееловского сельсовета, учтены четыре семьи енотов. Угодья участка в прошлом представляли собой сплошной лесной массив Вадинского лесхоза. В настоящее время вследствие развития сельского хозяйства

Вадинский лесной массив разрезается колхозными полями, занятыми посевами сельскохозяйственных культур. Рельеф участка равнинно-холмистый. В северной стороне протекает небольшая лесная речка Ржава, впадающая в реку Вопец. В южной части имеется несколько оврагов, балок и маленьких безымянных притоков реки Большой Вержи. Помимо рек на участке среди леса проходит множество мелнорагивных канав и оборонительных рвов времен Отечественной войны 1941 — 1945 годов.

На опушке Гороховской лесной дачи, состоящей из лиственных и хвойных насаждений с преобладанием осины и березы, живут две семьи енотов, из которых одна поселилась в старых барсучьих норах, а вторая — в старом обрушенном блиндаже.

На возвышенном берегу реки Ржавы, в 2 км от ее впадения в реку Вопец, живут две семьи енотов. Одна из них вырыла нору под корнями большой ели. В июле 1949 года около этой норы местные охотники поймали одного молодого енота, которого продержали дома два дня, а потом пустили обратно. Вторая семья поселилась в обрушенном блиндаже. Около нор, заселенных енотами, видны тропы, по которым звери ходят к реке Ржаве. Противоположный берег реки покрыт молодыми зарослями осины, березы и ольхи.

В Гороховской даче в последних числах июля 1949 года среди сухой травы один работник совхоза Неелово поймал двух молодых енотов, которых продержал в неволе около двух месяцев, а потом выпустил на волю в местах расположения их нор.

Всего по участку учтены четыре семьи, с общим поголовьем около 24 енотов. Плотность енотов на данном участке следует считать на 208 га — одна особь. Кроме енотов, на участке встречается большое количество белки, зайца-русака и беляка. Имеется одна семья лисиц. Куница является редким гостем. По реке Ржаве живут выдры и норки. Мышевидные грызуны встречаются повсеместно по опушке леса и кустарникам. Тетерева и рябчики встречаются в большом количестве, первые чаще придерживаются окраин леса и кустарников, а вторые держатся в лесу.

Второй участок размером в 3500 га расположен на

территории Холмянского сельсовета. Угодья участка в основном состоят из пахотных колхозных земель, чередующихся с кустарниками и молодыми зарослями осины и березы, с редкой примесью ели. Примерно 70 процентов общей площади приходится на пахотные земли, 20 процентов — на лес и кустарники, а остальная часть — на луга, овраги, болота и прочие угодья. Рельеф моренно-холмистый, с множеством оврагов и болот. С северной и восточной сторон участка протекает река Вержа, а с южной — Большая Вержа.

В Березовской даче (леса местного значения), занимающей площадь около 450 га, живут три семьи еотов, а в северной части площади, на берегу реки Беларки, впадающей в реку Вержу, среди лиственных насаждений — две семьи. Свои жилища еоты устроили в обрушенных блиндажах. С северной стороны площади примыкает большой лесной массив Вадинского лесхоза.

Кроме еотов, по угодьям встречаются лисицы, зайцы, белки, хори, горностаи, норки, выдры, куницы, волки, лоси, в глубине лесных массивов обитает медведь.

Из охотничье-промысловых птиц по зарослям и их окраинам встречаются серые куропатки, тетерева, по лесным дачам — рябчики и в меньшем количестве — глухари.

Общее поголовье еотов на втором участке определяется в 300 штук. Средняя плотность по участку на 117 га — одна особь.

Участок площадью в 4 000 га находится на территории Селецковского сельсовета. Угодья участка распределяются следующим образом: лес и кустарники — 32 процента, пахотные земли — 48 процентов, луга — 12 процентов, овраги, болота, вода и другие угодья — восемь процентов. Лес смешанный, с преобладанием лиственных пород — осины и березы — тянется полосой с севера на юг. Вокруг леса расположены колхозные поля.

Рельеф холмистый, с наличием оврагов и равнин. С восточной стороны участка протекает река Днепр, а с западной и южной — река Вопец. Пойма реки Днепра в заболоченных местах имеет множество озеровидных стариц различной величины.

Наиболее крупная старица, расположенная против населенного пункта Теляtkово, имеет площадь около 2 га.

Еноты, в количестве двух семей, живут в норах, устроенных в блиндажах, на склоне маленькой речки Селецкой, впадающей в реку Днепр. В местах обитания енотов берег реки покрыт молодыми зарослями березы, осины, ольхи, ели и других пород.

Общее поголовье енотов на данном участке определяется в 12 штук, а средняя плотность — на 333 га одна особь.

На территории Сафоновского района имеются места, не заселенные енотами. К числу таких участков относится середина лесного массива, расположенного между железнодорожными станциями Вадино и Яковская, площадью в 5 000 га, и юго-западная часть района, с примерной площадью в 20 тыс. га. Следовательно, в Сафоновском районе общая площадь, не заселенная енотами, по состоянию на 1949 год равняется примерно 25 000 га, площадь, заселенная енотами, — около 97 000 га. Средняя плотность енотов на трех участках — один зверь на 190 га, а по всему району — один зверь на 236 га.

Следует отметить, что такое количество енотов для района говорит об успешном их размножении и о наличии здесь угодий, пригодных для постоянного обитания данных животных.

ГЖАТСКИЙ РАЙОН

Район расположен в северо-восточной части области и своей восточной стороной граничит с Уваровским районом, Московской области.

Угодья района характеризуются наличием сравнительно небольших площадей леса и кустарников, которые вместе занимают около 21 процента всей площади района. Поля, занятые под посевами сельскохозяйственных культур, составляют около 40 процентов общей площади района.

Рельеф равнинный, с незначительными возвышениями и низменностями.

На территории района с юга на север протекает река Гжать, которая впадает в реку Вазузу (приток Волги). Пересекая весь район, река Гжать пополняется большим количеством разных по величине притоков. В

восточной стороне района протекают притоки реки Москвы, а в южной — реки Угры. Последняя впадает в реку Оку.

Лес в виде отдельных дач чередуется с полями. Лесные дачи состоят из смешанного насаждения с преобладанием лиственных пород — осины и березы. Площадь дач различная: одни имеют около 500 га, а другие — более 2 000 га. Наименьшее количество лесов находится в западной части района.

Кустарниковые заросли и небольшие лесные участки колхозного пользования разбросаны по всему району.

Еноты на территории Гжатского района появились в 1945 году. Первые из них появились в северо-восточной части района, куда они пришли с территории Московской области.

В западной части района енотов мало. Охотники, проживающие в населенном пункте Клушино, Клушинского сельсовета, сообщают, что в восточной части района енотов стало больше, чем лисиц. Звери чаще встречаются на болотах и по берегам рек.

На участке площадью в 2 000 га, расположенном в Воробьевском сельсовете, встречается большое количество следов деятельности енотов. Площадь участка состоит из пахотных земель, леса, кустарников, лугов и оврагов. Участки леса и кустарников чередуются с пахотными землями. С северной, южной и западной сторон участок окружают притоки реки Гжати. Поймы рек заболочены. На территории участка живут три семьи енотов с общим количеством 16 особей. Звери живут в норах, вырытых на склонах оврагов и берегов рек. Норы, как правило, неглубокие, с одним входом. Около нор имеются хорошо заметные тропы. Средняя плотность енотов по данному участку — одна особь на 125 га.

Второй участок размером в 3 000 га расположен в Плосковском сельсовете. Угодья участка характеризуются наличием лесных дач, кустарников, пахотных земель, лугов, болот, оврагов, озер и рек. Наибольшая площадь, равная примерно 1 500 га, занята пахотными землями, кустарники и лес занимают около 1 000 га, а остальная территория приходится на луга, болота, овраги, озера, реки и селения.

Рельеф местности моренно-волнистый. Большинство рек имеет широкие заболоченные поймы, коренные берега которых местами, вырисовываются отлогими возвышенностями. На отдельных участках встречаются овраги с довольно крутыми берегами, поросшими кустарником.

На участке живут пять семей енотов с общим количеством 30 особей. Звери живут в норах. Плотность — на 100 га одна особь.

Третий участок размером в 3 200 га расположен на территории Клушинского сельсовета. В состав участка входит Берляевская лесная дача площадью в 500 га. Остальная площадь состоит из пахотных земель, лугов, болот, кустарников и прочих земель.

Через всю площадь протекает река Дубна (приток реки Гжати). Еноты живут по берегу реки, устраивая норы на возвышенных песчаных местах среди редких зарослей лиственных насаждений. Каждая семья имеет по одной норе с одним входом.

На площади учтены четыре семьи, с общим поголовьем около 24 енотов. Средняя плотность по данному участку — одна особь на 133 га.

В западной части района, на территории Ляпинского сельсовета, площадью в 4 000 га, живет одна семья енотов из шести особей. Еноты поселились в Ильинской лесной даче. Плотность по данному сельсовету — на 666 га одна особь. По сведениям, полученным от местных охотников, известно, что примерно такая же плотность енотов по всей западной и юго-западной части района.

Средняя плотность в восточной и северо-восточной части района — на 117 га одна особь. Данная плотность распространяется на одну треть района. Общее поголовье енотов на данной территории составляет 427 штук. На всей остальной территории района насчитывается 149 енотов.

Таким образом, общее поголовье енотов на территории района исчисляется в количестве 576 штук, а средняя плотность по району — на 250 га одна особь.

На территории Гжатского района еноты размножаются так же быстро, как и в двух ранее указанных районах.

СМОЛЕНСКИЙ РАЙОН

Смоленский район относится к группе центральных районов. Из общей площади района более 40 процентов приходится на пахотные земли и только около 14 процентов занимают раздробленные лесные дачи и кустарники.

Рельеф района — моренно-холмистый с множеством возвышенностей и ложбин.

Через район протекает река Днепр, которая на своем пути принимает большое количество различных по величине притоков. На территории района также есть реки, которые относятся и к системе Западной Двины.

Кроме рек, на территории района находятся озера, достигающие площади более 160 га, и моховые болота.

Смоленский район относится к группе малолесных районов. Леса представляют собой молодые насаждения смешанных пород — осины, березы, ели и сосны. В большинстве случаев на местах, где в довоенный период были лесные дачи высокоствольных деревьев, в настоящее время встречаются молодые заросли.

Еноты на территории района живут с 1936 года, т. е. с момента их выпуска. В течение этого весьма продолжительного времени, казалось бы, поголовье их должно возрасти до больших цифр, но в действительности этого нет. Еноты заселяют только одну треть района, и процесс заселения района проходит довольно медленно.

Учет енотов производился на трех участках, расположенных в разных частях района. Первый участок, размером в 1 500 га, расположен на территории Колоднյанского сельсовета. Угодья участка: кустарники и лес занимают около 770 га, луга — 105 га, пахотные земли — 325 га. Остальная площадь относится к прочим угодьям.

Рельеф местности холмистый, с наличием оврагов, ложбин и речек. С южной стороны участка протекает река Днепр, а через всю площадь протекает река Колоднյанка.

В состав площади входит урочище «Соколя гора», куда в 1936 году были выпущены шесть енотов. Звери с первых дней выпуска и по настоящее время живут в барсучьих норах, в количестве одной-двух семей.

На территории Колоднյанского сельсовета учтены две

семьи енотов с поголовьем в 12 штук. Плотность енотов — на 125 га одна особь.

Кроме енотов на участке живет одна семья барсуков, и по реке Колодьянке, при ее впадении в реку Днепр, встречается выдра.

По пойме и среди зарослей обычен заяц-русак. По низменным заболоченным местам и по берегам рек встречается большое количество амфибий и моллюсков.

Мышевидные грызуны заселяют всю площадь. В реку Колодьянку в летний период из реки Днепра заходит большое количество разных пород рыб.

Второй участок, размером в 7752 га, расположен на территории Теличенского сельсовета. Угодья участка: лес — 94 га, кустарники — 408 га, болота — 133 га, под водой — 50 га, луг — 1388 га, пахотные земли — 3843 га. Остальная площадь — прочие земли.

Рельеф моренно-равнинный с пологими возвышенностями.

Поля чередуются с небольшими лесными участками и кустарниками. Через площадь протекает одна маленькая речка Мошна (приток реки Сожа). На склоне поймы реки Мошны, среди кустарниковых зарослей, в обрушенном блиндаже живет одна семья енотов с количеством шесть особей, из коих четыре молодые и две старые.

Плотность енотов по сельсовету — на 1292 га одна особь.

Третий участок, размером в 4735 га, расположен на территории Стабенского сельсовета.

Угодья участка: пахотные земли — 2404 га, лес — 80 га, кустарники — 292 га, болота — 74 га, вода — 23 га, луга — 881 га и остальная площадь — прочие угодья.

Рельеф моренно-холмистый и моренно-равнинный с наличием оврагов, заболоченных низин и сравнительно высоких холмов, поднимающихся до 246 м над уровнем моря. Кустарниковые заросли и небольшие участки леса чередуются с полями. Через всю территорию протекает одна маленькая речка Стабна, впадающая в реку Днепр восточнее Смоленска.

На площади обнаружена одна семья енотов с количеством пять особей. Плотность енотов на данной площади — на 943 га одна особь.

Средняя плотность по всем трем участкам — на 608 га одна особь. Подобная плотность по району распространяется на одну треть района, т. е. примерно на 64 000 га. Остальная территория района енотами не заселена. Средняя плотность — на 1 842 га одна особь.

Причиной медленного заселения енотами угодий района следует считать наличие малого количества пригодных стаций. В поисках кормов и защитных уголков звери заходят и в Смоленск.

СЛОБОДСКОЙ РАЙОН

Слободской район расположен в северо-западной части области и граничит с Великолукской областью.

Около 48 процентов всей площади занято лесом и кустарниками и только 23 процента — полями и лугами. Лесные массивы на территории Слободского района по сравнению с другими районами области сохранились в довольно большом количестве.

Рельеф района моренно-холмистый и моренно-низменный. На территории района встречаются возвышенности.

По району протекает множество разных мелких и крупных речек, впадающих в бассейн реки Западной Двины. На территории района имеются озера площадью до 300 га, а озеро Щучье, расположенное на границе Пречистенского и Слободского районов, имеет площадь более 1 400 га.

Около районного центра небольшие лесные участки и кустарники чередуются с полями. Овраги в основном покрыты кустарниками. В северной и восточной части района сохранились сплошные лесные массивы с преобладанием хвойных пород.

На площади 4 000 га, расположенной на территории Шентуховского сельсовета, живут две семьи енотов. Одна из них поселилась в норе, вырытой под корнями большой ели, в 100 м от поля и на таком же расстоянии от небольшой лесной речки.

В июле 1949 года в норе жили девять молодых и два старых енота.

Вторая семья поселилась на берегу лесной речки, примерно в 2 км от первой семьи. Нора устроена среди

зарослей на песчаном склоне, в 100 шагах от опушки, в которой были учтены семь молодых и два старых енота.

Всего на данной площади учтены две семьи, с поголовьем 20 особей. Плотность по данному участку на день учета составляет: на 200 га одна особь, но, учитывая отход, плотность следует считать на 333 га одна особь.

При обследовании района установлено, что почти на каждый сельсовет района приходится по две-три семьи енотов, за исключением площади сплошных лесов. Особенно велика плотность енотов на участках, расположенных вблизи озер. Это, повидимому, объясняется тем, что на берегах озер звери находят себе достаточное количество корма. По данным местных охотников известно, что енотов на территории района стало намного больше, чем лисиц.

На большей части района еноты имеют довольно большую плотность, т. е. на 300 га одна особь.

Общее поголовье енотов по всему району определяется в количестве 277 штук, а общая плотность — на 455 га одна особь.

В лесных массивах района сохранились косули, лоси, кабаны, медведи, куницы, белки, рыси, горностаи и в меньшем количестве волки.

По рекам встречаются выдры и норки. Заяц-русак и беляк встречаются почти в одинаковом количестве. Озера и реки богаты рыбой.

РУДНЯНСКИЙ РАЙОН

Руднянский район расположен в западной части области.

Примерно около 20 процентов площади занимает лес и кустарники. Пахотные земли и луга занимают около 46 процентов, около 7 процентов площади района падает на долю болот и воды.

Рельеф района равнинный, с наличием заболоченных низин. На территории района протекает большое количество мелких и довольно крупных рек. В северной части района расположена большая группа озер.

Еноты расселились по всему району, но неравномерно. В южной части района на один сельсовет приходится

примерно от двух до четырех семей, а в северной — по одной семье енотов.

На площади 5 000 га, в Новосельском сельсовете, живут четыре семьи енотов, с общим поголовьем около 24 штук. Все семьи живут в норах, находящихся вблизи рек и болот. Две семьи устроили норы в блиндажах, две поселились в старых барсучьих норах.

В соседнем Одинцовском сельсовете на площади 4 000 га учтены только две семьи енотов, общим количеством 12 особей.

На двух участках площадью в 9 000 га насчитываются 36 енотов, что составляет полностью на все 250 га одна особь.

На участке площадью в 5 000 га, Микулинского сельсовета, расположенного в северной части района, учтена одна семья енотов, с количеством шесть штук.

Плотность по данному сельсовету — на 833 га одна особь.

Средняя плотность по району определяется: на 527 га одна особь, а общее количество енотов по району — 283 штуки.

Учитывая, что еноты на территории района живут с 1938 года, поголовье их могло быть большим. Повидимому, успешному расселению енотов по району препятствовали волки, которых в районе насчитывалось 4—5 выводков. Их логова находятся в болотах, где живут еноты.

КАСПЛЯНСКИЙ РАЙОН

Район расположен в северо-западном направлении от Смоленска.

Из общей площади района примерно 13 процентов занято лесом и кустарниками, около шести процентов — болотами, более 32 процентов — пахотными землями, 16 процентов — лугами.

Рельеф моренно-равнинный и моренно-холмистый.

На территории района расположено крупное озеро Каспля. Реки в основном протекают в северной и восточной частях района. В южной части района протекает только одна маленькая речка — Удра, впадающая в Касплянское озеро. Самая крупная река

района — Каспля, которая вытекает из озера Каспли и на территории БССР впадает в реку Западную Двину.

Леса и кустарниковые заросли покрывают северную и северо-восточную части района.

Еноты в основном заселяют всю северо-восточную часть района. Наибольшее количество их сконцентрировано в Кадищенском, Сыр-Липецком, Язвищенском, Живутицком, Бабневском и других сельских советах. В южной части района, примерно на площади около 5 000 га, енотов не обнаружено.

В западной части района одна семья енотов поселилась около Зарубинского болота.

На территории Бабневского сельсовета еноты расселились по пойме реки Лушенки, устроив свои жилища в обрушенных блиндажах, а на территории Живутицкого сельсовета — на небольших песчаных возвышенностях, вблизи болот. От нор к болотам на расстоянии 200—300 м проложены хорошо заметные тропы, по которым звери ходят за кормом.

Средняя плотность енотов по Касплянскому району — на 1 500 га одна особь.

К группе районов с наименьшим поголовьем енотов относятся: Ершицкий, Монастырщинский, Починковский, Стодолищенский, Хиславичский и Шумячский. В каждом из этих районов еноты встречаются в малом количестве, заселяя не более одной четвертой части территории района.

На территории Хиславичского района еноты встречаются в Александровском сельсовете (две семьи), во Владимирском (одна семья), в Печерском (две семьи). Общее поголовье енотов по этим сельсоветам определяется примерно в 30 штук. Данные сельсоветы расположены по реке Березке, впадающей в реку Сож. Имеются сведения, что на территории Максимовского сельсовета живут две семьи енотов. Сведений, подтверждающих наличие енотов на остальной территории района, не имеется. Общее поголовье енотов по Хиславичскому району определяется в 42 штуки. Плотность енотов по району составляет: на 2 400 га одна особь. Примерно такая же плотность, с незначительным отклонением в ту

или иную сторону, будет и по остальным пяти районам, где еотов встречается очень мало.

Проведенный учет численности еотов в вышеперечисленных районах и материал, собранный по другим районам, дают нам возможность определить примерную плотность и численность еотов по каждому району области.

Небезинтересно отметить и тот факт, что наибольшее количество еотов встречается в лесных районах. Еоты в основном предпочитают заселять окраины леса и кустарники, расположенные около болот и на склонах холмов, у коренных берегов рек, пойм и оврагов, не заходя далеко в глубь леса. Безлесные или малолесные районы области заселяются ими в малом количестве.

Общее поголовье и плотность еотов по районам области по состоянию на 1949 год приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Учет еотов по районам области (по состоянию на 1949 год)

№№ п.п.	Наименование районов	Общая площадь района	Группа плотности	Количество учтенных еотов
1	2	3	4	5
1	Андреевский	128 755	II	76
2	Батуринский	111 341	II	67
3	Велижский	149 980	II	81
4	Всходский	154 615	II	84
5	Вяземский	149 785	I	374
6	Гжатский	144 131	I	576
7	Глинковский	124 442	II	73
8	Демидовский	126 545	II	73
9	Дорогобужский	160 610	I	450
10	Духовщинский	130 941	I	327
11	Екимовичский	144 709	II	78
12	Ельнинский	183 087	II	109
13	Ершичский	113 685	III	47
14	Знаменский	129 554	I	321
15	Издешковский	117 301	II	79
16	Кардымовский	110 078	II	65
17	Кармановский	111 766	I	277
18	Касплянский	110 317	II	74

1	2	3	4	5
19	Краснинский	138 638	II	83
20	Монастырщинский	150 189	III	62
21	Новодугинский	121 744	I	304
22	Понизовский	88 273	II	51
23	Починковский	148 138	III	61
24	Пречистенский	126 098	II	72
25	Рославльский	143 665	II	85
26	Руднянский	149 931	I	283
27	Сафоновский	122 177	I	516
28	Семлевский	120 335	II	73
29	Слободской	123 244	I	277
30	Смоленский	193 445	II	105
31	Стодолищенский	116 702	III	65
32	Сычевский	125 381	I	313
33	Темкинский	127 308	I	318
34	Тумановский	103 930	I	342
35	Хиславичский	100 785	III	38
36	Холм-Жирковский	114 149	II	62
37	Шумячский	139 215	III	40
38	Ярцевский	107 559	I	264
Всего по области				6 645

Таким образом, по состоянию на 1949 год еноты встречались во всех районах области. По плотности заселения районы можно разбить на три группы. В первую группу входят районы с наибольшей плотностью, где на каждые 400 га площади приходится одна особь; во вторую группу — районы, где на 1 670 га приходится одна особь, и в третью группу — районы, где одна особь приходится на 2 400 га.

Данная плотность и разбивка районов по группам относится только к 1949 году. Несомненно, что это не постоянное явление, и дальнейшее расселение енотов по области, в силу ряда факторов, еще много раз будет менять эту картину как в пределах отдельных районов, так и в целом по области. Следует иметь в виду и то, что во многих районах области еноты появились только в послевоенный период и сравнительно за короткое время (3—4 года) успели размножиться до наибольшей плотности. В Слободском, Сычевском, Кармановском, Гжатском и других районах в одном помете находилось до девяти штук молодняка. Быстрый рост поголовья го-

всрит о том, что еноты в большинстве районов области нашли себе места, вполне обеспечивающие их биологические потребности, кроме того, организм животного приспособился к окружающим условиям, и еноты стали постоянными компонентами охотничье-промысловой фауны области.

Зимний промысел 1949—1950 годов показал, что даже при ограничении промысла количество добываемых шкурок данного вида значительно повышает продуктивность охотничьих угодий области.

Промысел енотов проводился ограниченно, т. е. отстрел разрешался по лицензиям, и только в отдельных районах области (по причине бешенства) производился дополнительный отстрел.

Следует отметить, что за зимний сезон 1949—1950 годов по области было отстрелено значительно больше енотов, чем принято заготпунктами области, так как известная часть их шкурок охотниками области была сдана на заготпункты соседних областей.

Неоднократно наблюдались случаи, когда еноты в Кармановском, Гжатском, Духовщинском, Сафоновском и других районах в зимнее и позднее осеннее время приходили в колхозы на скотные дворы, заходили в постройки и гонялись за мелкими домашними животными. В таких случаях енотов убивали, считая их бешеными.

Многолетние наблюдения показывают, что данный вид, в отличие от многих охотничье-промысловых зверей нашей области, менее осторожен и более доверчив к человеку и домашним животным, а при встрече с собакой останавливается и защищается. Эта особенность енота значительно облегчает его добычу. Следовательно, интенсивность промысла для данного вида является весьма существенным фактором, способствующим как росту поголовья, так и росту продуктивности охотничьих угодий. Поэтому при планировании роста продуктивности охотничьих угодий области за счет увеличения количества ценных пушных зверей необходимо иметь в виду возможность резкого изменения поголовья енотов за счет организации его добычи.

Проведенная работа позволяет сделать вывод, что уссурийский енот стал постоянным видом охотничье-про-

мысловой фауны Смоленской области. Любимыми местами его обитания являются обширные болота, заболоченные кустарники, леса, берега рек и озер. Открытые поля и луга посещаются редко.

Наибольшее количество енотов встречается в северных, северо-восточных и центральных районах области. В южных районах (Шумячский, Хиславичский, Монастырщинский и другие) енот редок.

В районах с наибольшей плотностью в период 1949 и 1950 годов неоднократно наблюдались случаи бешенства енотов.

Причины заражения енотов бешенством пока не изучены. Учитывая биологическую особенность енота не укрываться от преследующих его волков и собак, можно полагать, что источником заражения енотов бешенством являлись собаки и волки. В мае 1950 года на территории Глинковского и Кардымовского районов были обнаружены трупы павших енотов. На территории Соловьевского сельсовета, Кардымовского района, труп одного енота лежал в болоте среди густого ельника. Следов ранений и побоев не было заметно. Предполагается, что енот подох по причинам какой-то болезни. На территории Глинковского района, в заболоченной пойме реки Прудянки, в мае 1950 года были обнаружены два разложившихся трупа енотов.

В Демидовском и Монастырщинском районах области в мае 1950 года, вблизи от волчьих логов, обнаружены ключья шерсти и шкуры енотов, разорванных волками. Преследование енотов волками отмечалось также и в Руднянском районе.

Уссурийский енот в Смоленской области стал широко распространенным зверем. Во многих районах области поголовье их превышает поголовье лисиц. В 1951 году в Новодугинском, Кармановском, Сычевском, Касплянском, Глинковском и других районах области наблюдался приплод молодняка в количестве 7—9, а иногда и 11 штук. Общее поголовье енотов в Смоленской области в 1951 году по сравнению с 1949 годом увеличилось на 58 процентов.

С момента введения ограниченного промысла на енота продуктивность охотничьих угодий значительно возросла.

Положительный опыт акклиматизации енотов дает основание заняться акклиматизацией ондатры, нутрии, расселением бобра, выхухоли и других пушных видов.

ВЫХУХОЛЬ (*Desmana moschatà*)

Выхухоль — довольно крупный насекомоядный зверек. Длина тела достигает 22 см, вес — 300—400 г. Тело имеет вальковатую форму. Большая голова, посаженная на короткую шею, несколько сплюснута сверху вниз и вытянута в хоботок. Хвост выхухоли сплюснут с боков и, в отличие от многих животных, покрыт не шерстью, а чешуей.

Блестящий и шелковистый мех выхухоли на спине имеет буро-серый, а на брюхе — серебристо-белый цвет.

За последние годы ареал выхухоли значительно расширился. В настоящее время она встречается в бассейнах рек Волги, Дона, Днепра и Урала.

Жизнь выхухоли связана с водой, в ней она находит пищу, укрывается от врагов и на поверхности появляется только в случаях крайней необходимости.

Местами ее постоянного обитания являются старицы, заводи, вообще водоемы с медленно текущей или стоячей водой, поросшие аиром, камышом, стрелолистом и другими растениями. Наиболее благоприятны для жизни выхухоли водоемы, расположенные вблизи леса или с возвышенными берегами, где зверьки во время половодья находят укрытие. Мелкие промерзающие водоемы для жизни выхухоли не пригодны, как и глубокие, малокормовые. Наиболее подходящими для жизни выхухоли являются водоемы с глубиной от 1 до 2 м.

Норы свои выхухоль устраивает в берегах, вход в которые всегда находится в воде. Гнездовая камера расположена выше уровня воды.

Пищу выхухоли составляют пиявки, черви, водяные улитки, моллюски, мелкие рыбы и растения.

Размножаются выхухоли обычно весной. Массовое спаривание происходит при разливе рек, и через 45—50 дней появляются молодые в количестве 2—5 штук. Беременные самки встречаются и осенью.

Первые попытки расселения выхухоли по Смоленской

области были произведены 19 октября 1929 года. Пять выхухолей из поймы реки Воронежи были выпущены в Вонляровские пруды Смоленского района. Зверьки довольно успешно освоились в новых местах, и их поголовье заметно возрастало. С 1929 по 1933 год в местах выпуска и их окрестностях были отловлены 24 выхухолы. По берегам Вонляровских прудов общей площадью около 10 га в 1932 году насчитывалось более 30 жилых норок выхухолей. В 1933 году, в силу больших весенних паводков, плотины прудов сорвало, и пруды в течение длительного периода представляли собой маленькие лужи воды с оголенными суглинистыми берегами, совершенно не пригодными для обитания выхухолы. Выхухолы оставили пруды и разбрелись. Часть зверьков переместилась в реку Днепр, а очень незначительное количество — в Купринское озеро. Выхухолы в озере Куприно в ту же весну были отловлены местными рыбаками.

В 1938 году по линии «Союззаготпушнина» была завезена партия выхухолей в количестве 363 штук. Зверьки выпускались небольшими группами, с 14 августа по 10 сентября, из них 287 штук — в пойме реки Днепра и 96 штук — в пойме реки Остра.

В пойме Днепра выхухоль выпускалась в более крупные старицы, расположенные на территории Кардымовского и Ярцевского районов. На территории Кардымовского района всего выпущено 100 выхухолей. Все зверьки выпускались в старицы, расположенные на территории Соловьевского сельсовета. В водоемы Ярцевского района зверьки выпущены в старицах, расположенных в диаметре 10 км.

Старицы, заселенные выхухолью, однотипны. Берега их в большинстве случаев покрыты зарослями лозняка и ольхи. Из прибрежной растительности в большом количестве встречаются осоки, аир, стрелолист, ситник, местами хвощ и другие растения. Глубина стариц колеблется от 1 до 2 м и реже — до 3 м. Общая площадь, занятая водой каждой старицы, равна 1—5 га. В период летних засух старицы быстро мелеют.

На территории Шумячского района 96 выхухолей выпущены в старицы, расположенные на территории бобрового хозяйства. По характеру берегов и наличию растительности все старицы однотипны. Высокие двух-трех-

метровые берега покрыты густыми зарослями лозняка, ольхи, осины и других пород. Прибрежная и водная растительность представлена осоками, аиром, хвощем, ситником, стрелолистом, кубышками и другими.

В пойме реки Днепра постановлением Президиума Смолблесполкома от 28/IX. 1938 года был организован выхухольный заказник площадью около 57 000 га. На территории заказника запрещалась охота и рыбная ловля.

Выхухоли, выпущенные в пойме Днепра, заселили более крупные старицы и частично притоки, а обмелевшие водоемы оставили и перекочевали в другие, удаленные от мест выпуска на десятки километров. Особенно большое количество выхухолей встречалось на реке Вопи, около города Ярцева. Отдельные экземпляры были пойманы рыбаками в реке Устром, на территории Глинковского района. Осенью 1939 года на территории Кардымовского района следы деятельности выхухоли обнаружены в старицах, расположенных на правом берегу реки Днепра. На территорию Ярцевского района выхухоль ушла из Черного, Чухомского и Андреевского озер, а в Читовском озере, где были выпущены 63 выхухоли, учтены только 25 нор, посещаемых зверьками.

В пойме реки Остра выхухоль встречалась примерно в 5—10 км от мест выпуска.

В 1940 году выхухоль расселилась по рекам Кардымовского, Духовщинского, Ярцевского, Дорогобужского, Глинковского, Рославльского, Шумячского и Ершичского районов. За годы Отечественной войны ареал обитания выхухолей резко изменился, изменилась и общая их численность. В тех местах, где, в силу военных действий, угодья подверглись бомбардировке, поголовье выхухолей резко уменьшилось, а в местах, где боевых действий не было, поголовье их возросло.

По состоянию на 1950 год выхухоль отмечена на реках Ершичского, Шумячского, Ярцевского, Кардымовского и Дорогобужского районов. В других районах области наличие выхухоли пока не установлено.

К числу рек, заселенных выхухолью, относятся: Днепр, Устром, Вопь, Ужа, Лосьмена, Осьма, Удва, Ракита, Великая, Ельча, Вороница, Ипуть, Шумячка, Немка и Остер.

Река Днепр. В пойме реки Днепра выхухоль встречается на участке между населенными пунктами Пнево-Слободище, Кардымовского района, и Молодилово, Дорогобужского района.

На заливных лугах поймы, простирающихся в ширину местами до трех и более километров, имеется громадное количество однотипных озер-стариц, самых разнообразных по размерам. Отдельные старицы напоминают собой лужи с зеркалом воды не более 0,01 га, при глубине 0,5 м, а многие имеют вид настоящих озер, с зеркалом воды до трех и более гектаров.

Прибрежная растительность развита довольно хорошо как в больших, так и в мелких старицах. В низких, заболоченных местах поймы встречаются густые заросли лозняка, ольхи, бузины и рябины, а на возвышенных простираются дубовые насаждения с незначительной примесью ясеня, клена и отдельные островки березняка и осинника с одинокими старыми соснами в них.

Из многочисленного количества озер, расположенных в пойме реки Днепра между населенным пунктом Пнево, Кардымовского района, и городом Дорогобужем, выхухоль заселяет Большое Буяновское, Старый Днепр, Сенное, Черное, Читовское, Климовское и другие.

Все эти озера-старицы однотипны. Одни из них достигают площади 4 га при глубине до 3 м, а другие не превышают 0,5 га и имеют глубину до 1 м. Берега озер, как правило, покрыты зарослями лозовых и ольховых кустов. Прибрежная и водная растительность развита хорошо.

Выхухоль в данных озерах живет с 1938 года. В 1950 году количество учтенных жилых нор выхухولي составляло: в Буяновском озере — две, в Старом Днепре — семь, в Сенном озере — пять, в Читовском — одна, в Перекопском — одна.

По данным, полученным от местного населения, известно, что выхухоль в данных озерах встречается каждый год.

Довольно большой интерес для обитания выхухолей представляют озера, расположенные около населенных пунктов Бобоедовка, Власово и около Дорогобужского льнозавода. По величине озера почти одинаковые, примерная площадь каждого из них около 2 га. Все они соединяются с основным руслом реки Днепра небольшими

пересыхающими протоками. Наибольшая глубина достигает 2,5 м.

На отдельных участках берега покрыты густыми зарослями лозняка и ольхи. Прибрежная растительность развита хорошо. Выхухоль заселяет озера с 1943 года. Местные охотники и рыбаки ловят выхухоль довольно часто и шкурки сдают Дорогобужскому заготпункту «Заготживсырье». Наибольшее число выхухоль отлавливается в весеннее время.

В озере Власовском обнаружены 11 жилых нор выхухоль, в Бобоедовском — три норы и в озере, расположенном около льнозавода, — девять нор.

Выше города Дорогобужа выхухоль встречается в Молодиловском и Мартыновском озерах. Мартыновское озеро имеет площадь около 5 га. Лежит оно в 200 м от русла реки Днепра. Берега поднимаются над уровнем воды до 2—3 м и покрыты редкими кустами лозняка. Водная растительность, состоящая из ситника, аира, стрелолиста и осок, развита хорошо. Глубина озера 1—2 м. Дно почти все покрыто подводной растительностью. Выхухоль в озере живет с 1945 года: При обследовании по берегам учтены 15 жилых нор.

Молодиловское озеро по величине в два раза меньше Мартыновского. Берега более крутые и густо заросли кустами лозняка и ольхи. Водная растительность развита хорошо. Выхухоль в озере появилась в 1945 году. По берегам озера учтены семь жилых норок.

Река Устром берет свое начало у населенного пункта Садки, Ельнинского района, Смоленской области, и на территории Кардымовского района впадает в реку Днепр. На всем протяжении она протекает по лесным массивам с кустарниковыми зарослями и лишь на небольших участках — по открытой пойме заливных сенокосных угодий.

Берега реки в основном низкие, заболоченные, с зарослями аира, ситника, тростника, стрелолиста и осок. В отдельных местах берега поднимаются над уровнем воды на 1—2 м и покрываются густыми зарослями лозовых и ольховых кустов.

В мае 1939 года на реке были пойманы две выхухоль, шкурки которых поступили на заготовительный пункт Глинковского района. Весной 1949 года вблизи деревни

Коровники, Кардымовского района, плавали три выхухоли, укрывавшиеся на разливах вблизи построек. Одна выхухоль была убита.

В настоящее время жилые норы выхухоли обнаружены на берегах реки около бывшей мельничной плотины, выше деревни Коровники. Выхухоль встречается на протяжении всей реки Устрома, но в очень малом количестве. На расстоянии примерно 20 км учтены только восемь жилых нор.

Река Вопь. На берегах реки около города Ярцева весной 1939 года были пойманы две выхухоли, шкурки которых сданы Ярцевскому заготпункту «Заготпушнины». В последующие годы неоднократно отмечались случаи ловли выхухолей рыбаками на протяжении всей реки. В районе впадения реки Вопи в реку Днепр весной 1949 года рыбаками деревни Буяново, Кардымовского района, была поймана одна выхухоль.

Берега реки Вопи более высокие, чем берега реки Устрома. Древесная растительность, состоящая в основном из лозовых кустов, встречается в малом количестве. Ситник, стрелолист, аир, осоки и другие растения встречаются в большом количестве.

В районе Ярцева река протекает по открытой пойме, частично занятой посевами сельскохозяйственных культур и частично — сенокосными угодьями. На участке между городом Ярцево и впадением в реку Днепр учтены 10 жилых норок выхухолей.

Река Ужа по величине почти одинакова с рекой Устромом. Она берет свое начало в болоте, расположенном в 6 км от города Ельня, и впадает в реку Днепр, примерно на 10 км ниже города Дорогобуж. Извилистое русло реки образует большое количество заводей и плёс. Течение воды медленное, берега высокие, с наличием кустарниковых зарослей ольхи и лозняка. Прибрежная растительность местами развита хорошо.

Выхухоль на реке встречается с 1939 года. Весной 1949 года охотникам населенных пунктов Волкова и Власова, Усвятского сельсовета, Дорогобужского района, попало в рыболовные снасти несколько десятков штук выхухолей. Особенно много было поймано выхухолей в период весеннего перегораживания рек. Один охотник из деревни Слойково весной 1949 года поймал более

20 выхухолей. На всем протяжении русла реки учтены 55 жилых норок выхухолей.

Река Лосмена. Общая длина реки около 20 км. В нижней части река крутобережна и извилиста. Крутые берега поднимаются над уровнем воды до 2 м. Кустарниковые заросли, состоящие из лозняка и ольхи, встречаются по берегам реки только в её нижней части. Тростник тянется узкой полосой по берегам реки на протяжении более 10 км. Из другой растительности многочислен стрелolist и кубышка, реже встречается ситник, хвощ и аир. Глубина реки в заводях достигает 2 м. Течение в заводях и вирах медленное.

Выхухоль в реке появилась в 1939 году. Один охотник из деревни Макеево, Соловьевского сельсовета, Кардымовского района, сообщил, что выхухолей в реке Лосмене было очень много. Каждый раз, когда он проходил около реки, всегда встречал зверьков, особенно часто видел их вечером, во время заката солнца. Зимой 1948—1949 годов, в период зимнего половодья, когда берега реки были залиты водой, на берегах реки лежали трупы выхухолей. В декабре 1948 года, при выпадении первого снега, на льду был обнаружен труп выхухоли без головы. По следам было видно, что выдра вытащила выхухоль из воды на лед, отгрызла ей голову и сама ушла вдоль берега реки. В другом месте несколько позже была обнаружена половина тушки выхухоли, опять же съеденной выдрой.

При обследовании реки Лосмены повсюду встречались следы выдры. Жилые норы выхухоли найдены в нижней части реки. Норы устроены в заводях и вирах. Всего учтены семь жилых нор.

Река Водва по величине в два раза меньше реки Лосмены. Впадает в реку Днепр на территории Слободского сельсовета, Кардымовского района, примерно на 3 километра ниже реки Лосмены. Русло извилистое, с множеством заводей и виров. Низкие заболоченные берега мало пригодны для устройства нор. Две жилые норы выхухолей обнаружены в вирах, где берега возвышаются над уровнем воды на полтора метра.

Реки Ракита и Великая впадают в реку Днепр на территории Ярцевского района. Общая длина каждой из них около 15 км. Как одна, так и другая более поло-

вины своего пути протекают по лесным дачам. Берега в основном низкие, заболоченные и только в отдельных местах возвышаются на 1—2 м над уровнем воды. Течение рек медленное. Русло извилистое, с множеством заводей, достигающих глубины 2 м. Прибрежная растительность представлена тростником, осоками, аиром, хвощом и ситником.

Выухоль встречается по рекам с 1939 года. Жилые норы обнаружены только в нижнем течении рек. По берегам реки Ракиты на протяжении 5 км обнаружены четыре жилые норы, а по берегам реки Великой на таком же протяжении — три жилые норы.

Река Ельча относится к группе малых лесных рек, берет начало на территории Дорогобужского района и здесь же впадает в реку Днепр. Общая ее длина около 15 км. В летний период пересыхает и образует отдельные небольшие заводи — плёсы, глубиной до 1,5 м. Берега заводей, как правило, покрыты густыми зарослями ивняка и ольхи. Прибрежная растительность представлена ситником, аиром, осоками, глубоководная — стрелолистом, кубышками.

В весенний период 1949 года местное население часто наблюдало выухоль на плёсах, расположенных на 1 км выше деревни Ковали. Рыбаками деревни Ковали весной 1949 года были пойманы в норе шесть выухолей: одна старая и пять молодых. При впадении реки Ельчи в реку Днепр обнаружены две жилые норы выухолей.

Река Осьма. Общая длина реки около 70 км. Протекая по Семлевскому и Дорогобужскому районам, река Осьма принимает восемь рек, длиной до 15 км каждая. Берега реки Осьмы местами возвышаются до 2 м над уровнем воды, а на отдельных участках снижаются к самому уровню, образуя довольно большие заболоченные низины, обильно покрытые прибрежной растительностью. Кустарниковые заросли, состоящие из лозняка и ольхи, покрывают берега реки почти на всем ее протяжении. Течение воды в основном медленное и на отдельных широких местах, особенно на поворотах и в заводях, еле заметное.

Выухоль заселяет нижний участок реки протяженностью до 20 км. На всем этом участке берега учтена 21 жилая нора.

Река Ипуть. В период с 31 августа по 2 октября 1939 года в урочище «Кобыльях заводь», расположенном в пойме реки Ипути на территории Клетнянского района, Брянской области, была выпущена партия выхухолей в количестве 159 штук. Вскоре выхухоль начала расселяться вверх и вниз по пойме реки Ипути.

На территории Ершичского района, Смоленской области, выхухоль появилась в 1940 году, но до 1945 года об ее существовании мало кто знал. В 1945 году на реке Воронице, впадающей в реку Ипуть, рыбаками было поймано около 40 выхухолей, шкурки которых сданы Ершичской райзаготконторе потребсоюза. Такое же примерно количество шкурок выхухолей, добытых в пойме реки Ипути, было доставлено в Ершичи и от охотников, проживающих в деревне Растьиньки.

Выхухоль по пойме реки Ипути встречается от южной границы района вверх до населенного пункта Рудня. На всем этом протяжении поймы и русла реки, равном 40 км, обнаружены 60 жилых нор выхухолей, из них половина — в берегах стариц, а половина — в берегах основного русла.

Река Ипуть на всем протяжении по Ершичскому району имеет медленное течение с наличием больших заводей, берега которых обильно покрыты прибрежной растительностью и местами лозовыми кустами, свисающими над водой. В нижней части реки, на участке примерно 20 км, в пойме находится большое количество стариц. Размеры и формы стариц разнообразны. Самая крупная из них достигает площади 1 га, а самая мелкая — 0,2 га. Берега стариц и заводей покрыты кустарниковой и прибрежной растительностью. Глубина наиболее крупных из них достигает 2 м.

Река Вороница имеет длину около 50 км. Свое начало берет на территории Рославльского района. Протекает по Дубровскому району, Брянской области, и на территории Ершичского района, Смоленской области, впадает в реку Ипуть. Течение медленное. Русло извилистое, с большим количеством заводей. Возвышенные берега в отдельных местах покрыты зарослями ивняка и ольхи. Прибрежная растительность развита хорошо. Айр и осоки встречаются почти на всем протяжении реки. Выхухоль обнаружена в нижней части реки, где на

протяжении 10 км основного русла реки учтены 43 жилые норы.

Река Остер. В пойме реки Остра, на территории Шумяцкого района, были выпущены 96 выхухолей. Весной 1939 года выхухоль широко расселилась по пойме Остра и по его притокам Немке и Шумячке. Отдельные особи встречались на расстоянии 10—12 км от места выпуска.

Наибольшее количество выхухолей обитало в местах выпуска. По данным охотсторожей бобрового хозяйства известно, что в течение всего летнего периода 1948 года выхухоль встречалась только в озере Романова Лука и Черное. В обоих озерах насчитывалось примерно по 15 выхухолей.

Река Шумячка. При обследовании реки Шумячки от районного центра Шумячи, вниз до впадения в реку Остер, обнаружена одна жилая нора выхухолей. Река Шумячка на данном участке, равном примерно 8 км, имеет большое количество виров и плёсов с тихим течением воды. Берега крутые, возвышающиеся над уровнем воды от 1 до 2 м. Прибрежная растительность местами развита хорошо, а на отдельных участках почти отсутствует. Берега большей частью покрыты кустами ольхи и режы — лозняка. Наибольшая глубина достигает 2 м.

Река Немка является правым притоком реки Остра и впадает в последнюю около населенного пункта Хоронво. Общая длина ее около 25 км. Русло реки извилистое, с множеством заводей и плёсов. Наибольшая глубина — 2 м. Около 10 км в своем нижнем течении река пересекает лес и кустарниковые заросли. Пойма реки заболоченная. Берега возвышаются над уровнем воды на 1—3 м. Прибрежная растительность развита хорошо. На расстоянии примерно 8 км в нижней части реки обнаружены две жилые норы выхухолей.

Подводя итоги работы по расселению выхухолы на территории Смоленской области, следует отметить, что общее поголовье выхухолей невелико. Всего учтено 309 жилых нор, в том числе в Кардымовском районе — 19, в Ярцевском — 32, в Шумяцком — 33, в Ершицком — 103 и Дорогобужском — 122. Учитывая, что в осенний период на одну выхухоль приходится примерно по одной норе, общее поголовье выхухолей на территории области определяется примерно в 300 штук.

Несомненно, указанное количество учтенных жилых нор нельзя считать абсолютной цифрой, так как часть их в силу разных причин могла быть и не учтена.

Выхоль на территории Смоленской области расселилась по типичным стациям, вполне пригодным для ее обитания. В местах ее нахождения необходимо категорически запретить весеннее перегораживание рек и установку норотов и других рыболовных сооружений.

РЕЧНОЙ БОБР (Castor Fieber)

Речной бобр является одним из самых крупных грызунов; общая длина тела взрослых животных от 75 до 120 см, вес от 18 до 32 кг. Лопатообразный, сплюснутый в горизонтальном направлении хвост достигает в длину 35 см. Тело неуклюжее. Сравнительно небольшая голова посажена на короткую толстую шею. Ноги развиты хорошо, особенно задние; они длиннее передних и между пальцами имеют плавательные перепонки. Хвост при плавании выполняет функцию руля, а на суше, при сгрызании деревьев в сидячем положении, служит опорой и поддержкой тела.

Мех бобра бывает от светлокоричневого до почти черного цвета. Изменение окраски меха происходит в связи с местностью, возрастом и т. д. В одной отловленной в 1950 году семье бобров на реке Макеевке, Ершичского района, Смоленской области, один бобр был светлокоричневого цвета, а два других, по возрасту старше на один год, — черного цвета.

Пищу бобра составляют в основном мягкие древесные породы: осина, ива, тополь, ольха и многие водные растения. Во второй половине весны и летом бобр питается листьями и молодыми побегами деревьев, кустарников, стеблями и цветами водных и прибрежных трав, на зиму устраивает запасы кормов, состоящие из обрубков деревьев, веток и корневищ водных трав.

Размножается бобр один раз в год. Примерно в мае, после 105—107-дневной беременности, самка приносит в среднем 3—4 детеныша. Новорожденные бывают зрячими и примерно через день-два могут плавать. Половая зрелость наступает в двухлетнем возрасте. Продолжитель-

ность жизни бобра не установлена. Были случаи, когда в неволе бобры жили по 35 лет¹.

В далеком прошлом бобр был широко распространен по территории Смоленской области. Бассейны рек Западной Двины, Днепра и Оки славились множеством бобровых колоний. Бобровые гоны, как предмет специального повсеместного промысла, в древности имели исключительную ценность. Бобр уничтожался повсеместно. Его ловили с помощью собак, применяли сети, рожны, осоки, поволоды и коши. Усиленная погоня за бобрами с целью добычи меха и бобровой струи, имевших исключительно большой спрос на рынке, привела к тому, что в XVII веке бобр начинает быстро исчезать и уже к половине XIX века он находится на грани полного исчезновения. Бобр перестал существовать как промысловое животное, и бобровые гоны стали забываться. Некоторые ученые считали, что дни существования бобра сочтены и его полное уничтожение неминуемо. Так, Н. Холодковский в 1875 году писал: «Едва ли мы ошибемся, определив пятьюдесятью годами срок окончательного исчезновения бобров в Полесье»².

На территории бывшей Смоленской губернии во второй половине XIX века бобр был совершенно забыт, и когда в 1898 году было получено сообщение, что в районе Починка на маленькой речке, впадающей в реку Лучесу, пойман бобр, то к данному сообщению отнеслись с большим недоверием. Это были первые сведения о появлении бобров на Смоленской земле за вторую половину XIX века.

Начало XX века для Смоленской области является началом заселения бобрами мест их прежнего обитания. Бобры одиночками и небольшими семьями переселяются из Белоруссии на Смоленщину. В. Добровольский писал:

«В настоящее время бобры не водятся уже в Смоленской земле, однако, по моим наблюдениям, подтвержденным фактами, изредка появляются они в местах прежних становищ, отмеченных летописными данными, и перемещаются в бассейне реки Остра и Сожа и их

¹ Наумов С. П., Лавров Н. П., Биология промысловых зверей и птиц СССР, М. 1948.

² Холодковский Н., Жилища бобров в Минской губернии, «Природа» № 3, 1875, стр. 153.

притоках, снизу вверх, повинуюсь как бы какому-то инстинктивному влечению природы»¹.

Опубликованные материалы свидетельствуют о том, что бобры появляются в самых различных местах и что многие места их пребывания отмечены как места убоя бобров. Так, были получены сведения о поселении бобров в 1900 году на реке Остре около населенного пункта Пустосел; в 1902 году убили бобра на реке Вихре (у Мстиславля); в 1907 году убит бобр около населенного пункта Казаринка; в этом же году были получены сведения о бобровом поселении на реке Соже, при впадении в нее реки Хмары. В период с 1913 по 1924 год о распространении бобров сообщалось следующее: в 1913 году на реке Соже, в районе имения Васильевского, плавал труп бобра; на реке Скверете, около населенного пункта Соино, жила семья бобров; в 1914 году рыбаками Даньково (Починковский район) пойман бобр на реке Хмаре.

При советской власти началось планомерное изучение расселения бобров в Смоленской области кафедрой зоологии Смоленского университета.

С 1924 года кафедрой зоологии Смоленского Государственного университета под руководством профессора В. В. Станчинского проводились экспедиции, которые дали возможность более полно изучить места пребывания бобров. По состоянию на 1933 год места пребывания бобров были установлены на реке Соже около населенных пунктов Воробьевка, Хиславичи и при впадении реки Лызы; по реке Остру — у деревни Моховое, Старое Дедино, Ходуни, Холм и в озере Мотовилово; на реке Немке — у местечка Петровичи и деревни Днесино и на реке Соженке — около деревень Бедня и Устье.

Весьма интересное сообщение сделано о появлении бобров на реке Осьме, при ее впадении в реку Днепр (Дорогобужский район), и около населенного пункта Банды (Касплянский район). На реке Осьме в 1929 году бобр был пойман рыбаками, а около селения Банды в 1925 году бобра убили школьники, причем на сухом месте, примерно в 3 км от озера Каспля. Как первое, так и второе сообщения не проверены.

¹ Добровольский В. Н., Бобры в Смоленской земле, «Смоленская старина», вып. 1, Смоленск, 1915.

Обобщая результаты исследований по распространению бобров в бывшей Западной области, Г. Л. Граве указывает, что бобры в Западной области не строят хаток, плотин и колониями не живут. Общее поголовье бобров для Западной области определялось примерно в 20 штук¹.

С 1936 года и по настоящее время, занимаясь изучением распространения бобра в Смоленской области, мне предоставилась возможность произвести обследование всех рек, заселенных бобрами. В отдельных случаях одни и те же места обитания бобров изучались по нескольку раз, а другие — только один раз. Реки, заселенные бобрами, проверены довольно обстоятельно.

В результате всех исследовательских работ установлено, что поголовье бобров на территории Смоленской области с каждым годом увеличивается и они все больше заселяют разные реки бассейна Сожа.

Неоднократно приходилось отмечать, что бобры, изгоняемые из одного места, через несколько лет опять возвращались к своему старому селищу. Бобры обычно заселяют реки снизу вверх и только в период летних засух, когда верховье рек так сильно высыхает, что даже не спасают запруды, или когда разрушаются бобровые сооружения, они уходят на новые места.

В 1951 году на территории Смоленской области бобр встречался в восьми южных районах, заселяя 23 больших и малых реки. На берегах отдельных рек насчитываются десятки и сотни старых обрушенных бобровых нор.

В большинстве случаев в Смоленской области бобр живет в норах, вырываемых в берегах рек и стариц, и лишь на низких берегах некоторых рек строит хатки.

Река Сож. В 1949 и 1950 годах обследование реки Сожа производилось на всем ее протяжении в Смоленской области. Следы деятельности бобров обнаружены по берегам реки на территории Починковского, Хиславичского и Шумячского районов, но места постоянного их обитания расположены лишь на отдельных участках,

¹ Граве Г. Л., Речной бобр в пределах СССР и его хозяйственное значение, Труды по лесному опытному делу Центральной лесной опытной станции, вып. 14, 1931.

где, как правило, берега реки возвышенны и покрыты зарослями лозовых и ольховых кустов.

В верховье реки Сожа следы деятельности бобров обнаружены в районе Потемкинской мельницы. Здесь, на протяжении более 2 км, встречаются бобровые старые обрушенные и жилые норы, свежие и довольно давние погрызы лозняка, ольхи и т. д. На данном участке находятся два бобровых поселения. В каждом насчитывается по 3—4 жилые норы, видны тропы и лазы, по которым бобры таскают к воде сгрызённые ветки. Берега реки в местах расположения бобровых нор возвышаются до 2 м.

В районе впадения реки Хмары в реку Сож, на крутом берегу, поросшем кустами, встречаются свежие и старые бобровые погрызы лозняка, ольхи, тропы и более 10 старых обрушенных и жилых нор. Расстояние между жилыми норами около 10 м. Вход в жилые норы расположен под корнями ольховых кустов, примерно на глубине 60 см.

В окрестностях населенного пункта Устье, в берегах реки, возвышающихся над уровнем воды до 3 м, находятся бобровые норы, из которых две обрушены и две жилые. По берегам реки всюду видны свежие и старые бобровые погрызы.

Около селения Еловцы на левом, крутом берегу, возвышающемся над водой до 4 м, находятся 12 жилых нор. Выходы нор в воду расположены на глубине 40 — 60 см. На противоположном берегу встречаются свежие бобровые погрызы. Между жилыми норами насчитывается более 10 старых обрушенных нор. Часть нор обрушена весной 1949 года, а большинство — два-три года назад.

В районе селения Горки, на участке реки в 200 м размещено бобровое селище с наличием свежих троп, погрызов, шесть жилых и восемь обрушенных нор.

Следы деятельности бобров в виде погрызов лозняка, ольхи и отпечатков их лап обнаружены на песчаных берегах против населенного пункта Воробьевка. Берега реки и стариц местами густо поросли кустарниками ивы и ольхи. Среди большого количества старых обрушенных нор имеются две жилые, расположенные одна от другой на расстоянии 20 м.

Ниже районного центра Хиславичи река Сож протекает по открытой луговой пойме. Берега реки в основном отлогие, песчаные и только в нескольких местах имеют высоту до 3 м. Заросли ивы и ольхи встречаются небольшими участками, а в основном лишены растительности и совершенно не пригодны для обитания бобров.

В течение всей весны 1949 года одна пара бобров жила в норах, устроенных в левом берегу реки Сожа, против льнозавода, но примерно в середине мая они переселились в берег против населенного пункта Козлова Первого. Жилые норы устроены под корнями густых ивовых кустов. По берегам встречаются свежие погрызы ивняка и аира.

В районе селения Трипутино, на участке реки примерно в 1 км, находятся два бобровые селища. Как в одном, так и в другом поселении встречается большое количество старых и свежих погрызов ивняка. Всюду заметны тропы, по которым бобры таскают к воде ветки. Около жилых нор на дне реки лежат обгрызенные ветки.

Против селения Ускосы следы деятельности бобров обнаружены в двух местах, там, где берега реки покрыты зарослями ивняка и ольхи. В каждом из данных участков живет по одной семье. Расстояние между семьями около 2 км. Ниже Ускосов большая колония бобров в июле 1950 года оставила норы в берегах основного русла реки и переселилась в старицу. По берегам старицы в течение одного месяца бобры вырыли 14 нор длиной до 3 — 5 м каждая. Старица имеет отлогие берега, возвышающиеся над водой до 3 м. При впадении в Сож реки Городчанки извилистое русло реки в трех местах соединяется с довольно глубокими старицами. Берега стариц и основного русла покрыты сплошными зарослями ивы. В старицах в большом количестве растет аир, хвощ, осока, кувшинки, стрелолист и другие. Свежие и старые бобровые погрызы ивняка встречаются по берегам реки и стариц. На протяжении 2 км учтены 47 обрушенных и шесть жилых бобровых нор, в которых живут две семьи бобров.

Ниже селения Стайки, до границы с БССР, бобры живут в двух местах. Жилые норы имеют расчищенные выходы под корнями зарослей на глубине от 0,5 до 1 м. Бобры в этих местах живут около 20 лет.

В июле 1950 года по берегам реки Сожа, на территории Починковского, Хиславичского и частично Шумячского районов учтены 13 поселений бобров. В каждом поселении живет одна семья, которая занимает берег реки на протяжении 100 — 200 м. Отдельные поселения состоят из двух семей. Всего по реке Сожу на данном участке живет около 16 семей бобров. Поселения обычно размещаются в местах, где река покрыта кустарниковой растительностью и пойма реки имеет высокие берега или участки леса. Все места обитания бобров в основном однотипны.

Бобры на реке Соже живут в малопригодных условиях: днем по берегам реки ходят люди и пасется скот, а ночью рыбаки ловят рыбу.

Река Вихра берет начало в Смоленском районе, протекает через весь Монастырщинский район и на территории БССР впадает в реку Сож. На территории Смоленской области Вихра имеет длину, равную примерно 132 км. Русло реки извилистое, с большим количеством плёсов, виров и заводей, глубиной до 3 м. Следы деятельности бобров по берегам реки встречаются от границы с БССР вверх до населенного пункта Соболево. На данном участке реки, равном 74 км, живут 10 семей бобров. Их норы устроены в берегах реки, поднимающихся над уровнем воды до 3 м.

Большое удобство для обитания бобров представляет река Вихра на участке между населенными пунктами Туфля и Пепелевка. Здесь река протекает по сенокосным угодьям поймы, простирающимся от 300 до 800 м в ширину.

Правый берег поймы в местах приближения основного русла реки возвышается над рекой на 30 — 50 м, образуя гору, покрытую зарослями лиственных пород, где бобры в период весенних разливов находят себе временное жилище.

Около деревни Туфли реку перегораживает мельничная запруда, и дальше, вниз от запруды до Пепелевки, река течет по двум руслам, образуя остров площадью до 25 га.

Глубина воды как в новом, так и старом русле около 3 м. Берега возвышенны и только на небольших участках

понижаются, образуя небольшие заболоченные места с большим количеством почвенных вод. Грунт берегов торфяной. На берегах реки растут кусты лозы и ольхи. Водная растительность развита хорошо. Особенно много осок, айра, ситника, стрелолиста, кувшинки белой и желтой; а по берегам — клевера, конского щавеля, крапивы и других растений.

Жилые и старые обрушенные бобровые норы встречаются повсеместно. Примерно на 1 км береговой линии приходится до 20 нор. Более половины нор обрушилось много лет тому назад, а часть — в 1949—1950 годах. Норы, как правило, обрушиваются скотом, который почти все лето пасется по берегам реки.

Бобры в данных местах живут около пятидесяти лет. Старики деревни Туфля говорят, что бобры водились на их реке еще в старое время: в 1902 году здесь был пойман один бобр.

В 1951 году по двум руслам реки, между деревнями Туфлей и Пепелевкой, жили не менее двух семей бобров. Причиной медленного размножения является хищническое уничтожение бобров браконьерами.

Река Руфа берет начало на территории Краснинского района и впадает в реку Вихру на территории Монастырщинского района.

Общая длина реки около 20 км. Берега в основном высокие и крутые. Русло извилистое, с большим количеством заводей и виров. Наибольшая глубина заводей и виров до 2 м при ширине от 8 до 10 м. В отдельных местах река сужается до 3 — 4 м.

Следы деятельности бобров в виде нор, свежих и старых погрызов лозняка встречаются по берегам реки на участке между ее впадением в реку Вихру и селом Доугово. Бобры в реке живут около 10 лет.

Жители селения Перепечино сообщают, что до войны бобров на реке не замечали, первый бобр был пойман в 1942 году. С тех пор бобров по реке видят ежегодно.

Летом 1950 года бобры жили в трех местах реки.

Река Хмара берет начало на территории Глинковского района, протекает по Починковскому и на границе Хиславичского впадает в реку Сож.

Бобры на реке Хмаре когда-то водились в большом количестве, но в середине XIX века об их существовании

ничего не было известно. В мае 1914 года рыбаками был пойман один бобр, шкура которого поступила в естественно-исторический отдел Смоленского музея.

Река Хмара на протяжении 20 км, от города Починка до населенного пункта Базылевка, для заселения бобрами мало пригодна. Следы деятельности бобров в виде погрызов лозовых зарослей и жилых нор обнаружены в трех местах. На участке реки между Базылевкой и впадением реки Хмары в реку Сож пойма реки резко расширяется. Ее луговые просторы местами покрываются густыми зарослями лозняка и ольхи. Извилистое русло реки образует большое количество широких плёсов и впадин с тихим течением воды. Высокие берега покрыты густыми зарослями лозняка. Прибрежная и водная растительность представлена аиром, кувшинкой желтой и белой, стрелолистом, режее хвощом, тростником и ситником.

Здесь, примерно на протяжении 500 м реки, встречаются норы, тропы и свежие погрызы ивовых и ольховых зарослей. Большое количество нор обрушено и только две имеют следы частого посещения бобрами.

Одна семья бобров поселилась против деревни Киселевки. На возвышенных берегах речки, поросших довольно густыми зарослями ивняка и ольхи, находится большое количество погрызов, две тропы и три жилые норы.

Около населенного пункта Даньково, на берегах реки встречаются только погрызы ивовых зарослей.

Выше Починка следы деятельности бобров встречаются при впадении реки Лучесы, где также возможно постоянное нахождение бобров (в количестве одной семьи).

Река Глуботынь является притоком реки Хмары. Общая длина ее около 16 км.

Следы деятельности бобров в виде нор, троп, старых и свежих погрызов ивняка встречаются по берегам реки на участке между деревнями Климовичи и Егоровка.

Выше деревни Климовичи, на протяжении 2 км реки, находятся две бобровые запруды.

Одна плотина устроена бобрами весной 1951 года, а вторая начала строиться в сентябре и, по существу, уровень воды поднимает только на 5 см.

После весеннего спада воды бобры соорудили одну большую плотину—при впадении в Глуботынь речки Дружны.

Плотина имела длину около 8 м и поднимала уровень воды до 1 м. Местное население разобрало плотину в июле 1951 года, и бобры перекочевали выше, где и начали строить новую плотину. В местах нахождения плотины имеется большое количество погрызов ивняка, ольхи, тропы и жилые норы. Бобры в данных местах живут примерно с 1948 года.

Река Дружна. В месте своего впадения в реку Глуботынь напоминает пересохшую канаву шириной 1—2 м, в которой еле заметна вода. Общая длина речки около 4 км. В верхней части она прокопана и русло прочищено. Река протекает по заболоченным густым зарослям ивняка, ольхи, калины, бузины и других кустарников. Крапива, тростник, осоки и другие болотные растения тянутся вдоль русла реки довольно широкой полосой.

В нижней части реки, примерно на протяжении 500 м, бобры устроили пять плотин. Каждая плотина поднимает уровень воды до 1 м. Расстояние между плотинами 20—80 м. По берегам реки имеется большое количество бобровых троп, погрызов ивняка, ольхи. Бобры на данной речке поселились в 1950 году и до сентября 1951 года жили спокойно. Болото напоминало собой «бобровый городок». Кроме нор и плотин, они рыли канавы, по которым за несколько десятков метров сплавляли корм и строительный материал. Но с сентября 1951 года в данном болоте пасется скот, и деятельность бобров приостановилась.

Река Упинка является правым притоком реки Сожа. Общая длина реки около 15 км. Русло извилистое, образующее виры и плёсы, глубиной до 1,5 м. В летний период местами пересыхает и между глубокими вирами превращается в канаву с журчащей водой, через которую легко перешагнуть. Берега на отдельных участках поднимаются над уровнем воды до 1—2 м. Кустарниковые заросли, состоящие из лозняка и ольхи, распространены по берегам реки неравномерно.

Бобровые погрызы лозовых кустарников, старые и свежие норы встречаются по берегам реки на протяжении более 500 м от ее впадения в реку Сож. Одна семья бобров заселяет реку Упинку с 1938 года. Бывают периоды, когда бобры на реке Упинке не живут несколько лет, а потом опять появляются.

Река Березина впадает в реку Сож около населенного пункта Воробьевка, расположенного в 2 км от Хиславич. По величине она относится к малым рекам; ее общая длина составляет около 20 км.

Следы деятельности бобров обнаружены на участке между населенными пунктами Гутка и Печерск. На протяжении 2 км по берегам реки, среди зарослей лозы встречаются свежие бобровые погрызы. Жилые бобровые норы расположены в трех местах, отдаленных одно от другого на 300 м. В каждом месте живет по одной семье бобров.

Река Белица является левым притоком реки Сожа и при впадении в нее достигает ширины 5 м, а глубины 1 м. Русло реки извилистое, течение медленное. Крутые берега, поднимающиеся до 2 м, густо покрыты лозовыми кустами. В 200 м от ее впадения в реку Сож, среди зарослей лозняка, находятся свежие и старые бобровые погрызы и две жилые бобровые норы.

Река Городчанка впадает в реку Сож около селения Городчанка, Хиславичского района.

По реке Городчанке бобры живут выше деревни Александровки; бобровые норы, погрызы ивовых зарослей, тропы и плотины встречаются на протяжении 2 км реки.

В первых числах июля 1951 года на берегах реки Городчанки находились свежие погрызы и три жилые норы. Выход нор в воду расположен на глубине 0,5 м. Глубина реки в местах нахождения следов деятельности бобров достигает 2 м.

Река Скверета, как и многие другие мелкие притоки реки Сожа, имеет длину около 20 км. Свое начало она берет на территории Хиславичского района и вблизи деревни Рудня впадает в реку Сож.

Бобры на реке Скверете живут с давних времен. Они много раз исчезали и появлялись. Последний раз они поселились в районе урочища «Студеный колодец» в 1944 году.

Река протекает по заболоченной пойме, поросшей лозовыми, ольховыми и другими кустарниками. В пойме к самому руслу реки подходит небольшой участок леса, состоящий в основном из лиственных пород.

Извилистое русло реки образует большое количество плёсов и виров, глубиной до 2 м и шириной до 10 м.

Течение реки медленное. Около Рудни устроена мельничная запруда, образующая пруд площадью около 5 га. На расстоянии примерно 700 м от пруда в пойме, заросшей густыми зарослями ольхи, лозняка, калины, бузины и других пород, река разделяется на два русла, которые образуют остров площадью до 4 га.

Ниже населенного пункта Скверета, на протяжении примерно 2 км по берегам реки, насчитывается около 60 обрушенных бобровых нор. Норы, как правило, обрушались ранней весной пасшимся скотом. Жилые норы находятся в двух местах, удаленных одно от другого на 500 м.

В местах расположения нор находятся свежие бобровые погрызы лозовых кустов и небольшие полуразрушенные запруды, поднимающие урвень воды лишь до 10 см.

По данным, полученным от местного населения, известно, что еще в 1948 году в урочище «Студеный колодец» бобры жили колонией в количестве 6—7 семей, а в июне 1949 года их поголовье уменьшилось до двух-трех семей. В 1950 году в урочище «Студеный колодец» жили две семьи бобров.

Река Соженка впадает в реку Сож на территории Шумяцкого района. В свое время извилистая река протекала по заболоченной пойме, образуя большое количество стариц, виров и заводей. В период с 1937 по 1939 год на участке между селениями Бедня и Бабичевка русло реки выпрямлено и заболоченная пойма значительно осушена.

Бобры на реке Соженке живут с далеких времен. Как было отмечено раньше, после весьма длительного периода бобры появились здесь в 1918 году, а в 1927 году ушли.

Более крупная колония бобров жила выше Бабичевки, в глуши ольхового болота, где река имеет очень тихое течение и довольно глубокие заводи и плёсы. На протяжении почти всего болота берега реки покрыты зарослями лозы, ольхи и бурьяном. По берегам реки и в воде лежит большое количество деревьев, сгрызенных бобрами. Отдельные деревья, сгрызенные ими, имеют толщину до 25 см. Русло реки в двух местах перегородено бобровыми запрудами, которые поднимают

уровень воды на 20 см. По берегам реки, на протяжении примерно 500 м, насчитываются 23 бобровые норы, из коих восемь жилые и остальные нежилые. В двух местах, где норы обвалились, бобры натаскали большие кучи разных обрезков деревьев и хвороста, которые впоследствии употребили на свои хатки. Среди густых зарослей находится более 10 бобровых троп, по которым звери из берегов к норам таскают корм.

В 1949 году в период зимней рубки леса в ольховом болоте были разрушены бобровые плотины и обвалена половина бобровых нор. Все бобры, за исключением одной семьи, разбрелись по реке в разном направлении.

В 1951 году по реке Соженке насчитывалось шесть бобровых поселений, в которых жили восемь семей бобров.

Река Остер также является притоком реки Сожа, но более крупным, чем все другие. Остер берет свое начало на территории Стодолищенского района, протекает по Рославльскому району и на территории Шумяцкого района впадает в реку Сож. Длина реки достигает более 160 км.

Бобры на реке Остре в большом количестве водились в древние времена, но в середине XIX века об их существовании никто не знал. В начале XX века они опять появились на реке Остре, заселяя берега около селений Старое Дедино, Моховое и Строкайлы.

В 1936 году на территории Шумяцкого района мной были выявлены две колонии бобров. Одна колония бобров поселилась по берегам реки Остра и стариц, в районе селения Пробуждение, а вторая — около населенного пункта Палицкая.

На месте нахождения первой колонии бобров впоследствии было организовано бобровое хозяйство, а на участке, расположенном около Палицкой, — бобровый заказник.

В октябре 1938 года на территории бобрового хозяйства насчитывалось около 70 — 80 бобров, а на территории заказника — около 40 бобров.

В послевоенный период первое обследование реки Остра на территории Шумяцкого района было произведено в 1948 году. Следы деятельности бобров в виде погрызов зарослей лозняка, ольхи и нор обнаружены

около населенных пунктов Самолюбовка, Жуковка, Палом, Крымки и в местах прежнего заказника и бобрового хозяйства.

На территории бобрового хозяйства бобры жили в малом количестве, заселяя в основном берега реки Остра и урочищ «Черное озеро» и «Романова Лука». На берегах остальных урочищ следов их деятельности не обнаружено.

В 1950 году следы деятельности бобров по реке Остру обнаружены на протяжении примерно 135 км от впадения ее в реку Сож и вверх до селения Коски.

На протяжении почти всей реки бобры живут в норах, которые роют в высоких берегах. На отдельных участках реки на 1 км насчитывается до 20 бобровых нор. Особенно много нор встречается в местах, где берега покрываются зарослями лозняка, ольхи и других пород. Выше Рославля, между селениями Старое и Новое Курганье, на низких заболоченных берегах бобры строят хатки. По реке Остру бобры поселяются в каждом уголке, где есть даже незначительное количество зарослей лозняка, покрывающего несколько десятков метров берега. В отдельных местах, если их не беспокоят, они живут по нескольку лет.

На участке между Старым и Новым Курганьем река протекает по широкой, поросшей лесом, заболоченной пойме. В пойме встречается большое количество стариц, врезающихся в густые заросли лиственных насаждений. Вся пойма покрыта густыми зарослями лозняка, ольхи, калины, черемухи и других пород и только на небольших участках встречаются открытые поляны сенокосных угодий.

Это единственный уголок, где совершенно не пасется скот и редко бывает человек. Бобры здесь имеют большие запасы кормов и хорошие защитные условия.

Здесь русло реки извилистое, с множеством заводей и плёсов. Берега покрыты зарослями лозняка, ольхи, калины, осины и других пород. Водная растительность развита хорошо. На протяжении 8 км по берегам реки имеются восемь бобровых поселений, из коих в трех местах на низких берегах сооружены хатки. В двух поселениях хатки существуют около пяти лет, а в одном построены в 1949 году. По берегам реки встречается

большое количество осин, сгрызенных бобрами в 1950 году, много бобровых троп и обрушенных нор.

Следы деятельности бобров по реке Остру встречаются на протяжении примерно 135 км. Здесь учтены более 80 бобровых селищ, причем около половины из них бобрами оставлено.

По данным учета 1950 года, на 135 км длины реки по берегам реки Остра живут 46 семей бобров.

Река Немка берет начало на территории Хиславичского района и на территории Шумячского района впадает в реку Остер. Бобры на реке Немке появляются периодически. В 1925 году в верховья реки, около селения Петровичи, был убит один бобр.

В 1948 году на участке реки между населенным пунктом Днесино и впадением в нее реки Михайловки поселились две семьи бобров. Свои норы бобры вырыли в высоких берегах реки. Кустарниковые заросли лозы и ольхи густо покрывают левый берег реки, а по правому берегу, на расстоянии более 500 м, проходит полоса густого леса с преобладанием осины, орешника, ольхи, дуба, клена и других пород.

В мае 1949 года рыбаки села Погуляево на маленьком притоке реки Немки поймали одного молодого бобра-самца, вес которого равнялся 10 кг.

Пойманного бобра два дня бережно держали в бочке с водой, бросали ему туда ветки лозы и осины и он их спокойно обгрызал. На третий день бобр был выпущен в бобровое хозяйство.

В 1950 году на реке Немке жили две семьи бобров. Свои жилые норы бобры устраивали рядом с обрушенными. Одна семья поселилась в самой нижней части реки, а вторая — на участке выше впадения реки Михайловки, там, где в 1948 году также жили бобры.

Река Стоместь берет начало в Стодолищенском районе и там же впадает в реку Остер. Следы деятельности бобров встречаются почти по всей реке. Но низкие заболоченные берега, переходящие местами в осоковые болота, мало пригодны для устройства нор. Высокие берега река Стоместь имеет только на отдельных участках. На высоких берегах среди зарослей лозняка встречаются свежие бобровые погрызы и обрушенные норы. Жилые норы находятся в 50 м от впадения реки Стоместь в реку Остер

и около села Тростино. В каждом таком селище живет по одной семье. В период весенних разливов бобры поднимаются вверх по реке на 30 — 40 км. Живут ли они в верховье реки, пока еще не установлено.

Река Ипуть — одна из полноводных рек нашей области. Она берет начало на территории БССР, пересекает Ершицкий район, часть Брянской области и на территории БССР впадает в реку Сож. Бобры по реке Ипути встречаются повсеместно, где ее берега поднимаются над уровнем воды на 2—3 м и более и покрыты кустарниковой растительностью. В довоенный период бобры на реке Ипути были большой редкостью, а сейчас они не только заселяют ее берега, но и берега многих ее маленьких притоков.

Места постоянного обитания бобров, норы и другие следы их деятельности находятся около села Ростыкино, при впадении в Ипуть реки Вороницы, у селений Сосенки, Староселье, Рудня, Краснозаборье и Краснополье.

В местах постоянного обитания бобров находятся старые и жилые норы, свежие и довольно давние погрызы лозовых и ольховых кустов.

В последних числах октября 1949 года один гражданин сложил на берегу реки Ипути, выше деревни Рудни, два воза осиновых дров. На следующее утро дров на месте не оказалось. Было установлено, что дрова волоком стащены с берега в воду. Примерно через два дня после пропажи местные рыбаки в двух бобровых норах увидели торчащие концы осиновых деревьев. Оказалось, что это дрова, пропавшие накануне. Бобры затащили их в свои норы.

При обследовании данного места в 1950 году установлено, что здесь живут две семьи бобров. В районе жилых нор находится большое количество свежих и давних бобровых погрызов.

Бобры по реке Ипути на территории Ершицкого района живут более 18 лет, их поголовье заметно растет, но в силу того, что по берегам Ипути мало пригодных мест для их обитания, они уходят на ее притоки. Всего на участке реки, равном примерно 70 км, в 1950 году учтены 11 семей бобров.

Река Беседь берет начало в 7 км от районного центра Ершичи и в 3 км от селения Беседка. По Ершицкому

району река протекает на протяжении 15 км, выходит на территорию БССР и там впадает в реку Ипуть.

Бобры по реке Беседь появились в 1946 году. Вначале они были мало заметны, а уже в 1948 году их присутствие стало известно всему местному населению. Бобры стали появляться в самом верховье реки Беседь и во всех ее маленьких притоках, которые в летний период превращаются в пересыхающие канавы.

Река Беседь почти на всем пути течения по Ершичскому району имеет на берегах заросли лозняка и ольхи. Ее широкая заболоченная пойма часто сменяется овражной, с высокими супесчаными берегами, удобными для рытья нор.

Следы деятельности бобров в виде погрызов лозняка и ольхи встречаются по всему руслу реки. В 1948 году колония бобров в количестве двух семей поселилась на реке Беседь, в районе Аржавца и Литвиновки.

Ранней весной 1948 года, когда вода резко западала и часть бобровых нор стала появляться над уровнем воды, бобры соорудили запруду и подняли уровень воды на реке Беседь более чем на 1 м. Заболоченная луговая пойма против Литвиновки покрылась водой.

Река Макеевка — маленькая речка, имеет общую длину не более 14 км. Берет она свое начало около деревни Горохово и около рабочего поселка Энергия впадает в реку Челкну, являющуюся левым притоком реки Ипути.

Колония бобров в количестве примерно трех семей поселилась на участке реки между селениями Энергия и Макеевка. Река здесь, на протяжении 5 км, протекает по пойме, заросшей лесом. Берега в основном покрыты зарослями лозняка, ольхи, а местами вплотную к ним примыкает смешанный лес из дуба, ольхи, осины, сосны, березы и ясеня. Извилистое русло реки образует множество плёсов и виров, где глубина достигает 1—2 м. Ширина реки местами достигает 8 — 10 м, а в самых узких — 2 м.

В 1949 году бобры жили в двух местах. В районе поселения одной колонии бобров были сооружены две плотины, которые поднимали уровень воды до 70 см. На возвышенном берегу бобры сгрызали десятки осин толщиной до 40 см в диаметре.

Осенью 1949 года сооружения бобров были разрушены.

В 1950 году бобры поселились на 1 км выше своих разрушенных сооружений. На крутом повороте реки они устроили новую плотину и подняли уровень воды до 2 м. Выше плотины на 50 м среди ольховых и лозовых кустов бобры построили хатку. Вход в хатку находился на глубине 1 м.

Следы деятельности бобров на реке Макеевке встречаются примерно на 2 км выше их плотин.

Река Вороница впадает в реку Ипуть на территории Ершицкого района. Ее общая длина более 50 км.

Бобры на реке Воронице появились в 1938 году. Следы их деятельности в виде погрызов ивняка, ольхи и аира встречаются на протяжении 20 км реки. На этом же участке живут шесть семей бобров.

Река Навля является притоком реки Остра. Протекает она среди заболоченной поймы, поросшей кустами ольхи, лозы, бузины, калины и других зарослей. Русло извилистое, с большим количеством плёсов и заводей, с медленным течением воды.

На участке реки между населенными пунктами Азобичи и Волковичи в заболоченной пойме реки, среди густых зарослей тростника и ивы, бобры построили две хатки. Одна хатка расположена в 15 м от берега и соединяется с основным руслом реки глубокой канавой. Вторая хатка устроена в 1 м от воды, на твердом возвышенном берегу. Расстояние между хатками около 500 м. Среди зарослей ивняка и ольхи имеется большое количество свежих и давних погрызов бобров. Следы их деятельности свидетельствуют о том, что бобры в данных местах живут около десяти лет.

Второе поселение бобров находится на 1 км выше населенного пункта Волковичи.

Следы деятельности бобров встречаются по реке на протяжении 20 км. Всего на реке Навле живет около четырех семей бобров.

Кроме перечисленных рек бобры живут и на других, например на реке Острике (приток реки Остра).

По сообщению профессора А. В. Федосова известно, что в 1948 году бобры из реки Навли перешли двухкилометровое болото и поселились в реке Габья — притоке

Десны. В 1949 году на реке Габья, на территории Дубровского района, Брянской области, насчитывалось около восьми семей бобров.

Не исключена возможность, что бобры в небольшом количестве живут и на других притоках реки Остра и Ипутя. Работа по учету бобров должна проводиться и в дальнейшем.

Бобр в нашей области широко распространился по всему бассейну реки Сожа, заселяя как основное русло, так и буквально все его малые и большие притоки. Нахождение бобров на маленьких притоках, не пригодных для постоянного их обитания, говорит о том, что настал период, когда бобру следует оказать помощь в его расселении в другие бассейны рек области, т. е. на те места, где он был в далекие времена.

Степень заселения бобрами рек бассейна Сожа приводится в таблице.

Таблица 2

Расселение бобров по рекам Смоленской области в 1951 году

№ пп.	Наименование рек	Общая длина реки по территории области	Количество бобровых семей
1	2	3	4
1	Сож	224	16
2	Вихра	132	10
3	Руфа	20	4
4	Хмара	75	2
5	Глуботынь	16	2
6	Упинка	15	1
7	Березина	20	3
8	Белица	5	1
9	Городчанка	30	2
10	Скверета	20	4
11	Соженка	30	8
12	Остер	160	46
13	Немка	25	2
14	Стомесь	45	4
15	Навля	25	4
16	Острик	25	2
17	Ипуть	70	11
18	Макеевка	14	5

1	2	3	4
19	Беседь	15	2
20	Вороница	20	6
21	Лучеса	10	1
22	Дружна	5	2
Всего по области . . .		1014	138

Существование отдельных бобровых колоний на реках Соженке, Дружне и Макеевке, а также успешное расселение бобров по другим рекам области показало, что бобры легко уживаются с культурой человека и довольно быстро увеличивают свое поголовье.

В условиях Смоленской области бобры могут стать промысловыми животными, но для этого надо расселить их в тех местах, где они были в прошлые времена, и усилить охрану.

Подводя итоги собранным данным, можно сделать вывод, что поголовье бобров на территории области вполне достаточно для организации отлова и пересадки их в другие реки. Местом выпуска бобров могут быть многие притоки Днепра, Западной Двины и Оки.

Данная работа была начата в августе 1950 года, но в силу того, что отлов бобров в условиях Смоленской области не был достаточно изучен, отловлены и пересажены в реку Устром всего два бобра. В ближайшее время необходимо принять все меры к тому, чтобы данную работу довести до конца, расселить бобров на их прежних селищах — в бассейнах Днепра, Западной Двины и Оки.

МАТЕРИАЛЫ
ЭКСПЕДИЦИИ

Д. А. АВДУСИН

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ ГНЁЗДОВСКИХ КУРГАНОВ В 1949 ГОДУ

Курганная группа у деревни Гнёздова, в 12 км к западу от Смоленска, известна каждому археологу. Столь большого курганного массива нет ни в одном другом месте Советского Союза и нигде за его границами. По подсчётам объединенной археологической экспедиции Смоленского областного краеведческого музея и Московского ордена Ленина Государственного университета имени М. В. Ломоносова в Гнёздове более 2 500 курганов, а первоначально их было, видимо, до 5 000.

Археологические раскопки Гнёздовских курганов производились с 1874 года не менее 20 раз, причем было раскопано свыше 650 курганов. Материал раскопок позволяет сделать ряд ценных выводов о характере русской дружины и её роли в создании русской государственности, о древнерусском ремесле, древнерусской культуре.

Последние крупные раскопки Гнёздовских курганов, предшествовавшие работам вышеуказанной объединенной экспедиции, происходили в 1905 году под руководством И. С. Абрамова. С тех пор методика археологических исследований шагнула далеко вперед. До революции почти все курганы копались колодцем. В результате строение насыпей часто оставалось невыявленным, и сами исследователи Гнёздова признают, что ряд вещей остался в нераскопанных полах курганов. Фиксация процесса раскопок была недостаточной, описание погребального обряда неточным. Недостаточно тщательно было организовано и хранение гнёздовских находок. Множество комплексов перепутано и теперь их невоз-

можно восстановить. Эти недостатки соответствовали уровню развития археологической науки того времени и были присущи экспедиционной деятельности большинства археологов, даже таких крупных исследователей Гнёздова, как В. И. Сизов, С. И. Сергеев, И. С. Абрамов.

Из материалов прежних раскопок исследователи Гнёздова делали вывод о преобладании в центральной группе курганов сожжений на месте сооружения насыпи. В лесной же группе, по мнению этих исследователей, преобладают сожжения на стороне. Исследователи Гнёздова отмечали, что в лесной группе чаще чем в других встречаются горшки, помещенные на самом верху кургана, под дерном. Указывались хронологические, социальные и этнические различия в инвентарях различных групп Гнёздовских курганов.

Таким образом, вставал вопрос о хронологическом, социальном или этническом различии населения, насыпавшего лесную и центральную курганные группы.

Исходя из сказанного выше, объединенная археологическая экспедиция Смоленского областного краеведческого музея и Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководство которой было поручено автору этих строк, имела целью на основе новой археологической методики и на основе применения точных приборов уяснить погребальный обряд в лесной группе и сопоставить его с погребальным обрядом в центральной группе курганов. Нужно было установить хронологические рамки лесных курганов и сопоставить их с имеющимися данными по Гнёздову. Лесная группа курганов интересна еще и тем, что является самой большой в Гнёздове и расположена рядом с центральным Гнёздовским городищем на том же (левом) берегу ручья Свинца. Следовательно, можно было думать, что если Гнёздовские курганы связаны с этим городищем, то наиболее ранние нужно искать именно в лесной группе. Наконец, экспедиция имела и охранные цели — предотвратить разрушение ряда курганов, пострадавших во время войны.

Задачи, стоявшие перед экспедицией 1949 года, указывали и место раскопок. Они должны были происходить в лесной группе курганов. Из отчета Сизова мож-

но было установить, что лесная группа наиболее доступна для раскопок¹. В труде Лявданского указывается, что наибольшее количество нераскопанных курганов находится в лесной группе². Лявданский также указывает в лесной группе несколько больших курганов с плоской вершиной и среди них подробно описывает один большой четырехугольный курган. Эти сведения о лесной группе были мною проверены личным осмотром в 1939—1948 годах.

Группа курганов, где происходили раскопки в 1949 году, лежит в Красноборском лесу. Здесь сосредоточено более половины Гнёздовских курганов. Органической частью этой группы является и ее продолжение у самого Витебского шоссе. Эта часть лесной группы, где насчитывается 320 насыпей, отделяется от основной ее части небольшой естественной ложбиной. С юга железной дорогой от лесной группы отрезано небольшое курганное поле, насчитывающее 175 насыпей. Несомненно, что на том месте, где ныне проходит железная дорога, в древности также были курганы. Всего в лесной группе 1 659 курганов³. Стоят они очень густо, и часто пола одного кургана находит на полу другого. Размеры курганов различны. Средняя высота их немногим более 1 м при диаметре 8—10 м. Число больших курганов, имеющих в высоту 2 м и более, относительно ничтожно. Форма курганных насыпей в большинстве случаев полусферическая, но, как указано выше, есть курганы и с плоской вершиной. Все исследователи Гнёздова отмечают, что подобные плоские курганы содержат наиболее интересные погребения. Почти каждый курган имеет канавку-ровик, идущий вокруг насыпи, но в одном или двух местах прерванный перемычками. На многих курганах видны колодцы прежних раскопок. Курганы этой группы в большинстве случаев насыпаны из желтого сыпучего песка, т. е. из окружающей земли. На многих из них растут могучие сосны, что затрудняет раскопки. Вся местность имеет естественный склон на юг, к Днепру.

¹ Сизов В. И., Курганы Смоленской губернии, СПб. 1902.

² Лявданский А. Н., Материалы для археологической карты Смоленской губернии, Труды смоленских государственных музеев, вып. 1, Смоленск, 1924, стр. 134.

³ Количество курганов указано по данным съемки 1950 года.

Насыпи курганов, раскопанных в 1949 году, при сравнительно малой высоте (в среднем 1,4 м) имеют большой диаметр (в среднем 13 м.) При таком большом диаметре насыпи её форму трудно назвать полусферической, она скорее напоминает шаровой сегмент. Среди плосковатых и плоских курганов, раскопанных в 1949 году, нами найден и раскопан курган в форме четырехгранной усеченной пирамиды, описанный Лявданским.

В 1949 году были раскопаны 42 кургана различной высоты: от 0,45 м до 2 м, из них 11 плоских и плосковатых. Все курганы копались на снос. В большинстве случаев составлены чертежи двух профилей на каждый курган, один раз сняты четыре профиля и несколько раз на маленьких курганах — по одному. При этом удалось реконструировать погребальный обряд.

Во всех курганах наблюдается обряд сожжения. Сожжение производилось на горизонте. Утверждение Сизова о преобладании захоронений на подсыпке ошибочно и объясняется тем, что в большинстве случаев из-за густоты расположения курганов, без нивелира невозможно определить наличие рва, и высота кургана измерялась из ровика, в то время, когда глубина погребения — от вершины кургана. Получавшаяся разница в измерениях и принималась за мнимую подсыпку, тем более, что цвет насыпи и цвет материка совершенно одинаков, и они, как правило, различаются лишь по плотности.

Оказалось неверным и другое утверждение Сизова о специфичной для Гнёздова подсыпке из белого песка под костер. Наличие такого слоя на материке прослежено в большинстве курганов, но это не специально подсыпанный песок, а погребенный дерн, сильно прозеленный кострищем. Это положение проверено поставленным в Гнёздове опытом.

Итак, сожжение производилось на горизонте на месте, специально не подготовлявшемся. Впрочем, один раз можно говорить о специальной подготовке места под кострище, когда центральную часть кургана окружали ровики, но об этом позже.

Костер в основной массе раскопанных курганов состоял не только из бревен, но и из тонких жердей,

может быть, хвороста, так как остатков крупных углей нет почти нигде. Только в двух-трех курганах наблюдались очень короткие головни, диаметром до 15 — 20 см. В одном случае прослежено, что поленья были сложены в клетку, но это не значит, что в этом кургане костер был сложен только из бревен. Очень мелкий, жирный уголь присутствует и здесь.

Остатков каких-либо домовин, помостов, каменных или деревянных оград и тому подобных погребальных сооружений ни в одном из курганов не обнаружено. Видимо, покойник клался непосредственно на костер. Впрочем, можно думать, что в кургане № 13 погребение было совершено в сравнительно небольшой ладье, так как там было найдено 60 заклепок, расположенных на небольшом пространстве. По расположению заклепок можно предположить, что ладья была до 7 м длины, а покойник располагался в ней не посередине, а на носу или на корме. Мужчины хоронились обычно с оружием, женщины — с различными украшениями. Мечи, найденные в 1949 году, сломаны пополам до пребывания в огне, но в огне были так же, как и остальные виды оружия.

В абсолютном большинстве случаев сожжение было произведено на месте насыпки кургана, что противоречит мнению некоторых прежних исследователей, утверждавших, что в лесной группе преобладало сожжение вне кургана. После сожжения большинство жженных костей собиралось в глиняный сосуд, который ставился на кострище. Курганов без урны отмечено восемь — № 4, 12, 14, 21, 27, 34, 38, 41. В том случае, если при покойнике был меч, он втыкался в землю рядом с урной.

Недалеко от урн или в них несколько раз обнаруживались кости птицы, причем они полного скелета не составляли. Значит, клалась не вся тушка, а часть ее. Несколько раз встречены отдельные кости лошади, положенные на потухшее кострище. Сколько можно судить по находившимся на кострище и в урнах очень мелким жженным костям, костей животных среди них нет, обычно животные на костре не сжигались, что отмечено еще Сизовым.

К урне, стоявшей в центре кострища, часто сгребались остатки погребального костра, очень мелкий уголь, содержащий небольшое количество жженных костей, и вещи, которые были положены с покойником. Эти вещи чрезвычайно редко клались в урну вместе с жженными костями. Очень часто горшок, окруженный углем, составляет характерную угольную «подушку», круглую в плане и резко отличающуюся по цвету от окружающего ее кострища, покрытого светлой золой. В некоторых случаях, преимущественно в больших курганах, костер в кучу не сгребался, тогда вещи найдены на тех местах, куда они упали с погребального костра. Но и в этих курганах жженные человеческие кости обычно помещены в урну. В некоторых случаях на кострище отмечены сосуды, разбитые специально, что можно заключить из того, что их черепки найдены на значительном расстоянии друг от друга. Еще Сизов отметил наличие обряда битья посуды в Гнёздове, причем разбивались лучшие сосуды. Кроме урны, иногда на кострище встречается еще один или даже несколько горшков. В одном кургане, например, было шесть сосудов, из них три целых, а остальные в черепках.

Урны с остатками сожжения, помещенные в верхней части кургана, вопреки мнению прежних исследователей, весьма редки, но все же встречались. При этом два раза (курганы № 7, 11) в верхней части насыпи найдены урны, окруженные углем; в этих случаях отсутствовала урна на кострище. Несколько раз (курганы № 16, 20, 25) найдены сосуды, перевернутые вверх дном, причем они в таком случае всегда содержат остатки сожжения или прикрывают их. Несколько раз отмечены двойные захоронения, обычно мужское и женское; один раз — женщина с ребенком (курган № 25). Все захоронения найдены в одном горизонте, вводных и повторных захоронений не встречено.

По совершении сожжения над остатками погребального костра сооружалась насыпь. Земля обычно бралась около кострища, вследствие чего образовались довольно глубокие ровики. Не случайно Сизов отмечает, что подсыпка достигала $\frac{1}{3}$ насыпи кургана. Как мы видели, никакой подсыпки не делалось, а эту лишнюю $\frac{1}{3}$ следует отнести за счет окружающего курган ровика,

глубина которого иногда достигала половины высоты кургана. Ширина ровика была различной. Объем земли, вынутой из ровика, не всегда был достаточен для сооружения насыпи. В таком случае землю, видимо, привозили со стороны. Один раз (курган № 13) в центре насыпи отмечен след столба, идущего с кострища. Видимо, здесь, мы столкнулись с остатками памятника, подобного описанному Ибн-Фадланом.

В 10 курганах погребений не было. На горизонте вместо жирного угольного слоя с костями и вещами лежал тонкий бледный слой золы. Устройство этих меморативных курганов полностью совпадает с описанием, данным В. И. Сизовым, причем совпадают и их соотношения к общему числу раскопанных курганов: в раскопках Сизова и других исследователей Гнёздова таких курганов также встречено около 25 процентов.

В насыпи, а иногда и на кострище многих курганов часто встречаются небольшие кремневые сколы. Можно предполагать, что они либо привезены с песком с какой-то разрушенной неолитической стоянки, либо клались в погребение как магические предметы, что мы встречаем, например, в курганах вятичей. Во всяком случае, эти кремневые сколы к погребениям в Гнёздовских курганах никакого отношения не имеют. Вообще в Гнёздове нет курганов старше IX века.

Из 30 курганов, заключавших захоронения¹, по инвентарю можно выделить 11 курганов, содержавших мужские погребения, шесть — женские погребения, семь — смешанные, остальные шесть неопределимы. Один из женских курганов заключал, видимо, захоронение и детское.

В наиболее богатых по инвентарю курганах были смешанные захоронения. Очень бедных захоронений среди курганов, содержавших смешанные захоронения, нет вовсе и лишь два таких кургана оказались более бедными вещами. Мужской инвентарь в таких курганах представлен в основном оружием, а также складными весами и гирьками к ним, часты мусаты, иногда встречаются поясные бляшки, найдены две

¹ Два кургана оказались раскопанными кем-то из прежних исследователей. Гнездова.

золотые бляхи, диргемы. Впрочем, диргемы есть и в одном кургане, содержащем только женское погребение. Женский инвентарь представлен главным образом украшениями: бусами, преимущественно сердоликовыми и хрустальными, редко серебряными, а также стеклянными. Здесь же найдены застёжки различных типов, привески, в том числе из диргемов, гребни и другие принадлежности туалета. Орудия труда вообще редки в Гнёздове; в смешанных погребениях они не встречены вовсе, если, конечно, не считать так называемые древолазные шипы, вопрос о назначении которых до сих пор не решен.

Среди курганов, где предполагается наличие лишь одного женского погребения, очень бедных вещами два, богатое погребение лишь одно, а остальные три представляют захоронение женщин среднего социального слоя. В бедных женских погребениях иногда встречены лишь две-три бусины, которые, как выразился Б. А. Рыбаков по поводу черниговских курганов, имеют как бы символическое значение¹. Также, видимо, символическое значение имели одиночные зубы лошади, иногда встречаемые в кострищах. В трех женских курганах кости не были собраны в урну, а распространялись по всему угольному слою.

В инвентаре курганов, содержащих погребения женщин среднего социального слоя, также встречаются украшения, представленные бусами, на этот раз только стеклянными, видимо, более дешевыми, чем хрустальные или сердоликовые, фибулами и пряжками разных типов, по одному разу найдены игольник, мусат, обломок какой-то оковки, которую Сизов принимал за оковку ларчика. Здесь были обнаружены орудия труда: два экземпляра ножниц, одна игла, один серп (впервые в Гнёздове). Один раз найден символ частной собственности — замок. В самом большом из этих курганов также найдены кости лошади, представленные позвонком и зубом, обнаруженными на кострище.

Богатое женское погребение, как отмечено, лишь одно. Его инвентарь совпадает с женским инвентарем

¹ Рыбаков Б. А., Древности Чернигова, Материалы и исследования по археологии СССР № 11, М.—Л. 1949, стр. 19.

в смешанных погребениях. Здесь опять встречены сердо-
ликовые, хрустальные и стеклянные бусы, обломки
костяного гребня, застывшие капли расплавившихся
серебряных украшений, единственный в этих раскопках
обломок браслета, пряжки, обрывки бронзовой цепочки,
диргема, гвозди и обломки железных пластинок. Жженые
кости находились в кострище без урны.

Курганы, где по вещам мы предполагаем наличие
лишь одного мужского погребения, особым богатством
инвентаря не отличались, что, впрочем, и понятно.
Инвентарь мужских погребений всегда беднее, чем
женских. Однако наличие в 10 курганах поясных бля-
шек, гирек, стрел, ножей, бронзовых пуговиц, а глав-
ное, частые находки в них костей лошади, заставляет
предполагать, что эти 10 курганов содержали погребе-
ния людей среднего достатка и, может быть, зажиточ-
ных. В восьми курганах жженные кости человека были
в урнах. Только пять мужских курганов можно отнести
к очень бедным. Они исключительно бедны находками,
но кости в них также находятся в урнах. В одном из
этих курганов был найден зуб лошади.

В курганах, не содержавших погребений, иногда на-
ходились черепки и кремни. Надо полагать, что эти
черепки попали либо в курган с насыпной землей, так
как в большинстве случаев они встречены в насыпи, ли-
бо представляют собой результат обряда битья посуды
на могиле, часто встречаемый в Гнёздове. Один раз в
кургане, не содержавшем погребения, встречены кости
лошади, но они найдены под дерном, и эта находка
имеет позднейший характер.

В кургане № 13 найдена корчага с древнейшей рус-
ской надписью¹. Надо полагать, что эта корчага сделана
не на Смоленщине. Надпись на ней начертана в тот
момент, когда в корчагу была насыпана горчица, чтобы
не забыть о содержании корчаги, т. е. до ее транспорти-
ровки на Смоленщину. О несмоленском происхождении
корчаги говорит и то, что из шести сосудов, найденных
в этом кургане, лишь она и маленький туалетный кув-
шинчик были сделаны на гончарном кругу. Гончарный

¹ Авдусин Д. А. и Тихомиров М. Н. Древнейшая рус-
ская надпись, Вестник Академии наук СССР, № 4, 1950.

круг в Гнёздове появляется, кажется, лишь к середине X века, в то время как курган № 13, а следовательно, и корчага датируются более ранним временем.

Материалы 1949 года еще раз подтверждают, что гнёздовская курганная группа была насыпана в сравнительно короткое время — от конца IX до начала XI веков. Публикуемые раскопки дали возможность определенно говорить о IX веке, который раньше предполагался по отдельным вещам, но не выделялся ни в одном комплексе.

Примером такого погребения, относящегося к концу IX века, может быть курган № 38. Как упомянуто выше, в нем найден ряд хрустальных и сердоликовых бус. Бусы таких форм (14-гранные) существовали еще в сарматские времена, но в верхнем и среднем Поднепровье распространились в IX веке, что подтверждается их бытованием в киевских погребениях с монетами IX века, систематизированных Л. А. Голубевой¹. Но необходимо отметить, что в X веке возникли уже **призматические** сердоликовые и хрустальные бусы и их сочетание с 14-гранными дает, таким образом, дату не ранее X века. Возвращаясь к указанному кургану № 38, нужно сказать, что ни одной призматической бусы в нем не найдено, зато найдена любопытная восьмигранная, бипирамидальная буса очень крупных размеров, чрезвычайно редко встречающаяся, и именно в ранних погребениях. Чтобы проверить дату, обратимся к двум монетам, найденным в этом кургане. Одна из них настолько стерлась, что может быть определена (определение производила С. А. Янина) только по династии (Аббасидов) и отнесена ко времени от начала IX до начала X века, т. е. ее дата — весь IX век. Вторая монета также аббасидская, происходит из Армении и относится к 228 году хиджры, т. е. к 842—843 годам нашей эры. Таким образом, данные монеты этого кургана подтверждают бытование указанного вида бус в IX веке и датируют рассматриваемый курган концом IX века.

Остальные находки из этого комплекса для дат не характерны.

¹ Голубева Л. А., Киевский некрополь. Материалы и исследования по археологии СССР № 11, 1949.

Все остальные курганы относятся к X веку, как к его началу, так и к его концу. К началу X века относятся курганы № 23, 33, 35, на которых мы детально останавливались. Это подтверждается находкой саманидской монеты 904—905 годов, битой в Самарканде, диргемом-подвеской конца IX века и некоторыми вещами, характерными для этого времени.

Особо следует остановиться на датировке кургана № 13, где найден сосуд с надписью. Как указано выше, там же найден меч. Меч этот по типу датируется концом IX века. В этом же кургане найдены складные весы и бусы, бытовавшие в основном в X веке. Точную дату дают арабские диргеми. Лишь один из них, к сожалению, неопределим. Второй диргем, единственный диргем с ушком, дает нам только династию. Он, как и все остальные, чеканен при Аббасидах. Приблизительная дата третьего диргема — вторая половина VIII — начало IX веков; четвертый диргем чеканен в 234 году хиджры (848—849 годы нашей эры); пятый, происходящий из Мединет-ас-Селяма (Багдад) чеканен в 295 году хиджры, т. е. в 907—908 годах нашей эры. Если для третьего диргема за дату чеканки принять наиболее позднюю — начало IX века, то по сравнению с последней монетой получается, что он бытовал не менее 100 лет, — срок бытования для монеты очень большой. Поэтому можно утверждать, что между временем чеканки самого позднего диргема и времени насыпки кургана был очень небольшой перерыв. Следовательно, дата курганного комплекса весьма близка к дате чеканки этого диргема и данный комплекс мы можем датировать первой четвертью X века. Таким образом, наша надпись тоже относится к первой четверти X века.

Гнёздовская надпись состоит всего из восьми букв и может быть прочтена «г о р о у х щ а»¹. М. Н. Тихомиров установил, что начертания этих букв вполне соответствуют начертанию букв древнейших из известных славянских надписей, к числу которых принадлежит

¹ Черных П. Я., Две заметки по истории русского языка (Известия Академии наук СССР, отделение языка и литературы, том IX, вып. 5, 1950). В основном примыкая к М. Н. Тихомирову, П. Я. Черных дает различение гнездовской надписи, которую читает, как «гороушна».

надпись болгарского царя Самуила, сделанная в 993 году на надгробной плите в Македонии, близ озера Преспы, а также другая надпись X века, найденная в бывшей болгарской столице Преславе. Эта надпись вырезана на камне храма, разрушенного в 972 году. Наша надпись имеет большую древность, чем Остромирово евангелие, написанное в 1057 году, и большую древность, чем надпись на Тмутараканском камне 1068 года. Следовательно, надпись на сосуде из кургана № 13, датируемая первой четвертью X века, является древнейшей русской надписью. М. Н. Тихомиров установил, что слово «горухица», читаемое как «горухица» (оу читается как у), обозначало горчицу или горчичное семя. Горчица упоминается в древнейших памятниках письменности. Пряности высоко ценились в средневековье.

Находка русской надписи X века имеет чрезвычайно важное значение. Ни одна из известных русских надписей не восходила к X веку, и русскую письменность вели только с XI века. Теперь мы знаем, что русская письменность и грамотность существовали, по крайней мере, на столетие раньше — в первой четверти X века. Находка этой надписи является одним из звеньев в цепи непреложных доказательств советских ученых о глубоких корнях русской культуры.

Результаты раскопок в Гнёздове в 1949 году наносят еще один жестокий удар пресловутой норманской теории. Находка русской надписи сама по себе имеет огромное значение, но она говорит и о том, что погребенный не был скандинавом. А весь обряд погребения в этом кургане во всем подходит к тем чертам обряда, которые норманисты объявили скандинавскими. Здесь есть и сломанный меч, и сожжение в ладье, и железная гривна¹. Находка надписи говорит, что мужчина, погребенный в этом кургане, не был норманом. Отсюда вытекает, что обряд захоронения в ладье не был обрядом, типичным только для скандинавов. Обряд погребения в кургане № 13 совпадает с описанием, сделанным Ибн-Фадланом²: в гнездовском кургане имеются даже

¹ Готье Ю. Ф., Железный век в Восточной Европе, М., 1930, стр. 225.

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу., Под редакцией академика И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939.

кости птицы, даже памятник на вершине кургана. Обряд порчи мечей и битья посуды также не является норманским, чему теперь получено еще одно веское обоснование. В Гнёздове, как и раньше, не встречены топоры скандинавского типа, — характерное оружие варягов. Среди богатых погребений выделяется погребение воина с чисто русскими типами стрел и копий. Нет в курганах и типичных скандинавских вещей, за исключением обломков единственной фибулы, найденной в кургане № 23, но остальной инвентарь этого кургана отнюдь не норманский, так же как и инвентарь остальных курганов.

Древнейшая русская надпись и новый материал для разоблачения норманской теории не ограничивают выводов, которые можно сделать из материала раскопок 1949 года. Этот материал подтверждает, что дружинники, погребенные в Гнёздове, резко делились на несколько социальных категорий. Первую категорию составляют военные вожди и верхушка дружины, погребенные обязательно с убитыми рабынями. Это наиболее богатые погребения. Следующую категорию составляли дружинники, иногда снабженные предметами вооружения, поясными наборами, гирьками от весов (а может быть, и самими весами) и другими атрибутами воина-купца. Это рядовые дружинники, составлявшие ее основную массу. Курганы, почти не содержавшие инвентаря, заключали погребения мужчин беднейшего социального слоя — ополченцев, которые набирались, по предположению академика Грекова¹, из свободных общинников, чем попутно объясняются громадные размеры гнёздовской курганной группы, так как Гнёздово тогда следует рассматривать, как почетное кладбище, где похоронены не только жители Смоленска, но и ополченцы ближайших и дальних деревень.

Эта социальная дифференциация коснулась, конечно, не только мужчин, о ней говорят и женские погребения. Мы можем выделить богатые погребения, где похоронены свободные женщины, мы можем выделить женские погребения среднего и низшего социального слоя. Об имущественной дифференциации, может быть, говорит

¹ Греков Б. Д., Киевская русь, М—Л. 1949, стр. 318.

и наличие в некоторых курганах зубов лошади, символизирующих целую тушу, но это нуждается в проверке.

Раскопки 1949 года позволяют уточнить и характер вооружения и снаряжения русского дружинника. Впервые в Гнёздове найдено короткое метательное копьё — «сулица». Вопреки мнению некоторых археологов, несомненно, боевое значение имели ножи, которыми, видимо, был вооружён рядовой состав дружины, а также ополченцы. Боевое назначение гнёздовских ножей подтверждает и их технологический анализ, произведенный Б. А. Колчиным¹. Несомненно, что кривическая дружина имела значительный конный отряд, о чем говорит ряд курганов с остатками конских костей. О связи лесной группы курганов с центральным городищем говорят находки на городище и в курганах однотипных бляшек, например, круглых, с пятиконечной звездой, может быть, сделанных одним мастером; находки однотипных видов оружия на городище и в курганах и т. п. Найденные в курганах золотые бляхи свидетельствуют о высоком мастерстве, которое требовалось для обращения с дорогим материалом. Об этом же говорит и художественность изображения на бляхе, которая, между прочим, могла играть такую же роль, какую играли бармы, — быть знаком достоинства².

Задачи, стоявшие перед экспедицией 1949 года, таким образом, были разрешены удачно. Установлено, что лесная группа курганов не имеет того особого характера, который приписывали ей прежние исследователи. Она не отличается от центральной ни по этническому, ни по социальному составу погребенных. Хронологические рамки этой группы, может быть, более широки, чем центральной, так как в 1949 году здесь раскопан курган

¹ Необходимо отметить, что спектральной анализ вещей из прежних раскопок в Гнездове, произведенный Б. А. Колчиным, показал, что все железные вещи имеют естественную примесь никеля. Это можно объяснить только тем, что все вещи произведены из местной руды. Значит, для Гнездова доказано местное производство мечей. (См. Колчин Б. А., Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, М. 1950).

² Более полный обзор находок 1949 года, см. Авдусин Д. А. Раскопки в Гнездове в 1949 году. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР, вып. 38, 1951.

IX века, а одинаковых с ним по форме курганов в центральной группе не отмечено. Оправдались надежды подтвердить намеченную предыдущими исследованиями Гнёздова связь между вещами, найденными в курганах и на городище. Предотвращено разрушение многих курганов, испорченных гитлеровцами, в том числе кургана № 23, давшего золотые вещи.

Ниже приводится сокращенный дневник раскопок в Гнездове в 1949 году.

* * *

Курган № 1. Расположен в юго-западной части лесной курганной группы, на опушке леса. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта неплотным дерном толщиной 0,2 м. Высота кургана 0,6 м, диаметры СЮ и ЗВ по 7 м. Окружность основания 22,5 м. Курган окружен слабовыраженными ровиками с перемычками на В и ЮЗ. Насыпь состоит из песка. Кострище — зольное пятно в виде неправильного круга — появилось на глубине 0,55 м¹. Диаметр кострища 4,5 м; его центр смещен по отношению к центру кургана на 1 м к С. Координаты кострища: ЦС — 1,85 м, ЦЮ — 1,75 м, ЦЗ — 2,25 м, ЦВ² — 2,2 м. В центре зольного пятна находится кучка очень мелкого жирного угля, среди которого головня длиной 0,8 м и толщиной 0,05 м. Диаметр угольной кучки 1,5 м, ее мощность до 0,2 м. Координаты: ЦС — 0,25 м, ЦЮ — 1,25 м, ЦЗ — 0,5 м, ЦВ — 0,5 м. В центре угольной кучки стоял глиняный горшок славянского профиля, сделанный на кругу, орнамент линейный и волнистый. Горшок был заполнен мелкими жжеными костями человека, перемешанными с углем и золой. В этом же горшке найден маленький кусочек меди. Под кострищем на глубине 0,75 м залегал слой желтого материкового песка с коричневыми прожилками.

Сожжение произведено на горизонте, на месте со-
оружения насыпи.

¹ Все отметки глубины даны от вершины кургана.

² ЦВ — от центра кургана к востоку; ЦЮ — от центра кургана к югу. В дальнейшем приняты подобные же сокращения. Координатами кострища в данной работе для сокращения названы координаты его пересечения с осями кургана.

Курган № 2. Расположен вблизи кургана № 1 к ЮВ от него. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта неплотным дерном толщиной 0,1 м. Высота кургана 0,64 м, диаметр СЮ — 5,7 м, диаметр ЗВ — 6 м, окружность основания 18 м. Курган окружен ровиком с перемычкой на востоке. Насыпь состояла из песка. На глубине 0,5 м появилось кострище в виде слоя золы толщиной до 0,1 м. Это зольное пятно имело форму неправильного круга диаметром 4,5 м с приблизительным центром, смещенным по отношению к центру кургана на 0,5 м к Ю. Координаты кострища: ЦС—1,75 м, ЦЮ—3,0 м, ЦВ—2,12 м, ЦЗ—1,75 м. На зольном пятне находилось скопление мелкого жирного угля мощностью 0,1 м. Угольное пятно имело диаметр около 3 м и его приблизительный центр был смещен на расстояние ЦВ—0,25 м, ЦЮ—0,25 м. К югу от центра в кострище был зарыт горшок, сделанный на кругу, плохого обжига, славянского профиля, с волнистым орнаментом. Из кострища выступал лишь венчик сосуда. Венчик находился на глубине 0,5 м. В сосуде были жженные человеческие кости. Под кострищем на глубине 0,65 м залегал слой материкового плотного песка, покрасневшего от жары, на глубину 0,2 м от поверхности материка.

Сожжение было произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи.

Курган № 3. Расположен к востоку от кургана № 1 и к СВВ от кургана № 2. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта неплотным дерном толщиной 0,12 м. Высота кургана 0,75 м, диаметр СЮ — 5,2 м, диаметр ЗВ — 6 м, окружность основания 17 м. Курган был окружен ровиком с перемычкой на СЗ. Насыпь состояла из желтого песка. Кострище появилось на глубине 0,65 м. Оно представляло собой зольное пятно в виде неправильного круга, ушибленного в восточной части. Его координаты: ЦС — 1 м, ЦЮ — 1 м, ЦЗ — 1,2 м, ЦВ— 0. Диаметр кострища около 2 м, мощность до 0,15 м. На зольном пятне находилась кучка очень мелкого жирного угля, центр которой смещен по отношению к центру кургана на 0,2 м к Ю и на 0,4 м к З. Ее диаметр 0,6 м. В центре угольной кучки был зарыт горшок с остатками жженных костей человека. Горшок сделан на гончарном кругу

ленточной техникой, тесто грубое, обжиг плохой, профиль славянский, на дне клеймо в виде круга с точкой в центре. Дно сосуда находилось на глубине 0,72 м. Рядом с горшком найдена маленькая медная бляшка от поясного набора в виде ушастой головы с отверстиями на месте глаз. Кострище подстилалось тонким (0,05 — 0,07 м) слоем белого прозоленного песка (погребенный дерн). Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 0,75 м.

Погребение совершено на горизонте. Судя по малому количеству углей и фрагментарности кострища, сожжение было совершено на стороне. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 4. Расположен рядом с курганом № 1 к С от него. Насыпь имела форму шарового пояса (с плоской вершиной) и покрыта плотным дерном толщиной до 0,2 м. На кургане были две поздние глубокие ямы. Высота кургана 1,5 м, диаметр СЮ — 15,5 м, диаметр ЗВ — 17 м, окружность основания 50,5 м. С запада и востока курган был окружен ровиками. В насыпи, состоявшей из желтого песка, отмечен ряд зольных пятен. Кострище мощностью до 0,1 м появилось на глубине 1,5 м. Оно представляло собой зольный слой, лежащий в направлении СВ—ЮЗ с выступающими по сторонам языками зольного слоя. Ширина кострища (ЮВ—СЗ) до 10 м, длина (СВ—ЮЗ) до 15 м. Координаты кострища: ЦС—7,5 м; ЦЮ — 7,25 м, ЦЗ — 9 м, ЦВ — 6,9 м. На зольном пятне находилась кучка мелкого угля. Кучка имела неправильную форму, ее поперечник СЮ — 1 м, поперечник ЗВ — 0,45 м, мощность до 0,2 м. Ее приблизительный центр располагался на расстоянии ЦС — 2,25 м ЦЗ — 1,5 м. В этой кучке были обнаружены почти все находки. На глубине от 1,52 м до 1,65 м найдены обломки медной черепаховидной фибулы, обломки медной ложновитой незамкнутой пряжки, железный древолазный шип, костяная трубочка с перпендикулярным отверстием, в котором сохранились остатки медного колечка, железный язычок пряжки, обломки белой стеклянной бусы, черепки от двух сосудов, сделанных на кругу, и одного — лепного от руки. Между черепками лепного сосуда жевые человеческие кости. Остальные находки сделаны в

насыпи: зуб лошади (?), позвонок лошади (?), ошлакованная масса и черепки сосуда, сделанного на кругу (под дерном). Под кострищем лежал слой белого прозоленного песка мощностью до 0,2 м. На глубине 1,6 м залегал желтый плотный материковый песок.

Сожжение было произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Видимо, женское погребение.

Курган № 5. Расположен к С от кургана № 3 и СВВ от кургана № 4. Насыпь имеет форму шарового пояса (с плоской вершиной) и была покрыта неплотным дерном толщиной до 0,2 м. Высота кургана 1,9 м, диаметр СЮ — 14 м, диаметр ЗВ — 16,5 м, окружность основания 50 м. Курган был окружен розиком с перемычкой на С. Насыпь состояла из желтого песка. На глубине 0,7 м в ЮЗ секторе у центра посреди угольного пятна диаметром 0,3 м и мощностью 0,05 м найден сосуд в черепках, сделанный от руки, грубый, плохого обжига. Среди черепков — жженные кости человека и мелкие угли. На глубине 1,5 м появилось кострище мощностью до 0,25 м. Оно представляло собой зольное пятно в виде неправильного круга диаметром около 12 м с центром, лежавшим на расстоянии ЦС — 1,5 м. Его координаты: ЦС — 6 м; ЦЮ — 4,75 м, ЦЗ — 0,5 м, ЦВ — 6 м. На зольном пятне находилась кучка мелкого жирного угля, среди которого три головни длиной до 0,8 м. Угольная кучка имела форму неправильного овала, центр которого был смещен по отношению к центру кургана на 1 м к З. Ее длинная ось — 7,0 м, короткая — 5 м, мощность до 0,25 м. Ее координаты: ЦС — 3 м, ЦЗ — 3,5 м, ЦЮ — 4 м, ЦВ — 1,5 м. В угольной кучке на оси ЦЗ был обнаружен грубый лепной горшок плохого обжига, баночной формы, со следами ленточной техники, ангобированный. В горшке находились жженные человеческие кости. В кострище на глубине от 1,62 м до 1,73 м найдены: железный наконечник стрелы, вильчатый, черешковый, шесть железных ромбических черешковых наконечников стрел, железный листовидный черешковый наконечник копья, наконечник копья втульчатый железный, сильно разрушившийся, обломок железного ножа, мусат с отверстием, сердоликовые, стеклянные и медные бусы, пружинные ножницы сломанные,

железный язычок пряжки, круглая железная пряжка, два обрывка медной цепочки из эсовидных звеньев, железная заклепка, окислившиеся обломки железа и меди. Профиль СЮ представляет собой сегментовидную фигуру. Сверху лежал слой неплотного дерна толщиной до 0,2 м. Под ним слой желтого песка мощностью до 1,25 м. Ниже залегала полоса кострища, представленная в центре кургана угольным слоем, распространявшимся к С на 3 м, далее переходящая в слой золы, распространявшийся на 6 м к С. К югу угольный слой распространялся до ЦЮ — 2,2 м, где он прерывался. Над ним, начиная с глубины 1,25 м и с расстояния ЦЮ — 1,75 м, находился язык угольного слоя, который, снижаясь к югу, достигал общего уровня кострища и на расстоянии ЦЮ — 4 м переходил в зольный слой, распространявшийся до ЦЮ — 4,75 м. Это смещение угольного слоя образовалось, видимо, во время горения костра. Все кострище подстилалось белым песком мощностью до 0,15 м (погребенный дерн). Под ним на глубине 1,9 м залегал плотный желтый материковый песок.

Сожжение было совершено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Судя по вещам, погребены, видимо, мужчина и женщина.

Курган № 6. Расположен к В от кургана № 5. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта неплотным дерном толщиной до 0,2 м. Высота кургана 1,35 м, диаметр СЮ — 14 м, диаметр ЗВ — 13 м, окружность основания 43 м. Курган был окружен ровиком с перемычками на С и на З. В насыпи, состоявшей из желтого песка, встречено зольное пятно. Кострище открылось на глубине 0,98 м. Оно представляло собой зольное пятно диаметром 9,0 м. Его координаты: ЦС — 4,5 м, ЦЮ — 4,5 м, ЦВ — 4,5 м, ЦЗ — 5,0 м. На зольном пятне находилась кучка мелкого жирного угля радиусом 1,5 м и мощностью 0,24 м. Ее координаты: ЦС — 1,5 м, ЦЮ — 2,25 м, ЦВ — 1,3 м, ЦЗ — 2 м. Центр угольной кучки смещен по отношению к центру кургана на расстояние ЦЮ — 0,2 м, ЦЗ — 0,2 м. В угольной кучке находились головни длиной до 1 м. Здесь же найдены черепки горшка, сделанного на кругу, горшок вытянутой формы, славянского профиля, тесто с крупными примесями, обжиг

плохой. Дно на глубине 1,1 м. Сосуд содержал мелкие жженные кости человека. В той же кучке угля находились обломки другого, сделанного на кругу горшка удлиненной формы, славянского профиля. Тесто с примесью дресвы, обжиг средний. Между обломками горшка были жженные кости человека. В той же угольной кучке обнаружены: медный наконечник ножен пожа, нож железный, железная заклепка, кремневый черешковый наконечник стрелы, обломки железных пластинок. Под кострищем, на глубине 1,22 м, залегал плотный желтый материковый песок. В материке под кострищем обнаружены две неглубокие (0,1 м) ямы, заполненные золой. Координаты центра первой ямы: ЦС — 1,25 м, СЗ — 2,25 м. Диаметр до 1,8 м. Координаты центра второй ямы: ЦС — 1 м, ЦВ — 2,75 м. Диаметр до 1,8 м. Ямы, вероятно, естественного происхождения.

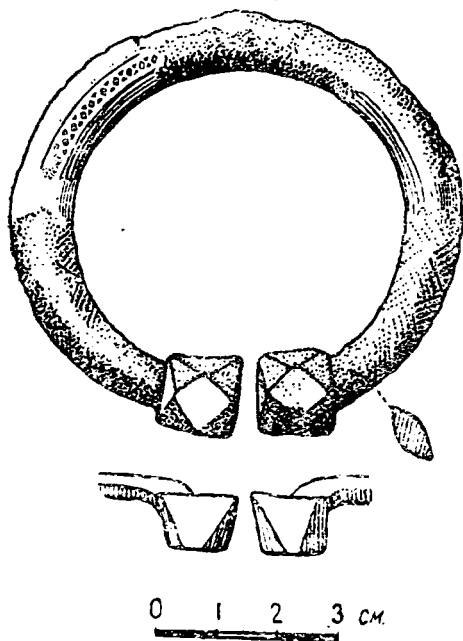
Сожжение было произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 7. Расположен рядом с курганом № 6 к ЮВ от него. Насыпь имела форму шарового сегмента с несколько плосковатой вершиной. Курган был покрыт неплотным дерном толщиной до 0,2 м. Высота кургана — 1,65 м. Диаметр СЮ — 13,5 м, диаметр ЗВ — 13 м, окружность основания 44,0 м. Курган окружал ровик с перемычками на З, на С и на В. В насыпи, состоявшей из желтого песка, встречен ряд зольных пятен. На глубине 0,7 м и на расстоянии ЦЮ — 0,8 м, ЦВ — 0,7 м показался венчик сосуда. Горшок сделан на гончарном кругу, тесто почти без примесей, профиль славянский, венчик резко отогнут, орнамент линейно-волнистый. Вокруг сосуда насыпь состояла из песка с зольными пятнами. В горшке были мелкие жженные кости человека. Кострище мощностью до 0,25 м открылось на глубине 1,4 м. Оно представляло собой зольное пятно в виде круга, диаметром до 11 м, с центром, смещенным относительно центра кургана к С по оси СЮ на 1,0 м. Координаты кострища: ЦС — 6 м, ЦЮ — 4,75 м, ЦЗ — 5 м, ЦВ — 5,2 м. На кострище находились две кучки мелкого жирного угля. Северная кучка имела форму круга диаметром до 3,5 м, с центром на координатах ЦС — 1,4 м, ЦЗ — 1,6 м. Южная кучка имела форму полумесяца рогами на восток. Расстояние до од-

ного рога (лежит на оси СЮ) ЦЮ — 1 м, другого (на той же оси) ЦЮ — 3,4 м. Координаты наиболее западной точки ЦЮ — 2,5 м, ЦЗ — 2,5 м. В ущерб полумесяца входило материковое пятно (разрыв зольного слоя), направленное на северо-восток длиной 3,5 м, шириной 1,3 м. В северной кучке на глубине 1,5 м найдена медная незамкнутая гранчато-конечная пряжка (рис. 1). В кострище найдены три обломка железных пластинок, два из которых имеют по заклепочке, а также два обломка кремня. Угольный слой подстилался белым прозоленным песком мощностью до 0,05 м. Материковый желтый плотный песок залегал на глубине 1,64 м.

Сожжение было совершено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 8. Расположен рядом с курганом № 5, к В от него. Насыпь имела форму шарового сегмента и

была покрыта неплотным дерном толщиной до 0,3 м. Высота кургана 1 м, диаметр СЮ — 9 м, диаметр ЗВ — 10 м, окружность основания 31 м. Курган в северной части окружен ровиком. Насыпь состояла из окружающей земли — желтого песка. Кострище появилось на глубине 0,65 м. Оно представляло собой зольный слой неправильной округлой формы поперечником до 3,6 м и мощностью до 0,1 м. Координаты кострища: ЦС — 1,5 м, СЮ — 2,1 м,

Рис. 1. Пряжка из кургана № 7
ЦВ — 1,7 м, ЦЗ — 1,6 м. В центре кургана на зольном пятне находилась кучка мелкого жирного угля поперечником до 2,5 м. Ее координаты: ЦС — 1 м, ЦЮ —

1,25 м, ЦЗ — 1 м, ЦВ — 1 м. В угольной кучке найден ряд головней длиной до 0,6 м, лежавших в направлении СЗ—ЮВ и СВ—ЮЗ. В кострище на глубине 0,65 м показался венчик сосуда. Горшок сделан на гончарном кругу, обжиг плохой, профиль славянский, орнамент линейный. В сосуде мелкие жженные кости человека. Кроме того, в кострище найден зуб лошади (?), лепной черепок, обломок железной пластинки и каменный предмет в виде палочки. Кроме жженных костей, найденных в сосуде, скопление таких же мелких жженных костей, но в незначительном количестве, обнаружено в четырех местах кострища. Под кострищем залегал слой прозоленного белого песка толщиной до 0,09 м. Под белым песком на глубине 1,0 м залегал плотный желтый материковый песок.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 9. Расположен рядом с курганом № 8, к Ю от него. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта слоем плотного дерна толщиной до 0,25 м. Высота кургана 1,3 м, диаметр СЮ — 10 м, диаметр ЗВ — 9,75 м, окружность основания — 32 м. Курган имел ровики с З и с В. Насыпь состояла из желтого песка. Кострище мощностью до 0,4 м обнажилось на глубине 1,0 м. Оно представляло собой зольный слой в виде неправильного овала размером 3×4 м. К югу от овала язык зольного слоя. К В и к З два отдельных зольных пятна, одно диаметром до 1,5 м, другое диаметром до 1,0 м. На расстоянии ЦЮ — 1 м на оси СЮ маленькая кучка углей диаметром 0,15 м. Под кострищем, на глубине 1,3 м, залегал плотный желтый материковый песок.

В кострище отсутствовали следы трупосожжения: не было вешей, не было характерного угольного слоя, почти не было углей. Несомненно, что трупосожжение на костре не производилось. Курган имел, видимо, меморативный характер (кенотаф). Костер был сожжен на горизонте.

Курган № 10. Расположен к СЗЗ от кургана № 1, к ЮВ от кургана № 4 и к ЮЗ от кургана № 5. Насыпь полусферической формы, была сильно повреждена ямами. ЮВ пола кургана была почти совсем снесена.

Курган покрывал неплотный слой дерна мощностью до 0,25 м. Высота кургана 1,4 м, диаметр СЮ — 13,5 м, диаметр ЗВ — 13 м, окружность основания 47 м. Курган окружал ровик. Насыпь состояла из желтого песка, в котором наблюдались выходы незначительных зольных пятен. Кострище появилось на глубине 1,15 м. Оно представляло собой зольный слой мощностью до 0,15 м, округлой формы, ущербленный в ЮВ части (следы ямы, уничтожившей полу). Его координаты: ЦС — 4,15 м, ЦЗ — 4 м, ЦЮ — 4,3 м, ЦВ — 4,3 м. В середине зольного пятна находилось скопление угольных пятен, состоявших из мелкого жирного угля. Эти пятна были расположены довольно густо и образовывали в центре кургана как бы угольное пятно на зольном слое. В центре этого угольного пятна на площади, по форме близкой к квадрату, угли и зола отсутствовали, и был обнажен слой желтого песка. Стороны этого квадрата ориентированы приблизительно по странам света. Сторона квадрата — 1,0 м. В зольном слое найдены обломки железных пластинок. Кострище подстилалось слоем прозоленного белого песка толщиной до 0,15 м (погребенный дерн). Материк из желтого плотного песка с коричневыми прожилками залегает на глубине 1,3 м.

Раскопки были предприняты с целью предотвратить дальнейшее разрушение насыпи (имели охранное значение).

Ввиду наличия в центре кургана следов квадратной ямы, можно предполагать, что курган был раскопан ранее колодцем.

Сожжение, видимо, произведено на месте сооружения насыпи, на горизонте.

Курган № 11. Расположен к Ю от кургана № 5 и к В от кургана № 10. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной до 0,2 м. Высота кургана 0,6 м, диаметр СЮ — 8 м, диаметр ЗВ — 8,4 м, окружность основания 26,5 м. С востока имелся ровик. Насыпь состояла из песка. На глубине 0,25 м у центра кургана найден большой сосуд в черепках. Горшок сделан на гончарном кругу, орнамент линейный, профиль славянский. В сосуде мелкие жженные человеческие кости. В насыпи

найден также кремневый отщеп и черепок. Кострище появилось на глубине 0,6 м. Оно представляло собой зольный слой, имеющий неправильную форму поперечником до 4,5 м. Его координаты: ЦС — 2 м, ЦЮ — 2,4 м, ЦЗ — 2 м, ЦВ — 1,9 м. Толщина зольного слоя до 0,14 м, а в основном — 0,02—0,03 м. Под кострищем находился неравномерный слой прозоленного белого песка, мощность которого не превышала 0,15 м. Материковый плотный желтый песок лежал на глубине 0,7 м.

Ввиду отсутствия характерного жирного угля и полного отсутствия вещей (кроме керамики), судя по общему характеру кострища, можно предполагать, что сожжение было произведено на стороне. Захоронение произведено на горизонте.

Курган № 12. Расположен к ЮВ от кургана № 3 и к ЮЗ от кургана № 9. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта неплотным дерном, толщиной до 0,13 м. Высота кургана 0,6 м, диаметр СЮ—7,5 м, диаметр ЗВ — 7 м, окружность основания 23,5 м. Насыпь состояла из желтого песка. Кострище обнажилось на глубине 0,53 м. Оно представляло собой зольный слой мощностью до 0,1 м, шедший по всей вскрытой поверхности. В западной части кострище состояло из мелкого жирного угля мощностью до 0,2 м. Форма угольного пятна овальная, вытянутая с С' на Ю. Ось СЮ — 5 м, ось ЗВ — 3,5 м. Центр пятна лежал на расстоянии 1,65 м к З от центра кургана. В угольном слое были мелкие жженые кости, причем они не образовали скоплений. В том же слое найден обломок медной трубочки. Кострище подстилал слой прозоленного белого песка мощностью до 0,07 м. Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 0,7 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи.

Курган № 13. Расположен в лесу, вблизи от южной опушки, на которой находились предыдущие курганы. Это место находилось в стрелке лесных дорог, одна из которых, идущая с ЮЗ на СВ, совпадает с лесной просекой, а другая идет по самой опушке с З на В. Курган лежит к СЗ от кургана № 5. Насыпь имела форму шарового пояса (с плосковатой вершинной) и была покрыта плотным дерном средней мощностью

0,15 м. Курган окружали ровики. Высота кургана 1,6 м, диаметр СЮ — 15 м, диаметр ЗВ — 14,5 м, окружность основания — 47,5 м. Насыпь состояла из песка, в котором отмечено зольное пятно незначительной мощности. В насыпи найдены два черепка и одна железная заклепка. Кострище диаметром до 8,75 м обнажилось на глубине 1,45 м. Оно представляло собой пятно неправильной формы из мелкого жирного угля с отдельными включениями крупного угля. Угольное пятно распространялось к С на 3,5 м, к Ю — на 4,25 м, к З — на 4,25 м, к В — на 4,5 м. Мощность кострища в среднем 0,1 м, в отдельных же местах — от 0,05 м до 0,25 м. В СЗ секторе в кострище встречались отдельные мелкие жженные кости человека.

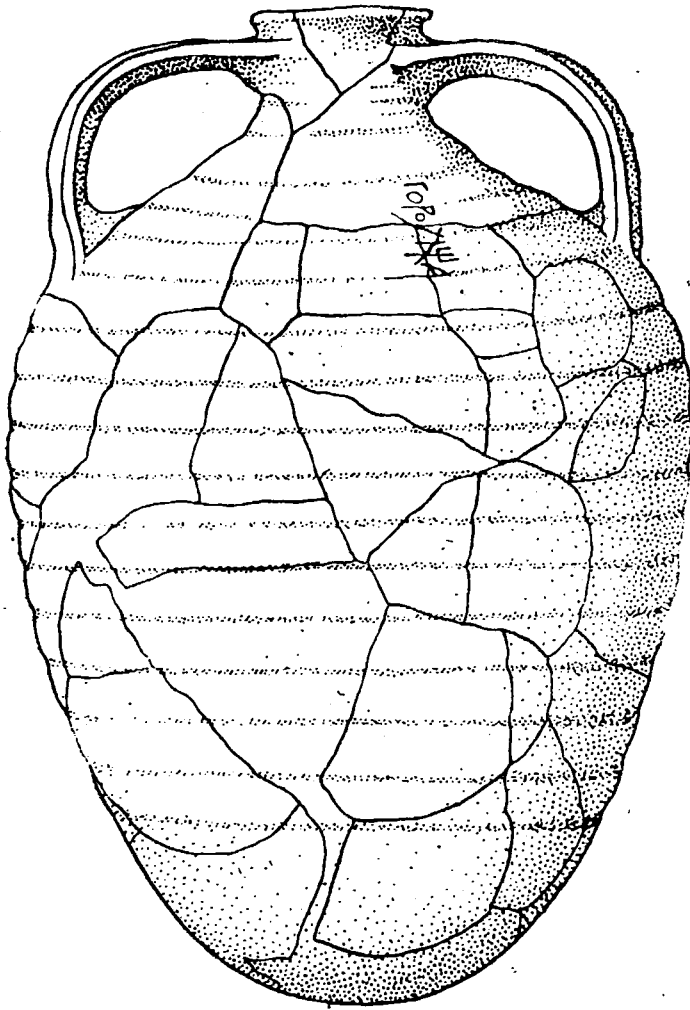
На глубине 1,4 м в ЮВ секторе открылся венчик сосуда. Горшок ручной лепки, ассиметричный, тесто с примесями дресвы, зерна кварца до 1 мм. Заметны следы ленточной техники. Плечи резкие, венчик прямой. Ангобирован. По плечам радиальные насечки, сделанные пальцем. Обжиг средний, сохранность хорошая. Высота сосуда 0,25 м. Вокруг сосуда было много мелких жженных костей. Сосуд был наполнен жженными человеческими костями, углем, золой. В сосуде сверху лежали необожженные кости птицы, далее два обломка мусата, обломки костяного гребня, обрывки медной цепочки, каменная белая буса, медный ключик лопаточкой, обломки железной гривны, буса хрустальная 14-гранная, височное кольцо медное, спиральное, а на самом дне — маленький глиняный кувшинчик с круглой ручкой (высота 82 мм, диаметр до 62 мм). Кувшинчик сделан на гончарном кругу, ангобирован. По широкой части — линейный орнамент.

Рядом с сосудом на глубине 1,45—1,5 м найдены две бусы хрустальные призматические восьмигранные, три такие же сердоликовые, пять сердоликовых 14-гранных бус, обломки мусата, обломки железной заклепки, обломки медной обоймицы, медный литой полуцилиндр с орнаментом в виде двух поясков, зубья костяного гребня, обломки железа и меди. Здесь же найдены четыре черепка амфоры (корчаги). На одном из них надпись «ГОРО», на двух других — продолжение надписи «УХЩА». Остальные черепки амфоры разбросаны

по площади диаметром до 3 м. Амфора сделана на гончарном кругу, но еще ленточной техникой. Обжиг хороший. Амфора с узким горлом, двумя ручками, круглодонная. Надпись процарапана сверху вниз по обожженной глине (рис. 2). В восточной половине кострища, особенно в ЮВ секторе, на глубине от 1,45 м до 1,6 м встречена 61 железная заклепка различной длины.

На глубине от 1,5 до 1,6 м во всех секторах встречены черепки лепного сосуда, а в СВ секторе — несколько черепков от сосуда, сделанного на гончарном кругу.

На глубине от 1,5 до 1,65 м в южной половине кострища найдены семь железных гвоздей. На глубине от 1,5 до 1,62 м обнаружена 21 медная заклепка. На той же глубине найдены многочисленные обломки меди. На глубине 1,5 до 1,65 м находилось восемь обломков железных вещей неизвестного назначения. На глубине 1,45—1,65 м, преимущественно в ЮВ секторе кострища, найдено много бус, в том числе сердоликовых 14-гранных — 33 штуки и семь обломков, сердоликовых призматических восьмигранных — 13 штук и семь обломков, сердоликовых монетовидных — семь штук и один обломок, сердоликовых бипирамидальных крупных восьмигранных — две, хрустальных 14-гранных — 25 и 13 обломков, хрустальных восьмигранных призматических — 12 штук и 14 обломков; обнаружен также обломок хрустальной шарообразной бусы, оплавившиеся обломки стеклянных бус зеленого, синего, белого и другого стекла, а также мозаичных 50 штук, бусы мелкие, стеклянные, зеленые, синие, белые — восемь штук, буса зонная из массы сургучного цвета — одна. В ЮВ секторе найдены два обломка стекловидной массы, может быть, оплавившиеся бусы, а также две напускные бусы, плетеные из серебряной канители (рис. 3). На глубине 1,55 м обнаружен диргем аббасидский (точнее неопределим) с приклепанным ушком. На глубине 1,57 м — два обломка аббасидских диргемов. Один из них 234 года хиджры (848—849 годы нашей эры), другой — половины VIII — начала IX века нашей эры. На глубине 1,6 м — диргем аббасидский 295 года хиджры (907—908 годы нашей эры) из Мединет-ас-Селяма (Багдад). На глубине 1,6 м неопределимая четверть диргема.

0 ————— 5 см.

Рис. 2. Корчага с надписью из кургана № 13

В ЮЗ секторе кострища найдена верхняя половина меча так называемого каролингского типа, вертикально воткнутая в землю. Рядом с рукоятью обнаружена отломанная нижняя часть клинка, тоже воткнутая в землю, но наклонно. Общая длина меча 1 м. На глубине 1,5—1,62 м, преимущественно в ЮВ секторе кострища, найдены четыре шипа древолазных железных, обломки костяного гребня, медная обоймица, пять обломков мусата, три бляшки (сердцевидная медная, треугольная медная и железная) и покрытая медью гирька, 14-гранной формы. На глубине 1,5—1,55 м найдены черепки со-

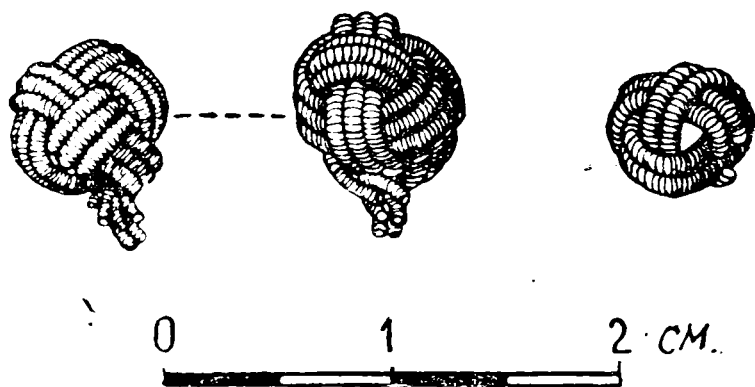

Рис. 3. Напускные бусы из кургана № 13

уда, лепного от руки, высотой 9 см, баночной формы. Сосуд со слабо выраженным венчиком, по краю его — насечка. Между черепками находились жженные кости человека.

На глубине 1,75 м под кострищем обнаружен венчик сосуда, дно которого находилось на глубине 1,84 м. Горшок лепной от руки, грубый, обжиг слабый, по форме близок к славянским. Орнамент в виде двух параллельных линий, между которыми зигзаг. Сосуд был пустой. Рядом с сосудом находились две гирьки железные бочковидные. На гирьках — кусочки ткани. К ним прикипела пряжка медная поясная и верхняя часть орнаментированного коромысла складных весов (рис. 4). Здесь же, рядом, — янтарная битрапецидная буса.

После разборки кострища было установлено, что в южной части кургана находится яма, сделанная в ма-

терике, диаметром до 1,2 м. Дно ямы достигает глубины 2,2 м от вершины кургана или 0,7 м от поверхности материка. Яма заполнена песком, перемешанным с золой. Как раз над ямой в профиле СЮ отмечен след деревянного столба толщиной около 0,2 м, идущий до верха кургана. Нижняя часть столба находилась на

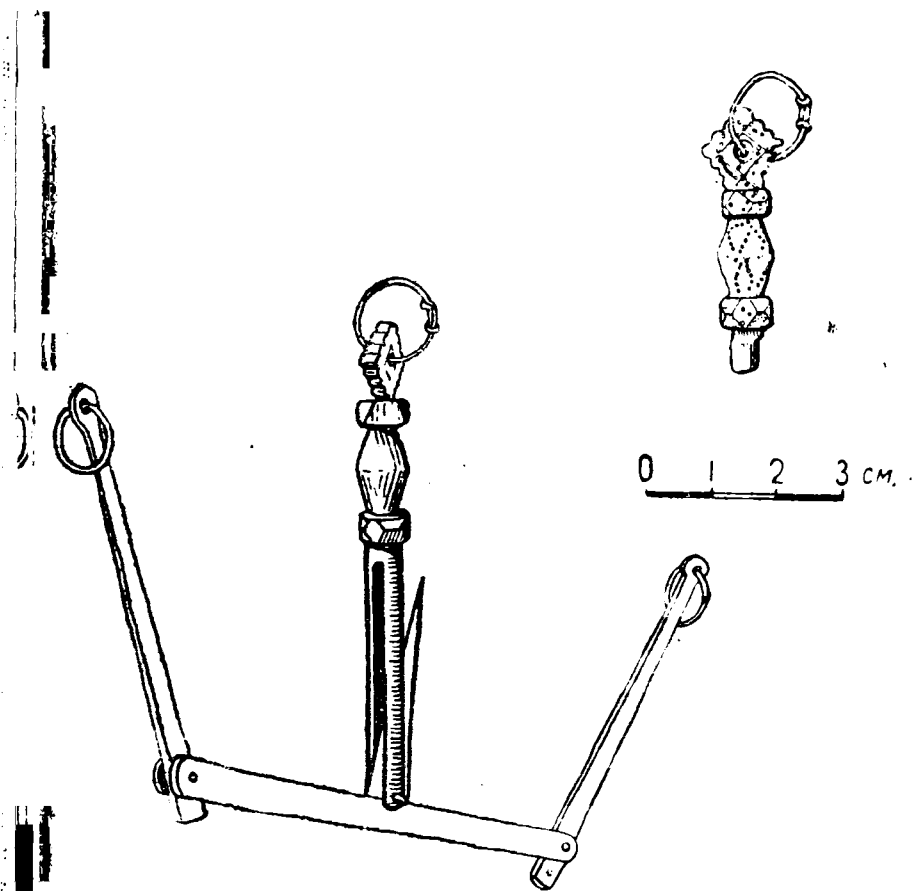

Рис. 4. Верхняя часть коромысла складных весов и реконструкция вида коромысла из кургана № 13

кострище. Кострище кое-где подстилалось белым прозоленным песком. В некоторых местах под кострищем лежал слой материкового песка, покрасневшего от жара.

На глубине 1,6 м залегал плотный желтый материковый песок.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребены мужчина и женщина.

Курган № 14. Расположен между курганами № 6 и № 8. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном, толщиной до 0,2 м. Высота кургана 0,5 м, диаметр СЮ — 5,7 м, диаметр ЗВ — 5,0 м, окружность основания 17 м. Северо-западную часть насыпи охватывал ровик. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка. Кострище обнажилось на глубине 0,4 м. Оно представляло собой зольный слой мощностью до 0,12 м, шедший по всей поверхности. В трех местах на кострище пятна мелкого жирного угля. Во всем кострище попадались мелкие жженные кости человека. В кострище на глубине 0,4—0,5 м, преимущественно в ЮВ секторе, встречено 23 черепка сосудов, сделанных на гончарном кругу, орнамент линейный и волнистый. На глубине 0,45 м в ЮВ секторе кострища найден медный наконечник пояса. Южную половину кострища подстилал слой белого песка (погребенный дерн). Материк в виде плотного желтого песка, в некоторых местах принявшего красный цвет от жара погребального костра, залегал на глубине 0,6 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 15. Расположен к З от кургана № 2 и к ЮЗ от кургана № 1. Насыпь имела форму, близкую к шаровому сегменту. В южной части край кургана скрыт канавой на 0,1 м. Насыпь покрыта плотным дерном толщиной до 0,2 м. Высота кургана 0,5 м, диаметр СЮ—6 м, диаметр ЗВ — 5 м, окружность основания 17,3 м. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка. Кострище мощностью до 0,02 м открылось на глубине 0,55 м. Оно представляло собой три зольные пятна. Первое пятно, находившееся в центре кургана, было очень светлое, прослеживалось с трудом, лежало на прослойке белого прозоленного песка. Форма пятна неправильная, поперечником до 1,25 м. Второе пятно также неправильной формы, поперечником до 0,4 м. Его приблизительный центр находился на расстоянии СЮ — 0,95 м, ЦЗ — 1 м. Третье пятно, тоже неправиль-

ной формы, лежало у СЗ полы кургана, вытянуто в направлении ЗВ и имело приблизительные размеры: ЗВ — 5 м, СЮ — 6 м. Его приблизительный центр лежал на расстоянии ЦС — 0,95 м, ЦЗ — 1,4 м. Ни в одном из зольных пятен не было даже отдельных угольков. Находок (за исключением двух черепков) и жженных костей нигде не обнаружено. Под зольным слоем залегал слой белого прозоленного песка мощностью до 0,1 м. Костер был сожжен на горизонте.

Судя по незначительному зольному слою, по абсолютному отсутствию жженных костей и находок, можно предположить, что курган имел меморативный характер.

Курган № 16. Расположен рядом с курганом № 15, к ЮЗ от него. Насыпь близка по форме к шаровому сегменту, но поверхность ее неровная. Часть южной полы срезана канавой. Высота кургана 0,75 м, диаметр СЮ — 9 м, диаметр ЗВ — 9 м, окружность основания 28,1 м. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка, в ней отмечен ряд зольных пятен. Кострище мощностью до 0,3 м залегало на глубине 0,8 м. Оно представляло собой зольное пятно неправильной формы, поперечником до 6 м. Его координаты: ЦС — 2,4 м, СЮ — 3,8 м, ЦЗ — 3,4 м, ЦВ — 2,2 м. В центре находилось пятно мелкого жирного угля. Угольное пятно имело очень неправильную форму, приблизительно в виде прямого угла, ориентированного по осям ЦЗ—СЮ. Ширина южной полосы до 0,45 м, ширина западной — до 0,35 м. Длина южной полосы 1,8 м, западной — 1,4 м. В ЮВ секторе кострища найден глиняный горшок, перевернутый вверх дном. Дно на глубине 0,8 м. Верхняя часть сосуда отбита. Сосуд сделан на гончарном кругу, обжиг плохой. Горшок был наполнен золой и мелкими жженными костями. На глубине 0,85—0,95 м в кострище найдены пять лепных черепков, три обломка кремня и обломок железа. На той же глубине вне кострища найдены три черепка и разрушившаяся пряжка. Материк в виде плотного желтого песка залегал под кострищем на глубине 1,0 м. Кострище лежит на горизонте.

Возможно, что сожжение произведено на стороне. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 17. Расположен через два кургана к В

от кургана № 7. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном, толщиной до 0,2 м. Высота кургана 1,3 м, диаметр СЮ — 10,2 м, диаметр ЗВ — 11 м, окружность основания — 36,8 м. Курган окружал ровик с перемычками на СЗ, ЮЗ и ЮВ. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка, в котором отмечено зольное пятно. Кострище мощностью до 0,25 м появилось на глубине 0,97 м и распространилось на глубине 1,08 м, занимая центральную часть кургана. Координаты кострища: ЦС — 3,6 м, ЦЮ — 4,25 м, ЦЗ — 3,5 м, ЦВ — 3,5 м.

Оно имело неправильную форму поперечником до 8 м и состояло из золы. В центре кострища находилось пятно мелкого жирного угля поперечником до 3 м.

Центр угольного пятна смещен по отношению к центру кургана на расстояние ЦС — 0,75 м, ЦЗ — 0,75 м. На глубине 1,1 м обнаружен глиняный лепной сосуд, по форме близкий к славянским. Обжиг плохой, тесто с прижарками. Сосуд лежал на боку. В нем находилась зола и мелкие жженые кости.

В кострище, преимущественно в СЗ секторе на глубине 1,1 — 1,27 м найдены 14 поясных медных бляшек (круглых с пятиконечной звездой — три, сердцевидных — семь, в виде трех касающихся окружностей — три, наконечник гладкий — один). В западной половине кострища обнаружены пять медных пуговиц, из них две рифленых.

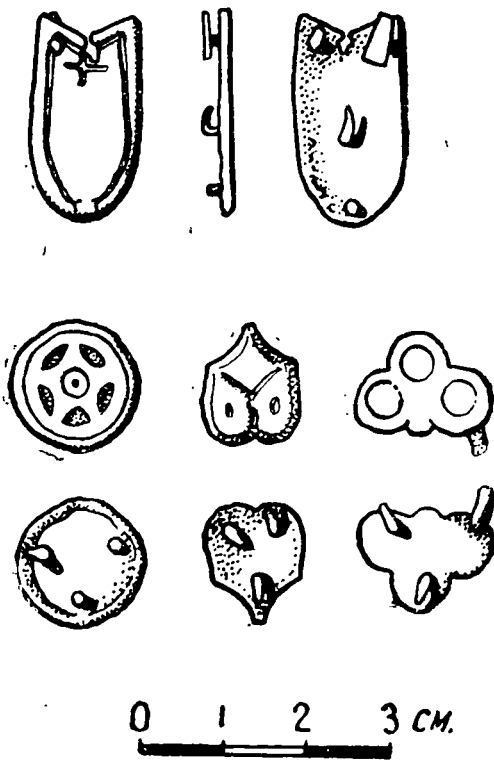

Рис. 5. Поясные бляшки из кургана № 17

В кострище, преимущественно в СЗ секторе на глубине 1,1 — 1,27 м найдены 14 поясных медных бляшек (круглых с пятиконечной звездой — три, сердцевидных — семь, в виде трех касающихся окружностей — три, наконечник гладкий — один). В западной половине кострища обнаружены пять медных пуговиц, из них две рифленых.

В СЗ секторе найдены обломки медной ложновитой загнутоконечной пряжки. В этом же секторе обнаружено железное кольцо, обломок меди, обгорелый кремний; в ЮЗ секторе — пять железных гвоздей. Все кострище подстилалось слоем белого прозоленного песка. В белом песке наблюдались коричневые прожилки. Материк в виде желтого плотного песка с коричневыми прожилками залегал на глубине 1,33 м. По структуре и плотности белый песок и материк весьма близки.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 18. Расположен рядом с курганом № 7, к востоку от него. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной до 0,2 м. Высота кургана 1,5 м, диаметр СЮ — 10,5 м, диаметр ЗВ — 12 м, окружность основания 36 м. Курган окружал ровик с перемычкой на ЮЗ. Насыпь состояла из желтого песка. Кострище мощностью до 0,1 м обнажилось на глубине 1,3 м. Оно представляло собой зольное пятно неправильной формы. Его приблизительный центр сдвинут на расстояние ЦС — 0,5 м, ЦВ — 1,0 м. При дальнейшем углублении зольное пятно сдвинулось к ЮЗ, и на глубине 1,4 м его приблизительный центр лежал на расстоянии ЦЮ — 0,5 м, ЦС — 0,75 м. Координаты зольного пятна на глубине 1,3 м: ЦС — 2,6 м, ЦЮ — 2,2 м, ЦВ — 3,9 м, ЦЗ — 2 м. Координаты зольного пятна на глубине 1,4 м: ЦС — 2,5 м, ЦЮ — 2,4 м, ЦЗ — 4,1 м; ЦВ — 3,0 м. В ЮВ секторе на кострище находилось пятно мелкого жирного угля. Это пятно имело форму овала, центр которого лежал на расстоянии ЦЮ — 1,0 м, ЦЗ — 1,5 м. Ось ЗВ — 3,5 м, ось СЮ — 2,5 м. В кострище на глубине 1,32 м в ЮЗ секторе найден раздавленный глиняный сосуд с мелкими жжеными костями. Сосуд сделан от руки, форма баночная. На той же глубине в том же секторе найден второй раздавленный глиняный сосуд с мелкими жжеными костями. Сосуд сделан на кругу, профиль славянский, обжиг плохой. Между черепками второго сосуда найдена орнаментированная костяная поделка и металлическое кольцо. В этом же секторе на глубине 1,32—1,4 м найдено второе металлическое кольцо, два железных гвоздя, железная заклепка, несколько железных обломков и

предмет из неизвестного материала. В ЮЗ секторе найден гончарный черепок. В районе находок много мелких жженных костей человека. Кострище подстилалось слоем белого прозоленного песка толщиной до 0,05 м. Материк в виде плотного желтого песка залегает на глубине 1,4 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 19. Расположен через три кургана к востоку от кургана № 18. Насыпь по форме была близка к сегменту эллипсоида, вытянута по оси ЗВ. Южная пола кургана к югу от ЦЮ — 1 м срезана канавой. Курган был покрыт плотным дерном толщиной до 0,4 м, а в среднем — 0,2 м. Высота кургана 1,3 м, диаметр СЮ — 6 м, ЗВ — 10 м, окружность основания 23 м. В СЗ части курган окружал ровик. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка, в котором встречались отдельные небольшие пятна светлой золы. Кострище мощностью до 0,12 м открылось на глубине 1,2 м. Оно представляло собой зольный слой без примеси углей. Зола очень светлого тона. Форма пятна близка к овалу с небольшим ущербом на СЗ. Координаты пятна: ЦС — 2,5 м, ЦЮ — 2 м, ЦЗ — 4 м, ЦВ — 2,8 м. В кострище не встречено ни углей, ни вещей, ни жженных костей. Под кострищем залегал белый прозоленный песок. Материк залегал на глубине 1,4 м и представлял собой плотный желтый песок.

Чрезвычайно светлый цвет зольного пятна, отсутствие жженных костей, вещей и мелкого жирного угля заставляют предполагать, что данный курган имеет меморативное значение. Костер был сожжен на горизонте.

Курган № 20. Расположен в лесу на СВ от кургана № 7 почти на С от кургана № 18, в 70—75 м к С от дороги, идущей между курганами с З на В. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной до 0,15 м. Высота кургана 1,2 м, диаметр СЮ—10 м, диаметр ЗВ — 9,5 м, окружность основания 30 м. Курган окружал ровик с перемычкой на В. Насыпь состояла из желтого песка, в котором наблюдались отдельные зольные пятна. Кострище мощностью до 0,3 м обнажилось на глубине 1,12 м. Оно

представляло собой зольное пятно, по форме близкое к овалу, вытянутому с С на Ю. Его координаты: ЦС — 3,2 м, ЦЮ — 4,4 м, ЦЗ — 3,0 м, ЦВ — 3,0 м. Посреди зольного пятна находилось пятно мелкого жирного угля. Это пятно имело неправильную продолговатую форму, вытянутую с З на В. Его координаты: ЦС — 0,9 м, ЦЮ — 0,5 м, ЦЗ — 2 м, ЦВ — 0,8 м. В западной части угольного пятна прослежены головни длиной до 1,4 м, лежавшие в направлении СЗ—ЮВ, и две маленькие головни, перпендикулярные первым. В ЮЗ секторе насыпи на глубине 0,6—0,65 м найдена обгорелая кость животного и конское копыто (?).

Почти в центре круга, на глубине 0,75 м найден сосуд, сделанный на гончарном кругу, вытянутой формы, славянского профиля, тесто и обжиг хорошие, орнамент линейный и волнистый. На дне сосуда клеймо в виде квадрата, стороны которого продолжены в одну сторону и имеют два колена, образуя фигуру, подобную сегнерову колесу, загнутому против часовой стрелки. В этот квадрат вписан другой квадрат. Сосуд наполнен жжеными костями. В кострище у центра найден другой сосуд, сделанный на гончарном кругу, толстостенный. Венчик и верхняя часть отбиты. На дне клеймо в виде квадрата, на внешних углах которого расположено по маленькому квадратику. Сосуд стоял вверх дном. Дно на глубине 1,18 м. В сосуде было небольшое количество жженных костей и угля. Почти в центре кургана, в кострище, обнаружен третий сосуд, пустой, сделанный на гончарном кругу, очень плохого обжига, плохой сохранности. Профиль славянский. Сосуд лежал на боку, днищем к центру кургана.

В кострище на глубине 1,15—1,25 м найдено: в СВ секторе — железный древолазный шип, железный гвоздь, медная привеска, круглая, с пунктирным орнаментом по ободку; три кусочка кремня; в ЮЗ секторе — пряжка железная, четырехугольная, три обломка железных предметов, железный нож и гвоздь; в ЮВ секторе — железная ланцетовидная стрела. Кострище во многих местах подстилал белый прозоленный песок. Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 1,4 м. В материке обнаружена овальная яма, наполненная песком. Центр ямы находился на расстоя-

нии ЦЗ — 0,35 м, ЦС — 2 м. Ее длинная ось (СЮ) — 1,2 м, короткая — 0,95 м. Яма уходила в материк на 0,25 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребен, видимо, мужчина.

Курган № 21. Расположен к ССВ от кургана № 17 и к ЮЮЗ от кургана № 20. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной до 0,15 м. Высота кургана 0,74 м, диаметр СЮ — 8,1 м, диаметр ЗВ — 8,0 м, окружность основания 26,3 м. СЗ, ЮЗ и половина ЮВ секторов окружены ровиками. Насыпь состояла из желтого песка. Кострище мощностью до 0,12 м обнажилось на глубине 0,6 м. Оно представляло собой зольный слой, распространявшийся по всей вскрытой поверхности. В центре кострища было скопление более темного мелкого жирного угля. Его координаты: ЦС — 2,0 м, ЦЮ — 2,3 м, ЦЗ — 3 м, ЗВ — 2,25 м. Во всем угольном слое встречались мелкие жженые кости человека. В кострище на глубине 0,6—0,7 м найдены три стеклянные бусы и два отщепы кремня. Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 0,72 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребен, видимо, женское.

Курган № 22. Расположен к СВ от кургана № 4 в лесу; в конце лесной просеки, к В от нее. Курган имел форму шарового пояса (с плосковатой вершиной), скаты крутые. Насыпь была покрыта плотным дерном толщиной до 0,25 м. Высота кургана 1,72 м, диаметр СЮ — 16,25 м, диаметр ЗВ — 14,1 м, окружность основания 52,5 м. Курган был окружен ровиком с перемычкой на З. Насыпь состояла из желтого песка с большим содержанием гальки. В насыпи прослежен ряд зольных пятен. На глубине 1,4 м по всей вскрытой поверхности появились многочисленные отдельные зольно-угольные пятна, которые на глубине 1,53 м слились в единое кострище мощностью до 0,2 м. Кострище представляло собой зольный слой, занимавший всю центральную часть вскрытой поверхности. На глубине 1,6 м координаты кострища таковы: ЦС — 3,85 м, ЦЮ — 5,75 м, ЦЗ — 4,25 м, ЦВ — 5,75 м. На глубине 1,72 м

зольное пятно расширилось, и его координаты стали: ЦС — 4,25 м, ЦЮ — 7,8 м, ЦЗ — 5,75 м, ЦВ — 6,25 м. Центральную часть кострища занимало скопление мелкого жирного угля. Его координаты: ЦС — 1,4 м, ЦЮ — 1,75 м, ЦЗ — 2,4 м, ЦВ — 1,5 м. На ЮЗ границе угольного пятна находились семь головней, длиной до 1,4 м, пять из них лежали с В на З, две — с С на Ю.

На поверхности угольного слоя на глубине 1,53 м найдено небольшое количество (с горсть) мелких жженных человеческих костей. Во всем угольном слое встречались такие же кости, которые не образовывали скоплений. В этом же слое встречались небольшие угли. У центра кургана на глубине 1,55 м найден раздавленный глиняный сосуд, наполненный жжеными костями человека. Сверху лежали необожженные кости птицы (курицы?). Дно сосуда было на глубине 1,7 м. Сосуд лепной от руки, удлинённой формы, венчик слабо отогнут, обжиг плохой. На глубине 1,65—1,75 м найдено: в ЮВ секторе — обломок спинки костяного гребня, три обгоревших лесных (?) ореха, обломок железной дужки, обломок железной пластинки; в ЮЗ секторе — 10 пуговиц медных с ушками, обломок медного предмета, гвоздь железный загнутый (в головне), два обломка железной дужки; в СЗ секторе — дужка железная, заклепка железная, неизвестный предмет железный.

Под кострищем на глубине 1,72 м залегал материковый плотный желтый песок с коричневыми прожилками. В двух местах материк был нарушен небольшими ямками диаметром по 0,8 м. Центр первой ямы находился на расстоянии ЦЮ — 3,5 м, ЦВ — 0,25 м. Центр второй ямы находился на расстоянии ЦЮ — 4,8 м, ЦВ — 3,4 м. Ямы заполнены золой. Глубина ям в материке 0,3 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское и женское.

Курган № 23. Расположен рядом с курганом № 22, к ЮЗ от него, у края лесной просеки. Курган имел форму шарового пояса с плоской, почти горизонтальной вершиной. Насыпь была покрыта дерном, толщиной до 0,18 м, она была повреждена двумя ямами от земля-

нок. Высота кургана 1,7 м, диаметр СЮ — 21,7 м, диаметр ЗВ — 22,6 м, окружность основания 73 м. Курган окружен ровиком, с перемычками на СЗ, ЮЗ и ЮВ. Насыпь состояла из желтого песка с большим количеством камней и гальки, причем в южной половине насыпи камней и гальки было гораздо меньше, чем в северной.

В насыпи отмечен ряд зольных пятен. Кострище появилось на глубине 1,08 м в СЗ секторе в виде двух пятен. Центр первого пятна находился на координатах ЦС — 4,5 м, ЦЗ — 6,75 м, диаметр этого пятна до 0,75 м. Центр второго пятна находился на расстоянии ЦС — 6,45 м, ЦЗ — 5,6 м, диаметр пятна до 1 м. В этих пятнах сразу же обнаружено скопление мелких жженных человеческих костей и небольшое количество мелкого жирного угля. Третий выход кострища обнаружен на глубине 1,29 м в ЮЗ секторе. На глубине 1,35 м кострище распространялось по центральной части всей вскрытой поверхности. Его координаты: ЦС — 9,25 м, ЦЮ — 8,0 м, ЦЗ — 9,2 м, ЦВ — 8,3 м. Кострище имело сильный наклон на юго-восток (соответственно склону местности). Оно состояло из золы, слой которой имел в среднем толщину 0,15 м. В ЮЗ секторе среди зольного слоя имелось пятно белого прозеленого песка диаметром до 3,5 м. На слое белого песка находилась кучка мелкого жирного угля диаметром до 2,5 м. Ее центр находился на расстоянии ЦЮ — 1,3 м, ЦЗ — 5 м. Вершина этой кучки выступала над кострищем, и именно она была обнаружена на глубине 1,29 м, о чем говорилось выше. В этой угольной кучке сосредоточено абсолютное большинство находок.

В кострище на глубине 1,34—1,47 м найдены 32 железных гвоздя, 23 обломка железных предметов, 10 обломков медных предметов, пять сплавов стеклянных бус, одна буса сердоликовая, восьмигранная, призматическая, одна буса сердоликовая, шарообразная, три бусы хрустальных шарообразных, четыре бусы стеклянных зонных фиолетовых, восемь бус стеклянных зонных белых. Здесь обнаружено также 12 кусочков металлических сплавов, два шипа железных древолазных, две гирьки железных омедненных, четыре пряжки железные, один язычок от пряжки, бляшка поясная квадрат-

ная, обломок костяного гребня, буса серебряная полая сканная, три обрывка цепочек, обломки медной черепаховидной фибулы, серебряная в виде пальметок оковка рогового кубка, золотая бляшка со скобой на обороте, с орнаментом в виде сегнерова колеса, золотая бляшка со сканным орнаментом в виде свернувшегося в кольцо дракона и обломок ободка от этой бляшки, диргем серебряный 292 года хиджры (904—905 годы нашей эры), саманидский, чеканен в Самарканде. В центре угольной кучки стоял глиняный сосуд, сделанный на кругу, обжиг хороший, профиль славянский, орнамент волнистый и линейный. Венчик на глубине 1,35 м. В горшке жженые кости человека, а сверху необожженные кости птицы. Под кострищем на глубине 1,52 м залегал материковый слой в виде плотного желтого песка с галькой.

Раскопки были предприняты с целью предотвратить дальнейшее разрушение насыпи (имели охранное значение).

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское и женское.

Курган № 24. Расположен через один курган к В от кургана № 18 и через один курган к З от кургана № 19. Насыпь имела форму шарового пояса (с плосковатой вершиной). Курган был покрыт плотным дерном, толщиной до 0,25 м. Высота кургана 1,7 м, диаметр СЮ — 13 м, диаметр ЗВ — 13,6 м, окружность основания 42 м. Курган окружал ровик с перемычками на С и на Ю. Насыпь состояла из желтого песка, в ней встречались зольные пятна. Мощное, но неоднородное кострище появилось на глубине 1,0 м. Оно представляло собой зольное пятно, распространившееся по всей поверхности. Его координаты ЦС — 5 м, ЦЮ — 5,5 м, ЦЗ — 4,75 м, ЦВ — 5,25 м. Большую часть зольного пятна занимало скопление мелкого жирного угля. Координаты угольного пятна: ЦС — 4 м, ЦЮ — 4,25 м, ЦЗ — 4,75 м, ЦВ — 4,75 м. Наибольшую мощность угольно-зольный слой имел в ЮВ части кургана (до 0,5 м). В восточной части кострища зольный слой достигал мощности 0,3 м. В этом месте его подстилал слой мелкого жирного угля. На глубине 1,33 м, в самом центре кургана, найден раздавленный сосуд, лежавший

на боку. Сосуд грубый, изготовлен на гончарном кругу, орнамент линейно-волнистый, форма славянская. Среди черепков и вокруг них найдено много угольков и мелких жженных костей человека. Между черепками лежал пучок тонких медных зигзагообразно изогнутых проволок. Рядом с черепками найдены птичьи кости. Кострище подстилалось слоем прозоленного песка (погребенный дерн). Плотный желтый материковый песок залегал на глубине 1,5 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи.

Курган № 25. Расположен рядом с курганом № 20, к ЮЮЗ от него и к ССВ от кургана № 21. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной 0,1 м. Высота кургана 1,1 м, диаметр СЮ — 9 м, диаметр ЗВ — 10 м, окружность основания 30,5 м. Насыпь состояла из желтого песка. Кострище залегало на глубине 0,65 м. Оно представляло собой пятно мелкого жирного угля, распространявшееся по центральной части вскрытой поверхности. Его координаты: ЦС — 3,2 м, ЦЮ — 3,6 м, ЦЗ — 3,4 м, ЦВ — 3,3 м. Мощность угольного слоя различна, но в большинстве мест до 0,2 м. Недалеко от центра кургана, в ЮВ секторе, на глубине 0,72 м обнаружен сосуд в черепках, лежавший вверх дном. Сосуд сделан на гончарном кругу, удлиненной формы, славянского профиля, орнамент линейно-волнистый. Сосуд прикрывал собой кучку жженных костей человека. В ЮЗ секторе кострища на глубине 0,69 м и 0,75 м найдены два обломка железного серпа, небольшого, сильно изогнутого. В ЮЗ секторе кострища, на глубине 0,72 м, 0,74 м и 0,76 м обнаружены ножницы железные шарнирные в трех обломках. В ЮЗ секторе, на глубине 0,8 м, найден железный замок в виде четырехгранной усеченной пирамиды, у центра кургана — бусина стеклянная мозаичная оплавившаяся, рядом с ней — обломок мусата. В ЮЗ секторе, на глубине 0,72 м, обнаружена железная швейная игла с круглым ушком, в ЮЗ секторе два черепка от сосуда, сделанного на гончарном кругу. В центре кургана, на глубине 0,8 м, найден маленький, лепной от руки сосуд баночной формы с жженными костями человека. Кострище подстилалось

слоем белого прозоленного песка толщиной до 0,2 м. Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 1,0 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребены, видимо, женщина и ребенок.

Курган № 26. Расположен к СВ от кургана № 20, почти рядом с ним. Курган в плане имел форму восьмерки, ось которой отклонялась от линии СЮ на 15° к З. Поэтому и оси кургана соответственно смещены, но условно именуется СЮ и ЗВ. Насыпь была покрыта плотным дерном толщиной 0,12 м. Высота кургана в южном центре 0,45 м, высота кургана в северном центре 0,35 м, большая ось (СЮ) — 8 м, южная ось (ЗВ) — 5 м, северная ось (ЗВ) — 4 м, окружность основания всей насыпи 20,6 м. В дальнейшем выяснилось, что насыпь представляет собой два слившихся кургана.

Курган № 26-А (южный). Кострище мощностью до 0,2 м обнажилось на глубине 0,38 м. Оно представляло собой зольное пятно овальной формы с ущербами в СЗ и СВ частях. Его координаты: ЦС — 1,6 м, ЦЮ — 2,0 м, ЦЗ — 1,6 м, ЦВ — 1,6 м. В центре кургана находилась кучка мелкого жирного угля. Угольная кучка имела неправильную форму. Ее размеры: ЦС — 0,6 м, ЦЮ — 0,6 м, ЦЗ — 0,5 м, ЦВ — 0,45 м. В центре кургана стоял сосуд, сделанный на гончарном кругу. Орнамент на нем линейный и волнистый, профиль славянский, обжиг плохой. Венчик сосуда на глубине 0,4 м. Сосуд наполнен мелкими жжеными костями человека. Рядом с сосудом, на глубине 0,42 м, обнаружены ножицы железные пружинные с колечком для привешивания. На глубине 0,4—0,45 м, у центра кургана, обнаружены: медная черепаховидная фибула в обломках и язычок от нее, обломки меди, обломок медной фибулы с язычком, оплавленное стекло. Кострище в некоторых местах подстиралось белым песком. Материк в виде плотного желтого песка залегает на глубине 0,6 м.

Курган № 26-Б (северный). Кострище обнажилось на глубине 0,3 м. Оно представляло собой два зольных пятна неправильной формы. Одно из них почти полностью находилось к Ю от центра, другое — к С от

центра. Размеры первого пятна: поперечник СЮ — 0,6 м, поперечник ЗВ — 0,2 м. Зольный слой очень бледный, почти без примеси угольков. Никаких вещей и костей в зольном слое нет. Мощность зольного слоя до 0,2 м. Под кострищем на глубине 0,4 м залегал материк в виде плотного желтого песка.

Общий профиль курганов (СЮ) представляет собой сегментовидную фигуру с небольшой седловиной, равноудаленной от обоих центров. Сверху лежал слой неплотного дерна толщиной 0,12 м. Под дерном залегал слой желтого сыпучего песка мощностью в южном центре — 0,26 м, в северном — 0,18 м. Под песком залегала полоса кострища, состоявшая из трех частей. Под южным центром (Цю) на глубине 0,38 м и на расстоянии ЦюЮ 0,6 м, ЦюС — 0,6 м она представляла собой слой мелкого жирного угля мощностью 0,2 м. К С и к Ю от указанных координат до ЦюС — 1,6 м, ЦюЮ — 2,0 м, угольный слой сменился зольным слоем, который и в южной и в северной частях сохранял мощность угольного слоя. На расстоянии ЦюЮ 0,05—1,2 м кострище подстилалось слоем белого прозоленного песка мощностью 0,2 м. Северные части кострища состояли из зольного слоя. Первое пятно находилось на расстоянии ЦсЮ 0 — 0,7 м, второе, слабо заметное, на расстоянии ЦсС 0,8—1,3 м. Между всеми тремя частями кострища соединительных зольных полос даже минимальной мощности не прослеживалось. Между северной и южной половинами профиля прослеживалась некоторая дугообразность слоев, получившаяся вследствие одновременной насыпки обоих курганов. Материк — плотный желтый песок — залегал на одном уровне в обеих частях кургана.

Судя по отсутствию связи между северной и южной частями кострища, по дугообразности слоев в профиле СЮ и по восьмеркообразной форме насыпи, данный курган представляет собой два разных кургана.

В южном кургане сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, женское.

В северном кургане остатков трупосожжения не найдено, и насыпь, видимо, имеет меморативное значение. Костер сожжен на горизонте.

Курган № 27. Расположен рядом с курганом № 21, с СЗ от него и к ЮЗ от кургана № 25. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной 0,12 м. Высота кургана 0,85 м, диаметр СЮ — 8,0 м, диаметр ЗВ — 10 м, окружность основания 31,7 м. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка. В ней встретилось несколько бледных зольных пятен. Кострище мощностью до 0,4 м обнажалось на глубине 0,6 м. Оно представляло собой бледное зольное пятно округлой формы, занимавшее центр вскрытой поверхности. Его координаты: ЦС — 2,0 м, ЦЮ — 3,25 м, ЦЗ — 3 м, ЦВ — 3 м. На кострище 15 пятен мелкого жирного угля диаметром до 0,25 м. Кроме того, в СЗ части кострища находилось более крупное угольное пятно длиной до 1,0 м и шириной до 0,8 м. Его приблизительный центр находился на расстоянии ЦС — 1,9 м, ЦЗ — 1,5 м. В зольном слое на глубине 0,6 — 0,8 м найдены четыре черепка и кремневый скол. Вне кострища, на той же глубине, найден обломок железного ножа и гончарные черепки. На расстоянии ЦЮ — 0,5 м по оси СЮ в зольном слое обнаружено скопление мелких жженных костей человека. Изредка такие косточки попадались и в других местах кострища. Под кострищем залегал слой белого прозоленного песка толщиной до 0,1 м. Материковый плотный желтый песок залегал на глубине 0,85 м.

Погребение совершено на горизонте, трупосожжение — на стороне. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 28. Расположен к ЮВ от кургана № 25 и к СВ от кургана № 21. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта неплотным дерном толщиной 0,1 м. Высота кургана 0,6 м, диаметр СЮ — 6,4 м, диаметр ЗВ — 6,1 м, окружность основания 17,5 м. Северо-западный сектор кургана охватывался ровиком. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка. Кострище мощностью до 0,2 м обнажилось на глубине 0,45 м. Оно представляло собой зольный слой в виде круга, занимавшего центр кургана. Зола очень светлая. Координаты кострища: ЦС — 1,8 м, ЦЮ — 1,8 м, ЦЗ — 2,0 м, ЦВ — 2,0 м. Ни жженных костей, ни углей в кострище не встречено. На глубине 0,5—0,6 м, преимущественно в СВ секторе, найдены лишь черепки сосудов,

сделанных на кругу. Восточная часть кострища подстилалась белым прозоленным песком. Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 0,65 м.

Кострище лежало на горизонте. Судя по отсутствию в кострище костей, углей и вещей, можно полагать, что насыпь имела меморативное значение.

Курган № 29. Расположен рядом с курганом № 20 к ЮВВ от него, СВ от кургана № 25 и к Ю от кургана № 26. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной до 0,25 м. Высота кургана 1,0 м, диаметр СЮ — 8,0 м, диаметр ЗВ — 9,0 м, окружность основания 28 м. В насыпи, состоявшей из желтого сыпучего песка, отмечен ряд зольных пятен. Кострище мощностью до 0,25 м обнажилось на глубине 0,82 м. Оно представляло собой зольное пятно, неправильно-овальной формы, вытянутое с СВ на ЮЗ. Его длинная ось — 7 м, короткая — 3,5 м. Координаты кострища: ЦС — 1,8 м, ЦЮ — 2,6 м, ЦЗ — 2,15 м, ЦВ — 5,2 м. В ЮЗ секторе на кострище находилось спление мелкого жирного угля той же мощности. Угольное пятно имело овальную форму. Его длинная ось — 3 м, короткая — 1,8 м. Почти в центре угольного пятна на глубине 0,35 м найден горшок с жжеными костями человека. Сосуд сделан на гончарном кругу, профиль славянский, форма удлинённая, орнамент линейный и волнистый. В ЮЗ секторе на глубине 0,9 — 1,1 м найдены два железных ножа, битрапеоидное пряслице серого шифера, мусат со сверлиной, обломок мусата, лезвие ножа железного, буса стеклянная зонная желтая и две таких же двойных серебряных, две сплавившиеся бусины, железное колечко, сплав бесцветного стекла, три кремневых скола. Под угольным слоем залегал слой белого прозоленного песка. На глубине 1,15 м залегал плотный желтый материковый песок.

Соожение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение; видимо, мужское и женское.

Курган № 30. Расположен к С от кургана № 26 и к ЮВ от кургана № 23. Насыпь имела форму шарового пояса (с плосковатой вершиной) и была покрыта неплотным дерном толщиной 0,12 м. Высота кургана 1,0 м, диаметр СЮ — 9 м, диаметр ЗВ — 9 м,

окружность основания 27,5 м. Насыпь состояла из желтого песка, в котором встречен ряд зольных пятен. Кострище мощностью до 0,15 м обнажилось на глубине 0,85 м. Оно представляло собой светлое зольное пятно без угольных включений. Его координаты: ЦС — 3 м, ЦЮ — 3 м, ЦЗ — 3 м, ЦВ — 3,5 м. Никаких костей и вещей в кострище не было, лишь в ЮВ секторе найден один черепок сосуда, сделанного на кругу. Под кострищем на глубине 1,0 м залегал плотный желтый материковый песок.

Костер был сожжен на горизонте. Судя по отсутствию черного жирного угля, по отсутствию костей, вещей и прочих признаков трупосожжения, насыпь имела меморативный характер.

Курган № 31. Расположен к З от кургана № 21 и к Ю от кургана № 23. Форма насыпи близка к шаровому сегменту. Восточная пола срезана приблизительно на 1,2 м канавой. Насыпь была покрыта неплотным дерном толщиной 0,1 м. Высота кургана 0,7 м, диаметр СЮ — 8 м, поперечник ЗВ — 5 м, окружность основания 22 м. Насыпь состояла из желтого песка. Кострище мощностью до 0,2 м появилось на глубине 0,4 м и распространилось по центру вскрытой поверхности на глубине 0,6 м. Оно представляло собой зольное пятно неправильной формы, близкой к овалу. Его координаты: ЦС — 1,6 м, ЦЮ — 2,0 м, ЦЗ — 2,0 м, ЦВ — 1,0 м. Кроме одного пятна мелкого жирного угля (диаметр пятна 0,2 м), никаких скоплений угля на кострище не наблюдалось. В кострище не обнаружено ни костей, ни вещей. Плотный желтый материковый песок залегал на глубине 0,7 м.

Судя по отсутствию в кострище черного жирного угля и других признаков трупосложения, насыпь имела меморативный характер. Кострище лежало на горизонте.

Курган № 32. Расположен рядом с курганом № 22, к В от него. Насыпь имела форму шарового пояса (с плоской вершиной) и была покрыта плотным дерном толщиной 0,15 м. Высота кургана 1,7 м, диаметр СЮ — 12 м, диаметр ЗВ — 12 м, окружность основания 39 м. Курган окружал ровик (кроме южной части). Насыпь состояла из желтого песка, в котором отмечены выходы незначительных зольных пятен. Кострище мощностью до 0,15 м

обнажилось на глубине 1,25 м. Оно представляло собой зольный слой с интенсивным пятном мелкого угля, занимавшим почти всю его поверхность. Диаметр кострища 9,5 м, его координаты: ЦС — 4 м, ЦЮ — 5 м, ЦВ—5 м, ЦЗ—4 м. Диаметр угольного пятна — 8 м, его координаты: ЦС — 3,5 м, ЦЮ — 4,5 м, ЦВ — 4,3 м, ЦЗ — 3,5 м. Ни в зольном, ни в угольном слое не было ни костей, ни вещей, кроме поясной медной сердцевиной бляшки, найденной на глубине 1,36 м в СВ секторе. Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 1,36 м.

Костер был сожжен на горизонте. Несмотря на находку бляшки (она могла быть утеряна одним из строителей кургана) и угольного слоя, данный курган следует считать меморативным, ввиду отсутствия каких бы то ни было костей.

Курган № 33. Расположен к С от кургана № 6, к СВ от кургана № 13 (рядом с ним) и к З от кургана № 25. Насыпь имела форму шарового пояса (с очень плоской вершиной). Курган был покрыт дерном средней плотности, толщиной 0,15 м. Насыпь была сильно повреждена землянкой военного времени. Высота кургана 2,0 м, диаметр СЮ — 24,7 м, диаметр ЗВ — 26,5 м, окружность основания 86 м. Курган был окружен ровиком с перемычкой на ЮЗ. В насыпи, состоявшей из желтого сыпучего песка, отмечен ряд светлых зольных пятен. Первый выход кострища обнаружен в центре кургана на глубине 1,4 м в виде зольного пятна того же цвета, что и зольные пятна в насыпи. На глубине 1,6 м зола стала более темной, и зольный слой распространился почти по всей вскрываемой поверхности. Его координаты: ЦС — 8 м, ЦЮ — 10,25 м, ЦЗ — 6,75 м, ЦВ — 10,9 м. В западной части слой кострища немного ущерблен и в выщербине находились два отдельных зольных пятна. Два отдельных зольных пятна прилегают также к СЗ части кострища. Мощность зольного слоя очень неравномерна — от 0,05 до 0,35 м.

Центральную часть кострища занимало скопление мелкого жирного угля мощностью 0,25 м, диаметром до 6,0 м. Его центр расположен приблизительно на расстоянии ЦЮ — 2,7 м, ЦЗ — 1,25 м. В ЮЗ секторе у центра кургана встречались отдельные жженые чело-

веческие кости. В кострище на глубине от 1,6 до 1,9 м, преимущественно в ЮЗ секторе, найдено: 81 гвоздь железный, свыше 40 обломков пластинчатой железной оковки с треугольными прорезями, три железные заклепки, четыре обломка железных поделок, один скол кремневый, 13 обломков медных поделок, семь бус стеклянных, одна буса каменная, один стеклянный сплав, свыше 10 черепков сосудов, изготовленных на гончарном кругу, свыше 20 черепков сосудов, изготовленных от руки, два обломка железного кресала, две костяные полусферические игральные шашки, два обломка мусата, железная обоймица с кольцом, наконечник стрелы железной, черешковый, ланцетовидный, наконечник стрелы железный, черешковый, ромбовидный, скоба железная. На глубине 1,75 м, на расстоянии ЦЮ — 3 м, ЦВ — 0,5 м, обнаружен сделанный на гончарном кругу сосуд глиняный, профиль славянский, орнамент линейный и волнистый. В сосуде находились жженные человеческие кости и обломок мусата. Кругом сосуда много углей. На горло сосуда надета гривна железная с привесками. Обломок такой же гривны найден в ЮЗ секторе. На глубине 1,7 — 1,87 м обнаружен обломок орнаментированной спинки костяного гребня, четыре обломка медной фибулы неопределенной формы, бляшка медная в виде птицы, три бляшки медные полусферические с орнаментом, деревянная игральная призматическая кость с отметками очков, пряжка медная лировидная, два железных шипа древолазных, два кусочка серебряного сплава, золотые нити от парчи, буса напускная, плетеная из серебряной канители, четыре обломка пластинчатого медного украшения с точечным орнаментом по краю, бляшка или обоймица медная с орнаментом (рис. 6), предмет из неизвестного материала (кожи?), зуб лошади.

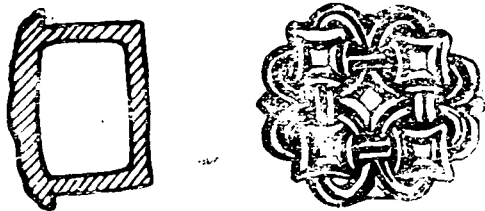

Рис. 6. Медная обоймица из кургана № 33

На глубине 1,9 м кострище подстилается плотным

красноватым материковым песком. В материке обнаружены две ямки, видимо, естественного происхождения. Первая яма диаметром 0,8 м и глубиной 0,5 м. Координаты ее центра: ЦЮ — 1,0 м, ЦЗ — 3,25 м. Вторая яма глубиной 0,65 м и диаметром 1,0 м. Координаты ее центра: ЦЮ — 1,0 м, ЦЗ — 1,5 м. Первая яма на 0,25 м от дна была заполнена белым прозоленным песком. Такой же песок выстилал стенки второй ямы слоем в 0,1 м толщины. Поверх белого песка в обоих ямах шел зольный слой кострища.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское и женское.

Курган № 34. Расположен к В от кургана № 33 и к СЗ от кургана № 31. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта неплотным дерном толщиной до 0,2 м. Высота кургана 1,2 м, диаметр СЮ — 9,5 м, диаметр ЗВ — 8,5 м, окружность основания 28,3 м. СЗ и ЮЗ секторы окружены ровиками. В насыпи, состоявшей из желтого песка, найдены девять черепков и отмечен ряд светлых зольных пятен. Кострище мощностью до 0,25 м открылось на глубине 0,85 м. Оно представляло собой зольное пятно округлой формы, диаметром 6,0 м. Его координаты: ЦС — 2,9 м, ЦЮ — 3,1 м, ЦЗ — 3 м, ЦВ — 3 м. В его южной половине находилась кучка мелкого жирного угля. Ее приблизительный центр лежал на расстоянии, ЦЮ — 1,25 м, ЦВ — 0,25 м. Размеры угольной кучки: СЮ — 1,75 м, ЗВ — 1,5 м. В кострище на глубине 0,98 — 1,03 м найдены две гирьки железные, скобочка железная, мусат, обломок мусата, обломок медной обоймцы, обломок медного предмета, два черепка. На месте находок в кострище обнаружено много мелких жженных костей человека. Под центральной частью кострища находился слой белого прозоленного песка мощностью до 0,1 м. Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 1,2 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребение, видимо, мужское.

Курган № 35. Расположен к С от кургана № 7, к ЮЗ от кургана № 23 и к СВ от кургана № 25. Насыпь имела форму шарового сегмента, но с несколько плосковатой вершиной. Скатy крутые. Курган был покрыт

плотным дерном. толщиной 0,15 м. Высота кургана 1,8 м, диаметр СЮ — 13 м, диаметр ЗВ — 15 м, окружность основания — 42,5 м. Курган имел ровик, примыкавший к СЗ и СВ секторам, а также на З. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка. При снятии дерна с СЗ сектора прямо под дерном найдена круглая, плоская обработанная плита песчаника диаметром 0,38 м. Она находилась на расстоянии ЦС — 2,0 м, ЦЗ — 1,25 м. В насыпи отмечен ряд небольших зольных выходов. Кострище сбижилось на глубине 1,75 м. Оно представляло собой зольный слой неправильной формы, занимавший значительную часть вскрытой поверхности. Его приблизительный центр был сдвинут по оси ЦЮ на 1,75 м. Координаты кострища: ЦС — 3,25 м, ЦЮ — 6,5 м, ЦЗ — 4,3 м, ЦВ — 6,0 м. В

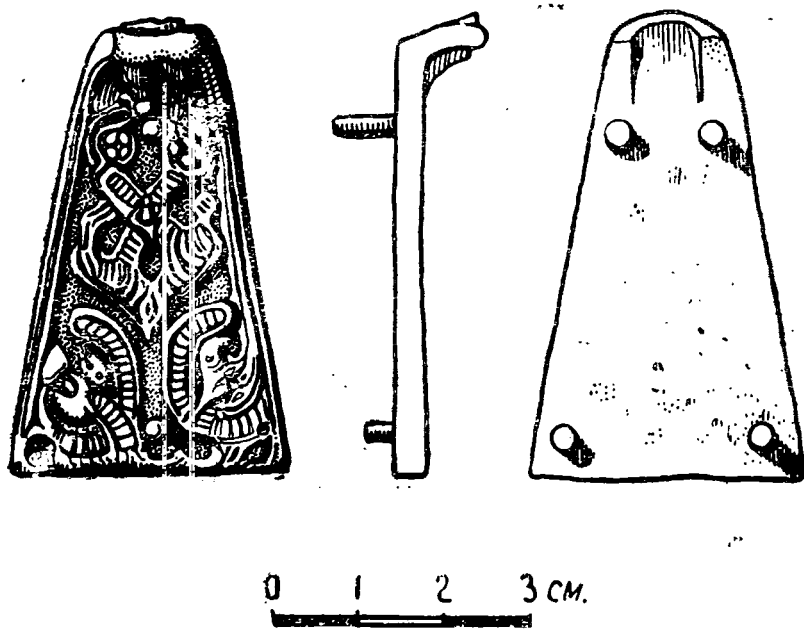

Рис. 7. Медная позолоченная застезка из кургана № 35

центре кострища находилось скопление мелкого жирного угля, образывавшее пятно неправильной овальной формы с центром, расположенным на расстоянии ЦЮ — 1,85 м, ЦЗ — 0,3 м. Длина угольного пятна (СЮ) — 2,7 м, ширина (ЗВ) — 2,25 м. Мощность кострища

неравномерна — в северной части, в среднем 0,1 м, в южной же — лишь 0,02 — 0,03 м.

В кострище на глубине 1,75—1,85 м, преимущественно в ЮЗ секторе, найдено 20 заклепок медных маленьких, одна заклепка железная, пять гвоздей железных, более 15 обломков медных поделок, два обломка железа, 11 черепков лепных от руки, два черепка от сосуда, сделанного на гончарном кругу. Обнаружены также две хрустальные 14-гранные бусы, одна синего стекла такая же, одна хрустальная восьмигранная призматическая, пять стеклянных зонных, пять бисерных синего стекла и две белого, две стеклянные цилиндрические бусы, застежка трапециевидная медная позолоченная с растительным орнаментом (рис. 7), два обломка тонкого стекла, фибула серебряная скобчатая (рис. 8), обрывки печочки из эсовидных звеньев, два кусочка серебряного

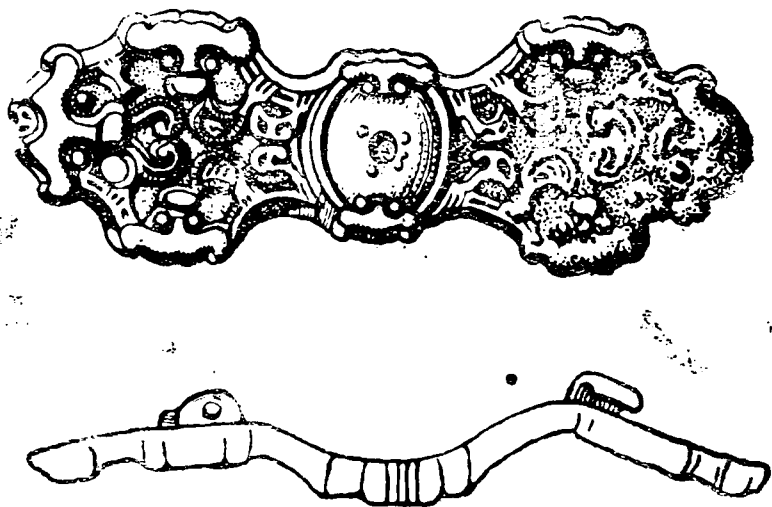

Рис. 8. Серебряная скобчатая фибула из кургана № 35

сплава, кусочки бус, плетенных из серебряной канители, диргем-подвеска, сильно стершийся. Диргем чеканен, вероятно всего, во время правления Харуна-ар-Рашида (170—193 годы хиджры=786—809 годам нашей эры); во всяком случае, он аббасидский. На глубине 1,75 м в ЮЗ секторе найден верхний обломанный конец меча IX века так называемого каролингского типа, стоящий

почти вертикально, рукоятью вниз. Длина обломка 0,76 м. Рядом с ним обнаружена его нижняя часть длиной 0,24 м, также стоявшая почти вертикально. Оба куса меча лежали у большого сосуда, сделанного от руки, плохого обжига. В сосуде были жженные кости. Венчик сосуда—на глубине 1,72 м. Найдены также обломки фигурного орнаментированного предмета из неизвестного материала. Из черепков, крайние из которых отстояли друг от друга на 1,2 м, был склеен сосуд, лепной от руки, баночной формы. Под кострищем в южной половине кургана в материке отмечены шесть ямок глубиной от 0,2 до 0,4 м, поперечником от 0,3 до 2,0 м, заполненные золой кострища. Плотный желтый материковый песок залегал на глубине 1,9 м.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи. Погребены, видимо, мужчина и женщина.

Курган № 36. Расположен к С от кургана № 30 и к СВ от кургана № 32. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта дерном мощностью 0,1 м. Высота кургана 0,45 м, диаметр СЮ — 4,7 м, диаметр ЗВ — 5 м, окружность основания — 15 м. Южная часть кургана была окружена ровиком. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка. На глубине 0,34 — 0,45 м в ЮЗ секторе обнаружено скопление черепков на площади около 0,4 м. Кострище мощностью до 0,15 м обнажилось на глубине 0,48 м. Оно представляло собой зольное пятно неправильной формы, несколько вытянутое на восток. Координаты пятна: ЦЮ — 1,0 м ЦС—0,75 м, ЦВ—2,0 м, ЦЗ — 0,95 м. В центре кострища находилась кучка мелкого жирного угля. Центр угольной кучки лежал на расстоянии ЦЮ — 0,3 м, ЦВ — 0,2 м. Ее диаметр около 0,5 м. В ЮЗ секторе кострища был найден сосуд в черепках. В нем шесть штук стеклянных синих зонных бус и одно обгорелое ячменное зерно. Кроме того, в кострище найдены три зуба лошади. Материк в виде плотного желтого песка залегал на глубине 0,6 м.

Сожжение совершено на горизонте, на месте (?) сооружения насыпи. Погребение, видимо, женское.

Курган № 37. Расположен к С от кургана № 33 и к СЗ от кургана № 35. Насыпь имела форму шаро-

вого сегмента и была покрыта неплотным дерном толщиной до 0,3 м. Высота кургана 1,25 м, диаметр СЮ — 10 м, диаметр ЗВ — 9,5 м, окружность основания 29 м. С СВ стороны кургана имелся небольшой ровик. В насыпи, состоявшей из желтого сыпучего песка, отмечен ряд небольших зольных пятен. Кострище мощностью до 0,2 м обнажилось на глубине 1,2 м. Оно представляло собой зольное пятно неправильной формы. Его координаты ЦС — 3 м, ЦЮ — 4 м, ЦВ — 1,7 м, ЦЗ — 3,8 м. В золе кострища включений угля мало. В центре кострища — след поздней прямоугольной ямы. Границы ямы правильные. Координаты углов ямы: 1) угол в центре кургана; 2) СЮ — 0,5 м, ЦЗ — 1,4 м; 3) ЦЮ — 1,3 м, ЦЗ — 1,1 м; 4) ЦЮ — 0,8 м, ЦВ — 0,2 м. Длинная сторона прямоугольника — 1,5 м, короткая — 0,8 м. Внутри ямы зольный слой кострища отсутствовал, так как он был снят до материка. На уровне кострища в ЮВ секторе в песке найдена буса сердоликовая многогранная. Других находок не было. Яма в профилях не прослеживается. Под кострищем на глубине 1,35 м залегал материк в виде плотного желтого песка.

Судя по правильной форме ямы, нарушившей кострище, курган был раскопан предшествующими археологами.

Сожжение, видимо, было произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи.

Курган № 38. Расположен к С от кургана № 8 и к З от кургана № 13, рядом с ним. Насыпь имела форму, приближающуюся к четырехгранной усеченной пирамиде. Курган был покрыт плотным дерном толщиной 0,15 м. Высота кургана 1,4 м, периметр — 63 м, длина сторон: СЗ — 16,1 м, СВ — 16,5 м, ЮВ —

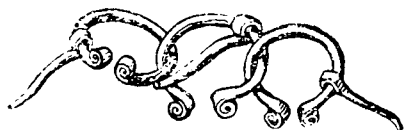

Рис. 9. Сцепленные пряжки из кургана № 38

14,7 м, ЮЗ — 15,9 м. Курган со всех сторон, кроме СЗ, окружали ровики. Перемычки были на южном и восточном углах кургана. В насыпи, состоявшей из желтого сыпучего песка, отмечен ряд зольных пятен. В насыпи на глу-

бине 0,94 м, в В секторе, найдены три медные незамкнутые загнутоконечные пряжки (рис. 9), а на глубине 1,1 м — лепные черепки. На глубине 1,04 м во всех секторах появились зольные пятна, которые на глубине 1,2 м слились в единое кострище мощностью от 0,05 м до 0,3 м, распространявшееся к СЗ — на 7,6 м, к СВ — на 6,5 м, к ЮВ — на 5,5 м, к ЮЗ — на 7,5 м¹. На поверхности кострища найдены три лепных черепка и жженные человеческие кости. Центральную часть кострища занимало скопление мелкого жирного угля, распространявшееся к СЗ на 4,5 м, к СВ — на 3,4 м, к ЮВ — на 2,2 м, к ЮЗ — на 3,6 м. Мощность угольного слоя до 0,15 м. В угольном слое встречались жженные кости, особенно в западном секторе. Центральную часть вскрытой поверхности окружали пять ровиков, имевших серповидную форму, выпуклостью от центра кургана. Кострище, помимо ровной поверхности, занимало и дно ровиков. Расположение и размеры ровиков таковы:

№ п.п.	Координаты центров ровиков в метрах		Размеры ровиков в метрах		Глубина дна (от вершины кургана) в метрах
			длина	ширина	
1	ЦСЗ—4,0	ЦСВ—2,8	ЗВ—5,0	СЮ—3,0	2,35
2	ЦСВ—3,0	ЦЮВ—2,4	СЮ—5,5	ЗВ—2,5	2,2
3	ЦЮВ—5,5	ЦЮЗ—1,5	СВ—ЮЗ—4,0	СЗ—ЮВ—1,7	2,25
4	На оси СВ—				
	ЮЗ	ЦЮЗ—6,0	СЗ—ЮВ—7,7	СВ—ЮЗ—3,2	2,35
5	ЦСЗ—5,0	ЦЮЗ—3,0	СВ—ЮЗ—4,5	СЗ—ЮВ—3,7	2,3

В кострище на глубине 1,2—1,3 м в западном секторе найдены девять медных обломков и четыре кусочка медных сплавов, четыре обломка железных поделок, два обломка железной пластинчатой оковки, три железных гвоздя, более 20 лепных черепков, два кремневых скола, четыре кусочка серебряных сплавов, одна буса стеклянная цилиндрическая, бисер белый — три штуки, бусы неопределенной формы — три штуки, сплавов бус

¹ Оси кургана проведены приблизительно через середины сторон кургана, т. е. СВ—ЮЗ и СЗ—ЮВ, отсчет координат ведется как обычно — от центра по осям.

три; бусы хрустальные: призматическая восьмигранная с пирамидальными концами — одна штука, 14-гранная — одна штука, буса сердоликовая 14-гранная — одна, буса неизвестного материала кольцевидная красная — одна штука. В том же западном секторе на той же глубине найдено: обломок медного плоско-выпуклого незамкнутого тупоконечного браслета (рис 10), диргем начала IX — начала X века (точнее

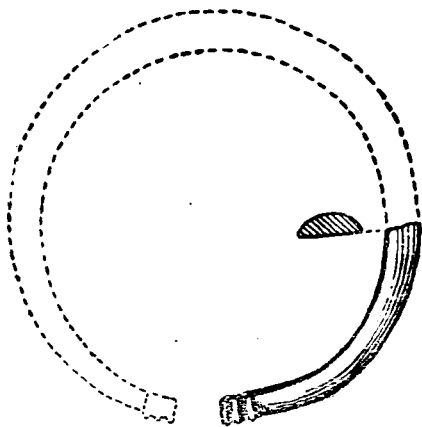

Рис. 10. Реконструкция браслета по обломку, найденному в кургане № 38.

неопределим) обрывки медной цепочки, обломки костяного гребня, гвоздь железный с приварившимся к нему аббасидским диргемом из Армении 218 года хиджры (842—843 годы нашей эры), обломок обгорелого деревянного предмета, обломок медной пластинки с орнаментом. В некоторых местах угольный слой подстилался белым про-

золенным песком. Почти под центром скопления угля в западном секторе, в материке обнаружена яма от столба глубиной 0,55 м и диаметром 0,3 м. Координаты ее центра: ЦСЗ — 1,5 м, ЦЮЗ — 0,5 м. Под кострищем (в том числе под кострищем в ровиках) залегает плотный слой мощностью 0,3 м прокаленного темножелтого песка материкового характера. Под этим слоем на глубине 1,4 м залегал обычный плотный желтый материковый песок.

Сожжение произведено на горизонте, видимо, на слегка выровненной поверхности (этим можно объяснить происхождение ровиков вокруг кострища), на месте сооружения насыпи. Погребена, видимо, женщина.

Курган № 39. Расположен к З от кургана № 22, к С от кургана № 35, рядом с лесной просекой, к З от нее. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной до 0,2 м. Высота кургана

0,53 м, диаметр СЮ—5,35 м, диаметр ЗВ—5,0 м, окружность основания 14,85 м.

Насыпь состояла из желтого сыпучего песка с галькой. Кострище мощностью до 0,3 м обнажилось на глубине 0,6 м. Оно представляло собой зольное пятно округлой формы, занимавшее почти всю вскрытую поверхность. Его координаты: ЦС — 1,8 м, ЦЮ — 2,3 м, ЦЗ — 1,8 м, ЦВ — 2,4 м. В ЮВ секторе — темное угольное пятно неправильной формы. Его центр лежал на расстоянии ЦЮ — 0,6 м, ЦВ — 2,3 м. Протяженность угольного пятна с С на Ю — 2,4 м, с З на В — 0,8 м. В кострище не было ни вещей, ни костей. Под кострищем на глубине 0,75 м лежал плотный материковый песок.

Костер был сожжен на горизонте. Ввиду отсутствия в кострище вещей, костей можно предположить, что насыпь имела меморативный характер.

Курган № 40. Расположен к С от кургана № 13 и к СЗ от кургана № 35; насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта дерном средней плотности, толщиной 0,1 м. Высота кургана 0,8 м, диаметр СЮ — 7,25 м, диаметр ЗВ — 6 м, окружность основания 19,9 м. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка. Кострище мощностью до 0,03 м обнажилось на глубине 0,8 м. Оно представляло собой легкий, светлый зольный слой неправильной формы и было вытянуто с СЗ на ЮВ. Его длина (СЗ—ЮВ) — 2,75 м, ширина (СВ—ЮЗ) — 2,0 м. В СЗ секторе лежало несколько черепков. В зольном слое не было ни вещей, ни костей, ни углей. Под кострищем на глубине 0,84 м залегал темножелтый плотный материковый песок.

Костер сожжен на горизонте. Судя по бледному цвету зольного пятна, отсутствию углей, костей и вещей, насыпь имела, видимо, меморативный характер.

Курган № 41. Расположен к СЗ от кургана № 35 и к З от кургана № 40. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном толщиной до 0,2 м, высота кургана 0,85 м, диаметр СЮ — 6,75 м, диаметр ЗВ — 6,75 м, окружность основания 20,5 м. В насыпи, состоявшей из желтого сыпучего песка с галькой, отмечен ряд очень мелких зольных пятен. Кострище мощностью до 0,2 м обнажилось на глубине

0,7 м. Оно представляло собой зольное пятно округлой формы, занимавшее центр кургана. Зола темного цвета, в ней много углей, но кострище не имело включений обычного в других курганах жирного черного угля. Координаты кострища: ЦС — 1,7 м, ЦЮ — 2,35 м, ЦЗ — 2,0 м, ЦВ — 2,3 м. В насыпи найдены четыре лепных черепка. В кострище на глубине 0,7 — 0,74 м найдены: 13 лепных черепков, более 20 черепков от сосуда, сделанного на кругу, и раздавленный сосуд, сделанный на кругу, наполненный жжеными костями человека. В южной половине кургана, на глубине 0,85 м, найдены два обломка железного предмета, два слиточка меди и предмет, сделанный из прута, сложенного пополам и скрученного так, что с одной стороны образовалась петля, а с другой — два крючка, обращенные в одну сторону («кошка?»). На глубине 0,8 м в восточной половине кургана найдены обломки необожженных костей животного, а в ЮЗ секторе — лошадиные челюсти. Восточную часть кострища подстилал слой белого прозоленного песка. Материк в виде плотного темножелтого песка залегал на глубине 0,85 м. Вещи лежали на материке.

Сожжение произведено на горизонте, на месте сооружения насыпи.

Курган № 42. Расположен к З от кургана № 23 и к С от кургана № 33. Насыпь имела форму шарового сегмента и была покрыта плотным дерном мощностью до 0,3 м, высота кургана 1,45 м. Диаметр СЮ — 12 м, диаметр ЗВ — 10 м, окружность основания 32,8 м. Вокруг кургана был ровик с перемычкой на Ю. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка с галькой. В ней отмечено зольное пятно. Кострище мощностью до 0,2 м появилось на глубине 1,15 м. Оно представляло собой очень светлое зольное пятно неправильной формы, сильно ущербленное в ЮВ секторе. Его координаты: ЦС — 2,4 м, ЦЮ — 3,45 м, ЦЗ — 3,4 м, ЦВ — 3,4 м. Зольный слой не содержал ни углей, ни костей, ни вещей. Под кострищем на глубине 1,3 м залегал материковый плотный желтый песок.

Костер был сожжен на горизонте. Судя по отсутствию в кострище угля, костей и вещей, насыпь имела, видимо, меморативный характер.

Все материалы экспедиции 1949 года (дневники, полевые чертежи, чертежи тушью, полевые фотографии и негативы, фотографии вещей и негативы, фотографии рисунков вещей, коллекционная опись, подробный отчет и все находки) сданы в Смоленский областной краеведческий музей.

Е. А. ШМИДТ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

(реки: Сож, Остер, Хмара, Соженка)

Смоленская область богата археологическими памятниками, этими немymi свидетелями давно минувших эпох. Они охватывают большой промежуток времени — от каменного века до времен создания русского централизованного государства. Археологические памятники являются самыми ценными документами для изучения далекого прошлого нашей Родины, так как в те времена не было письменности.

Археологические памятники привлекали внимание историков и археологов еще в дореволюционные годы, но планомерного, полного изучения Смоленщины в археологическом отношении не проводилось. Только после Великой Октябрьской социалистической революции археологические памятники стали изучаться планомерно на больших участках бассейнов рек.

Бассейн реки Сожа также изучался археологами. Так, С. М. Соколовский проводил работы на реке Остре и его притоках в бывшем Рославльском уезде с 1902 по 1927 год. Им обследовано верхнее и среднее течение реки Остра и его притоки, включая реку Стомять. В нижнем течении реки Остра от деревни Песчанки никаких памятников им не указано.

Река Сож была детально обследована в верхнем течении А. Н. Лявданским и сведения об археологических памятниках опубликованы им в ряде сборников (см. перечень литературы в конце статьи).

Эти работы охватили территорию водосбора реки Сожа до района впадения реки Хмары. Остальные участки бассейна реки Сожа от впадения реки Хмары и до впа-

дения реки Остра, исключая реку Вихру, не были совершенно изучены.

Дальнейшие работы по изучению этих районов в археологическом отношении стал проводить Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт, Смоленский областной краеведческий музей и отдел культурно-просветительной работы при Смоленском облисполкоме.

В 1949—1950 годах автором данной статьи было проведено обследование археологических памятников в бассейне реки Сожа. Данное обследование ставило задачи:

1. Выявить новые археологические памятники и провести их первичное изучение.

2. Обследовать состояние уже известных памятников, собрать о них дополнительные данные и взять их на учет.

Изучению подвергались памятники на реке Соже от истоков до места впадения в нее реки Остра, на реке Остре, на реке Хмаре и на реке Соженке, соответственно в Смоленском, Починковском, Хиславичском, Шумячском и Рославльском районах Смоленской области.

В данной статье даются материалы о вновь выявленных памятниках, а также приводятся дополнительные сведения о памятниках, отмеченных кратко в литературе, в перечнях или на карте.

1. ВЕРХНЕЕ ТЕЧЕНИЕ РЕКИ СОЖА ОТ ДЕРЕВНИ СОЖ ДО ВПАДЕНИЯ РЕКИ ОСТРА

1. Болотное городище у деревни Петрово, Сожинского сельсовета, Смоленского района

А. Н. Лявданский (1)(2)(4)¹ дает полное описание и план городища; относит его к типу болотных городищ.

Городище расположено в 1,2 км западнее деревни Петрово, на левом берегу безымянного левого притока реки Сожа. Устроено оно на мысу, образованном долинами притока Сожа и оврагом. Оконечность мыса, на

¹ Ссылка на порядковый номер списка литературы в конце статьи.

котором расположено городище, отделена от остального высокого берега долинообразным прорывом около 15 м ширины на уровне поймы речки.

Оно имеет овальную форму, небольшая внутренняя площадка (20 x 27 м) окружена кольцевым валом.

Сохранность городища хорошая, на площадке имеется ямка размером 1,0 x 0,7 м. Вся площадка покрыта кустарником и хорошо задернована.

2. Селище у деревни Петрово, Сожинского сельсовета, Смоленского района

А. Н. Лявданский (1)(2)(4) исследовал селище и дал полное описание находок, встреченных на селище.

На правом берегу ручья, против вышеуказанного городища, на пологом склоне коренного берега расположено селище. Большая часть селища в настоящее время представляет собой пашню, остальная — луговину с редким кустарником. Повреждений на селище нет.

3. Курганы у деревни Сож, Сожинского сельсовета, Смоленского района

А. Н. Лявданский (4), на карте отмечено пять неисследованных курганов западнее деревни Сож, причем один из них длинный

1. В 0,6 км западнее деревни Сож, на левом берегу реки Сожа, среди луга в пойме расположен один продолговатый курган. Он имеет высоту 1,7 м, длину 18 м, ширину 13 м. Длинная ось расположена с севера на юг. На поверхности кургана имеются заплывшие следы незначительных повреждений. Курган хорошо задернован.

2. В 0,5 км западнее деревни Сож, на правом берегу реки Сожа, расположены в виде цепочки четыре кургана полусферической формы.

4. Городище у деревни Сож, Сожинского сельсовета, Смоленского района

На левом берегу реки Сожа, в 0,7 км юго-восточнее деревни Сож (за больничными постройками), расположено городище, называемое местными жителями «курган».

Городище устроено на мысу, при впадении небольшого оврага в пойму реки Сожа.

Почти вся площадка городища испорчена ямами, вырытыми при добывании гравия и балласта для дорожного строительства. По сохранившимся остаткам можно судить, что площадка городища имела яйцевидную форму размером 50×35 м. В северо-западной части был вал, защищавший площадку со стороны поля.

В одной большой карьерной яме в обнажении был обнаружен культурный слой в 80—90 см толщиной и большое темное карманообразное углубление, очевидно, остатки жилища.

Культурный слой по своему цвету однороден — темносерый с примесью угольков, залегает он прямо на моренном суглинке красноватого цвета. В культурном слое встречается битый камень, фрагменты керамики и кости животных.

Вышеуказанный карманообразный выступ (землянка) имел в нижней части 315 см, а в месте соединения с общим уровнем культурного слоя 370 см, наибольшая глубина — 240 см в левой (северной) стороне и наименьшая в правой (южной) — 175 см. Разница в глубинах объясняется наклоном поверхности с севера на юг к обрыву; нижняя часть ямы совершенно горизонтальна и по краям ее имеются два углубления в виде желобков, которые, вероятно, окружали все дно землянки. Правая стенка землянки более пологая и, очевидно, служила входом. Наличие большой глыбы моренного суглинка в толще черной земли с этой стороны дает некоторое основание предполагать, что узкий вход обрушился, стенки его обвалились и засыпали проход, образовав эту прослойку.

Вся землянка представляет собой темносерую однородную массу с большим содержанием гумуса, угольков, камней и проч. Только в середине землянки, в 80 см от основания, выделяется зольная прослойка серпообразной формы, толщиной в центре около 20 см и длиной около 150 см. Эта прослойка состоит из массы золы и угольков, среди которых встречены обгорелые битые камни и фрагменты глиняных сосудов, выступавшие прямо в обрыве. Они принадлежат двум сосудам: один тонкостенный изготовлен из красной глины на гончарном круге,

хорошего обжига; другой более массивный, на разломе пепельного цвета, стенки снаружи беловатые, изготовлен на гончарном круге, и хорошо обожжен. Кроме того, обнаружен один обломок глиняной обмазки.

Среди подъемного материала, собранного у обрыва в ямах, имеется 13 обломков глиняных сосудов (изготовлены на гончарном круге), три обломка глиняной обмазки (один обломок на поверхности носит следы побелки мелом), два обломка костей животных, железный язычок от пряжки (2,3 см).

5. Городище у деревни Бобыри (Ободрова), Талашкинского сельсовета, Смоленского района

А. Н. Лявданский (2)(4) дал полное описание городища, план, проводил закладку пробных шурфов.

Городище расположено в 1,2 км западнее деревни Бобыри на правом берегу реки Сожа, на мысу, образованном впадением оврага в пойму реки Сожа. Оно имеет треугольную форму, и площадка с южной стороны отгорожена валом от поля.

Площадка по длинной оси имеет 48 м и наибольшую ширину 45 м, она наклонена к реке, южный край на 2 м выше северного.

Западная часть склона и площадки подмывается весенними водами и разрушается.

Вся площадка и вал заняты под кладбище и изрыты могилами. Вал имеет ширину до 15 м и возвышается со стороны поля на 2,2 м.

Культурный слой в северной части городища достигает 1 м, имеет черный цвет с большой примесью гумуса, на всей площадке поврежден и перерыт при выкапывании ям для могил.

В ямках, у могил и на склоне собран подъемный материал: битый, побывавший в огне камень, керамика, кости животных, обломок бронзового браслета, дубовый уголь. Керамика найдена двух видов:

1) фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге с линейным орнаментом, глина красная с незначительной добавкой мелкого песка, сосуды, хорошо обожженные;

2) фрагменты сосудов лепных, изготовленных вручную либо из темной, либо из красной глины, с примесью дресвы и песка, без орнамента.

Из лепных фрагментов интересен один, он принадлежит сосуду до 18 см в диаметре, очень грубого изготовления, на наружной стенке заметны следы сглаживания в вертикальном направлении; по внутренней стенке — вдавливания в виде линий, как бы следы прутьев, лежащих параллельно, глина с примесью большого количества дресвы и плохо обожжена. Сосуд снаружи и внутри был побелен.

Кроме того, найден маленький обломок стекловидного шлака зеленоватого цвета, кремневый отщеп, зубы жвачного животного, хищника, человека и пережженные кости.

Интересны находки глиняной обмазки, побеленной снаружи, и кусочки мела. Очевидно, обмазанные жилища белились.

6. Курганы у деревни Сумарокова, Талашкинского сельсовета, Смоленского района

А. Н. Лявданский (4), на карте отмечены севернее деревни пять курганов (труположение).

В 250 м северо-восточнее деревни, на левом берегу реки Сожа расположена курганная группа из 14 полусферических курганов. Наибольший курган достигает 3 м высоты и 18 м в диаметре. Четыре кургана распаханы совершенно, но каких-либо предметов на них не найдено. Три кургана раскопаны неизвестно кем. Семь курганов сохранились. Насыпаны курганы из темной земли, по цвету похожей на верхний почвенный слой. Очевидно, насыпались они землей, снятой с большой площади. Ровиков и ям вокруг курганов не обнаружено.

7. Селище у деревни Горяны, Кошинского сельсовета, Смоленского района

В 2 км северо-западнее деревни Горяны, в 1 км выше мельницы по течению реки Сожа, на склоне коренного берега, на северо-запад через овраг от высокого кургана, среди суглинистой пашни заметны большие черные пятна общей площадью около 1,2 га.

По полю встречается масса подъемного материала: битый обгорелый камень, колотые кости животных, глиняная обмазка и керамика. Обломки глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге из темной глины, имеют линейный и волнистый орнамент. Интересен один фрагмент небольшой плоской глиняной чашечки, имевшей до 3 см в высоту и до 5 см в диаметре

8. Курганы у деревни Горяны, Кощинского сельсовета, Смоленского района.

А. Н. Лявданский (4), на карте отмечены неисследованные курганы и число их не обозначено

Северо-западнее деревни Горяны, на левом коренном высоком берегу реки Сожа, вдоль края в виде цепочки расположены пять полусферических курганов. Отстоят они друг от друга на расстоянии 50 — 175 м. Один курган значительно опухан, оплыл и, можно считать, уничтожен, так как имеет сверху следы ям. Остальные четыре кургана сохранились. Они имеют высоту до 5,5 м и диаметр до 20 м. Насыпаны из земли темносерого цвета, напоминающей почву, хотя расположены среди суглинистого поля желтовато-бурого цвета.

9. Курган у деревни Гевино, Кощинского сельсовета, Смоленского района

А. Н. Лявданский (4) отмечены на карте курганы.

Непосредственно на правом берегу реки Сожа, у деревни Гевино имеется одиночный полусферический курган, высотой 2 м, диаметром 6,5 м, с одной стороны немного поврежден.

10. Городище у деревни Ковшары (Покровское)

А. Н. Лявданский (2) (3) (4). Это наиболее полно изученное городище Смоленской области. В вышеуказанной литературе имеется его полное описание и отчет о результатах раскопок.

Городище хорошо сохранилось, даже следы траншей, заложенных на площадке Тенишевой, Рерихом и дру-

гими, сейчас не удалось определить. Вся площадка задернована и поросла травой.

11. Городище у деревни Митюшино, Обуховского сельсовета, Починковского района

В 1 км восточнее деревни, на левом берегу реки Сожа расположено городище. Оно устроено на мысу, образованном впадением оврага в пойму реки Сожа. С северной стороны площадка защищена оврагом, с южной — рекой Сожем и болотистым участком ее поймы; с восточной и юго-восточной сторон по краю площадки идет вал высотой 3,0 м и шириной до 12 м. Далее с этой стороны имеется второй целиком сохранившийся вал высотой 1,0 м и шириной 3,5 м у основания; между валами проходит ров до 3 м глубиной и шириной 5 м и, кроме того, имеется третий вал, распаханый в центре и сохранившийся по сторонам в виде небольших участков.

Площадка городища имеет размер 32×48 м и наклонена с ЮВ на СЗ. Культурный слой обнажен только в одной незначительной ямке и не на полную глубину; он имеет черный цвет, содержит много целых и расколотых камней, керамики в подъемном материале не найдено.

Сохранность городища хорошая, вся площадка задернована и поросла на большей части кустарником. Оба вала несколько повреждены ямами в месте прохождения через городище тропинки.

12. Городище у деревни Колычево, Мурыгинского сельсовета, Починковского района

А. Н. Лявданский (2) (4). Полное описание и план. Отмечено наличие керамики как лепной, так и гончарной.

Городище лежит в 1 км к востоку от деревни Колычево, на левом берегу безымянного ручья, имеет яйцевидную форму. Площадка размером 31×47 м, на тупом конце со стороны поля (южная сторона) имеет вал до 5 м высотой, кроме того, эта часть городища была огорожена вторым валом, но в центральной части вал разрушен, сохранились его части по краям у склонов.

Сохранность городища хорошая, только вал на тупом конце площадки испорчен лисьими норами.

13. Селище у деревни Ивановское, Ивановского сельсовета, Починковского района

А. Н. Лявданский (2) (4) указывает на наличие городища у села Ивановского, на левом берегу реки Сожа.

При обследовании левого берега реки Сожа у деревни Ивановское городище не было обнаружено на отмеченном на карте (4) месте на мысу. При впадении ручья в реку Сож обнаружено селище. У кротовых нор и в незначительных обнажениях у дороги собраны фрагменты глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге. Имеются фрагменты с линейным орнаментом. Керамика по своему характеру напоминает керамику, собранную на городище у деревни Сож. По сообщениям местных жителей, ранее самый мыс был более высоким, но при сооружении мельничной плотины на ручье на этом месте бралась земля и, вполне вероятно, что городище было уничтожено.

14. Неолитическая стоянка у деревни Потемкино, Ивановского сельсовета, Починковского района

В 1 км юго-западнее деревни Потемкино, в пойме реки Сожа, на правом берегу, в излучине реки имеется песчаная дюна. Она имеет длину 200 м при ширине до 60 м и длинная ось ее расположена с севера на юг. Дюна сложена песками, хорошо задернована и поросла кустарником (порослями дуба). В небольших размывах по западному склону дюны собран подъемный материал: осколки разбитых камней и куски кремня, побывавшие в огне, кремневые отщепы, обломки ножевидных пластин, нуклеус и керамика. Собранные фрагменты принадлежат нескольким глиняным сосудам с круглым дном. Преобладает орнамент ямчатый и гребенчатый. Край сосуда очень слабо отогнут наружу и орнаментирован внутри гребенчатыми вдавливаниями в один ряд.

На одном обломке черной кремневой ножевидной пластинки видны следы употребления ее человеком в виде зазубрин и ретуши.

По сообщению жителей деревни Потемкино, в бере- ге реки Сожа, неподалеку от вышеуказанной стоянки, найден каменный шлифованный топор, но отыскать этот топор у населения не удалось.

15. Курганы у деревни Бердихово, Аблезковского сельсовета, Починковского района

В 1 км юго-восточнее деревни Бердихово, на скло- не левого коренного берега реки Сожа, среди пашни рас- положены пять курганов полусферической формы.

№ п.п.	Высота	Диаметр	П р и м е ч а н и е
	в м	в м	
1	1,0	7,0	Хорошо сохранился
2	2,0	9,0	На вершине юго-восточной стороны немного срыт
3	1,5	7,0	Сохранился
4	0,6	5,0	Большая часть кургана распахана
5	0,8	4,0	" " "

По сообщению местных жителей, раньше здесь было больше курганов, но значительная часть их совершенно распахана.

16. Городище у деревни Захаринка, Аблезковского сельсовета, Починковского района

На территории деревни, на правом коренном берегу реки Сожа, между двумя небольшими овражками, на выступе коренного берега расположено городище. Оно имеет овальную форму, площадка 18,5×45 м, в западной части приподнята в виде вала. Высота вала со стороны поля 3,8 м. За первым валом на расстоянии 16 м западнее расположен второй вал, который сохранился не на всем протяжении. Второй вал отгораживал дополнительную площадку к юго-западу от основной. Остатки вала имеют высоту около 1 м.

Почти вся площадка ранее использовалась под ого- роды и запахивалась, благодаря чему она стала совер- шенно ровной в восточной части.

На поверхности городища собран подъемный мате-

риал. Найдены разбитые кости крупных животных, кости птиц, побывавшие в огне, камни и керамика. Керамика представлена фрагментами лепных от руки глиняных сосудов. К глине добавлена дресва и песок. Снаружи обломки красноватые, с внутренней стороны темные.

17. Курганы у деревни Светлое, Юровского сельсовета, Починковского района

В 2,5 км выше по течению реки Сожа, на склоне правого коренного берега расположены два кургана. Оба кургана совершенно испорчены. Один распахан и не достигает 1 м высоты. По сообщениям местных жителей, во время пахоты на нем находили человеческие кости.

Второй курган имел до 5 м высоты, в нем во время Великой Отечественной войны вырыты две траншеи, достигшие основания кургана.

18. Курганы у деревни Слобода-Глушицы, Княжинского сельсовета, Починковского района

А. Н. Лявданский (2) упоминает в перечне.

В 750 м восточнее деревни, на левом коренном берегу реки Сожа, на мысу, образованном впадением оврага в пойму Сожа, у дороги из деревни Слободы-Глушицы в Княжое, в 150—200 м от городища расположена курганная группа, состоящая из 38 курганов, из них 22 кургана имеют полусферическую форму, диаметр их от 6 до 10 м, а высота — от 0,7 до 1,5 м; 16 курганов удлиненные, их высота более 1 м, длина более ширины на 3 м и соответственно 7×10 м, 7,5×11 м. Семь курганов испорчены, из них три продолговатых и четыре полусферических.

На поврежденных курганах собраны фрагменты глиняных сосудов, причем на полусферических найдены фрагменты сосудов, изготовленных только на гончарном круге, а на удлиненных — лепные вручную. Очевидно, удлиненные курганы более древние. Однако только после проведения раскопок вышеуказанных курганов можно будет сделать окончательный вывод о более раннем возникновении удлиненных курганов.

19. Городище у деревни Слобода-Глушицы, Княжинского сельсовета, Починковского района

А. Н. Лявданский (2) указывает в перечне, что, по сообщению Парфенова, имеется городище.

Городище расположено в 1 км восточнее деревни, на левом берегу реки Сожа. Устроено оно на мысу при впадении оврага в пойму реки Сожа, так что северная, западная и южная стороны представляют крутые склоны соответственно оврага и коренного берега реки Сожа. С северо-востока, востока и юго-востока к городищу примыкают пашни. По общему характеру городище напоминает болотное (группировка городищ Смоленской области А. Н. Лявданского). Оно имеет овальную форму, его небольшая ровная площадка 12×14 м по краю окружена валом. Кроме того, имеются последовательно два кольцевых рва и два вала, наружный вал с западной стороны расплылся по склону. Валы низкие, около 0,5 м, при ширине у основания 5 м. Сохранность хорошая, только площадка у западного края повреждена ямой, которая сильно оплыла и заросла травой так, что трудно установить без зачистки толщину культурного слоя. В обнаженных местах никакого подъемного материала не найдено, за исключением мелких кусочков обожженной глины.

20. Городище у деревни Акулинки, Княжинского сельсовета, Починковского района

А. Н. Лявданский (2) (4) упоминает это городище у деревни Городок.

На левом берегу ручья Серебрянки (левый приток реки Сожа), на территории деревни Акулинки за садом, на мысу высотой до 20 м при слиянии двух оврагов устроено городище. Оно имеет овальную форму. Размер площадки 12×20 м и по краю она окружена кольцевым валом, Кроме того, с северо-восточной, восточной, юго-восточной и южной сторон площадка обнесена вторым полукольцевым валом. Этот вал в восточной части на протяжении 10 м срыт. У краев склонов имеются остатки третьего вала. На всем остальном протяжении этот вал разрыт и распахан. С северной сто-

роны площадка разрушается и обнажен разрушенный край вала, насыпная серая земля составляет до 70 см. В этом слое встречаются угольки и крупные головни, но в обрыве какого-либо порядка в расположении головней не замечено.

У кротовых нор в выбросах земли найдена лепная ручную керамика (обломки глиняного сосуда). Сосуд был изготовлен из красноватой глины с примесью дресвы и хорошо обожжен. На поверхности заметны следы сглаживания.

21. Курган у деревни Акулилки, Княжинского сельсовета, Починковского района

В 1 км южнее деревни, на левом берегу реки Сожа, у моста в пойме, в 100 м от берега реки, расположен одиночный полусферический курган. Высота его 2,8 м при диаметре в 22 м. Более половины кургана разрыто, и земля взята для постройки моста.

22. Городище у деревни Мокрядино, Княжинского сельсовета, Починковского района

На правом берегу реки Тушемли (правый приток реки Сожа), в 400 м от впадения ее в реку Сож, расположено городище, называемое местным населением «городок». Оно устроено на выступе, образованном небольшим оврагом и долиной реки Тушемли. Площадка имеет овальную форму размеры 29×43 м, с трех сторон к реке и оврагу защищена крутыми склонами, а с четвертой (северо-восточной) стороны отделена от поля двумя валами и двумя рвами. Раньше валов было четыре, но в настоящее время два наружных стали едва заметными и лишь незначительные их остатки еще прослеживаются.

Площадка наклонена в сторону реки, хорошо задернована, только кое-где у края имеются незначительные обнажения культурного слоя. Толщину культурного слоя и его характер установить не удалось, так как ни в одном месте он не был обнажен до основания. В верхней части культурный слой имеет почти черный цвет, насыщен угольками, золой, обломками глиняной посуды и битыми костями различных животных.

Керамика представлена обломками грубых, лепных вручную плоскодонных сосудов. Края сосудов немного отогнуты и закруглены, иногда по верхней кромке украшены насечками. Стенки сосудов без орнамента и несут следы сглаживания: на одних сосудах вертикальные, на других горизонтальные или вообще бессистемные. Такие сглаживания имеются не только снаружи, но и внутри сосудов. Для изготовления сосудов использовался либо моренный суглинок, либо покровные суглинки с примесью большого количества дресвы.

Среди подъемного материала имеется небольшой кусок натуральной краски охры.

23. Городище у деревни Мокрядино, Княжинского сельсовета, Починковского района

Второе городище расположено в 2,5 км от деревни Мокрядино, на правом высоком берегу реки Сожа, между деревнями Мошешовая и Мокрядино, но на земле последней. Оно имеет овально-удлиненную форму, устроено между двумя оврагами при впадении их в пойму реки Сожа.

Размер площадки 25×66 м, с запада, со стороны поля, площадка по краю защищена высоким валом до 3 м, а далее — еще двумя валами и двумя рвами.

Площадка имеет общий значительный наклон к реке, только с северной стороны край площадки разрушается. Культурный слой в этом месте обнажен только на 0,5 м. В обнажении собрано большое количество фрагментов глиняных сосудов, расколотых и обгорелых камней и разбитых костей. Глиняные сосуды изготавливались без гончарного круга вручную из моренных суглинков с примесью дресвы и по своему характеру напоминают таковые с городища у реки Тушемли.

24. Место находок у деревни Мошешовое, Прилеповского сельсовета, Починковского района

В 2 км западнее деревни в торфяном болоте, называемом «Акулинский мох», при добывании торфа неоднократно находили различные предметы: костяной гарпун, кремневый клин, кости оленя и лося.

При осмотре торфяных карьеров в 1950 году были обнаружены кости крупного копытного животного (лося?). Каких-либо кремневых или металлических предметов не найдено. Крестьянин М. Ф. Хрусталеv передал Смоленскому музею железный предмет, найденный им ранее в торфе на глубине 2 м.

25. Курганы у деревни Мошевое, Прилеповского сельсовета, Починковского района

А. Н. Лявданский (4) отмечает курганы у деревни Мошевое, но количество их и характеристика им не указаны.

На левом берегу реки Сожа, западнее деревни, у кладбища расположена большая курганная группа, состоящая из 71 полусферического кургана. Только один курган имеет плоскую вершину.

Курганы тянутся полосой по высокому коренному берегу реки Сожа, спускаясь по склону в пойму от кладбища до мельницы. В заливаемой части поймы реки расположены семь курганов (это место у местного населения носит название «гульбище»).

Из 71 кургана сохранились 47. Полностью раскопаны 18 и частично повреждены шесть.

По сообщению местных жителей, курганы раскапывались до 1917 года московскими студентами.

Интересно отметить, что найденная в разрушенных курганах керамика очень сходна с керамикой, собранной на курганах у деревни Слобода-Глушицы и на городище у деревни Сож.

26. Неолитическая стоянка у деревни Мошевое, Прилеповского сельсовета, Починковского района

На левом берегу реки Сожа, в 1,5 км от деревни и в 0,4 км от впадения реки Хмары в реку Сож, на небольшой песчаной косе, у старого русла реки Сожа в размывах обнаружена неолитическая стоянка. Песчаная коса прилегает к надпойменной террасе и постепенно переходит в нее. Культурный слой залегает на глубине 20—25 см, сразу под почвой.

Среди подъемного материала имеется большое коли-

мество кремневых отщепов черного, серого, красного и желтоватого цвета. Некоторые из них побывали в огне и изменили свой цвет. Найдено одно орудие со специально обработанным режущим краем (род резца) из черного кремня.

Керамика представлена фрагментами глиняных сосудов без орнамента и с ямчато-гребенчатым орнаментом, при этом орнамент аналогичен орнаменту керамики из неолитической стоянки у деревни Потемкино; в отличие от последней, имеется орнамент в виде глубоких овальных ямочек с гребеночкой в них.

27. Курганы у деревни Мошевое, Прилеповского сельсовета, Починковского района

В 0,5 км СЗ деревни, на склоне правого коренного берега реки Сожа расположены 13 полусферических курганов.

№ п.	Высота в м	Диаметр в м	П р и м е ч а н и е
1	2,5	14	Испорчен на вершине землянкой
2	1,8	11	На вершине яма
3	0,5	14	Распахан и имеется яма
4	2,0	12	Хорошая сохранность
5	1,0	14	Яма в центре—0,8 м
6	0,5	11	Распахан совершенно
7	0,9	15	Ям нет, распахивается
8	0,6	10	" " "
9	1,4	12	В центре яма в 1 м
10	0,6	11	" " "
11	0,4	10	Распахан " "
12	0,3	—	"
13	0,5	—	"

28. Земляные валы у деревни Мошевое, Прилеповского сельсовета, Починковского района

В 1,2 км от деревни Мошевое, по дороге в деревню Прилепово, в 700 м от реки Сожа, у начала рва расположены земляные валы.

Один из валов имеет углообразную форму. Общая длина 66 м, высота 1,5 м, ширина вала у поверхности окружающей местности 6 м. Перед валом имеется ров глубиной 1,1 м и шириной 4—5 м.

Вал прерывается в средней части дорогой и в южной части — началом оврага.

Вал такого же характера имеется на реке Остре, у деревни Заблудовки.

29. Городище у деревни Прилепово, Прилеповского сельсовета, Починковского района

На правом берегу реки Сожа, у самой деревни Прилепово (несколько южнее ее), между двумя овражками, на мысу устроено городище. Оно имеет треугольную форму, размер площадки 36×50 м. Вал, защищавший площадку со стороны поля, почти совершенно распахан. Только с северной стороны, у самого края, часть вала сохранилась.

В южной части городища имеется несколько ям — следы окопов. Здесь обнажается культурный слой до 0,7 м толщиной, но в ямах никаких находок не обнаружено.

30. Курганы у деревни Васильево, Прилеповского сельсовета, Починковского района

На правом берегу реки Сожа, в 0,5 км южнее деревни Васильево, в пойме среди луга, на небольшой дюне расположены четыре полусферических кургана.

№ п.п.	Высота в м	Диаметр в м	Примечание
1	1,5	11,5	Сохранность всех курганов хорошая
2	1,1	12,0	
3	0,82	8,0	
4	1,6	14,0	

В 250 м от этих курганов расположено городище

**31. Городище у деревни Васильево,
Прилеповского сельсовета; Починковского района**

А. Н. Лявданский (2) отмечает, что у деревни Васильево имеется городище

В 0,7 км южнее деревни Васильево, на правом берегу реки Сожа, на мысу, при впадении речки Дельны расположено городище. Оно имеет овальную форму, размер площади 27×19 м, площадка окружена двумя валами и ровом между ними. Очевидно, раньше был третий вал, но в настоящее время распахан и уничтожен, только часть его прослеживается в южной части городища. Высота внутреннего вала около 1 м, а наружного — до 0,7 м, ров между ними от 0,4 м до 1 м глубиной.

По своему характеру это городище очень схоже с городищем у деревни Слобода-Глушицы. Здесь также не обнаружено никаких находок в обнаженных местах и ямках, и поэтому говорить о культурном слое очень затруднительно.

Городище несколько разрушается по краю оврага с южной и западной сторон, где частично повреждены валы. Площадка хорошо сохранилась.

**32. Курганы у деревни Еловцы, Упинского сельсовета,
Хиславичского района**

На правом берегу реки Сожа в пойме и по склону коренного берега, восточнее деревни Еловцы, а также и на территории самой деревни имеются 45 курганов. Из них 42 имеют полусферическую форму и только три — удлиненную.

№ п.п.	Высота в м	Диаметр в м	Примечание
1	2	3	4
1	—	—	Разрушен и раскопан
2	2,3	16,0	На вершине имеются две ямы
3	2,0	14,0	Сохранность хорошая
4	1,0	12,0	" "
5	1,4	9,0	" "
6	1,56	8,0	" "

1	2	3	4
7	1,0	6,0	" "
8	0,7	5,0	" "
9	0,6	12,0	" "
10	2,3	15,0	" "
11	1,5	10,0	" "
12	1,0	9,0	" "
13	0,8	7,5	" "
14	0,4	6,0	" "
15	0,6	6,0	Незначительно поврежден у края
16	1,0	7,0	На вершине есть углубление
17	1,9	10,0	На вершине яма
18	0,3	5,0	Распахивался
19	0,4	6,0	"
20	1,2	8,0	Сохранился
21	1,5	7,0	"
22	0,2	8,0	Расплылся
23	1,0	6,0	Сохранился
24	0,6	6,0	"
25	2,0	12,0	"
26	2,5	18,0	На кургане имеются две небольшие ямы, выкопанные школьниками
27	1,2	10,0	Сохранился
28	1,7	15,0	"
29	1,0	7,0	"
30	1,5	9,0	"
31	1,0	8,0	"
32	1,0	6,5	"
33	0,4	8,0	Распахан
34	0,4	8,0	"
35	0,4	8,0	"
36	1,0	6×15	Сохранился
37	1,2	6×12	"
38	1,1	6×10	Часть кургана разрушена
39—45	—	—	Семь курганов на территории деревни не измерены

33. Городище у деревни Еловцы, Упинского сельсовета, Хиславичского района

А. Н. Лявданский (2) упоминает о наличии у деревни Еловцы городища

На правом берегу реки Сожа, в 0,2 км южнее деревни расположено городище, называемое местными жителями «Городок». Оно устроено на мысу, образованном долиной реки Сожа и оврагом; площадка имеет треугольную форму и наклонена вдоль длинной оси с запада на восток к реке Сожу. Она имеет размеры

22×35 м и с западной стороны увенчана валом высотой 4,2 м и 22 м у основания. За валом следует ров глубиной до 2 м и шириной 8 м.

На площадке имеются две большие ямы: одна в восточной части на мысу и вторая у начала вала. В ямах собран подъемный материал, состоящий из битых камней, обожженных костей, кусков обожженной глины и керамики.

Керамика представлена только фрагментами лепных от руки плоскодонных глиняных сосудов со слабо отогнутым краем. Для изготовления использовались суглинки с примесью дресвы.

На поверхности многие фрагменты несут следы сглаживания стенок изготавливаемых сосудов в вертикальном направлении.

34. Городище в поселке Хиславичи (Хиславичский район).

А. Н. Лявданский (2) (5) упоминает о городище у местечка Хиславичи.

На территории поселка Хиславичи, на правом берегу реки Сожа, у мельницы, рядом с церковью расположено городище, состоящее из двух полуовальных площадок, расположенных одна выше другой.

Площадки примерно одинаковых размеров — 19×24 м и в общей сложности составляют удлинённый овал 24×46 м. Верхняя западная площадка является одновременно как бы валом, защищавшим городище со стороны поля.

35. Курганы у деревни Фролово, Упинского сельсовета, Хиславичского района

А. Н. Лявданский (5) на карте отмечает наличие курганов у деревни Фролово.

В 0,7 км северо-западнее деревни Фролово, на правом берегу реки Сожа, среди пашни расположены 17 курганов. Все они имели полусферическую форму, но так как большая часть их распахана или повреждена, то они потеряли ее.

№ п.п.	Высота в м	Диаметр в м	П р и м е ч а н и е
1	3,5	26,0	Курган изрыт лисьими норами и порос кустарником
2	0,3	15,0	} Три кургана распаханы
3	0,3	15,0	
4	0,2	15,0	
5	1,1	14,5	Курган наполовину распахан
6	1,2	15,0	" " "
7	1,5	10,0	Хорошо сохранился
8	1,0	6,0	" " "
9	0,3	—	Распахан совершенно
10	3,2	19,0	На вершине ямы
11	0,25	—	Распахан совершенно
12	0,3	—	" " "
13	1,2	10,0	Сохранился
14	3,0	17,0	Хорошо сохранился
15	1,9	15,0	" "
16	0,7	12,0	" "
17	0,5	8,0	Распахивается

36. Курганы у деревни Ошмары (Пневский поселок), Осетищенского сельсовета, Шумяцкого района

На левом берегу реки Соженки, в 1 км от места ее впадения в реку Сож, на мысу склона надпойменной террасы расположена курганный группа, состоящая из восьми полусферических курганов. Они имеют небольшую высоту (до 1 м), диаметр у двух курганов около 16 м, а у остальных — 7—10 м. Два кургана повреждены ямами.

37. Курганы у деревни Дубровка, Надейковичского сельсовета, Шумяцкого района

На левой стороне реки Сожа и левом берегу небольшой речки (левый приток реки Сожа), на надпойменной террасе, в месте, называемом «Каменка», в 0,5 км от Каменского брода, у дороги расположены 22 кургана. Все курганы полусферические, за исключением одного, который имеет удлиненную форму и размер 6×14 м при высоте 1,07 м. Курганы небольшие — от

5 до 9 м в диаметре и от 0,4 до 1,5 м высотой. У некоторых курганов имеются ровики.

Неподалеку от Каменского брода, на территории БССР, в пойме реки Сожа, на правом ее берегу, на дюне расположены 15 курганов.

38. Курганы у деревни Тихиль, Зимонинского сельсовета, Шумяцкого района

Между деревнями Холм и Тихиль, у дороги из деревни Тихиль в Кричев (БССР), на левом берегу реки Остра расположены 53 кургана в виде нескольких групп. Часть их лежит прямо у берега реки и подмывается весенними водами, а часть — неподалеку (в 200 — 400 м) — в лесу.

Все курганы полусферические, размер их самый разнообразный: от 0,4 до 2,5 м высоты и от 5 до 17 м в поперечнике. Обращает на себя внимание один большой курган, расположенный в лесу среди мелких курганов, он имеет 2,5 м высоты и 17 м в диаметре, окружен ровиками, между которыми имеются четыре перемычки, ориентированные соответственно на юг, запад, север и восток.

Курганы, лежащие непосредственно у берега реки Остра, разрушаются и поэтому в осыпях на обрыве можно встретить керамику. Это фрагменты небольших плоскодонных сосудов, со слабо отогнутым краем. Изготовлены они без гончарного круга, из черной глины, с примесью дресвы и песка, плохо обожжены костровым способом. Очевидно, это остатки урн.

39. Следы неолитической стоянки у села Холм, Зимонинского сельсовета, Шумяцкого района

В 300 м западнее села, в пойме реки Сожа расположена дюна. При осмотре небольших размывших участков и кротовых нор были обнаружены обломки кремневых ножевидных пластинок, кремневые отщепы и нуклеус. На поверхности керамики найдено не было.

При детальном обследовании здесь, несомненно, будет обнаружен культурный слой, содержащий находки, характерные для дюнных стоянок.

II. РЕКА ОСТЕР

1. Курган у деревни Махи, Чепишевского сельсовета, Рославльского района

На левом берегу реки Остра, у дороги, идущей из деревни Махи вдоль реки, в 1 км южнее деревни имеется одиночный курган высотой 0,75 м и 12 м в диаметре. Насыпан он из песка.

2. Неолитическая стоянка у деревни Махи, Чепишевского сельсовета, Рославльского района

В 3 км южнее деревни Махи и в 800 м восточнее деревни Власково, на левом берегу реки Остра, на излучине, где река размывает дюну, в обрыве обнаружены: неолитическая керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, кремневые скребки и масса отщепов. Стоянка располагается на дюне, которая подмывается водами реки и разрушается.

3. Земляной вал у деревни Заблудовка, Лесниковского сельсовета, Рославльского района

На левом берегу реки Остра, юго-западнее деревни Заблудовка, на склоне коренного берега, в кустарнике, расположен земляной вал. У местного населения этот вал известен под названием «Батарей».

Вал имеет углообразную форму. Одна часть его (30 м) вытянута с севера на юг, далее под прямым углом поворачивает на восток еще на 30 м. Высота вала в среднем 2 м, ширина у основания 5 м при общей длине 60 м.

4. Городище у деревни Рогова, Лесниковского сельсовета, Рославльского района

На правом берегу реки Рыдоги (левый приток реки Остра), в 300 м от деревни Рогова, выше по течению речки имеется городище (местное название «Городец»). Площадка городища совершенно разрушена, а земля, взятая на площадке, была использована для мельничной плотины. От городища сохранились только валы, защищавшие площадку с севера и юга.

5. Курганы у деревни Жуковка, на земле лесничества Шумячского сельсовета

На левом берегу реки Остра, на 0,5 км южнее моста через реку Остер, против деревни Жуковка, в лесу у дороги расположена курганная группа из 14 полусферических курганов. Высота их от 1 до 2,5 м, поперечник от 6 до 12 м. Вокруг основания курганов сохранились обводные ровики и перемычки.

Все курганы хорошей сохранности.

6. Селище у деревни Песчанка, Шумячского сельсовета, Шумячского района

А. Н. Лявданский (5) отмечает на карте наличие селища у деревни Песчанка.

На левом берегу реки Остра, между деревнями Крымка и Пожого, на земле деревни Песчанка, в 100 м от курганной группы, у дороги расположено селище. Оно занимает площадь около 4 га и почти все запахивается. В обрыве у реки Остра культурный слой селища обнажается и видны карманообразные очажные ямы глубиной до 1 м и шириной до 1,5 м.

В очажных ямах видны прослойки: темные гумусовые и светлые зольные. Весь культурный слой, в том числе и очажные ямы, насыщен углями, битыми камнями и фрагментами глиняной как лепной, так и гончарной посуды.

Лепная керамика грубая и имеет значительную примесь дресвы к красной глине. Фрагменты гончарной посуды имеют украшения в виде линейного и волнистого орнамента. Кроме того, в обрыве очажных ям найдены обломки железных шлаков и кусочки железной болотной руды.

При осмотре берега реки были обнаружены кости животных, в том числе хорошо сохранившаяся челюсть бобра, оплавленный кусочек стеклянного предмета, очевидно браслета. Стекло темносинее (на изломе), сверху значительно побелевшее от окисления и огня.

7. Курганы у деревни Песчанка, Шумяцкого сельсовета, Шумяцкого района

А. Н. Лявданский (5) на карте под № 204/30 отмечает наличие 30 курганов.

На левом берегу реки Остра, в 2,5 км от деревни Пожого, у дороги к деревне Крымки и в 1,5 км от деревни Песчанки, в лесу, на левом берегу реки Остра расположены 75 курганов полусферической формы и хорошей сохранности. Вокруг многих курганов сохранились ровики и перемычки. Курганы насыпаны из песка. Из 75 курганов повреждено только три.

8. Топор-молоток из деревни Костюковка, Хороневского сельсовета, Шумяцкого района

Неподалеку от деревни Костюковка, в Больше-Буднянском урочище во время пахоты на глубине около 0,5 м местными жителями был найден каменный топор-молоток.

Топор сделан из диорита, тщательно отполирован, имеет размеры от обушка до острия 12 см, ширину в просверленной части 5,3 см. Рубящая часть (острие) 5 см, толщина вдоль оси сверления 3,5 см. Рубящая часть топора несколько повреждена, так как местные жители пробовали его прочность и пытались рубить камни.

9. Курганы у деревни Костюковка, Хороневского сельсовета, Шумяцкого района

По сообщению местных жителей, в Больше-Буднянском урочище, неподалеку от того места, где найден топор-молоток, имеются курганы.

10. Городище у деревни Нижнее Хоронево, Хороневского сельсовета, Шумяцкого района

В 1 км северо-западнее деревни, на правом берегу реки Остра и на правом берегу реки Немки, в 250 м от ее русла, на дуне, у начала надпойменной террасы расположено городище овальной формы. Площадка размером 42×50 м окружена одним валом, и только в южной части сохранились остатки второго вала. С

с северной стороны городища первый вал также почти не заметен.

Все городище хорошо задерновано и поросло кустарником и лесом. На площадке имеется одна небольшая яма. Культурный слой богат и насыщен керамикой лепного типа с примесью дресвы.

11. Курганы у деревни Микуличи, Микуличского сельсовета, Шумяцкого района

А. Н. Лявданский (2), карта Соколовского С. М. № 231/10 (труположение).

На правом берегу реки Остра, в 200 м севернее деревни расположена курганная группа, состоящая из 10 полусферических курганов. Из них восемь хорошо сохранились, один поврежден, а один был раскопан в 1913 году.

12. Курганы у деревни Дубовицы, Дубовицкого сельсовета, Шумяцкого района

1. В 2 км северо-западнее деревни Дубовицы и в 1,5 км западнее деревни Рузское, у края надпойменной террасы левого берега реки Остра, в 400 м северо-западнее Попова озера (старца реки Остра) расположены шесть курганов. Форма их полусферическая, но они значительно расплылись, так как ранее запахивались. Очевидно, их было больше и сейчас заметны небольшие всхолмления между шестью ясно выраженными курганами. Размер большего кургана достигает 0,7 м высоты и 14 м в диаметре, остальные курганы значительно меньше и не превышают в высоту 0,6 м. Насыпаны они из песка, взятого здесь же. Каких-либо других особенностей (ровики, перемычки и проч.) заметить не удалось, так как курганы в результате распашки потеряли свою первичную форму.

2. В 300 м западнее деревни, в пойме реки Остра, на левом берегу его и на правом берегу реки Смородинки (левый приток Остра) расположен одиночный курган полусферической формы. Высота его 0,75 м при диаметре 7 м.

13. Селище у деревни Дубовицы, Шумяцкого района

На левом берегу реки Остра, в 1 км южнее деревни Дубовицы, в песчаных обрывах у самой реки обнажается

культурный слой селища. Площадь его установить не удалось, так как вся поверхность сильно задернована и каких-либо ям в грунте нет.

Культурный слой залегает под 5 — 7 см дерновины и достигает 30 см, состоит он из серого песка и гумуса. В нем попадаются фрагменты глиняных сосудов, изготовленных на гончарном кругу. Использовалась для изготовления керамики темная глина без каких-либо добавок. Обжигался он костровым способом, так что не все стенки сосуда насквозь обожжены. Кроме обломков глиняной посуды в культурном слое встречается битый обгорелый камень, очевидно, побывавший в костре.

Кроме того, здесь же, в обрывах реки Остра, имеются выходы железных руд (песок, цементированный окислами железа), которые, вероятно, использовались древними поселенцами.

14. Курганная группа у деревни Дубовицы, Шумячского района

В 2 км южнее деревни, на левом берегу реки Остра, у края надпойменной террасы, по обеим сторонам дороги из деревни Дубовицы в деревню Палицкую, вдоль Остра расположены 65 курганов. Все курганы имеют полу-сферическую форму и часть их покрыта кустарником и молодым сосняком, вокруг некоторых сохранились ровики и перемычки.

№ кургана	Высота в м	Диаметр в м	Примечание
1	0,6	9	Запахивался ранее
2	0,4	6	"
3	0,42	7	На вершине кургана яма от окопа
4	0,3	7	Запахивался ранее
5	0,97	7,8	Следы окопов в виде ям
6	0,25	7,2	Ранее запахивался
7	0,92	8,3	С восточной части окоп 1×1 м
8	0,75	5	Одна треть кургана повреждена ямой
9	0,15	4	Прорезает окоп
10	0,4	6	Хорошая ссхранность
11	0,95	8	"
12	1,2	9	Хорошая сохранность и окружен ровиком
13	0,5	6	Хорошая сохранность
14	0,4	7	Ранее распахивался

№ кургана	Высота в м	Диаметр в м	Примечание
15	0,7	8	Хорошая сохранность
16	1,5	9,8	" "
17	0,3	5,6	" "
18	0,36	7	Ранее распахивался
19	0,2	5	Ранее распахивался
20	0,2	4×6	Курган с запада на восток несколько удлинен, ранее распахивался
21	0,3	4,6	Ранее распахивался
22	0,72	8,3	Хорошая сохранность
23	2,0	13,2	" "
24	3,4	15	Вершина кургана частично повреждена, вокруг кургана имеется ровик, пере-мычка обращена на юго-запад
25	0,3	6	Сохранность хорошая
26	0,25	5	" "
27	0,3	7	" "
28	0,5	6,5	" "
29	0,9	6	" "
30	0,45	6,5	" "
31	0,25	5	" "
32	1,6	8	" "
33	2,1	12	В центре кургана имеется яма 1×1 м при глубине до 1 м.
34	1,6	13	На кургане окоп 1×1 м и до 0,5 м глубиной
35	2	12,6	Курган хорошо сохранился, окружен ровиками, перемычки на запад и на юг
36	1,7	10	На вершине яма глубиной 0,2 м и размером 1,2×0,5 м
37	0,45	6	Хорошая сохранность
38	0,25	5	" "
39	0,4	6,5	" "
40	0,6	9	В центре кургана яма 3×2 м и глубиной 0,4 м
41	0,3	6	Ранее запахивался
42	0,25	7	" "
43	0,3	10	" "
44	1,4	8,4	Хорошая сохранность
45	0,4	6	Испорчен ямой
46	2	11	На кургане имеется небольшая яма. Вокруг кургана имеется ровик глубиной 0,4 м при 2,5 м ширины, ровик прерывается перемычкой на западе
47	1,1	7	На вершине поврежден ямой
48	0,45	8	Курган очень расплылся
49	0,3	7	" "
50	0,4	7	В центре кургана яма 1,5×1 м и глубиной 0,3 м

№ кургана	Высота в м	Диаметр в м	Примечание
51	0,46	7	В центре кургана яма 1×0,5 м при глубине 0,12 м
52	0,8	6,5	Распахивался ранее
53	1,8	14	На кургане окоп 1×0,5 м
54	1,1	8,3	В западной части кургана имеется яма глубиной 0,4 м, размер 1,6×3 м
55	0,85	6,5	Курган лежит на обрывистом берегу реки Остра, с западной стороны имеется яма
56	0,7	7,2	Сохранность хорошая, но лежит курган у самого обрыва к реке
57	0,35	6	Лежит у обрыва к реке
58	0,6	8	Сохранность хорошая
59	0,2	5,5	Значительно расплылся
60	0,5	9,5	Сохранность хорошая
61	0,5	9,0	" "
62	0,7	8,3	" "
63	0,4	7	" "
64	0,45	6,5	" "
65	0,3	8,5	Сохранность хорошая, несколько расплылся

Насыпаны все курганы грунтом, взятым здесь же, а так как грунт состоит из мелкого песка и почвы, то многие курганы под воздействием природных факторов (ветер, вода и т. д.) расплылись и в настоящее время имеют незначительную высоту — до 0,2—0,3 м и стали малозаметными.

15. Неолитическая стоянка у деревни Дубовицы, Шумячского района

В 2,5 км южнее деревни Дубовицы и 0,5 км южнее вышеуказанной курганный группы, на высоком обрывистом песчаном берегу реки Остра, на поверхности песка найдены ножевидные пластинки из серого и черного кремня, обломок кремневой ромбовидной стрелы, нуклеус красного кремня, кремневые отщепы и фрагмент неолитической керамики с ямчатым орнаментом.

Собранный подъемный материал свидетельствует о

д длительном пребывании здесь неолитического человека.
I При детальном изучении этого места с закладкой проб-
ных шурфов здесь, несомненно, будет обнаружено много
ценных находок.

16. Селище южнее деревни Дубовицы, Шумяцкого района

В 3 км южнее деревни Дубовицы и в 1 км южнее большой курганной группы, у края надпойменной террасы левого берега реки Остра расположено селище. Вдоль склона оно простирается на 150 м и крайние находки встречены в 75 м от склона террасы. Обнаружить это селище удалось благодаря производившимся в 1951 году лесным посадкам.

Почва на селище имеет интенсивно-темный (почти черный) цвет, тогда как вся окружающая местность сложена из светлых кварцевых песков. В сделанных для посадки деревьев бороздках удалось обнаружить фрагменты плоскодонных глиняных сосудов без орнамента, изготовленных на гончарном круге из чистой глины без добавок и хорошо обожженных. Кроме того, найдены куски глиняной обмазки и расколотые камни, побывавшие в огне.

Судя по керамике, селище можно отнести к поселениям, основанным после X—XI веков.

17. Кремневый наконечник стрелы. Место находок — у деревни Дубовицы, Шумяцкого района.

В 5 км юго-западнее деревни Дубовицы, на левом берегу реки Остра, у края надпойменной террасы в песке найден кремневый ланцетовидный наконечник стрелы, длина — 3,8 см, ширина — 1,3 см, толщина — 0,5 см. Изготовлен он из черного кремня и весь покрыт мелкой ретушью.

18. Селище у деревни Серковка, Дубовицкого сельсовета, Шумяцкого района

На левом берегу реки Остра, на углу второй террасы, образованном впадением безымянного ручья, идущего от деревни Серковка и впадающего в Остер, и

долиной реки Остра расположено селище. Часть селища уничтожена совершенно, так как сильные ветры у обрыва террасы выдувают песок и одновременно разрушают культурный слой.

На селище в разрушенной части встречается много керамики, относящейся к самым различным периодам: лепная от руки, изготовленная на гончарном круге и даже черная лощеная керамика.

Этот мыс заселялся в течение нескольких тысячелетий. Об этом свидетельствуют найденные здесь кремневые отщепы и два фрагмента керамики, очень схожей по своему характеру с неолитической, грубая лепная керамика с ровным краем, изготовленная из глины с примесью дресвы и сходная с керамикой ранних городищ Смоленщины; плохо обожженная керамика (глина с примесью песка), изготовленная на гончарном круге, тонкостенная керамика, хорошо обожженная, без всяких примесей и изготовленная также на гончарном круге и, кроме того, фрагменты черных сосудов с орнаментом в виде лощеных вертикальных полос.

Залегание культурного слоя и его толщину установить не удалось, так как по цвету в обрывах каких-либо отличий от нормальной почвы не наблюдалось, и под дерном сразу шел желтый песок. Пробных шурфов не закладывалось.

19. Курганы у деревни Серковка, Дубовицкого сельсовета, Шумячского района

1. В 1,2 км севернее деревни Серковка, на правом берегу ручья, при входе его в пойму реки Остра, на лугу расположены два кургана полусферической формы. Один из них, больший по своим размерам, имеет высоту 1,3 м и 18 м в диаметре, второй, меньший, достигает 0,7 м высоты при 12 м в поперечнике. Оба кургана хорошо сохранились.

2. В 2,5—3 км западнее деревни Серковка, на левом берегу реки Остра и левом берегу притока, впадающего здесь же в Остер, в лесу находятся три кургана. Высота их не превышает 0,6 м и в диаметре они имеют до 16 м. Расположены они в один ряд.

20. Курган у деревни Палицкая, Микуличского сельсовета, Шумячского района

На правом берегу реки Остра, на пологом склоне надпойменной террасы, в 1 км северо-восточнее деревни расположен одиночный полусферический курган, его высота 0,7 м, диаметр 15 м. Раньше курган распахивался.

21. Курганы у деревни Ивановское (территория БССР)

На левом берегу реки Остра, у края надпойменной террасы, непосредственно у домов находится курганная группа, состоящая из 76 курганов. Курганы все полусферические, вокруг большинства курганов имеются ровики, при этом перемычки обращены в северо-западном направлении.

По сообщениям местных жителей, при раскопках курганов находили костяки и черепа и в одном кургане был обнаружен меч.

22. Селище у деревни Ивановское (БССР)

На правом берегу реки Остра, против деревни Ивановское, на дюне, в разрушенной половодьем ее части была обнаружена керамика: фрагменты лепных от руки плоскодонных глиняных сосудов с орнаментом в виде бугорков (последние выдавливались изнутри при помощи палочки). Сделаны сосуды из темной глины с примесью песка и плохо обожжены. Края сосудов орнаментированы по верху насечкой и почти не были отогнуты.

Среди подъемного материала также найдены два фрагмента с орнаментом в виде насечек по стенкам сосуда.

Кроме того, обнаружены кусочки железной руды, много колотых камней и несколько кремневых осколков. Последние никаких следов обработки человеком не несут.

Судя по обнаруженной керамике, можно сказать, что данное селище относится к ранним поселениям и возникло до X века.

23. Следы неолитической стоянки у деревни Старый Дедин (БССР)

На левом берегу реки Остра, против деревни Старый Дедин, на дюне, выдутой наполовину ветром, у края надпойменной террасы, на песке найдена масса кремневых отщепов ножевидного типа. Каких-либо орудий или керамики на выдутой части дюны найдено не было.

24. Место находок у деревни Старый Дедин (БССР).

В 1938 или 1939 году (со слов местных жителей) на огородах деревни Старый Дедин был найден клад серебряных вещей (гривны, височные кольца, браслеты и проч.), которые были пересланы в Минск, после чего из Минска приезжал археолог и производил раскопки на территории деревни.

Кроме того, было раскопано несколько курганов неподалеку от деревни.

25. Курганная группа и городище у деревни Каролишки, Кораблевского сельсовета, Шумяцкого района

Восточнее деревни Каролишки, у границы с БССР, на склоне надпойменной террасы правого берега реки Остра, в лесу расположена курганная группа. Местные жители при раскопках одного кургана обнаружили скелет. Неподалеку есть горка, напоминающая городец.

Настоящие сведения записаны со слов местного населения.

26. Курганная группа у деревни Зимонино, Зимонинского сельсовета, Шумяцкого района

На правом коренном берегу реки Остра, при впадении речки, с левой ее стороны в месте, называемом Строкайлы, расположена курганная группа, состоящая из 45 курганов полусферической формы.

Курганы имеют самые разнообразные размеры — от 0,5 до 2,5 м высотой и от 5 до 18 м в диаметре.

Два кургана вовсе разрыты и четыре повреждены частично. Остальные 39 хорошо сохранились.

Курганная группа состоит из трех частей:

1) основная часть — южная — содержит 33 кургана в виде компактной группы треугольной формы со сторонами в 125 м; здесь почти все курганы покрыты густыми зарослями кустарника. Среди этой группы обращают на себя внимание пять курганов, отличающихся от остальных своими большими размерами, причем один из них разрыт кладочискателями;

2) в 120 м севернее от основной группы, среди пашни, лежат разбросанно шесть курганов, причем один из них разрыт, а другой частично поврежден ямой;

3) в 300 м северо-восточнее, вдоль коренного берега реки Остра расположены в виде цепочки еще шесть курганов.

27. Следы неолитической стоянки и более позднего поселения у деревни Курганово, Зимонинского сельсовета, Шумячского района

В пойме реки Остра, на правом ее берегу, между деревней Курганово и селом Холм у старицы, на дюне, в размытой ее части обнаружена керамика и кремневые ножевидные отщепы.

Найденные фрагменты принадлежат нескольким глиняным сосудам. Причем один фрагмент лепного сосуда украшен орнаментом в виде штампованных наискось параллельных линий и подходит по своему характеру к неолитическим.

Остальные фрагменты принадлежат плоскодонным лепным от руки сосудам. Изготовлены из глины с примесью дресвы, плохо обожжены, не украшены никаким орнаментом и по своему характеру сходны с керамикой древних городищ Рославльщины.

Найден также один фрагмент сосуда из белой глины, изготовленного на гончарном круге.

28. Городище у деревни Дорошковка, Зимонинского сельсовета, Шумячского района

В 0,5 км западнее деревни Дорошковка, на правой стороне безымянной речки (правый приток реки Остра),

при слиянии двух оврагов, на мысу расположено городище. Оно имеет овально-яйцевидную форму, с двух сторон отгорожено оврагами, а со стороны поля — валом. Площадка 32×30 м, наклонена с запада на восток и возвышается над уровнем оврага на 5 — 6 м, вал имеет 1,5 м высоты и 15 м ширины. За валом прослеживается незначительное понижение — следы рва. Площадка ранее распахивалась под посевы. На поверхности городища встречается много валунов и битого камня. Керамики не найдено.

29. Селище у села Холм, Зимонинского сельсовета, Шумячского района

На правом обрывистом берегу реки Остра, на территории деревни расположено селище.

На протяжении 200 м, у реки обнажен культурный слой, достигающий 1,5 м и более. В культурном слое местами заметны карманообразные образования — следы древних землянок и очагов. Одна такая землянка имела 1,40 м в поперечнике на границе с общим уровнем культурного слоя. До глубины 1,30 м идет черный гумусовый слой, в котором встречаются фрагменты глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге, расколотые кости животных, угольки, битые камни и др. На глубине 1,30 м залегает прослойка дерева до 4 см толщиной. За ней, глубже, следует черный гумусовый слой толщиной 20 см, под ним залегает угольный слой от 3 до 5 см толщиной. Далее следует темносерый слой, насыщенный золой, уголками и проч., достигающий 25 см и лежащий непосредственно на материковом песке. Нужно полагать, что это остаток древнего жилища человека.

На обрывистом берегу собран подъемный материал: куски обожженной глины (обмазка?), фрагменты глиняной посуды, кости коровы, свиньи и бобра, а также железный шлак. Керамика по своему характеру весьма разнообразна. Здесь встречается грубая, от руки лепленная посуда, причем к глине добавлялись дресва и песок или шамот. Эта керамика по способу изготовления и по внешнему виду схожа с керамикой древних городищ Рославльщины.

Встречается керамика, изготовленная на гончарном круге, толстостенная, с большой добавкой песка к глине и хорошо обожженная. Очень много тонкостенной керамики с различным отгибом края и украшенной волнистым и линейным орнаментом, изготовленной из чистой темной глины или же с небольшим добавлением песка. Обжиг хороший.

Обращает на себя внимание один фрагмент глиняного сосуда, изготовленного из чистой темной глины на гончаром круге, толщина стенки 1,4 см, украшен волнистым орнаментом и насечкой в виде неправильной линии. На волнистом орнаменте имеется рисунок, напоминающий лук и стрелу. Кроме того, встречается лощеная керамика черного цвета со слабоотогнутым краем.

Судя по тем находкам керамики, которые были сделаны на селище, можно сказать, что оно заселялось очень длительное время и было основано задолго до X века.

30. Курганная группа у села Холм, Зимонинского сельсовета, Шумячского района

На северной окраине села, в 250 м от крайних построек, за огородами, на склоне левого коренного берега реки Сожа расположена курганная группа, состоящая из 14 курганов.

Судя по сохранившимся курганам, все они имели полусферическую форму, но в настоящее время часть их распахана совершенно, а часть раздута ветром до такой степени, что на месте кургана заметно небольшое всхолмление, выделяющееся более светлой окраской среди окружающей местности.

№ кургана	Высота в м	Поперечник в м	Примечание
1	0,4	7	Распахан
2	0,3	11	"
3	0,6	11	Расплылся
4	0,3	10	Распахан
5	0,5	16	Частично выдут ветром
6	0,4	8	Распахан
7	0,7	14	Испорчен окопом

№ кургана	Высота в м	Поперечник в м	Примечание
8	0,7	20	Частично поврежден окопом
9	0,8	21	Расплылся
10	0,6	18	"
11	0,3	8	"
12	0,4	21	Выдут ветром
13	0,35	18	"
14	0,35	15	"

На кургане № 12, где основная масса песка выдута ветром, найдены фрагменты глиняной посуды (очевидно, остатки урн).

III. РЕКА ХМАРА

На реке Хмаре проведено рекогносцировочное обследование современного состояния археологических памятников, известных в литературе.

1. Городище у деревни Никульчино, Кубаркинского сельсовета, Починковского района

А. Н. Лявданский (2) (4) дает полное описание городища.

Городище расположено среди болота и хорошо сохранилось, на площадке и на валах имеются лишь незначительные следы ям кладоискателей.

2. Городище у деревни Сергеево, Сергеевского сельсовета, Починковского района

А. Н. Лявданский (2) (4) упоминает о городище на реке Хмаре у деревни Сергеево.

Северо-западнее деревни, на правом берегу реки Хмары расположено городище. На сохранившейся части площадки находится колхозная пчелопасека, значительная часть городища с юго-восточной стороны разрушена и, кроме того, по краю имеется ряд ям.

**3. Курганы у деревни Климщино (у села Хмары тоже),
Хмарского сельсовета, Починковского района**

А. Н. Лявданский (2) (4) упоминает о наличии курганов у села Хмара, но помещает их на правом берегу реки.

В 1 км от деревни Климщино и в 0,6 км от села Хмара на левом берегу реки Хмары расположены 38 курганов. Все они имеют полусферическую форму и небольшие размеры — до 1 м в высоту и от 4 до 6 м в поперечнике.

Из всего количества 14 курганов уничтожены окопами и кладонскателями, четыре значительно повреждены.

**4. Городище у деревни Мачулы, Алексинского
сельсовета, Починковского района**

А. Н. Лявданский (2) (4) дает полное описание городища.

Городище сохранилось в том виде, в котором оно описано А. Н. Лявданским.

**5. Городище у деревни Рудня, Алексинского
сельсовета, Починковского района**

А. Н. Лявданский (2) (4) дает полное описание городища.

В настоящее время городище повреждено окопами, облиндажами и целой системой ходов, особенно в западной части городища.

**6. Городище у деревни Козятники (Демешки),
Алексинского сельсовета, Починковского района**

А. Н. Лявданский дает полное описание городища.

Городище значительно повреждено в южной и северной части окопами и ямами.

IV. РЕКА СОЖЕНКА

**1. Городище у деревни Боровая, Студенецкого
сельсовета, Шумячского района**

На левом берегу реки Соженки, в 1 км южнее деревни Боровая, на развилке двух оврагов расположено

городище, называемое по-местному «Городец». С Городищем население связывает предание о войне со шведами. Городище имеет овально-яйцевидную форму. Размер площадки 40×30 м, с юго-западной стороны площадка отделена от поля двумя валами и ровом, с остальных сторон она обрывается крутыми скатами в овраги. Все городище покрыто лесом и кустарником. В западной части местное население берет глину и подкапывает валы и площадку — здесь имеется уже пять ям. Культурный слой мощный, в нем имеется много битого камня и грубой лепной керамики с примесью дресвы.

2. Курган у деревни Боровая, Студенецкого сельсовета, Шумячского района

На левом берегу реки Соженки, на территории деревни Боровая (на улице и огородах) расположена курганная группа, состоящая из 35 полусферических курганов. 18 курганов сохранились, 16 частично повреждены и один уничтожен совершенно.

3. Городище у деревни Штаб Загустина, Хороневского сельсовета, Шумячского района

На левом берегу реки Соженки, в 200 м западнее деревни расположено городище овальной формы. Оно устроено на мысу, образованном оврагом и поймой речки. От коренного берега отделено двумя валами и ровом между ними, наружный вал сильно поврежден ямами. Площадка имеет размер 30×46 м. Окружена она небольшим валом. Культурный слой беден, серого цвета, в имеющихся ямках керамики не найдено.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

1. В результате археологической разведки в бассейне реки Сожа, в границах Смоленской области, летом 1950 года были впервые обнаружены неолитические стоянки у деревень Потемкино, Мошевое, Холм. Можно предполагать, что на реке Соже при последующих ис-

исследованиях будет обнаружено значительное количество памятников этого времени¹.

2. Установлено, что городища специального назначения, указанные А. Н. Лявданским (1) (2) (4) как заболотные городища, характерны не только для заболоченных пространств водоразделов и пойм верховьев рек, но устраивались и на высоких мысах у больших рек (городища у деревень Слобода-Глушицы и Васильево).

3. Судя по отдельным находкам на городищах у деревень Бобыри и Сож, в IX—X веках поселенцы обитали в жилищах, обмазанных глиной и побеленных мелом или известью.

Керамика очажных ям этих городищ очень сходна с керамикой курганов полусферической формы, расположенных в Посожье.

4. Выяснилось, что участок реки Сожа между деревнями Княжое-Мошевое был чрезвычайно густо заселен. Здесь на протяжении 7 км имеются шесть городищ, пять курганных групп и другие памятники. Деревни на этом участке называются: «Княжое», «Городок», «Болваничи». Нужно полагать, что в этом месте был какой-то значительный населенный центр Смоленской земли.

5. Нижнее течение реки Остра было густо заселено (о чем свидетельствует большое количество памятников в этом районе). Судя по материалам, собранным при обследовании, жители селищ нижнего Остра (у деревень Песчанка, Холм и других) наряду с другими отраслями хозяйства занимались гончарным производством из местных глин и металлургией из местных железных руд (найлены кусочки железных шлаков, руды и куски выплавленного железа).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. ЛЯВДАНСКИЙ А. Н., Материалы для археологической карты Смоленской губернии, Труды смоленских государственных музеев, вып. 1, 1924.
2. ЛЯВДАНСКИЙ А. Н., Некоторые данные о городищах Смо-

¹ Лявданский А. Н., (4), стр. 334, указывал: «На реке Соже в пределах Смоленской области не было найдено ни одной стоянки». Он рассматривал этот факт, как подтверждение слабой заселенности данного района в этот период.

- ленской губернии, Научные известия Смоленского государственного университета, т. III, вып. 3, Смоленск, 1926.
3. ЛЯВДАНСКИЙ А. Н., Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета, том IV, вып. 3, Смоленск, 1927.
 4. ЛЯВДАНСКИЙ А. Н., Археологические исследования на водосборах рек Сожа, Днепра и Каспли в Смоленской губернии, Труды археологической комиссии, том II. Записки Отдела гуманитарных наук Белорусской Академии наук, Минск, 1930.
 5. ЛЯВДАНСКИЙ А. Н., Археологические исследования на Смоленщине, Труды археологической комиссии, том III, Белорусская Академия наук, Минск, 1932.
-

И. Н. САЛОВ

**МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ПРИРОДЫ ШУМЯЧСКОГО И ХИСЛАВИЧСКОГО
РАЙОНОВ**

Геоморфология, геологическое строение и полезные ископаемые

В августе 1950 года Смоленский областной краеведческий музей, Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт, областная научно-исследовательская лаборатория строительных материалов организовали и провели экспедицию по изучению природы Шумячского и Хиславичского районов.

Экспедиция работала в течение 10 дней, с 22 августа по 2 сентября 1950 года. За этот период участниками экспедиции было пройдено около 250 км.

Основной маршрут экспедиции — долина реки Остра от районного центра Шумячи до деревни Холм, у впадения реки Остра в реку Сож. Далее маршрут экспедиции шёл частично берегом реки Сожа, где изучались, главным образом, третичные пески и глины.

В экспедиции принимали участие: И. Н. Салов — руководитель геологической части экспедиции, Е. А. Шмидт — руководитель зоологической и археологической части экспедиции, А. П. Белова — биолог, В. Д. Фролов — геолог, Ф. С. Абкин — коллектор.

Основными задачами экспедиции являлись:

1. Изучение геоморфологии долины реки Остра.
2. Изучение полезных ископаемых бассейнов рек Сожа и Остра — трепелов, черепичных глин, стекловых песков.
3. Изучение археологических памятников.
4. Сбор материалов для экспозиции в отделе природы областного музея.

Обследованная территория принадлежит бассейну реки Остра и реки Сожа.

Прилегающая к долине реки Остра и реки Сожа территория представляет песчаное, более или менее всхолмленное пространство. Типичным для долины реки Остра является наличие конечных морен. Конечно-моренный ландшафт был прослежен нами от районного центра Шумячи до деревни Зимонино и далее по левому берегу реки Сожа до селений Селец и Людогощ (БССР). Конечно-моренные образования имеют форму холмов и гряд, чаще всего вытянутых в направлении северо-запад—юго-восток. Слагаются конечные морены песками различной зернистости с преобладанием средне и мелкозернистых, реже гравийных песков, а также валунными суглинками. На террасах реки нередко встречаются песчаные бугры — дюны. Особенно хорошо выражены дюны в долине реки Остра к юго-востоку от деревни Дубовицы. Конечно-моренные холмы, образуя гряды, приподняты над окружающей местностью на 10 — 35 м, реже до 40 м. Высота дюн 2 — 4 м. Местами в полосе конечно-моренных гряд наблюдаются скопления валунов. Такие валунные поля отмечены у деревни Кургановка, у деревни Малое Хоронево и других пунктах. Отдельные валуны имеют до 2 м в диаметре.

Ширина долины реки Остра достигает 2,0—3,5 км. На исследованном участке в строении долины Остра выделяется пойма, первая и вторая надпойменные террасы. Первая надпойменная терраса имеет высоту 4 — 6 м над уровнем воды, ширина ее 20 — 80 м, иногда несколько более. Прослеживается первая терраса в отдельных пунктах. Нами она наблюдалась в 2 км к северу от деревни Серковка, у деревни Дубовицы, в селе Микуличи. Слагается она глинисто-песчаными отложениями. Вторая надпойменная терраса имеет высоту 15—18 метров. Эту террасу слагают коренные породы меловой системы, перекрытые двух-трехметровой толщей четвертичных отложений. Ширина второй террасы небольшая — до 100 м или несколько более. Рельеф ее неровный — волнистый с западинами и буграми. Эта терраса прослеживается лучше, чем первая.

В пойме реки Остра часто встречаются озера-старицы. Они имеются у деревни Палицкая, между деревнями Зимонино и Холм, на правом берегу реки Остра. Особо часто озера-старицы наблюдаются на участке течения реки Остра между деревнями Дуброва (БССР) и Королишки (Смоленская область), так как пойма реки достигает здесь ширины до 2,5 — 3,0 км.

Озера конечно-моренного подпруживания уже превратились в торфяники. Примером такого озера, котловина которого ныне занята торфяником, является болото Гостюжье, окруженное моренными и конечно-моренными холмами.

Овражная сеть развита в общем слабо. Вследствие развития на исследованной территории в составе меловых отложений мергеля и мела, являющихся водоносными, здесь наблюдаются карстовые явления. Наиболее типично выражены карстовые воронки к востоку от деревни Крымки. Карстовые воронки здесь имеют вид блюдцеобразных западин диаметром от 4 до 15 м. Глубина их от 0,5 до 4,0 м.

Геологическое строение

В геологическом строении исследованной территории принимают участие отложения девонской, меловой, третичной и четвертичной систем.

Отложения девонской системы. Наиболее древними, известными здесь отложениями являются девонские. Эти отложения выходят только на правом берегу реки Сожа у села Стайки, Хиславичского района. Представлены они трещиноватыми плитчатыми мергелями с прослоями глин, известняками и доломитами. Видимая мощность девонских отложений около 2 м (выше уровня воды в реке Соже). От этого пункта в направлении к югу поверхность девонских отложений быстро уходит на значительную глубину. Изучение шлифа мергеля из села Стайки, произведенное Г. А. Шаповаловой (Институт нефти Академии наук СССР) показало, что он представляет собой очень однородную плотную массу, состоящую из округлых, угловатых и реже ромбэдрических кристаллов карбоната кальция, в промежутках между которыми находится пелитовый (глинистый)

материал. Кристаллы карбоната кальция имеют размеры от 0,02 до 0,05 мм. Судя по описанию шлифа, мергель образовался в мелководном водоеме, в котором наряду с выпаданием химических осадков (кальцит), шло осаждение тонкой глинистой мути.

Отложения меловой системы. Меловые отложения, развитые в Шумячском и Хиславичском районах, принадлежат нижнему и верхнему отделам этой системы. Причем низы верхнего отдела и кровля нижнего обычно индексируются как сеноман-альбские отложения. В Шумячском районе выходов на поверхность сеноман-альбских отложений нет. О них мы можем судить лишь по данным разреза буровой скважины у деревни Криволец (см. «Отложения четвертичной системы»). Пройденная там мощность глауконитово-кварцевых зеленых песков — 9,5 м. Возможно, что они целиком являются сеноманскими. По реке Сожу, ниже районного центра Хиславичи, нижнемеловые породы выходят у села Стайки. Для характеристики меловых отложений этого района приводим разрез обнажения (по Е. В. Шанцеру).

	1. Почвенный слой	0,70 м
Cr_2^{Cm}	2. Песок кварцевый, глауконитовый, серожелтый, мелкозернистый, с зернами кварца, редкими желваками и прослоями фосфоритов, мощностью до 0,05—0,7 м, к подошве слоя цвет песка серовато-зеленый	0,50 м
$Cr_2^{Cm} + Cr_1^{Alb}$	3. Песок серовато-зеленый, мелкозернистый, глауконитовый, с зернами кварца, с прослоями крупных песчаных фосфоритовых желваков с шероховатой поверхностью. Мощность слоев 0,05—0,25 м	0,90 м
"	4. Серовато-зеленый, мелкозернистый, глауконитовый песок с блестками белой слюды	3,84 м
"	5. Прослой, состоящий из плиток сильно окременевшей мергелистой породы до 0,07—0,10 м. По трещинам между плитками засыпан зеленовато-серый тонкий глауконитовый песок 0,06—0,07 м	
D_3	6. Мергель светло-желтовато-серый, мягкий, песчаный	0,95 м
"	7. Глина стально-серая	0,40 м
"	8. Мергель светлый, желтовато-серый	0,26 м

В бассейне реки Сожа мощность сеноман-альбских отложений в общем небольшая — 1,5 — 5,5 м. Представлены эти отложения песками глауконитово-кварцевыми, содержащими прослойки фосфоритов. Туронский ярус верхнего мела представлен трепелами, опоками и белым мелом. На территории Хиславичского района в обнажениях опоки и трепела не встречены. Они вскрыты бурением около села Городище. Возможно, что здесь опоки и трепела были в значительной массе уничтожены ледником и водами, образовавшимися при его таянии. Мел обнажается по реке Сожу, у деревни Суздалевки — Стайки. Мощность мела в районе села Стайки достигает 9,7 м. Местами на границе с глауконитово-кварцевыми песками мел опесчанивается, в нем появляются мелкие желваки фосфоритов. Такой мел называют «суркой».

В Шумячском районе выходы мела уже имеются в ряде пунктов. В долине реки Остра выходы мела были прослежены от деревни Пожога до деревни Холм (у впадения реки Остра в реку Сож). Максимальная видимая мощность мела достигает у села Микуличи 15 — 16 м. Приводим описание этого обнажения:

1. Почва	0,80 м
2. Суглинок краснобурый с редкой галькой	1,80 м
3. Мел светлосерый, распадающийся на куски диаметром до 2—3 см. Открыто до уровня воды	15,0 м

Ниже уровня воды в реке Остре повсюду виден мел. В северной части описанного обнажения в толщу мела сверху карманообразно внедряется трепел, представленный серовато-желтой легкой пористой породой с прослоями и включениями серой остроугольной щебенчатой породы. Глубина кармана 2,5 м.

Выходы трепелов и опок встречаются реже, чем выходы мела. Это и понятно, так как они, являясь самым верхним членом меловых отложений, в большей степени, чем нижележащие породы, испытали разрушающее воздействие ледника и ледниковых вод, и выходы их прикрыты ледниковыми отложениями. Выходы трепелов описаны в деревнях Крымка, Пожога, Дубовицы, Микуличи, Серковка. Мощность трепелов, судя по

данным буровых скважин, достигает 12,85 м. Представлены трепелы легкой глинистой породой светлосерого, светложелтого цветов, содержащей прослойки и включения более твердой породы — опоки. Поверхность трепелов сильно размыта.

Местами, как например, у села Микуличи, трепел по древним карстовым воронкам карманообразно внедряется в нижележащий мел.

Обращает внимание то обстоятельство, что мощность меловых отложений в районе села Стайки не превышает 15—16 м, тогда как юго-западнее, в центральной части Шумяцкого района, мощность этих отложений достигает 36 — 38 м, причем полный разрез мела и сеноманальбских песков на полную мощность здесь нигде не пройден. Это различие в мощности меловых отложений объясняется не только воздействием ледника и его вод на кровлю коренных пород, но, главным образом, зависит от тектонических условий (район села Стайки располагается в области Смоленско-Кричевского поднятия, а центральная часть Шумяцкого района уже входит, по видимому, в состав Смоленско-Рославльского понижения), а также общим увеличением мощности меловых отложений в сторону Днепровско-Донецкой впадины.

Отложения третичной системы. В понижениях кровли меловых пород пятнами залегают третичные отложения. Представлены они белыми слюдисто-кварцевыми песками и серыми, темносерыми, зелеными и пестрыми пластичными глинами. Эти отложения не имеют сплошного распространения, а залегают отдельными островками. По возрасту их относят к полтавскому ярусу палеогена P_{g3}^2 .

Другие исследователи, как, например, Закревская, изучавшая геологию района Гомель — Чернигов, склонны считать глины, залегающие в кровле песков, неогеновыми (Ng)

Таким образом, вопрос о принадлежности этих отложений к тому или иному ярусу третичной системы не может считаться доказанным.

Выходы третичных отложений описаны нами в ряде пунктов нижнего течения реки Остра.

Хорошее обнажение третичных песков встречено на

с правом берегу реки Остра, на юго-западной окраине деревни Холм. Здесь обнажаются:

1. Почва 0,25 м
2. Супесь светлосерая, структурная, с прослойками желтой 1,80 м
3. Песок пылеватый светлосерый и желтый. Открыто 4,00 м

Ниже находится яма для добычи мела. Высота подошвы песка над уровнем воды около 2 м.

Третичные глины здесь отсутствуют. Они были уничтожены в результате деятельности ледников. Об этом свидетельствует обнажение, находящееся в 200 м вниз по течению реки от вышеописанного. Здесь видны:

1. Валунная красно-бурая супесь 1,00 м
2. Глина опесчаненная зеленовато-серая, с валунами известняка, включениями трепела, мела, редкой галькой кристаллических пород. Бурно вскипает с HCl. Открыто 0,50 м

Ниже осыпи до уровня воды — около 10 м. В осыпи глина (2) прослеживается по отдельным «окнам». Глина (2) является локальной мореной, возникшей в результате переотложения ледником третичной глины. Такая же глина встречена и в деревне Зимонино.

В районе деревни Зимонино верхняя часть толщи третичных глин сильно размыта, что затрудняет ее добычу для производства гончарных изделий.

Обнажение третичных пород имеется и на правом берегу реки Сожа, в 2 км ниже деревни Поплятино (Хиславичский район). Здесь в склоне коренного берега реки Сожа видны:

1. Гочва 0,4—0,1 м
2. Песок пылеватый, белый, слюдисто-кварцевый. Открыто до 2 м

В песке линзовидно залегает глина зеленоватая, местами с желтым оттенком, состоящая из тонких листовидных отдельностей¹. Видимая ширина линз 2—4 м. Ниже — белые слюдисто-кварцевые пески.

Мощность третичных отложений в бассейне реки Остра не превышает 6 — 8 м. В бассейне реки Сожа мощность их увеличивается, достигая 20 — 23 м. Третичные глины, на основании керамических испытаний, проведенных Смоленской областной научно-исследовательской лабораторией строительных материалов, оказались пригодными для производства черепицы и

¹ При спорово-пыльцевом анализе в этой глине споры и пыльца не были обнаружены

гончарной посуды. Белые слюдисто-кварцевые пески, повидимому, окажутся пригодными в стекольном производстве.

Отложения четвертичной системы представлены подморенными песками, двумя толщами морен: верхней — московской и нижней — днепровской, разделяющими их межморенными песчаными отложениями и покровными надморенными песками и суглинками.

В обнажениях в одном разрезе нам нигде не пришлось наблюдать две моренные толщи, всюду встречается только одна морена. В пользу наличия двух толщ морен, а следовательно, и двукратного оледенения территории, говорят следующие данные. Кровля морены к востоку от деревни Хоронево характеризуется отметками 200 — 210 м, а на правом берегу реки Остра, против деревни Малое Хоронево, кровля ее наблюдается на высоте 168 — 170 м. Трудно допустить, чтобы оба выхода морены принадлежали одной толще, имеющей мощность до 30—40 м. Скорее, здесь мы имеем две моренные толщи, разделенные межморенными отложениями.

За пределами исследованной территории, к востоку от села Шумячи, в деревне Криволес, буровой на воду скважиной пройдено:

	1. Растительный слой	0,30 м
Q Mgl	2. Суглинок светложелтый с мелкими валунами	5,70 м
Q II	3. Песок мелкозернистый, светложелтый, насыщенный водой	2,70 м
Q D-Mfgl	4. Суглинок темнокрасный, плотный, с мелкими валунами	6,30 м
Q II	5. Суглинок светлосерый, плотный, с валунами	15,00 м
Q Dfgl	6. Песок серый, илистый, сильно влажный	22,00 м
Cr ?	7. Серая илистая глина	8,50 м
Cr ² Cm	8. Песок зеленый, сильно влажный, мелкий	9,50 м
2	9. Ил зеленый с серыми оттенками, слегка влажный	

Из приведенного разреза видно, что в данном районе распространены две толщи морены. В соседнем Хиславичском районе по данным буровой скважины (районный центр Хиславичи) выделяются две толщи морены.

Е. В. Шанцер (9)¹, давший наиболее полное описание четвертичных отложений бывшей Западной области (1932), считает, что к югу от линии деревня Бахаревка на реке Соже — деревня Дубовицы на реке Остре и далее к селу Карпики (Рославльский район) и к городу Мосальску распространена одна морена. Эта морена, распространенная на крайнем юге Смоленской области, является днепровской. К северу от указанной линии развиты две толщи морены — днепровская и московская. Так как конечные морены прослежены нами до села Зимонино на реке Остре, то следует считать, что московская морена может быть распространена несколько южнее указанной границы. Однако две толщи морены сохранились здесь не везде, вследствие размыва водами таявшего ледника. Чаше развита одна морена.

Для характеристики нижней морены приводим разрез буровой скважины, заложенной на северном склоне водораздельного плато речки Смородинки и Безымянной, в 100 м к югу от деревни Дубовицы.

1. Почва	0,35 м
2. Песок среднезернистый, пылеватый, сухой, рыхлый, светложелтого цвета	0,30 м
3. Песок мелкозернистый, пылеватый, желтого цвета, с линзами супеси и с зернами гравия краснобурый	0,70 м
4. Суглинок краснобурый с гравием, очень плотный	0,15 м
5. Глина краснобурая, средней пластичности	1,41 м
6. Супесь краснобурая, очень плотная	1,60 м

Верхняя морена, судя по выходам к востоку от деревни Хоронево, представлена краснобурым суглинком с большим количеством валунов кристаллических пород.

В Шумячском районе покровные породы представлены преимущественно мелко и среднезернистыми песками, реже — элювием морены. Мощность песков 3—6 м. В области развития конечных морен мощность песков значительно увеличивается.

¹ См. список литературы в конце работы.

Как следует из описания геологического строения территории, здесь развиты отложения девонской, меловой, третичной и четвертичной систем. Породы девонской системы выходят на поверхность только в одном пункте — у села Стайки.

Неглубоко от поверхности они залегают в долине реки Сожа около деревень Суздалевка — Клюкино, Хиславичского района.

Мел. Выходы мела часто встречаются в долинах рек Сожа и Остра. Здесь во многих пунктах мел разрабатывался населением для своих нужд. Наиболее крупные разработки мела находятся в районе деревень Пожого и Крымки. Мел здесь разрабатывается уже около 60 лет. Он использовался для производства стекла на стекольных заводах имени 1 Мая и Воргинском, а также для продажи в соседние районы («комовой» мел). В настоящее время добыча мела для стекольных заводов не производится, так как заводы перешли на привозной (белгородский) мел.

Мы располагаем только одним химическим анализом мела — из деревни Крымки. Содержание CaCO_3 в этом мелу составляет 95,19 процента, MgCO_3 — 0,63 процента, R_2O_3 — 0,73 процента, SO_3 — 0,08 процента, нерастворимого остатка — 3,21 процента. В связи с тем, что для производства винной посуды по новому стандарту принято зеленое стекло, повышенное содержание Fe_2O_3 при соответствующей корректировке шихты не будет лимитировать получения стекла, соответствующего стандарту.

Трепел. В Шумячском районе в ряде пунктов долины реки Остра выходит трепел. Выходы трепела отмечены в деревнях Пожого, Крымки, Богдановка, Серковка, Микуличи, Дубовицы.

Трепел и опоки залегают здесь под вскрышей из четвертичных и третичных пород. Мощность вскрыши изменяется от 0,0 до 13,5 м. Мощность слоя трепелов и опок изменяется от 0,0 до 12,80 м.

Для характеристики трепелов и опок приводим описание двух шурфов, заложенных нами на месторождении «Серковка».

Урочище «Тереховка». Шурф № 1.

1. Почва	0,20 м
2. Песок мелкозернистый с редкими валунчиками и галькой, светложелтый	0,30 м
3. Суглинок красновурый, пластичный, с включением опоки	0,05 м
4. Глина зеленовато-серая, с красноватым оттенком, пластичная	0,15 м

Полезная толща:

5. Зеленовато-серая опока, состоящая из кусков кремнистой легкой породы, пересыпанной зеленовато-серой пластичной глиной, с красноватым оттенком; в ней часто встречаются окремневшие плотные отдельности той же опоки	0,90 м
6. Темносерый глинистый трепел, состоящий из мелких отдельностей, которые при надавливании пальцем становятся пластичными	0,12 м
7. Светлосерая трепеловидная порода, растирающаяся в порошок; содержит отдельности более твердой опоки, с трудом растирающиеся пальцами	0,30 м
8. Темносерая глинистая трепеловидная порода, состоящая из мягких прямоугольных отдельностей; при надавливании пальцем образует тестообразную массу	0,20 м
9. Легкая светлосерая пористая порода, содержащая окремневшие участки	0,10 м
10. Подошвой полезной толщи является белая и светлосерая трепеловидная порода, сильно окремневшая. Окремнение заметно по участкам более темным и твердым, слабо вскипает с HCl Открыто	0,50 м

Урочище «Марковка». Шурф № 2.

1. Почва	0,20 м
2. Песок мелкозернистый, с редкими валунчиками и галькой	0,20 м
3. Суглинок моренный, красновурый, с редким гравием и галькой, плотный	0,40 м
4. Суглинок серовурый, с зеленоватым оттенком, с тонкой прослойкой пылеватого белого песка и кусками окремневшей опоки	0,15 м

Полезная толща:

5. Серо-зеленоватая, легкая, глинистая трепеловидная порода, состоящая из мелких прямоугольных отдельностей, которые при надавли-

вани пальцем становятся пластичными. Твердые
отдельности встречаются редко	0,30 м
6. Желтокоричневая глинистая опоковая порода,
переполненная различной величины кусками
легкой, часто окремневшей опоки	0,50 м
7. Серовато-желтая глинистая, трепеловидная
порода, состоящая из мелких, растирающихся
в тесто отдельностей	0,40 м
8. Твердая легкая опоковая порода серого цвета,
состоящая из отдельностей, имеющих остро-
угольную форму; при ударе принимает ракови-
стый излом; пересыпанная легкой светлосерой
с желтоватым оттенком глинистой породой; не-
которые отдельности обнаруживают внутри тем-
ные пятна — участки окремнения. Открыто	0,90 м

Как видно из приведенных описаний, толща трепела неоднородна. Здесь выделяются глинистые пластичные разновидности — глинистый трепел, собственно трепел, представляющий мягкую пористую породу, и твердые окремневшие разности — опоки. Наибольшее распространение имеют глинистые разности трепела.

Кроме того, трепел был вскрыт нашей скважиной в селе Дубовицы, на северном склоне водораздельного плато речки Смородинки и ручья Безымянного. Здесь пройдены:

1. Песок мелкозернистый, пылеватый, серый	0,60 м
2. Трепельная масса, влажная, серого цвета, одно-
родная, плотная, с редкими ожелезненными про-
слойками, ниже темносерая. Пройдено	1,90 м

К северу от деревни Крымки, в склоне левого коренного берега реки Остра, находятся заброшенные разработки мела.

В стенках одной из ям видны:

1. Почва	0,30 м
2. Песок желтый, мелкозернистый, с валунами	0,50 м
3. Серо-зеленоватая глинистая опоковая порода с
включениями остроугольной опоки. Открыто	0,50 м
Ниже осыпь до дна ямы	1,75 м

В другой яме описаны:

1. Почва	0,25 м
2. Песок мелкозернистый, слабовалунный	0,60 м
3. Серая глинистая, опоковая порода, разделяю-
щаяся на отдельности; при высыхании эти от-
дельности становятся твердыми	0,50 м

4. Светлосерая, с желтоватым оттенком рыхлая порода, содержащая редкие включения опоки	0,35 м
5. Серая глинистая, трепеловидная легкая порода, распадающаяся на отдельности	0,25 м
6. Светлосерая рыхлая трепеловидная легкая порода, распадающаяся на отдельности. Открыто	0,50 м
Ниже закрыто до дна ямы	1,30 м

Верхняя часть толщи трепелов подвергалась размыву и оползневым процессам, а также воздействию ледниковых покровов, вследствие чего она оказалась местами размывтой и несколько смещенной (село Мнукличи).

По данным лабораторных испытаний, выполненных в 1931—1932 годах, гранулометрический и химический состав трепела месторождения «Серковка» следующий;

Фракции	Содержание в процентах
0,5 — 0,25 мм	2,69
0,25 — 0,05 мм	1,37
0,0 — 0,01 мм	3,50
менее 0,01 мм	92,44

Химический состав (в процентах)

SiO ₂ —88,23
Fe ₂ O ₃ — 4,30—2,24
Al ₂ O ₃ —10,63—5,79
CaO — 1,30—1,20
MgO— 0,48—0,37
П.П.П.— 4,67—2,61

По данным химического анализа, выполненного экспериментальной станцией научно-исследовательского института строительных материалов (1950), содержание компонентов в средних пробах из шурфов № 1 и № 2 следующее (в процентах):

Шурф № 1	Шурф № 2
Глубина 0,7—2,32 м	Глубина 0,95—2,95 м
SiO ₂ —78,44	77,64
Al ₂ O ₃ — 9,13	10,16
Fe ₂ O ₃ — 2,97	3,74
TiO ₂ — 0,20	0,20
CaO— 1,30	0,50
MgO— 1,30	1,23
SO ₃ — 0,02	0,09

П.П.П.—5,05	4,68
Сумма—98,41	98,24
RO (по разности) 1,59	1,76
CO ₂ — 0,91	0,64
Влага— 5,57	5,78
RO— 2,60	1,78

По сравнению с месторождениями трепелов Брянской и Калужской областей, трепела месторождения «Серковка» отличаются несколько повышенным содержанием Al₂O₃ и Fe₂O₃. Однако и в брянских и калужских трепелах встречаются разности трепела, имеющие повышенное содержание Al₂O₃ и Fe₂O₃. Так например, в трепелах Чернятинского месторождения, Дятьковского района, Брянской области, Al₂O₃ содержится до 12,60 процента, Fe₂O₃ — 2,91 процента, в трепелах Зикеевского месторождения, Жиздринского района, Калужской области, содержание Al₂O₃—2,7—6,7 процента, Fe₂O₃—2,1—5,4 процента, а в трепелах Дабужского месторождения, Сушиничского района, Калужской области, Al₂O₃—3,8—11,5 процента, Fe₂O₃ — 1,6 — 4,9 процента.

Результаты керамических испытаний трепелов месторождения «Серковка», выполненных в Смоленской областной научно-исследовательской лаборатории строительных материалов под руководством инженеров Э. Я. Сидерман и С. А. Дубсон, показали, что трепела имеют повышенный объемный вес — 0,98 — 1,12 г/см³, что объясняется загрязненностью их глинистым веществом. Пористость их — 49 — 55 процентов. По пластичности трепела относятся к первому классу.

Гранулометрический состав трепелов, определенный по методу Рутковского, следующий (в процентах):

Фракции	Трепел из шурфа № 1, глубина 0,7—2,32 м	Трепел из шурфа № 2, глубина 0,95—2,95 м
1,0 —0,05 мм	18,12 процента	28,12 процента
0,05—0,005 мм	54,68 "	44,68 "
менее 0,005 мм	27,20 "	27,20 "

Размолотый трепел равномерно увлажняется. Масса хорошо формуется. Влажность рабочей массы 42,5 — 43,7 процента.

В процессе сушки в образцах возникли мелкие волосяные трещины. Повидимому, на образование трещин оказало влияние наличие в трепеле включений опоки

размером 3—5 мм (размол производился вручную). Образцы высохли в течение пяти суток. Высушенные образцы имели следующие физико-механические свойства:

Средний объемный вес	1,07— 1,1	г/см ³
Временное сопротивление сжатию—среднее .	13,6 —16,7	кг/см ²
Временное сопротивление разрыву—среднее .	3,19— 4,02	кг/см ²
Линейная воздушная усадка в процентах . . .	5,08— 7,9.	

Коэффициент чувствительности к сушке — средне и малочувствительны.

Обжиг образцов производился при температурах 850, 950, 980°.

Оптимальной температурой обжига является 950°. При этой температуре образцы имеют наивысшую механическую прочность. Общая усадка при температуре 950° составляет для трепела из шурфа № 1 9,16 процента, а для трепела из шурфа № 2 — 6,36 процента. Механическая прочность образцов на сжатие средняя — 48,0—67,6 кг/см². Объемный вес обожженных образцов 0,99—1,02 г/см³. Среднее водопоглощение 48,6 — 52,6 процента. Коэффициент морозостойкости 0,93—0,94. Обожженные образцы имеют светлорозовый цвет. При ударе издают звонкий звук. Вследствие недостаточного измельчения сырья поверхность образцов трещиновата.

Временное сопротивление сжатию двух трепельных кирпичей натурального размера, сформованных из тонкомолотого трепела, составляет 78,5 — 106,5 кг/см². Поэтому при соответствующем помолу механическая прочность кирпича увеличится.

По заключению лаборатории, трепелы пригодны для изготовления легковесного строительного кирпича. Вследствие низкой морозостойкости этот кирпич может быть употреблен только для кладки внутренних стен зданий. При добавке в трепел выгорающих добавок — торфа, опилок и других — может быть получен термоизоляционный кирпич.

Кроме того, трепел используется как наполнитель для строительного бетона. Молотый трепел применяется как термоизоляционный материал и в качестве компонента для производства ряда термоизоляционных материалов. Трепел может применяться и в качестве

абразивного материала, отбеливающего вещества для очистки масел, нефтепродуктов и т. д. В небольшом количестве трепел вводится в краску, чтобы придать ей большую прилипаемость и чтобы понизить коробление и трещиноватость масляной пленки.

Месторождения трепела в Шумячском районе были разведаны в 1931 — 1932 годах. В результате этих работ были выявлены три месторождения трепела: 1) «Крымки — Песчанка», 2) «Серковка» и 3) «Богдановское».

Месторождение «Крымки — Песчанка» состоит из двух участков — «Крымки», расположенного к востоку от деревни того же наименования, и «Песчанка», находящегося на расстоянии 1 км к северу от деревни Песчанка.

Участок «Крымки» с севера ограничен поймой реки Остра, с запада и юго-запада — балкой, идущей через деревню, с востока — балкой. Площадь разведки около 37 га. Площадь контура подсчета запасов 18,3 га. Мощность трепелов и опок изменяется от 2,10 до 12,45 м, средняя — 6,1 м. Мощность вскрыши от 0,10 до 12,80 м, в среднем — 4,35 м. Соотношение мощности трепелов и опок к вскрыше — 1:1,4.

Подсчет запасов на площади основного контура методом среднего арифметического дал 1 118 000 м³. (1 341 000 т), а методом треугольников — 1 248 000 м³. (1 497 000 т). Объем вскрыши 715 000 м³.

Участок «Песчанка» с юга ограничен ручьем Песчанкой, с севера — поймой реки Остра, с запада — низиной, примыкающей к пойме реки Остра, и с востока — балкой, впадающей в ручей Песчанку. Площадь разведки около 27,5 га. Площадь основного контура подсчета 15,2 га. Мощность полезного слоя от 1,8 до 12,85 м, средняя — 5,94 м. Мощность вскрыши изменяется от 0,15 до 10,0 м, средняя — 2,90 м. Соотношение мощности вскрыши к полезному слою — 1:2.

Подсчет запасов методом среднего арифметического дал 910 000 м³ (1 093 000 т), а методом треугольников — 1 122 000 м³ (1 347 000 т). Объем вскрыши 445 000 м³.

В северо-западной и восточной частях участка встречены переотложенные трепела, содержащие редкие

гальки кварца и других кристаллических пород. Мощность этих трепелов до 11 — 13 м. В качественном отношении эти трепела не изучены. Однако возможно, что они после испытаний окажутся пригодными для производства трепельного кирпича. В этом случае запасы трепелов на участке значительно увеличатся. Запасы трепелов на разведанном месторождении не утверждались и могут рассматриваться как предварительные. Для перевода запасов в соответствующую категорию необходимо проведение дополнительных геолого-разведочных работ и детальное изучение свойств сырья. Однако и сейчас несомненно, что запасы трепелов и опок, выявленных предварительной разведкой, здесь значительны — 2 028 000 м³ (подсчитаны по методу среднего арифметического), так что даже если и будет некоторое сокращение запасов при доразведке, выявленные запасы смогут обеспечить сырьем крупное производство изделий из трепела на амортизационный период.

Существенным недостатком является удаленность месторождения от железной дороги. Ближайшая железнодорожная станция Понятовка находится от него в 12—15 км.

Месторождение «Серковка». Месторождение расположено на левом берегу реки Остра, в 2 км к северу от деревни Серковка. Разведано в 1931—1932 годах горным отделом ВСНХ БССР и трестом «Белгеоразведка». Трепел залегает под песчано-глинистой толщей мощностью от 1,15 до 3,91 м.

Химический состав, физические свойства трепела и керамические свойства изучены в 1950 году Смоленской областной научно-исследовательской лабораторией строительных материалов. На основании этого изучения трепела признаны пригодными для производства легковесного кирпича, а при условии введения выгорающих добавок — и для термоизоляционного кирпича.

Запасы утверждены по категории С₁ в количестве 552 000 м³. Более подробных сведений о месторождении не имеется.

Месторождение «Серковка» расположено от железнодорожной станции Осва на расстоянии 6—7 км. Разведанные запасы позволяют организовать здесь производство трепельного кирпича (5—6 млн штук в год).

Месторождение «Богдановское» расположено на левом берегу реки Остра, в 1 — 2 км от деревни Богдановка. От месторождения «Серковка» находится на расстоянии примерно 1,5—2 км. От железной дороги Рославль — Кричев удалено на 6—8 км.

Трепел залегает под толщей песчано-глинистых пород четвертичного возраста. Мощность вскрыши от 3,48 до 4,05 м. Мощность трепела 2,65 — 4,41 м.

Качественная характеристика отсутствует.

Месторождение разведано в 1931—1932 годах горным отделом ВСНХ БССР и трестом «Белгеоразведка». Заласы утверждены по категории С₁ в количестве 241 000 м³.

При увеличении производства кирпича на месторождении «Серковка», данное месторождение может быть использовано как резервная сырьевая база.

Пески стекольные. В бассейне реки Сожа и реки Остра в отложениях третичной системы часто встречаются слюдисто-кварцевые мелкозернистые пески. Такие пески встречены у деревень Зимонино, Холм, Поплятино, у села Стайки и в других пунктах (см. «Отложения третичной системы»). Мощность этих песков в бассейне реки Остра 2—6 м, у села Стайки (Хиславичский район) — 17 — 18 м. Для характеристики гранулометрического состава песков приведем данные анализов пяти образцов песков из села Стайки, заимствованные из работы Ц. И. Уфлянд (8).

Фракции	Содержание в процентах					
>—0,25 мм	15,36	2,40	0,22	—	—	—
0,25—0,05 мм	70,43	78,68	81,16	77,68	82,82	—
0,05—0,01 мм	5,21	10,78	11,80	15,42	7,74	—
<—0,01 мм	9,0	8,24	6,82	6,90	9,94	—

Как видно из приведенных данных, преобладающей фракцией в песках является фракция 0,25—0,05 мм, составляющая 70—83 процента. Таким образом, в песках преобладают зерна среднего (0,1—0,25 мм) и мелкого (0,1—0,05 мм) размеров. Для стекловарения наиболее благоприятными являются фракции зерен от 0,5 до 0,05 мм. Содержание суммы указанных фракций составляет 77,68 — 85,79 процента.

Химическими анализами этих песков мы не распо-

лагаем. Вследствие наличия слюды нужно ожидать, что процент кремнезема в этих песках будет ниже, чем в стекольных песках подзолистого типа.

Предварительное изучение песка как стекольного сырья, проведенное на Воргинском заводе главным инженером этого завода А. Н. Свистуновым, дало положительные результаты.

Гравий и валуны встречаются в конечных моренах. Такие конечные морены, богатые гравием, отмечены у деревни Серковка (урочище «Бондарева гора»), в 2 км ниже села Микуличи, по правому берегу реки Остра и в других пунктах. Как правило, гравийно-валунный материал слагает склоны конечных морен, а наиболее высокие части морен слагаются песками.

Кирпичные глины. Глины, используемые для производства кирпича, по своему происхождению являются делювиальными, овражно-аллювиальными и моренными образованиями.

Делювиальные суглинки используются для производства кирпича в деревне Иолово. Здесь на склоне к западине, расположенной среди моренной равнины, находится карьер. В стенках карьера видны:

1. Почва 0,55 м
2. Суглинок серожелтый, среднежесткий, разбитый трещинами на пирамидальные отдельности. Открыто 1,00 м

В районном центре Шумячи для производства кирпича используется делювиальный суглинок, описанный в работе И. Н. Салова «Черепичные и гончарные глины Смоленской области» (1948). Этот суглинок отличается значительным колебанием своего состава. В ряде пунктов местным населением для производства кирпича-сырца используется валунный суглинок. Вследствие наличия обломков пород в этом суглинке и опесчаненности, он не может считаться хорошим сырьем. Поиски кирпичного сырья здесь следует вести по склонам долин рек и речек, протекающих по моренной равнине, где, вероятно, можно встретить делювиальные отложения, возникшие за счет переотложения морены. Таким участком, по нашему мнению, является территория, окружающая торфоболото «Гостюжье».

Гончарные и черепичные глины. В качестве гончар-

ных глин четвертичного возраста используются «отторженцы» третичных глин и их делювий. Такие глины впервые описаны нами к востоку от деревни Слободы в склоне оврага, впадающего в реку Соженку. Здесь имеется гнездо глинокопных ям, разбросанных на высоте до 2—15 м над уровнем оврага. В одной из ям, расположенной на 1,5 м выше уровня дна оврага, видны:

1. Почва 0,40 м
2. Глина серая, с желтыми примазками, распадающаяся на
стдельности, плотная, слабопесчаная. Открыто 0,35 м

В другой яме, расположенной в верхней части оврага, видны:

1. Почва 0,15 м
2. Песок мелкозернистый, серый 0,30 м
3. Супесь красновато-бурая, безвалунная 0,30 м
4. Глина темносерая, с зеленоватым оттенком, пластичная.
Открыто 0,50 м

В гончарной глине встречаются куски трепела. Глины эти добываются гончарами из деревень Кораблево и Титовка.

Гранулометрический состав этих глин (по методу Рупковского) следующий:

Фракции	Содержание в процентах
1,0 — 0,05 мм	13,13
0,05 — 0,005 мм	52,87
менее — 0,005 мм	34,00

Реже для производства гончарной посуды используются глины озерно-болотного типа, возникшие в результате переотложения морены в озерно-болотных водоемах. Такие глины имеются в деревне Титовка. Буровой скважиной № 3, заложенной нами на западной окраине деревни, на склоне к понижению пройдены следующие породы:

1. Почва 0,15 м
2. Песок мелкозернистый, серый 0,30 м
3. Песок мелкозернистый, светложелтый 0,25 м
4. Глина среднепластичная, темносерая 0,10 м
5. Песок мелкозернистый, серый 0,05 м
6. Глина среднепластичная, светлосерая, с тонкими пр-
слойками песка 0,20 м
7. Глина среднепластичная, темносерая 0,05 м

8. Песок среднезернистый, бурый	0,20 м
9. Глина песчаная, с гравием, темносерая	0,16 м
10. Глина среднепластичная, серая, с железистыми примазками	0,55 м
11. Супесь пылеватая, серая	0,05 м
12. Глина среднепластичная, серая, с железистыми примазками. Пройдено	0,20 м
	2,26 м

В качестве гончарной глины используются слои 10 и 12. Гранулометрический состав этой глины, определенный по методу Рутковского:

Фракции	Содержание в процентах
1,00—0,05 мм	10,00
0,05—0,005 мм	67,33
менее—0,005 мм	22,67

Глины третичной системы используются для производства гончарной посуды и в смеси с делювиально-аллювиальными глинами — для производства черепицы. Добыча этих глин производится в двух пунктах — в деревне Песчанка и в деревне Зимонино. В последней эти глины добываются в значительном количестве. Площадь, занятая старыми и существующими разработками, составляет более 30 га. Разработки расположены в склоне коренного берега реки Остра; над уровнем воды в реке они находятся на высоте 6 — 10 м. Для характеристики условий залегания глин приводим описание глинокопных ям и разреза буровых скважин:

1. Песок мелкозернистый, серый, переслаивающийся с желтым, с прослоями и линзами серой и черной пластичной глины 0,80 м
2. Глина пластичная, черная, структурная. Открыто 0,25 м

В другой яме, расположенной в 1 км северо-западнее от деревни Зимонино, видны:

1. Почва 0,25 м
2. Песок мелкозернистый, с гравием 0,35 м
3. Песок мелкозернистый, с прослоями серой пластичной глины 0,25 м
4. Глина темносерая, плотная, пластичная. Открыто 0,20 м

Мощность глин, по сведениям, полученным от местных жителей, изменяется от 0,10 до 1,00 м, а мощность вскрыши достигает 5 м. Цвет глин изменяется от светлосерого до черного.

Гранулометрический состав черной глины из деревни Зимонино следующий:

Фракции	Содержание в процентах
1,00—0,05 мм	19,06
0,05—0,005 мм	53,74
менее — 0,005 мм	27,20

Бурение показало, что кровля глин крайне неровная, вследствие чего мощность глины изменяется на коротких расстояниях. Для иллюстрации приводим разрез двух скважин, заложенных на одинаковой высоте на расстоянии 2 м друг от друга.

Скважина № 1

1. Песок мелкозернистый, желтосерый, с гравием и валунами 1,00 м
2. Глина светлосерая, слабопесчаная 0,10 м
3. Песок мелкозернистый, серый, с гравием 0,10 м
4. Глина светлосерая, с желтыми примазками, песчаная.
Пройдено 0,10 м

Скважина № 2.

1. Песок темносерый с прослойками глины и гравием . . . 1,05 м
2. Глина серая, слабопесчаная, с желтыми примазками . . 0,25 м
3. Песок пылеватый, серый, влажный. Пройдено 0,50 м

Из приведенного фактического материала можно сделать вывод, что третичные глины сильно эродированы и часть из них является переотложенной. Последнее подтверждается гумусированностью глин и опесчаненностью их.

Месторождение глин у деревни Песчанка было разведано в 1940 году Смоленской контрольной научно-исследовательской станцией строительных материалов.

Глины залегают на левом преддолинном склоне реки Остра. Условия залегания:

1. Пески мелкозернистые, слабogliнистые, желтые . . 0,65—1,40 м
2. Глина темносерая, с зеленоватым оттенком, пластичная. В нижней части глина часто содержит значительное количество включений опоки. Мощность глины без слоя, содержащего опоку 0,20—2,40 м

Подстиляется глина слюдисто-кварцевыми песками. Гранулометрический состав этой глины:

Фракции	Содержание в процентах
более—1,0 мм	0,06
1,0—0,25 мм	5,24

0,25—0,05	<i>м.м</i>	21,43
0,05—0,01	<i>м.м</i>	12,04
0,01—0,005	<i>м.м</i>	32,56
0,005—0,001	<i>м.м</i>	11,55
менее—0,001	<i>м.м</i>	16,22

Химический состав этой глины следующий (в процентах):

SiO ₂	—74,44
Al ₂ O ₃	—11,46
Fe ₂ O ₃	— 6,93
TiO ₂	— 0,21
CaO	— 0,87
MgO	— 0,65

Подстиляется глина слюдисто-кварцевыми песками.

Керамические испытания показали, что глина пригодна для производства гончарной посуды. Вследствие повышенной пластичности глины необходимо введение отошающей добавки (песка).

Высокопластичные глины обнаружены у деревни Поплятино в Хиславичском районе.

Керамические испытания, выполненные Смоленской областной научно-исследовательской лабораторией строительных материалов, дали следующие результаты.

Гранулометрический состав (по методу Рутковского):

Фракции	Содержание в процентах
1,0— 0,05	<i>м.м</i> 5,94
0,05—0,005	<i>м.м</i> 10,16
менее—0,005	<i>м.м</i> 83,90

Химический состав (в процентах)

SiO ₂	—60,20
Al ₂ O ₃	—20,81
Fe ₂ O ₃	— 5,63
TiO ₂	— 0,56
CaO	— 1,20
MgO	— 2,46
SO ₃	— 0,07
П.П.П.	— 7,36
Сумма	—98,29
R ₂ O	— 1,71
CO ₂	— 0,63
Гигроскопическая влага	—10,20
RO	— 3,66

Пластичность

Верхний предел текучести	—96,1	процента
Нижний предел раскатывания	—33,75	процента
Число пластичности	—62,35	процента
Класс	—первый	
Удельный вес глины	— 2,42	г/см ³
Объемный вес глины	— 1,87	"
Пористость	—22,8	процента

Глина формуется хорошо. Набухает водой хорошо. Твердых включений в глине нет. Сформованные образцы сушились в комнатных условиях при температуре 16—18°. В процессе сушки на поверхностях всех образцов образовались трещины.

Формовочная влажность массы 39,8 процента (относительная).

Линейная воздушная усадка 16,0 процента.

Обжиг производился при температуре 850, 950, 980°.

В обжиге глина дополнительной усадки не дает. Наблюдается некоторое увеличение объема. При этих температурах образцы имеют трещиноватый, пористый черпок.

Временное сопротивление сжатию при температуре обжига 850°—42,2 кг/см², при температуре 950° — 48 кг/см², при температуре 980° — 49,4 кг/см². Таким образом, изделия из глины имеют невысокую механическую прочность.

По заключению лаборатории, данная глина в чистом виде не годна для производства изделий строительной керамики. Глина эта может быть использована в производстве черепицы и гончарных изделий как добавка, облагораживающая более тощие глины.

Предварительное изучение глины по методу профессора С. С. Филатова, проведенное в Смоленской областной научно-исследовательской лаборатории строительных материалов, дает основание отнести данную глину к бентонитам (флоридиновым глинам). Кусок глины, высушенный до воздушно-сухого состояния и помещенный в дистиллированную воду, не распадался, а оставался монолитным.

Бентониты являются ценным сырьем для ряда отраслей промышленности. Они употребляются в качестве отбеливающего вещества, для производства красок, ка-

рандашей, препарата для борьбы с вредителями сельского хозяйства. Поэтому следует в ближайшее время подвергнуть более детальному изучению третичные глины из деревни Поплятино и других пунктов бассейна реки Сожа.

Черный дуб. В русле и пойме реки Остра местным населением неоднократно находились стволы черных дубов. В отдельных пунктах, например в деревне Палицкая, древесина черных дубов используется для производства кадок. Следует провести учет пунктов, где встречается черный дуб, и начать его добычу.

ЛИТЕРАТУРА

1. АССОНОВ В. В., Химическая характеристика трепелов некоторых месторождений Западной области, Бюллетень Зап. ВИСМ, Рукопись. 1932.
2. БРАНСБУРГ С. Ю. и ПОГУЛЯЕВ Д. И., Стекольная промышленность Смоленской области и ее сырьевая база, Смоленск, 1947.
3. ДЕДКОВ А. С., Химическая характеристика трепелов месторождений Жуковского, Дятьковского и Брянского районов, Западной области, Бюллетень Зап. ВИСМ, Рукопись. 1932.
4. КОНСТАНТИНОВИЧ А. Э., Коренные отложения Смоленского листа, Рукопись, 1947.
5. ПЕРФИЛЬЕВ С., Полевой отчет о результатах предварительной разведки месторождений опок и трепелов у деревень Крымки и Песчанка, Шумяцкого района, Смоленской области, Рукопись, 1939.
6. ПЕРФИЛЬЕВ С., Докладная записка об обследовании района работ Кричевской геолого-поисковой партии, Рукопись.
7. САЛОВ И. Н., Черепичные и гончарные глины Смоленской области, Смоленск, 1948.
8. УФЛЯНД Ц. И., Гидрогеологические исследования на участке «Стайки», Сожского месторождения фосфоритов, Рукопись, 1936.
9. ШАНЦЕР Е. В., Объяснительная записка к карте четвертичных отложений Западной области, Рукопись. 1932.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

СМОЛЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Смоленский областной краеведческий музей — один из старейших краеведческих музеев в Советском Союзе.

Началом его существования следует считать 1888 год. 16 июня 1887 года по инициативе учителя местной классической гимназии Семена Петровича Писарева (1846—1904) городская дума приняла постановление открыть Смоленский городской историко-археологический музей.

Историк-археолог, знаток местной истории, член-корреспондент Московского археологического общества, автор нескольких трудов по истории Смоленщины, С. П. Писарев с энтузиазмом взялся за создание музея. Он выработал программу собирания древностей, обратился к смолянам с воззванием о пожертвовании старинных вещей.

Хранителем музея с самого основания его был другой историк Смоленщины — Василий Иванович Грачев.

Старания С. П. Писарева и В. И. Грачева привели к тому, что уже через год, 28 июня 1888 года, музей был открыт для посещения публикой.

В течение девяти лет (до августа 1897 года) музей помещался в подвальном помещении здания городской думы.

В августе 1897 года музей был перемещен в новое помещение — на третий этаж здания городской думы. Здесь он занимал одну небольшую комнату длиной 23 аршина и шириною 9 аршин, т. е. около 90 квадратных метров.

Музей не имел достаточных средств для своего раз-

вития, в нем не было даже уборщицы, сам С. П. Писарев проводил уборку помещения и топку печей.

Музей был простым хранилищем древностей. Сами основатели называли свое детище местным областным хранилищем, считая главной задачей музея собирание и хранение древностей, относящихся преимущественно к истории Смоленска и его губернии, а также других материалов, представляющих археологический или исторический интерес. Массовая культурно-просветительная работа была как бы дополнительной задачей музея. Музей был открыт для посетителей всего лишь два раза в неделю — по средам и воскресеньям — по три часа в день (с 12 до 3 часов дня).

Следует отметить огромную работоспособность, энергию и энтузиазм основателя музея С. П. Писарева. Коллекции музея, бывшие крайне незначительными в дни основания, быстро возрастали благодаря его неустанной работе.

«Узнает, бывало, С. П., что у кого-либо имеются предметы старины, тотчас спешит по указанному адресу, осматривает вещь и, если она имеет какое-либо историческое значение, просит, убеждает владельца вещи передать ее на хранение в музей, при этом приведет такие неотразимые аргументы, что владелец в конце концов согласится и передаст ее в музей, — писал в некрологе В. Грачев... — Сидишь, бывало, дома, вдруг звонок: Появляется С. П., не раздеваясь, объявляет, что там-то нашли старинные вещи, что надо спешить, а то они не попадут в музей. И мы спешим. Ни осенняя грязь, ни зимняя стужа не могли остановить его»¹.

В 1908 году музей отметил свой 20-летний юбилей. К этому времени был выпущен каталог предметов древностей, хранившихся и экспонировавшихся в музее. Музей тогда имел 3 087 экспонатов. В сборнике была помещена статья «Смоленский городской историко-археологический музей», краткий исторический очерк Смоленска «Достопримечательности Смоленска», воспоминания В. И. Грачева и С. П. Писарева.

Через 10 лет после открытия историко-археологиче-

¹ Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея, Смоленск, 1908, стр. 201.

ского музея, в 1898 году в сельце Талашкино любительницей русской старины меценаткой княгиней М. К. Тенишевой был основан историко-этнографический музей.

В течение ряда лет М. К. Тенишева собирала уникальные произведения древнерусского прикладного искусства, ценные коллекции по народному шитью, деревянной резьбе, чекану, фарфору, иконописи, по западной и русской живописи.

«К апрелю 1898 года в Талашкине получилось уже прекрасное собрание старинных икон, царских врат, церковной утвари, а также разных старинных предметов, почему, естественно, зародилась мысль создать из собранных вещей музей. Для музея Тенишева назначила помещение художественной мастерской в Талашкине»¹.

Музей был открыт 26 июня 1898 года. Хранителем музея с первых дней его существования был И. Ф. Баршевский.

К 1903 году небольшое помещение Тенишевского музея было переполнено (более 2 000 предметов). Явилась мысль о перенесении музея в Смоленск. Начались длительные и тяжелые переговоры со смоленскими городскими властями. Тенишева просила отдать под музей одну из башен Смоленской крепостной стены, обещая приспособить ее для нужд музея таким образом, чтобы не нарушить ее стиля. Ей было отказано в этом. В 1904 году Тенишева приобрела участок земли по Рославльскому шоссе, в центре города, и в этом же году началось строительство здания музея по проекту известного русского художника С. В. Малютина².

В 1905 году музей был перевезен в Смоленск. В этом здании, находящемся на улице имени Н. К. Крупской, в доме № 7, до сих пор размещена экспозиция Смоленского областного краеведческого музея.

Музей в Смоленске был открыт в революционные дни 1905 года. В имении княгини Тенишевой, нещадно эксплуатировавшей крестьян, было неспокойно. Боясь революционной бури, Тенишева увезла свои коллекции в столицу Франции — Париж.

¹ Научные известия Смоленского государственного университета, т. III, вып. 3, 1926, стр. 352.

² Там же.

Вначале они были размещены в одной из мастерских Тенишевой, помещавшихся в ее доме. Коллекцией Тенишевой заинтересовались в Париже. Французский министр культа и искусств Бриан, осмотрев коллекции, предложил их владелице пять зал в здании музея декоративного искусства в Лувре. Тенишева согласилась. Ученые, художники, комиссии посещали выставку, зарисовывали, фотографировали, вели горячие споры, восхищались русским искусством. На французском языке был напечатан каталог коллекций, в предисловии к которому отмечалось, что коллекции Тенишевой соперничают с самыми известными коллекциями. Французские журналы и газеты поместили ряд восторженных отзывов. Подробное описание коллекций Тенишевой (на 41 странице плюс 50 хорошо исполненных снимков) было помещено в чешском журнале¹.

В 1908 году музей был возвращен в Смоленск, а через несколько лет передан в распоряжение Московского отделения археологического института. Одним из условий передачи музея археологическому институту Тенишева поставила обязательное оставление музея в Смоленске. 30 мая 1911 года состоялась торжественная передача музея институту.

Директору института было преподнесено блюдо из красной меди, украшенное эмалью с надписью: «Московскому археологическому институту. Придите, владейте, мудрые. Влагаю дар мой в руке ваша. Блюдите скрывать сию, и да пребудут вовеки сокровища ея во граде Смоленске на служение народу русскому...»².

Институту было передано Тенишевой до 7 000 предметов, общая стоимость которых составляла до 1 500 тысяч рублей³.

Историко-этнографический музей находился в ведении Московского археологического института до 1920 года.

Большое значение в развитии музейного дела в Смоленске имела деятельность возникшего в конце 1908 года «Общества изучения Смоленской губернии». Актив-

¹ Научные известия Смоленского государственного университета, том III, вып. 3, стр. 353.

² Там же, стр. 357—358.

³ Там же.

ное участие в работе общества принимали с первых лет его существования профессор Я. Я. Алексеев и профессор Г. Л. Граве. Обществом был организован естественно-исторический музей, ставивший своей задачей знакомить население, главным образом молодежь, с природой родного края. Музей не имел своего помещения и вынужден был искать приюта у частных лиц, интересовавшихся краеведением.

В обращении «Общества изучения Смоленской губернии» в Смоленское губернское земское собрание мы читаем: «Организован был естественно-исторический музей, который первоначально приютила г-жа Л. Р. Ридле в своем частном учебном заведении, затем музею дано было помещение Н. П. Евневичем в его частной гимназии...» и т. д.

Далее в обращении указывается, что музею нужны материальные средства, в частности на отопление и освещение музея и на пополнение библиотеки. В таких условиях — без помещения, без средств на отопление и освещение — приходилось работать работникам общества, создававшим музей.

В 1914 году музей был назван именем выдающегося русского ученого-путешественника, нашего земляка Н. М. Пржевальского.

Несмотря на материальные трудности, естественно-исторический музей быстро развивался.

В фонды Смоленского Областного краеведческого музея вошли также коллекции церковного древнехранилища, созданного Смоленским церковно-археологическим комитетом. Музей был организован в 1898 году и хранил иконы, кресты, облачения, церковную утварь, старопечатные книги, дарственные грамоты, акты, планы, монеты, медали, жетоны, знаки отличия и другие вещи.

В дореволюционное время значение музеев как массовых культурно-просветительных учреждений было невелико. На музеи смотрели, в лучшем случае, как на лабораторию для научной работы, а чаще рассматривали их, как простые хранилища древностей. Посещаемость музеев была исключительно низкой, музеи были открыты для посетителей раза по два в неделю всего на несколько часов.

Только после Великой Октябрьской социалистической

революции музеи стали общенародным достоянием. Коллекции музеев Смоленска значительно пополнились за счет национализированных произведений искусства и других предметов музейного значения, принадлежавших ранее эксплуататорским классам. Музеям были предоставлены новые помещения на Соборном дворе. Как учреждения, имеющие большое познавательное и воспитательное значение, музеи получили все необходимое для своего развития и работы. Значительно увеличались бюджеты и штаты музеев.

30 июля 1919 года было издано постановление Наркомпроса об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев. На основании этого постановления все существовавшие в Смоленске музеи были объединены в начале 1920 года губмузеем. Губмузеем проведена реорганизация музеев Смоленска.

Смоленское губернское музейное управление объединяло в начале 20-х годов музей искусств и древностей (на Соборной горе), историко-этнографический и естественно-исторический имени Пржевальского. В 1924 году были изданы «Труды Смоленских государственных музеев».

Структура музеев Смоленска в советское время несколько раз изменялась. Перед Великой Отечественной войной в Смоленске действовал Смоленский областной краеведческий музей, объединивший все существовавшие до тех пор музеи.

Музей был расположен в семи зданиях: Громовая башня крепостной стены, Богословская церковь — памятник XII века, Летняя церковь Успенского собора, Зимняя церковь Успенского собора, Архиерейский дом с церковью при нем Иоанна Предтечи — памятник 1703 года, здание бывшего музея Тенишевой и деревянная постройка при нём.

Музей состоял из следующих отделов: природы местного края, истории местного края, историко-революционный, социалистического строительства, антирелигиозный, художественная галерея и имел выставки: жизнь и деятельность И. В. Сталина, мемориальная комната гениального русского композитора, создателя классической национальной русской музыки М. И. Глинки, тканей и прикладного искусства.

Музей располагал в 1941 году 65 148 экспонатами и более чем полумиллионным бюджетом (529 тысяч рублей). В музее работали 99 сотрудников, в том числе 33 научных работника.

В период Великой Отечественной войны музей был разрушен, разграблен и уничтожен немецко-фашистскими захватчиками почти полностью. Фашистские захватчики расхитили музейные ценности, уничтожили и привели в негодность музейные помещения. Убытки, нанесенные фашистскими варварами музею, выразились в сумме 19 635 тысяч рублей. Из этой суммы стоимость восстановления зданий составляет 1 400 тысяч рублей, стоимость экспонатов, уничтоженных, разрушенных и увезенных немцами, — 14 470 тысяч рублей, стоимость оборудования — 3 575 тысяч рублей.

Часть экспонатов была спасена путем вывоза их в глубокий тыл страны. В течение нескольких лет музейные ценности Смоленска хранились в здании Новосибирского театра оперы и балета. Всего было вывезено 22 495 предметов.

После окончания войны эвакуированные в тыл экспонаты были возвращены в Смоленск. Часть экспонатов, увезенных немцами, была найдена Советской Армией при разгроме немцев на территории Польши (г. Кротошин) и возвращена музею в 1945 году.

Начало восстановления музея относится к концу 1943 года. Партийные и советские органы оказали музею большую помощь и поддержку. Был создан актив из участников Великой Отечественной войны, местных партизан. Многие работники обкома ВКП(б), облисполкома и других организаций принимали личное участие в восстановлении музея.

Благодаря помощи и поддержке партийных и советских органов музей в сравнительно короткий срок сумел произвести ремонт двух основных зданий музея по улицам Соборный двор и имени Н. К. Крупской, приобрести необходимое на первое время оборудование.

23 сентября 1944 года, в первую годовщину освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков, была открыта выставка «Великая Отечественная война на Смоленщине». Ко дню 29-й годовщины Великой Ок-

тябрьской социалистической революции начал работать отдел истории дореволюционного периода. В октябре 1947 года, к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, были открыты художественная галлерей и зал, посвященный послевоенной Сталинской пятилетке восстановления и развития народного хозяйства. В этот же период, а именно 6 ноября 1947 года, были открыты залы отдела советского периода; посвященные темам: «Участие смолян в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции и в защите ее завоеваний в период гражданской войны и иностранной интервенции», «Смоленская область в период мирного социалистического строительства в 1921—1940 годах». В октябре 1948 года начал работать отдел природы местного края.

К середине 1949 года музей был в основном восстановлен.

Музей состоит из следующих отделов:

отдел природы местного края,
отдел истории дореволюционного периода,
отдел истории советского периода,
художественная галлерей.

Музей является научно-исследовательским культурно-просветительным учреждением. Как научно-исследовательское учреждение, музей проводит работу по изучению края, собиранию, хранению, научному описанию и экспонированию предметов музейного значения. Как культурно-просветительное учреждение, музей ведет культурно-массовую работу путем организации экскурсий по музею, выставок, лекций на краеведческие темы, популяризации краеведческих знаний через печать и радио.

Основной задачей музеев является идейно-политическое воспитание советского народа, воспитание трудящихся нашей страны в духе марксизма-ленинизма, в духе советского патриотизма, беззаветной преданности своей великой Родине. Музей ставит своей задачей помощь большевистской партии и советскому государству в выполнении грандиозных задач, стоящих перед нашим народом, строящим коммунистическое общество.

Эти задачи музей решает своими, музейными средствами, то есть путем показа подлинных документаль-

ных памятников эпохи. Наш музей, экспонируя музейные предметы, вооружает трудящихся конкретными знаниями о природе края, о его историческом прошлом, знакомит посетителей с социалистическим переустройством края, с подвигами советских людей в деле обороны Отечества, с трудовым героизмом советского народа.

Научно-исследовательская работа является основой всей деятельности музея. Без нее невозможно создание музейной экспозиции на высоком идейно-теоретическом уровне.

Музей проводит экспедиции с целью изучения истории Смоленщины, ее природных богатств, экономики и культуры, изучает подлинные документальные предметы определенной эпохи, участвует в разработке отдельных научных проблем. Большое место занимает в работе музея собирание предметов музейного значения.

Отдел природы края раскрывает геологическое прошлое и природные богатства нашей области. Музей ставит себе целью дать характеристику природы края как среды, в которой развертывается преобразующая деятельность человека, показать, как на основе мичуринского учения происходит преобразование природы растений и животных в нашем социалистическом сельском хозяйстве.

Отдел дореволюционного прошлого показывает историю нашей области с древнейших времен до 1917 года. Особенно привлекают внимание посетителей залы, посвященные героической обороне Смоленска в 1609—1611 годах, Отечественной войне 1812 года, пореформенному периоду в истории Смоленщины, мемориальные комнаты наших знатных земляков — композитора М. И. Глинки, ученых-путешественников Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, великого ученого-почвовед В. В. Докучаева.

Отдел Советского периода показывает участие Смоленщины в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции и в защите ее завоеваний в период гражданской войны и иностранной интервенции, мирное социалистическое строительство в Смоленской области в 1921 — 1940 годах. Особенно богаты залы, рассказывающие о героической борьбе смо-

лян в период Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками, о партизанском движении на Смоленщине. В числе экспонатов — бомбы, сброшенные гитлеровцами на города и села Смоленщины, диарама «Смоленск в первые дни после его освобождения», картина «Смоляне на строительстве оборонительных сооружений», «Митинг в освобожденном Смоленске» и другие. Богато насыщен интересными экспонатами зал «Партизанское движение на Смоленщине», показывающий боевую жизнь партизан, партийно-политическую работу в отрядах и среди населения, связь населения с партизанскими отрядами.

Раздел «Социалистическое хозяйство и культура края» рассказывает о достижениях промышленности и сельского хозяйства области; в нем экспонируются образцы продукции передовых предприятий и колхозов, портрет Героя Социалистического Труда Мухтаровой, портреты лауреатов Сталинской премии — сычевских животноводов, знатных людей нашей области и других передовиков промышленных предприятий, транспорта, строек и сельского хозяйства области.

Большими богатствами располагает художественная галерея. О талантливости русского народа, о глубоком влиянии демократического искусства на общественную жизнь говорят картины великих русских художников Репина, Айвазовского, Куинджи, Шишкина, Васильева, Лемоха, Левитана, Мещерского и других. К сожалению, недостаток помещения не позволяет полнее использовать возможности музея, отразить достижения советских художников, показать творческий рост художников Смоленска.

Музей проводит массовую работу. Только за один 1951 год было проведено более 650 экскурсий по залам музея, около 40 экскурсий по историческим памятникам Смоленска и его окрестностей, прочитано 49 лекций в музее и около 100 лекций на предприятиях города и в колхозах области. Организовано около 80 стационарных и передвижных выставок.

Коллектив научных сотрудников музея работает сейчас над тем, чтобы поднять на должную высоту научно-исследовательскую работу, улучшить обслу-

живание посетителей, создать полноценную экспозицию, отвечающую требованиям современной науки. Особенно необходимо перестроить в соответствии с требованиями партии и правительства показ достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта укрупненных колхозов области.

Содержание
1. Введение
2. История области
3. География
4. Природа
5. Животный мир
6. Растительный мир
7. Народная культура
8. Исторические памятники
9. Археология
10. Этнография
11. Фольклор
12. Искусство
13. Литература
14. Наука
15. Экономика
16. Социализм
17. Спорт
18. Туризм
19. Заключение
20. Литература

СПИСОК КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЗДАННОЙ В СМОЛЕНСКЕ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Брансбург С. Ю., Погуляев Д. И. — Стекольная промышленность Смоленской области и ее сырьевая база, 1948.

В работе дана характеристика стекольных заводов нашей области и их сырьевой базы. Книга может служить пособием при проведении экскурсий на стекольные заводы и может быть использована школьниками при прохождении темы «Смоленская область» на уроках географии в 8 классе, а также для кружковой работы.

Салов И. Н. — Черепичные и гончарные глины Смоленской области, 1948.

В работе описаны месторождения черепичных глин Смоленской области, выходы черепичных и гончарных глин, даются основные указания для определения пригодности глин для производства черепицы. Работа может служить руководством при проведении поисков черепичных глин и пособием для экскурсий в карьеры черепичных заводов и гончарные мастерские.

Городский А. Д. — Глино-сырцовое строительство в Смоленской области, Смолгиз, 1946.

В книге дано описание опыта глино-сырцового строительства в Смоленской области, описываются материалы для этого строительства и способы постройки зданий.

Климов А. И. — Краткая программа физико-географического изучения территории местного края, 1948.

В работе даны программы изучения рельефа, геологии, грунтовых вод, климата, рек, озер, прудов, болот, почв, лугов и лесов. Программа является ценным пособием по изучению природы местного края.

Климов А. И. — Краткая инструкция по сбору материалов для изучения территории местного края, 1948.

В инструкции излагается, как можно простейшим способом изучать реки с целью их использования для энергетических целей.

Кучинский П. А., — Почвы Смоленской области, Смолгиз, 1950.

Работа состоит из трех частей. В первой части описано географическое положение Смоленской области, геологиче-

ское строение, гидрогеологические условия, гидрография, геоморфология, климат, почвообразующие породы, растительный покров. Во второй части дана характеристика почвенного покрова области. В третьей части описаны способы повышения плодородия почв Смоленской области в полевых условиях.

Работа может быть использована как пособие при прохождении темы «Смоленская область» и как руководство к изучению почв.

Яковлев И. Р. Салов И. Н. — Кирпичные заводы Смоленской области, Смолгиз, 1950.

В работе описаны кирпичные заводы Смоленской области и сырье, используемое для производства кирпича. Может быть руководством для экскурсий в карьерах кирпичных заводов, для изучения кирпичного сырья и как пособие для кружковой работы.

Алексеев Я. Я. проф. — Растительный покров Смоленской области, Смолгиз, 1949.

В доступной форме излагается общая характеристика растительного покрова Смоленской области и состав флоры; кроме того, детально описывается лесная, луговая и болотная растительность.

Книга дает богатый фактический материал для учителей-биологов, агрономов, лесоводов и других специалистов.

Алексеев Я. Я. проф. — Полевые сорняки Смоленской области и меры борьбы с ними, Смолгиз, 1948.

В результате многолетних исследовательских работ по изучению сорняков автор дает описание главнейших сорняков и таблицы для их определения. Здесь же даются общие представления о путях проникновения сорняков на поля; характеристика засоренности полевых культур, организация борьбы с сорняками и основные меры борьбы с ними.

Агрономы, учителя-биологи и другие специалисты могут использовать книгу в своей практической деятельности.

Алфименков П. Ф. — Лен, Смолгиз, 1949.

В книге в доступной форме излагается агротехника и первичная обработка главнейшей технической культуры Смоленской области — льна. Подробно освещены вопросы: обработка почвы, внесение удобрений, уход за льном, уборка, расстил, мочка и обработка тресты.

Книга явится пособием для льноводов Смоленщины по овладению агротехникой и передовым опытом выращивания высоких и устойчивых урожаев льна.

Алфименков П. Ф. — Опыт мурыгинских льноводов, Смолгиз, 1949.

В этой брошюре автор обобщает опыт мурыгинских льноводов, сумевших добиться в 1948 году выдающихся успехов в борьбе за высокие урожаи льна; они получили на площади 235 гектаров в три раза больше льноволокна, чем в предыдущий год. Подробно освещены как вопросы агротехники и организации труда, так и агротехники и первичной обработки льна в Мурыгинском сельсовете.

Шмидт Е. А. — Водоемы, рыбы и рыбное хозяйство Смоленской области, Смолгиз, 1949.

В книге в популярной форме дается характеристика водоемов Смоленской области (реки, озера, пруды и пр.), описание ихтиофауны с характеристикой всех видов и их хозяйственная оценка. Освещены вопросы рыболовства за последние 50 лет. Особое внимание уделено вопросам рыбозаведения в искусственных водоемах и перспективе развития рыбного хозяйства в Смоленской области.

Якушев И. Р. — Леса Смоленской области, 1946.

В книге освещены в историческом разрезе вопросы использования лесов, их распространения по районам и лесовозобновления. Это единственное пособие по изучению истории смоленских лесов.

Плющенко С. А. — Охота на Смоленщине, Смолгиз, 1949.

В книге в популярной форме дана краткая физико-географическая характеристика области, биологическая характеристика охотничье-промысловых птиц и млекопитающих, объяснено экономическое значение охотничье-промысловых животных.

По многим видам животных описывается охота, дан раздел законов об охоте, элементарное представление об охотничьих ружьях и охотничьих собаках.

Книга рассчитана на начинающих охотников, учителей школ, учеников и любителей природы.

Граве Г. Л., Емельянов М. А., Плющенко С. А., Шмидт Е. А. — Животный мир Смоленской области, Смолгиз, 1951.

Орлов В. С. — Отмена крепостного права в Смоленской губернии, 1947.

В книге подробно освещены важнейшие этапы подготовки и проведения крестьянской реформы в Смоленской губернии. Кроме этого, автор дает литературные материалы о развитии экономики Смоленской губернии в XIX веке и отношении крестьян к проводимой помещиками реформе.

Маковский Д. П. — Смоленское княжество, 1948.

В книге дается история Смоленской земли с древнейших времен (с неолита) и до XV века, уделяется много внимания образованию и роли Смоленского княжества в борьбе за целостность русской земли; освещается развитие культуры в Смоленском княжестве.

Андреев Н. В., Маковский Д. П. — Исторические и археологические памятники г. Смоленска и его окрестностей, 1948.

В книге в сжатой форме описаны все археологические и исторические памятники и памятные места Смоленска и его окрестностей, а также даны маршруты экскурсий.

Андреев Н. В. и Маковский Д. П. — Смоленский край в памятниках и источниках, Смолгиз, 1949.

В этой книге даны краткие описания археологических памятников всей области, а также выдержки из летописей, документы и другие источники, освещающие историю Смо-

- ленщины с IX до середины XIX века; Книга является ценным пособием для учителей.
- Соболев П. М. проф. — Фольклор Смоленского края, 1946.
Труд содержит ряд историографических очерков, анализ произведений устной народной поэзии Смоленского края с самых древнейших времен до эпохи Великой Отечественной войны.
- Рыленков Н. И. — Живая вода, Смолгиз, 1949.
Книга содержит частушки, боевые, лирические песни, пословицы и легенды, записанные, главным образом, в годы Великой Отечественной войны.
- Шурыгин В. Ф. — Из пепла, Смолгиз, 1945.
Устный рассказ председателя колхоза имени Сталина, Смоленского района, о героическом труде колхозников по восстановлению сожженного дотла немецкими фашистами колхозного селения и совершенно уничтоженного колхозного хозяйства.
- Шурыгин В. Ф. — За республику Советскую, 1948.
Устные рассказы-воспоминания смолян о гражданской войне.
- Шурыгин В. Ф. — Сказки Смоленщины, Смолгиз, 1949.
В этот сборник включены сказки для детей школьного возраста. Все сказки записаны на Смоленщине.
- Филологический сборник, Смолгиз, 1950.
Основное место в сборнике занимает словарь смоленских грамот XII—XIV веков и краткая характеристика словообразования и лексики в этих грамотах.
- Корнеев А. М. — Молодые партизаны Смоленщины, Смолгиз, 1946.
Книга содержит материалы и очерки, показывающие борьбу смоленской молодежи с немецко-фашистскими захватчиками.
- Белогорцев И. Д. — Архитектурный очерк Смоленска, Смолгиз, 1948.
В книге излагается в хронологическом порядке история архитектуры Смоленска от XII века до 1949 года.
- Белогорцев И. Д. — Зодчий Федор Конь, Смолгиз, 1949.
В книге дается историко-архитектурный анализ ряда сооружений, находящихся на территории Смоленщины. Особенно подробно рассмотрена крепостная стена Смоленска, возведенная Федором Конем в 1596—1600 годах.
- Белогорцев И. Д. — Талашкино, Смолгиз, 1949.
В книге рассказывается о художественной деятельности в селе Талашкине, близ Смоленска, где в 1890-х годах были организованы художественные мастерские по прикладным искусствам.
- Климов А. Н. — Природа Смоленской области, Смолгиз, 1951.
В книге в научно-популярной форме рассказывается о природных условиях и богатствах нашего края. Может служить пособием учителям и краеведам.

Дмитриев В. В. — Русский географ и путешественник П. К. Козлов, Смолгиз, 1951.

В книге рассказывается о нашем земляке — замечательном путешественнике П. К. Козлове.

Зорохович Я. С. — Смоленская область, Смолгиз, 1948.

В книге дается краткая характеристика экономики Смоленщины и перспектив ее развития.

ПО МАССОВОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ

Шурыгин В. Ф. — Будем изучать наш край, 1949.

В брошюре дан очерк общих задач по массовому краеведению, объяснены формы и методы его организации.

Шмидт Е. А. — Наблюдения над вредителями огорода и неотложные меры борьбы с ними, 1946.

Брошюра содержит методические указания по проведению исследовательских наблюдений за вредителями огорода, по определению их вреда огородным культурам и рекомендуются мероприятия по борьбе с вредителями.

Салов И. Н. — Школьные краеведческие геопоходы и экскурсии, 1949.

Основным содержанием брошюры являются материалы, раскрывающие цели и формы работы по организации геопоходов и экскурсий, знакомящие с главнейшими видами полезных ископаемых нашей области и с методами простейших обследований их месторождений.

Рябков Г. Т. — Краеведческие походы по Монастырщинскому району.

Салов И. Н. — Геологический поход по Шумяцкому району.

Шмидт Е. А. — Краеведческий поход по Рославльскому району.

Ходченков А. А. — Походы по Дорогобужскому району.

Минкин А. Е. — Экскурсия в Гнездово.

Программа фенологических наблюдений, 1951.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ

Стр.

- ✓ 1. Маковский Д. П., К вопросу происхождения северных славян (кривичей) 5
- ✓ 2. Белогорцев И. Д., Новые исследования древне-смоленского зодчества 87
3. Андреев Н. В., Очерки по истории культуры на Смоленщине. Очерк первый: история культуры в Смоленском крае с IX столетия до начала XIX века 126
4. Будаев Д. И., Русский рабочий-революционер Петр Алексеевич Алексеев 156
5. Сорокин В. В., О времени основания и постройки Ярцевской прядильно-ткацкой фабрики А. Хлудова 182
- ✓ 6. Хенкин М. З., Большевицкая печать в тылу фашистских оккупантов на Смоленщине 189

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДА

1. Перлин Б. Н., К истории льноводства на Смоленщине 215
2. Плющенко С. А., Акклиматизация уссурийского енота и расселение выхухоли и бобра в Смоленской области 251

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ

- ✓ 1. Авдусин Д. А., Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 году 311
2. Шмидт Е. А., Новые данные об археологических памятниках Смоленской области (реки Сож, Остер, Хмара, Соженка) 368
3. Салов И. Н., Материалы экспедиции по изучению природы Шумячского и Хиславичского районов 409

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Смоленский областной краеведческий музей	437
Список краеведческой литературы, изданной в Смоленске после Великой Отечественной войны	418

Редактор *Б. Бельтюков*
Художник *Г. Тронин*
Технический редактор *Л. Лихачев*
Корректоры *Н. Орлова, С. Трескунова*

НК 10254. Подписано к печати 25. VII—1952 г.
Бумага 84×108^{1/32} 7,125 б-л., 23,37 п. л., 22,56 уч.-изд.
Тираж 1000 экз. Цена по прейскуранту 1952 г. 7 р. 50 к.

Смоленск, типография им. Смирнова. Заказ № 5308